

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 4 (8) 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Амирханов Х.А., Фогт Б., Седов А.В., Буффа В. Раскопки поселения рыболовов и собирателей моллюсков в лагуне Хор Умейра на побережье Аденского залива (Республика Йемен)	2
Слободин С.Б. Гипотезы о миграциях в Берингии в исследованиях XVI – XIX веков	13
Тернер К.Дж., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Попов А.Н. Признаки, используемые для оценки перимортальной тафономии костей, разрушенных в результате естественных или антропогенных факторов в позднем плейстоцене и голоцене Сибири и Приморья	21

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

Свобода И. О переходе от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии	30
Васильев С.А. Комментарии к статье М. Отта и Я.К. Козловского “Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии”	38
Деревянко А.П., Кривошапкин А.И. Аношкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейменов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2 – 14)	42
Шпакова Е.Г. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири	64

ПЕРВОБЫТНОЕ ИСКУССТВО

Медведев В.Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре	77
Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая	95

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Коробейников С.Н., Худяков Ю.С. Анализ функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии	108
Леонтьев С.Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая XI	116
Буров Г.М. Деревянные орудия ремесленного производства с поселения Вис II в бассейне Вычегды (середина I тыс. н.э.)	124
Баштанник С.В., Байпаков К.М., Зиняков Н.М. Культурные растения средневекового Семиречья и Южного Казахстана по археологическим находкам	131
Олдендерфер М. Пиан (Пианг): тибетский буддийский храм и монастырский комплекс X – XI веков в Западном Тибете	138

ЭТНОГРАФИЯ

Фурсова Е.Ф. Культ святителя Николая в обычаях и обрядах восточно-славянского населения Верхнего Приобья (по полевым материалам)	147
---	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Моисеев В.Г. Северная Евразия: языковая дифференциация и данные физической антропологии	154
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

УДК 903'12

Х.А. Амирханов¹, Б. Фогт², А.В. Седов³, В. Буффа⁴

¹Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: amirkhanov@rambler.ru

²Германский археологический институт, Бонн
Kommission für Allgemeinen und Vergleichenden Archaeologie (KAVA), Endenicher Strasse, 41, D-3115, Bonn, Germany
E-mail: vogt@kava.dainst.de

³Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 103031, Россия

⁴Йеменская экспедиция Германского археологического института, Рим
Corniche el Nil 1077, Garden City-Cairo, Egypt
E-mail: vbuffa@libero.it

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ МОЛЛЮСКОВ В ЛАГУНЕ ХОР УМЕЙРА НА ПОБЕРЕЖЬЕ АДЕНСКОГО ЗАЛИВА (РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН)*

Изучение прибрежных памятников со скоплениями раковин съедобных моллюсков и остатков ихтиофауны является важным и относительно новым направлением аравийской археологии. Примерно с середины 70-х гг. XX в. и до настоящего времени памятники этого рода выявлены в большом количестве в районах, примыкающих к Персидскому (Аравийскому) заливу на территориях Катар [Inizan, 1980; 1988], Бахрейна, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов [Glover, 1995, 1998; Ghisotti, 1986; IsMEO Activities, 1983; Potts, 1993; Prieur, 1991] и Омана [Biagi, 1984; 1985; Durant, Tosi, 1980]. Имеются они и на побережье Красного моря в районе Тихамы [Tosi, 1986]. Масштабы раскопок большинства таких памятников, глубина собственно археологического анализа материалов и введение их в научный оборот остаются пока достаточно скромными. Ряд коллекций, к сожалению, и вовсе неопубликован. Постановка общих проблем историко-реконструктивного, палеоэкономического и палеоэкологического характера здесь явно предшествует подробным описаниям инвентаря стоянок, геологических разрезов и публикациям лабораторно-аналитических

данных. Конкретные материалы используются главным образом для обоснования концепции “прибрежной адаптации” и выяснения основных показателей образа жизни древнего населения побережий Персидского залива.

Несколько лет тому назад совместными усилиями российских и немецких археологов началось изучение памятников указанного типа и на побережье Аденоского залива. К настоящему времени открыто и на разведочном уровне исследовано несколько поселений древних рыболовов и собирателей моллюсков. Общий хронологический охват памятников – от неолита и до времени поздней античности.

Осенью 2000 г. участниками Российской экспедиции в Йемене и экспедиции Германского археологического института производились раскопки поселения Гихейно на побережье Аденоского залива. По своим размерам, мощности культурных отложений и представительности археологических находок этот памятник является экстраординарным и самым ярким из известных в настоящее время стоянок древних рыболовов и собирателей моллюсков на всем протяжении аравийских побережий.

Поселение было выявлено в 1999 г. в ходе совместных разведочных работ, проводившихся исследовательской группой германской и российской археологических экспедиций в составе Б. Фогта, А.В. Седова и В. Буффы. Памятник расположен на берегу Аденоского залива в лагуне Хор Умейра, примерно в 150 км к западу от г. Адена (рис. 1), в месте впадения в море вад

* Работа выполнена в рамках совместного проекта российских, немецких и французских археологов (проект INTAS N 97-20237) “Побережье Йемена в древности: окружающая среда, адаптация и жизнедеятельность человека, культурные контакты”. Руководитель проекта – Prof. J.-F. Salles.

Марха. Помимо описываемого памятника той же экспедицией здесь открыты и другие поселения и стоянки, относящиеся к бронзовому веку, времени древнежужоаравийской городской цивилизации и средневековью.

Правый борт вад Марха, сложенный галечным аллювием, образует террасовый уступ высотой 4 – 5 м. В месте впадения вад в лагуну этот же аллювий образует и один из прибрежных террасовых уровней. В 2 км к северу от вад проходит горная гряда Аль-Харза, которая на данном участке приближена почти вплотную к берегу и ограничивает устьевую часть долины Марха. Исследовавшийся памятник расположен примерно в 1,6 км к югу от русла вад Марха и около 2 км к западу от берега современной лагуны. Ближайшее расстояние от поселения Гихейю до моря приходится на восточное направление и составляет около 1 км.

От береговой линии и до места расположения Гихейю простирается выровненная прибрежная полоса. В створе поселение – море в направлении восток – запад поверхность приморской равнины повышается постепенно. Важными с археологической точки зрения являются здесь два геоморфологических уровня. К первому из них высотой около 1,2 – 1,3 м приурочены памятники позднего этапа бронзового века и времени раннегородской цивилизации. Второй, более выраженный уровень (примерно 4 м), протекает параллельно берегу лагуны, непосредственно за поселением Гихейю. Основание холма, на котором расположена стоянка, приходится на уровень 2 – 3 м над уровнем моря.

За подобными прибрежными памятниками в литературе закрепилось устойчивое название “раковинные кучи”. В обыденном представлении они воспринимаются как неструктурированное или малоструктурированное скопление сплошной массы раковин моллюсков, являющихся кухонными отбросами. В действительности и Гихейю, и другие однотипные с ним памятники, по крайней мере, на побережье Аденоского залива, являются остатками поселений с определенной планировкой и разнофункциональными участками, составляющими единство хозяйственно-бытового и производственного комплекса. Соответственно и культурные отложения на большей части своего распространения не выглядят сплошным и единообразным скоплением одних только раковин. Поэтому к поселению Гихейю определение “раковинная куча” не подходит как с точки зрения содержательной стороны понятия, так и с позиции сколько-нибудь строгих требований к классификации археологических памятников. По внешним признакам, а также типу накопления и характеру сохранения культурных отложений данный объект относится к памятникам, обозначаемым как телли.

Внешне памятник представляет собой высокий и сильно вытянутый в широтном направлении (почти по линии восток – запад, вдоль береговой линии лагуны) холм с довольно крутыми склонами и трехглавой вер-

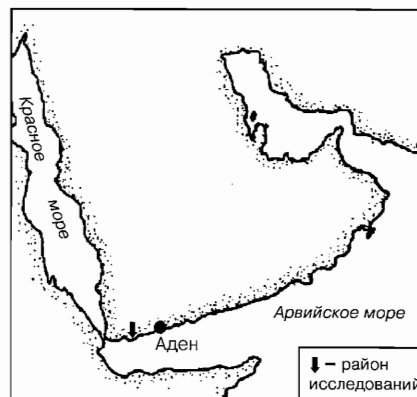

Рис. 1. Местоположение района исследований.

шиной. По продольной оси холма эти вершины располагаются равномерно, будучи отделенными друг от друга западинами глубиной до 1 м (рис. 2, 3). Такие особенности рельефа являются указанием на стабильную локализацию центров максимальной активности обитателей поселения на последнем этапе накопления культурных отложений. Участки, приходящиеся непосредственно на поверхности всех трех глав холма относительно выровнены. Длина холма по основанию составляет 215 м, по вершине – 110 м, ширина соответственно 135 и 30 м, высота – 13,5 м. На всем побережье описываемой части лагуны именно этот холм является доминирующим по высоте элементом рельефа. Реконструируемая глубина культурных отложений от вершины в центральной части холма составляет не менее 7 м. Таким образом, начало формирования культурных отложений пришлось на довольно протяженный, но относительно невысокий (около 5 м) естественный холм. Геоморфологически это могла быть или большая дюна, или останцовая форма, образовавшаяся в период одной из голоценовых морских трансгрессий. В последнем случае в начале его обживания холм, возможно, выглядел как небольшой островок, отделенный от берега мелководной полосой шириной в несколько десятков метров. Данные шурфа, заложенного в основании восточной половины холма, позволяют предполагать морской характер генезиса песка уже на глубине около 1 м. Минимальный размах трансгрессии, при которой холм превратился бы в островок, должен был составлять 2,5 – 3 м выше современного уровня моря. При значении этого показателя больше 4 – 5 м холм оказался бы полностью затопленным и размытым. О том, что в период своего функционирования поселение располагалось непосредственно у береговой кромки, говорит и сама логика выбора места обитания людьми, уклад жизни которых обеспечивается главным образом рыболовством.

Примерно в 50 м к востоку от поселения Гихейю расположен еще один небольшой (высота – до 1,5 м) песчаный холм. На его поверхности обнаружено много обожженных раковин, а также каменные изделия, в

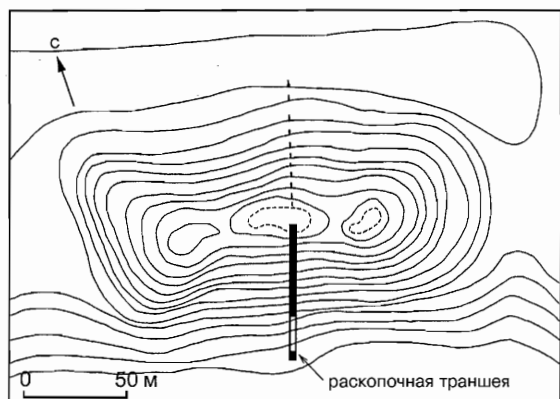

Рис. 2. План телья. Поселение Гихейю.
Сечение горизонталей через 1 м.

Рис. 3. Телья Гихейю.
Общий вид со стороны берега моря.

целом сходные с теми, которые характерны для поселения Гихейю. Этот холм нами специально не изучался.

Подъемный археологический материал

Как уже отмечено, археологический материал залегает на поселении начиная непосредственно с современной поверхности. Изделия из камня, обсидиана, а также гальки, как использованные, так и без признаков обработки или использования, обнаруживаются более или менее равномерно на всей поверхности холма. Помимо указанных предметов найдено около десятка мелких фрагментов керамики, в том числе относящихся к бронзовому веку, сабейскому времени, средневековью и современности. Среди находок отмечаются и предметы, оставленные людьми в наши дни. Наличие следов посещений холма в разные эпохи не вызывает удивления, поскольку, как уже указывалось выше, этот пункт является самой высокой точкой в прилегающем районе побережья. Остатки поселения, по-видимому, привлекали к себе внимание и сосредоточением здесь разнообразного и отборного каменного сырья. В качестве такового могли восприниматься каменные изделия и заготовки для них из культурных слоев поселения Гихейю. Об этом красноречиво свидетельствует обнаружение в культурных отложениях поселения бронзового века Аль-Урейш, расположенного в полутора километрах отсюда, переоформленных и использованных вторично предметов, которые типологически и по характеру первичной патины относятся к индустрии Гихейю.

Первые сборы археологического материала с современной поверхности поселения Гихейю были сделаны Б. Фогтом и А.В. Седовым в 1999 г. во время кратковременного посещения памятника. Вместе со сборами 2000 г. коллекция подъемного материала включает в себя 420 каменных изделий без учета многочисленных обсидиановых чешуек и необработанных галек. Из этого числа 127 предметов являются законченными и типологи-

чески определяемыми орудиями из расколотого камня. Типологический состав нуклеусов и орудий следующий:

1. Нуклеусы параллельного скалывания	
одноплощадочные	10
2. Бифасиальные наконечники	2
3. Лимасы (псевдотриэдры)	4
4. Скребла продольные одинарные прямые	19
5. Скребла продольные одинарные выпуклые	14
6. Скребла продольные зубчатые	13
7. Скребла продольные двойные прямые	13
8. Скребла поперечные прямые	2
9. Скребла поперечные выпуклые	5
10. Скребла угловатые	6
11. Скребки концевые простые	9
12. Скребки концевые с шипом	2
13. Ножи "полулунные" с ретушированным обушком	5
14. Ножи с естественным обушком	10
15. Топоры с перехватом	1
16. Орудия с носиком	2
17. Орудия с выемками	10

Орудия из нерасколотого кремня, обнаруженные на поверхности, представлены главным образом гальками с небольшими лунками на плоских поверхностях, терочниками и отбойниками. Кроме того, найдено несколько массивных курантов, а также крупный поперечный обломок корытообразного каменного сосуда и одна небольшая ступка.

Исходное сырье каменных орудий весьма разнообразно: кремнь, различные виды известняка (окремнелый, галечный, окварцованный), кварцит, обсидиан, вулканический туф, песчаник. Очевидно, обитателям поселения не было известно сколько-нибудь богатое месторождение подходящего для раскалывания единообразного сырья. Сбор сырья для каменных изделий осуществлялся на широкой площади. Отбиралось оно из отложений галечника вادي Марха. Весь каменный материал, встречающийся как на поверхности холма, так

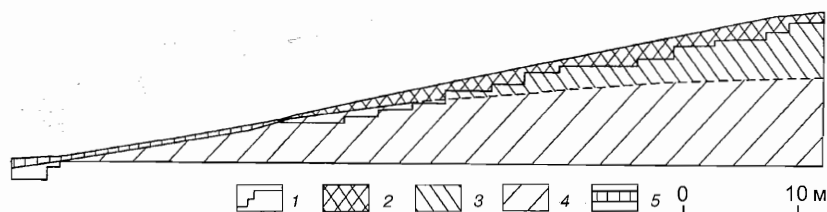

Рис. 4. Схематический профиль телля Гихейю по линии раскопочной траншеи.
1 — ступени раскопа; 2 — раскопанная часть культурных отложений; 3 — нераскопанная часть;
4 — естественные отложения песчаной дюны; 5 — переотложенные культурные остатки.

и в культурных отложениях является принесенным. Его основную часть составляют известняковые гальки и валуны. Оценить общую массу принесенного сюда галечного сырья пока затруднительно. Можно лишь сказать, что для всего времени функционирования поселения она должна исчисляться тоннами. Только в раскопанной нами траншее, о чем речь будет идти ниже, общий вес обнаруженных галек превышает 800 кг.

Основными формами заготовки каменных орудий в рассматриваемом материале являются массивный или пластинчатый отщепы. Нуклеусы представлены единственной разновидностью — одноплощадочными параллельного скалывания. Собственно пластины в инвентаре имеются, но и они практически всегда массивные.

Понятно, что собранный здесь с современной поверхности материал не является гомогенным и может дать лишь весьма обобщенную информацию об археологическом облике памятника. Этот материал не относится лишь к одному — верхнему горизонту культурных отложений, так как происходит не только с вершины, но и со склонов холма. Тем не менее общие оценки всей индустрии поселения, которые, судя по нему, можно сделать, не расходятся в целом с тем, что демонстрируют материалы, обнаруживаемые в стратифицированном виде.

Общая характеристика культурных напластований. Стратифицированные объекты и находки

Разведочные раскопки памятника осуществлены по методике, разработанной для теллей. Траншея шириной 3 м и длиной 48 м пролегла поперек продольной оси холма по центральной части южного склона памятника. Начало раскопочной траншеи приходится на макушку средней из трех глав телля. Кроме того, по линии траншеи у южной полы холма был заложен шурф площадью 4×3 м. Из общей длины размеченной траншеи, составившей 71 м, было раскопано с учетом шурфа 52 м. Участок между шурфом и основной траншеей остался не затронутым раскопками, поскольку здесь нет культурных отложений. Этот участок является поверхностью естественного всхолмления, послужившей основой для начала накопления культурных отложений.

Из-за песчаного характера отложений памятника углубление траншеи с сохранением на сколько-нибудь продолжительный срок стенок глубже чем на 1 м было невозможно. Поэтому раскоп имел многоступенчатый вид (рис. 4). Соответственно, общую мощность культурных наслоений в центральной части холма на нынешнем этапе исследований приходится устанавливать путем логических и графических реконструкций. Как уже отмечалось выше, она близка 7 м. Если же измерять от вершины холма до нижней точки залегания археологических остатков по вскрытому траншеей склону, этот показатель составит 8,6 м.

Что касается горизонтального распространения стратифицированных археологических остатков, то в южной части холма основание толщи культурных отложений имеет протяженность 45 м от вершины телля. Учитывая симметричное строение холма в створе раскопочной траншеи, можно предположить, что общая горизонтальная протяженность стратифицированных культурных остатков на первоначально освоенной человеком поверхности холма в поперечном направлении должна составлять около 90 м. Трудно судить о том, насколько далеко они распространяются в продольном направлении телля. Установление этого потребует больших дополнительных работ.

Литологическим заполнителем культурных отложений на всех уровнях их залегания является золотистый песок. Характер его окрашенности на различных уровнях — практически единственный геологический признак, позволяющий производить разделение толщи на стратиграфические составляющие. В целом отложения памятника представляют собой чередование темноокрашенных и осветленных горизонтов. Мощность первых составляет в среднем 15–20 см, вторых, как правило, несколько больше. Темную окраску горизонтам придают уголь и зола. Иногда углистость прослеживается в слоях в виде слабощелочных линз. По признаку окрашенности, взятому за основу вертикального членения отложений, на участке основной траншеи выделяется 21 горизонт.

Одной из особенностей раскопанного участка является отсутствие во всей толще перерывов в накоплении культурных остатков. Сколько-нибудь выраженные стерильные прослойки или горизонты не отмечены. Различия в насыщенности археологическим материалом

Рис. 5. Очаги с выкладкой по дну створками раковин в ходе их выявления в слое. Поселение Гихейю. Горизонт 2.

Рис. 6. Вымостка из створок моллюсков. Поселение Гихейю. Горизонт 7.

между разными горизонтами при этом имеются. В темноокрашенных горизонтах обнаруживается больше находок. Абсолютизировать это наблюдение, однако, было бы неправильно. Мы не знаем, как выглядят горизонты за пределами раскапываемого участка. Нельзя исключить, что на каком-то расстоянии от него характеристики тех или иных горизонтов могут существенно измениться и даже поменяться на противоположные. По той же причине не совсем правильным будет считать полученный нами поперечный профиль южного склона холма, несмотря на его относительную полноту, характерным для всего памятника в целом. Это хоть и существенное, но все же лишь приближение к получению одного из двух генеральных разрезов поселения.

Для стратиграфического членения толщи культурных отложений помимо геологических в некоторых случаях есть и собственно археологические основания. Имеются в виду очаги или группы очагов, ямы, различные выкладки и скопления находок, фиксирующие отдельные уровни обитания. На раскопанную глубину слоев исследуемого памятника приходится десять подобных уровней. Однако выстраивать общую стратиграфию многослойного поселения, опираясь только на эти данные, будет не слишком корректно. Во-первых, для части таких уровней с необходимой точностью мы можем определить лишь нижние границы горизонта и, во-вторых, опять-таки остается неясной картина за пределами раскопной траншеи. Тем не менее представляет большой интерес сама возможность фиксации подобных уровней обитания для памятников, определяемых обычно как “раковинные кучи”. Одно только их наличие является ярким показателем структурированности культурных отложений (в данном случае вертикальной, но в принципе не только вертикальной), которая типична для многослойных первобытных поселений с любой иной хозяйственной ориентацией их обитателей.

Очаги, как одиночные, так и в виде групп, выявлены во всех темноокрашенных и в двух осветленных гори-

зонтах. Они подразделяются на два типа: с выкладкой по дну крупными створками раковин (рис. 5) и с круговой обкладкой из галек. Подавляющее большинство приходится на первый тип. Остатки очагов этой разновидности представляют собой пятна круглой формы, выделяющиеся интенсивной углистой окраской и оформленные по дну аккуратной сплошной выкладкой из створок раковин. Размеры подавляющего большинства таких очагов примерно одинаковы и составляют в диаметре 60 – 70 см. Описываемые объекты второго типа обнаружены в горизонтах 9, 14 в частично разрушенном виде. Их форма округлая, диаметр по внутренней линии круговой обкладки 75 – 80 см. Для обкладки использовались гальки, в очаге, вскрытом в горизонте 14 (глубина 630 см от вершины холма), наряду с гальками есть единичные крупные гастроподы. Специальное углубление очагов как первого, так и второго типа не отмечается.

Другой разновидностью объектов, фиксирующих уровни обитания и указывающих на способы благоустройства активно осваиваемой площади жилищно-хозяйственного комплекса, являются вымостки. Для них также использовались гальки (горизонт 18, глубина 660 см) или створки раковин (рис. 6) (горизонты 7, 8, глубина 415 и 425 см). Две такие вымостки обнаружены практически одна над другой. Их ширина 2 – 2,5 м, о длине судить трудно, так как они уходят в обоих направлениях в стенки траншеи.

Выраженные скопления находок и ямы также фиксируют различные уровни обитания. Одно из скоплений сильно обожженных галек обнаружено, например, в слое 1 на глубине 60 см. Частью оно уходит в стенку траншеи. На раскопанном участке это скопление состоит из 12 сильно обожженных галек, в расположении которых не прослеживается существование какой-либо конструкции или иной структуры. В этом же слое траншеей частично вскрыта яма, заполненная мусором, где также содержится большое количество сильно обожженных галек.

Археологические находки из культурных отложений Гихейю (см. *таблицу*) представлены практически только каменными орудиями. Помимо них, как уже отмечалось, в горизонте 1 был найден один мелкий фрагмент керамики, который, судя по характеру обжига, цвету поверхностей и характеру теста, относится к бронзовому веку. С достаточными основаниями можно предполагать, что он попал в слой механическим путем и не является одновременным основному инвентарю. В пользу этого говорят сама исключительность данной находки и обнаружение ее в приповерхностном культурном горизонте.

Изделия из камня подразделяются на четыре группы: а) нуклеусы, заготовки и отходы производства; б) орудия из расщепленного камня; в) орудия на гальках; г) гальки и валуны без следов обработки, часть которых имеет различную степень обожженности. Наиболее многочисленной является последняя группа. Количество этой категории находок пропорционально общему числу изделий из расщепленного камня в разных горизонтах. Сама многочисленность галек и валунов, ближайший участок естественного залегания которых находится как минимум в 2 км отсюда, говорит о важной роли этого типа материала для функционирования поселения. По данным раскопанного нами участка, гальки и валуны использовались преимущественно для устройства одного из типов очагов, а также сплошных выкладок достаточно протяженных площадок. Естественно, они служили и сырьем для каменных орудий – не только собственно галечных, но и из расколотого камня.

В связи с вопросом о функциональном назначении рассматриваемой группы материала заслуживающим особого внимания представляется следующий факт. Практически в каждом культурном горизонте обнаруживается большое количество галек и мелких валунов, на поверхностях которых имеются признаки их пребывания в море в виде налипших мелких раковин и рачков. Было бы понятно, если бы гальки приносились на поселение с морского пляжа. Однако древний галечный пляж здесь не выявлен. К тому же указанные особенности отмечаются на небольшой части галек. Чем объяснить попадание (возможно неоднократное) этих галек в море, а затем обратно на поселение? Учитывая хозяйственную специализацию поселения, естественно было бы предположить, что они использовались в качестве грузил для сетей. В таком случае можно было бы говорить о простейшем типе грузил с особым способом их подвешивания к сети. Обычно древние рыболовы аравийских побережий использовали грузила с краевыми выемками, полученными оббивкой, или с желобками, оформленными в технике пикетажа. На побережье Аденского залива подобные грузила достоверно известны с эпохи бронзы. В большом количестве встречаются они и в материалах упоминавшегося поселения бронзового века Аль-Урейш, расположен-

ного поблизости от телля Гихейю. Кстати говоря, галечные желобчатые грузила для сетей, используемые в лагуне Аль-Умейра современными рыбаками, абсолютно идентичны грузилам бронзового века и по материалу, и по типологическим показателям.

Переходя к описанию расщепленного камня, следует прежде всего отметить, что данная группа материала представлена в культурных отложениях относительно небольшим количеством находок. Это является общей особенностью инвентаря поселений рыболовов и собирателей моллюсков аравийских побережий. Правда, коллекция подъемного материала поселения Гихейю в количественном отношении достаточно внушительна. Но следует учесть, что и площадь, с которой она собрана, весьма обширна.

Вторым важным моментом является то, что, несмотря на большую мощность археологических наслоений и наличие множества культурных горизонтов, сколько-нибудь значимых типологических, технологических и сырьевых различий между комплексами разных слоев не наблюдается. То же самое можно сказать и о совокупном материале из раскопок по отношению к подъемному археологическому материалу, за исключением той части последнего, которая заведомо относится к позднему времени (от эпохи бронзы и позднее).

Ведущим, если не единственным типом ядрищ для всех культурных горизонтов Гихейю является одноплощадочный нуклеус параллельного скалывания. Исходной заготовкой для значительной части нуклеусов служили специально подобранные удлиненные гальки, у которых хотя бы одна из концевых частей имела уплощенную поверхность, пригодную для использования ее в качестве ударной площадки. Соответственно, при удачно подобранном экземпляре гальки, какой бы то ни было специальной подготовки ядрища к раскалыванию не требуется. Неудивительно поэтому, что больше половины отщепов из культурных горизонтов имеют естественную ударную площадку с галечной коркой.

Типичной заготовкой в каменном инвентаре всех горизонтов является удлиненный и часто массивный отщеп, близкий (но не идентичный) разновидности сколов типа “долька лимона”. Ударная площадка и один из краев таких отщепов сохраняют галечную корку. Особенности описываемых заготовок в рамках типа, к которому мы их относим, состоит в том, что край с галечной коркой чаще всего не является дугообразным, а окончание скола или линейно-протяженное, или перьевидное. Столь выраженная специализация заготовки и соответствующая стандартизация способа скалывания, насколько нам известно, не характерны для каменных индустрий поселений рыболовов бронзового века на побережьях Аденского и Персидского заливов.

Законченные орудия из расщепленного камня в раскопанной части культурных наслоений немногочисленны, но разнообразны. Они подразделяются на девять

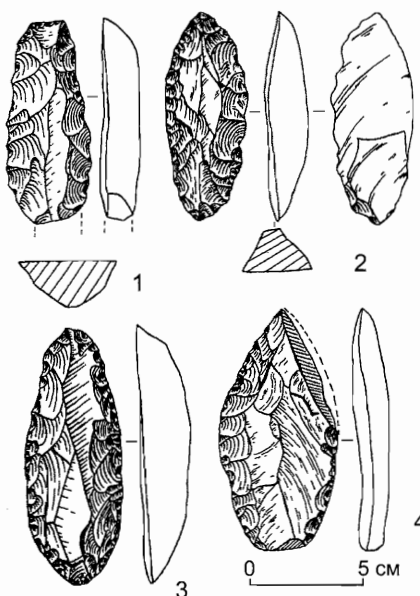

Рис. 7. Лимасы (1 – 3) и листовидный наконечник (4).
Поселение Гихейю.
1 – горизонт 1; 2 – 4 – сборы с поверхности.

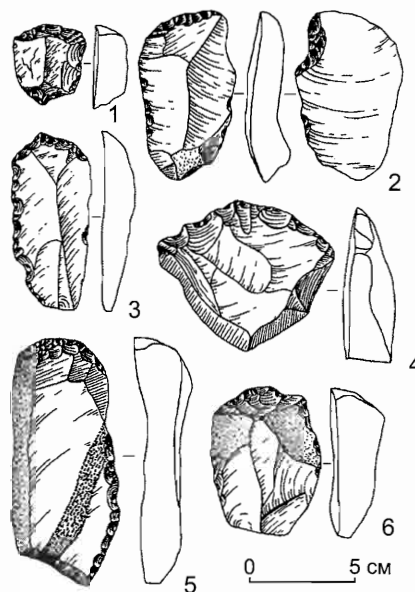

Рис. 8. Скребки (1 – 3, 5 – 6) и поперечное выпуклое скребло (4). Поселение Гихейю.
1, 3 – 6 – сборы с поверхности; 2 – горизонт 12.

категорий (не считая отщепов с частичной ретушью), что довольно много для памятников того типа хозяйственной ориентации, к которому относится поселение Гихейю.

Категория наконечников и острий представлена двумя лимасами (псевдотриэдрами) (рис. 7, 1 – 3), обнаруженными в горизонтах 1 и 10. От типичных для южноаравийского неолита триэдров их (с учетом аналогичных предметов из сборов с поверхности данного поселения) отличает то, что сплошной ретушью у этих изделий обработаны не все три плоскости, а только две, приходящиеся на спинку, а ребро на дорсальной поверхности не выделено намеренно резко, как у триэдров; спинка здесь более или менее закругленная.

Второй тип наконечников – крупные листовидные (рис. 7, 4) – представлен только в подъемном материале (2 экз.).

Если рассматривать весь инвентарь памятника суммарно, то скребки, изготовленные преимущественно на крупных пластинчатых отщепах, предстают довольно органичной частью орудейного комплекса (рис. 8). В стратифицированных горизонтах они встречаются эпизодически (горизонты 1, 14, 17). Особенно выразительны среди них концевые скребки с шипом.

Скребла являются наиболее показательной и разнообразной категорией описываемого инвентаря. По количеству, разнообразию форм и морфологической устойчивости входящих в нее групп эта совокупность орудий резко выделяет поселение Гихейю среди доисторических памятников Аравии. Всего в инвентаре семь разновидностей скребел, а среди находок из стратифицированных горизонтов – четыре (горизонты 1, 8, 14, 15, 17, 21). Важно отметить, что относимые к дан-

ной категории изделия являются скреблами в самом строгом типологическом смысле, а не предметами, которые в неолитических материалах относят часто к скреблам достаточно формально. По типу заготовки, морфологии и характеру обработки скребла Гихейю напоминают мустьерские орудия. Это особенно относится к угловатым (рис. 9, 1, 2), поперечным (рис. 9, 4) и конвергентным (рис. 9, 6) скреблам.

Наиболее интересными с технико-морфологической точки зрения в своей категории находок являются “полулунные” ножи с ретушированным обушком (рис. 10, 3). Предметы этой разновидности имеются только в коллекции сборов с поверхности. На раскопанной же площади найдены ножи двух других разновидностей – с естественным обушком (горизонт 14) (рис. 10, 2) и обушком “на грани” (горизонт 8) (рис. 10, 1). Лезвия изделий всех трех типов обработаны регулярной заостряющей ретушью.

Из других категорий находок заслуживают внимания рубящие орудия с поперечным лезвием (транше) (горизонт 14) и изделия с выемками (горизонты 18, 20).

Состав рассмотренного каменного инвентаря свидетельствует о том, что весь цикл по производству орудий происходил непосредственно на поселении. Это лишний раз подтверждает стационарный характер жизни людей практически на всех уровнях обитания, которые более или менее соответствуют культурным горизонтам, выделенным нами в раскопочной траншее.

Орудия, выполненные на гальках и валунах, в раскопочной траншее гораздо многочисленнее изделий из расколотого камня. Основное их количество приходится на отбойники, различного вида и размеров терочные камни и гальки с небольшими лунками на

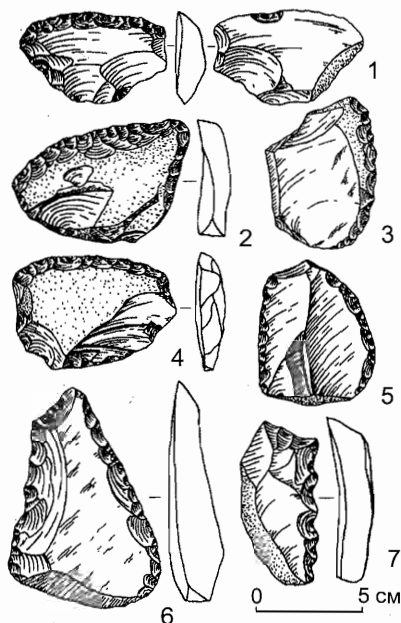

Рис. 9. Образцы каменных орудий. Поселение Гихейю.

- 1, 2 – угловатые скребла; 3, 5 – продольные скребла;
4 – поперечное скребло; 6 – конвергентное скребло;
7 – продольное зубчатое скребло.
1, 2, 4, 5 – сборки с поверхности; 6 – горизонт 1;
7 – горизонт 8; 3 – горизонт 14.

плоских поверхностях (рис. 11). Кроме того, по одному экземпляру найдены: крупная ступа (горизонт 21) (рис. 12), пест (горизонт 19) и ретушер (горизонт 20). Такой набор галечных орудий достаточно характерен для поселений древних рыболовов и собирателей моллюсков. Понятно и функциональное назначение большинства категорий этих предметов, за исключением галек с лунками. Судя по тому, что на одной и той же плоской поверхности некоторых из таких изделий имеются две и даже четыре слившиеся лунки, функциональную нагрузку, вероятно, несли именно сами лунки, скорее всего, в них растирали какой-то материал. Подтверждением этому может служить наличие в единичных случаях следов красной минеральной краски на поверхностях лунок. То же самое зафиксировано и для двух терочных камней с плоской поверхностью. Остается неясным, была ли указанная функция основной или единственной? И если они служили именно для растирания, то растирали ли только лишь краску?

Среди терочных камней некоторые экземпляры довольно крупные и от сильной сработанности имеют вогнутую (ладьевидную) форму. Такие изделия обычно называют зернотерками. Однако у нас нет прямых данных для того, чтобы квалифицировать исследуемое поселение как земледельческое. В инвентаре поселений рыболовов (и не только Аравийского региона) подобные терочные камни встречаются достаточно регулярно.

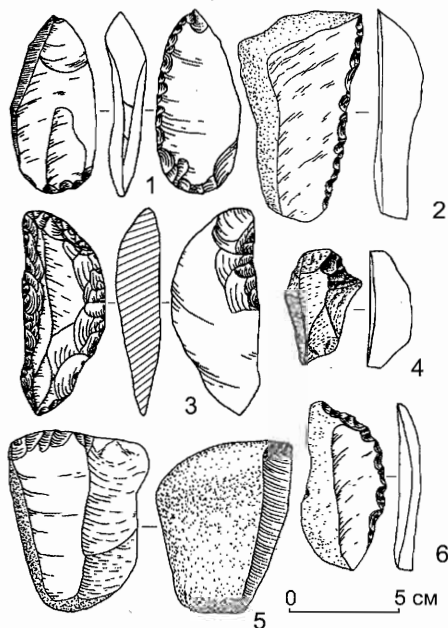

Рис. 10. Образцы каменных орудий. Поселение Гихейю.

- 1 – нож с обушком "на грани"; 2 – нож с естественным обушком; 3 – "полулунный" нож с ретушированным обушком; 4 – орудие с выемкой; 5 – нуклеус; 6 – отщеп с зубчатой ретушью.
1 – 3 – сборки с поверхности; 4 – горизонт 14;
5, 6 – горизонт 7.

В принципе ту же функцию (дробление, измельчение) выполняли и ступы, представленные очень выразительным по своим размерам экземпляром, найденным в самом нижнем горизонте. Для изготовления этого изделия на поселение был принесен очень крупный, весом около 40 кг известняковый валун яйцевидной формы. Высота ступы 38 см, глубина полости 22 см, ее внутренний диаметр 23 см. Форма полости ступы подконическая с округленным дном. На современной поверхности было найдено еще два подобных предмета и несколько очень крупных курантов. Последние изготовлены из вулканического туфа.

Фаунистические остатки

Фаунистические остатки встречаются во всех археологических горизонтах. Они относятся к ихтио-, териофауне и амфибиям. В количественном и весовом отношении господствуют остатки раковин моллюсков, общий вес которых составляет 780 кг, затем идут остатки рыб и морских черепах. В семи горизонтах найдено более двух десятков определимых костей копытных.

Пока обработан и определен только материал, относящийся к моллюскам. Выделено 39 видов двустворчатых моллюсков и 19 видов гастропод. От 70 до 97% (показатель ниже 70% отмечен только в двух горизонтах) двустворчатых раковин приходится только на один вид гребешков – *Chlamys towsendi*. По

частоте встречаемости и весу остатков на втором месте стоит другой вид гребешков — *Chlamys senatoria* (0,15 – 7,7%). В нижних слоях памятника господство *Chlamys* выражено в большей степени, чем в вышележащих.

По заключению специалиста по малакофауне С.В. Попова, изучавшего материал в ходе раскопок, основная часть моллюсков добывалась с каменистого грунта (скалы, гравии-галечники?) на уровне максимального отлива и немного глубже. Менее значительны сборы с песчаных грунтов на тех же глубинах. Четко выраженных свидетельств того, что моллюсков добывали в условиях лагуны, не отмечается. Не выявляются также заметные отличия разных горизонтов поселения по видовому составу моллюсков.

Что касается костных остатков наземных животных и черепов, то они пока находятся в стадии изучения.

Обобщения

В настоящее время археологические исследования, осуществленные на поселении Гихейю, можно оценить как разведочные. Но даже по результатам этих, не слишком обширных работ памятник предстает как объект исключительно интересный для изучения адаптации культуры доисторического населения Южной Аравии к условиям стабильного обитания непосредственно на морском побережье. Имеющиеся материалы уже сейчас позволяют сделать некоторые заключения, касающиеся датировки и культурной интерпретации материальных остатков, а также дать общие характеристики отдельных сторон образа жизни и хозяйственных занятий населения, оставившего этот памятник.

Для датировки поселения мы располагаем пока лишь возможностями собственно археологического метода и косвенными данными, относящимися к области морской геоморфологии и палеоклиматологии.

Если говорить об археологической датировке, то установлению хронологической позиции Гихейю помогает сравнение его материала с комплексом поселения бронзового века Аль-Урейш, которое расположено в этой же лагуне. Отличия здесь разительные. В систематизированном виде для Аль-Урейш они выглядят следующим образом:

- а) камень используется в качестве сырья для изготовления орудий гораздо реже, чем на поселении Гихейю;
- б) нет стандартизации в технике раскалывания, соответственно нет устоявшихся типов нуклеуса и заготовки;
- в) нет выработанных и устойчивых форм каменных орудий из расколотого камня; наиболее выразительными являются изделия, близкие к простым концевым скребкам, и орудия с выемками;
- г) полностью отсутствуют характерные и специфичные для Гихейю формы: лимасы (псевдотриздры), асимметричные ножи с ретушированным обушком, скребла угловатые, поперечные и др.

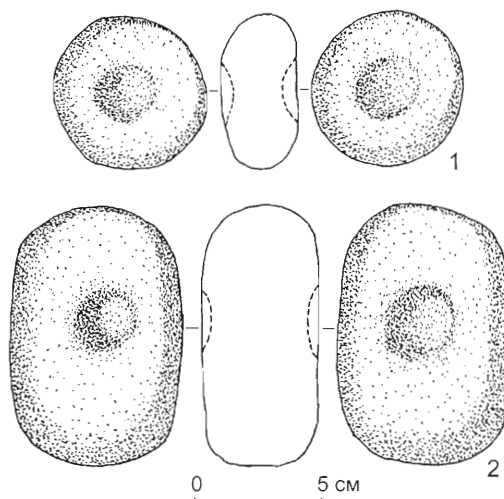

Рис. 11. Гальки с лунками. Поселение Гихейю.
1 – горизонт 18; 2 – горизонт 3.

Рис. 12. Ступы и куранты. Поселение Гихейю.
Первая слева ступа происходит из самого нижнего горизонта (21), остальные – сборы с поверхности.

В свою очередь, коллекция Гихейю в отличие от материалов Аль-Урейш не содержит керамику и морфологически выраженных галечных грузил (ни желобчатых, ни с краевыми выемками) для сетей. Все указанные различия имеют, на наш взгляд, стадийный характер, что позволяет очертить верхнюю хронологическую границу функционирования поселения Гихейю – ранее бронзового века. Нижняя граница определяется геоморфологическим положением памятника и не выходит за рамки раннего голоцена. Общий состав и технологические характеристики каменного инвентаря позволяют датировать поселение временем позднего неолита. В абсолютных значениях это может быть какой-то отрезок IV тыс. до н.э. По исследованиям на побережье Персидского залива имеются данные, указывающие на небольшую морскую трансгрессию, которая приходится на это тысячелетие [Gehin, 1988; Perthuisot, 1980, p. 24]. Поселение Гихейю, как уже

отмечалось выше, функционировало именно в период трансгрессии, когда уровень моря был примерно на 2 – 2,5 м выше современного. В этих условиях и очертания берега существенно отличались от современных. Сама лагуна, в частности, была значительно менее выраженной, чем в настоящее время. Прямым указанием на это является и состав малакофауны Гихейю, который характерен преимущественно для условий открытого моря. Чисто лагунных видов здесь не зафиксировано, тогда как на памятнике бронзового века Аль-Урейш они представлены, хотя и в незначительном количестве.

Большую мощность культурных отложений поселения Гихейю мы не склонны рассматривать как свидетельство их накопления на протяжении длительного времени. Относительно ограниченная площадь обитания, обилие приносившегося на поселение материала (галеков, камней), большое количество пищевых отходов в виде раковин моллюсков и высокая действенность золотого фактора в аккумуляции песчаных отложений в условиях побережья делали процесс накопления отложений достаточно быстрым. Неудивительно поэтому и то, что мы не наблюдаем сколько-нибудь значимых технико-типологических отличий в комплексах каменного инвентаря из разных археологических горизонтов.

Касаясь вопроса культурной атрибуции памятника, необходимо отметить, что на фоне неолита как внутренних, так и прибрежных районов Аравии каменный инвентарь отличается ярко выраженной спецификой. На типологическом уровне эту специфику подчеркивают такие формы орудий, как угловатые и поперечные скребла, лимасы (псевдотриэдр), асимметричные ножи с ретушированным обушком. Подобных изделий ни по отдельности, ни тем более вместе нет в материалах других памятников Аравии.

Естественно, что носителем столь выразительной культурной традиции не могла быть лишь одна-единственная община, оставившая исследуемое нами поселение. В окрестностях лагуны Хор Умейра на некоторых из большого количества стоянок и местонахождений, выявленных пока рекогносцировочно, отмечаются материалы, сопоставимые в культурном отношении с гихейскими. Есть все основания ожидать открытия в будущем других стратифицированных памятников, однокультурных с Гихейю. Тогда о комплексе этих памятников с полным основанием можно будет говорить как об особой археологической культуре.

Хозяйство древних обитателей поселения можно определить как специализированное на рыболовстве и сборе моллюсков. Дополнительным источником жизнеобеспечения являлась охота и, возможно, собирательство растительных продуктов. Судить о том, были ли известны навыки производящего хозяйства, пока затруднительно. С большей определенностью об этом можно будет говорить после изучения фаунистических остатков, происходящих из культурных

отложений. Состав инвентаря и археологическая стратиграфия памятника, а также указанный тип хозяйствования, в котором рыболовство сочетается с охотой и предположительно с собирательством, предполагают стабильное и долговременное обитание людей на данном поселении. Именно эта приверженность к оседлому образу жизни в условиях побережья и эксплуатации морских ресурсов послужила решающим фактором формирования комплекса специфических культурных традиций, которые нашли отчетливое отражение в археологических остатках (в первую очередь каменном инвентаре) исследуемого памятника.

Список литературы

- Biagi P.** The Prehistoric Fishermen Settlements of RH 5 and RH 6 at Qurum, Sultanat of Oman // *Proceedings of the Twentieth Seminar for Arabian Studies*. – L., 1984. – P. 15 – 19.
- Biagi P.** Excavation of the Aceramic Shell Midden of RH 6, Qurum, Muscat // *East and West*. – 1985. – Vol. 35, N 4 (December). – P. 410 – 415.
- Durant S., Tosi M.** The Aceramic Shell Middens of Ra's al-Hamra: A Preliminary Note // *JOS*. – 1980. – N 3/2. – P. 137 – 162.
- Gehin P.** Hypothèses relatives à l'évolution géomorphologique et au bilan géopédologique du Quaternaire récent de la péninsule de Qatar // *Inizan M.-L. Préhistoire à Qatar: Mission archéologique Française à Qatar*. – P.: Editions recherche sur les civilisations, 1988. – P. 167 – 184.
- Ghisotti F.** Shell Finds in the Course of the Archaeological Excavations at Ras al-Hamra // *East and West*. – 1986. – Vol. 36, N 4. – P. 471 – 472.
- Glover E.** Molluscan evidence for diet and environment at Saar in the early Second millennium BC // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. – 1995. – N 6. – P. 157 – 179.
- Glover E.** Mangroves, mollusks, and man. Archaeological evidence for biogeographical changes in mangrove around the Arabian Peninsula // *Arabia and its Neighbors: Essays on Prehistorical and Historical Developments* / Eds. C.S. Philips, D.T. Potts, S. Searight. – S.l.: Brepols, 1998. – P. 63 – 78.
- Inizan M.-L.** Premiers résultats des fouilles préhistoriques de la région de Khor // *Mission archéologique Française à Qatar*. – Doha: S.n., 1980. – T. 1. – P. 51 – 98.
- Inizan M.-L.** Préhistoire à Qatar. Mission archéologique Française à Qatar. – P.: Editions recherche sur les civilisations, 1988. – 234 p.
- IsMEO Activities** // *East and West*. – 1983. – Vol. 33, N 1 – 4 (December). – P. 330 – 337.
- Perthuisot J.-P.** Le Quaternaire de la Péninsule de Qatar, donees liminaires et hypothèses // *Mission archéologique française à Qatar*. – Doha: S.n., 1980. – T. 1. – P. 11 – 27.
- Potts D.** The late prehistoric, protohistoric and early historic periods in Eastern Arabia (ca. 5000 – 1200 BC) // *Journal of World Prehistory*. – 1993. – N 7 (2). – P. 163 – 212.
- Prieur A.** Découvert d'un site préhistorique d'abattage de dugongs à Umm al-Qaiwain (Emirates Arabes Unies) // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. – 1991. – N 2. – P. 72 – 83.
- Tosi M.** Survey and Excavations on the Coastal Plain (Tihama) // *East and West*. – 1986. – Vol. 36, N 4. – P. 400 – 414.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2001 г.

УДК 902.930.2

С.Б. Слободин

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН,
ул. Портовая, 16, Магадан, 685010, Россия
E-mail: sslobodin@mail.ru

ГИПОТЕЗЫ О МИГРАЦИЯХ В БЕРИНГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ XVI – XIX веков

Научная теория о Берингии как суше между Азией и Америкой в ледниковый период сформировалась в начале XX в., но гипотезы о том, что Азия смыкается или сходится весьма близко с Америкой и что через эту территорию шло заселение Нового Света людьми и животными, появились намного раньше.

До XVI в., когда был открыт Берингов пролив, предполагалось, что Азия и Америка соединены сушей (карты Г. Рускелли 1561 г. в Птолемеевой географии [Moreland, Bannister, 1983, p. 70], португальца А. Монтануса 1571 г. [Ibid, p. 228], Г. Кастальди 1560 г. [Tooley, 1952, p. 23]) или разделены узким Анианским проливом (карты Б. Залгиери [Bagrow, 1966, p. 136], Р. Меркатора 1587 г. [Moreland, Bannister, 1983, p. 243], Ф. Дрейка 1590 г. [Tooley, 1952, p. 30]). Однако эти догадки, вероятно, не всегда строились на реальных географических источниках.

Проблема “авторства” гипотезы азиатского происхождения американских индейцев и эскимосов в той или иной мере рассматривалась в ряде зарубежных и отечественных публикаций [Hrdlicka, 1930; Spinden, 1933; Ives, 1956; Beals, 1957; MacGowan, 1953; Huddleston, 1967; Wauchope, 1962; Берг, 1946; Иванов, 1978; 1982]. В начале XX в. А. Хирдличка в своем “Антропологическом обзоре Аляски” писал, что история современного населения Аляски и противоположащей части Азии, возможно, позволяет решить проблемы заселения Америки [Hrdlicka, 1930, p. 29]. В некоторых российских публикациях высказывается мнение о том, что приоритет в определении исторической роли азиатских народов в заселении Америки – соседнего с Азией континента, принадлежит американскому археологу Ч. Чарду [Архипов, 1989, с. 20]. Н.Н. Диков связывал происхождение гипотезы о существовании в прошлом сухопутного моста между Чукоткой и Аляской, по которому древние жители Азии переселились в Аме-

рику, с именем С.П. Крашенинникова [1971, 1977, 1979; Dikov, 1983]. Отдавая должное выдающемуся ученому-натуралисту С.П. Крашенинникову, отметим, что идея о миграции азиатских народов в Америку была заимствована им из записок Г. Стеллера (Штеллера), натуралиста Второй Камчатской экспедиции В. Беринга, достигшей в 1741 г. берегов Америки. С.П. Крашенинников использовал записки Г. Стеллера в своем труде “Описание земли Камчатки” [1755], неоднократно подчеркивая его приоритет в высказывании этой гипотезы [Крашенинников, 1949, с. 175 – 179]. Достаточно подробно взгляды Г. Стеллера на вопрос о возможности проникновения азиатов на другой континент в отечественной литературе были освещены Л.С. Бергом [1946]. Г. Стеллер отмечал, что его наблюдения могут “служить и к решению известного онаго вопроса: откуда жители в Америке?” (Цит. по: [Крашенинников, 1949, с. 175 – 179]). Очевидно, что европейские ученые, одним из которых был Г. Стеллер, уже давно задавались этим вопросом и пытались найти на него ответ.

Замечание Г. Стеллера, что проблема генезиса населения Америки давно обсуждается европейскими учеными, находит подтверждение в публикациях Х. де Акосты, К. Холла в XVI в., Э. Бреревуда, И. де Лаета, Г. Хорна и Т. Гейджа в XVII в. Продолжала она обсуждаться в работах Т. Джефферсона, И.С. Фелфферкорна, Д. Кранца и Дж. Ф. Блуменбаха в XVIII в., А. Гумбольта, В. Лауренса и Дж. Причарда в начале XIX в. и многих других во второй половине XIX в. (здесь рассматриваются только те гипотезы, которые касаются миграций в зоне Берингова пролива, хотя существовало много других теорий, связанных с этой проблемой).

Идеи о происхождении американских индейцев появились почти сразу, как стало известно, что земля, открытая Колумбом, населена. Предположения об

азиатском происхождении ее жителей имеют логическое объяснение: Х. Колумб и его спутники думали, что они, обогнув Земной шар, достигли Азии. Однако уже в начале XVI в. стало ясно, что перед мореплавателем предстала не Индия, а новый континент, связь которого с Азией была не ясна, и проблема появления там жителей зазвучала по-иному.

Ее обсуждение в научной литературе того времени началось, вероятно, с публикации в 1535 г. в Севилье (Испания) “Общей истории культуры индейцев...” Г.Ф. де Овиедо (Fernandez de Oviedo y Valdez) [Huddleston, 1967, p. 15 – 16]. Однако в своем сочинении Г.Ф. де Овиедо подчеркнул, что отвергает идею существования сухопутного моста между Америкой и какой-либо частью Азии или Европы в неисследованных районах Севера, а также исключает возможность проникновения по нему первых поселенцев Америки [Ibid, p. 18 – 19].

Теоретически заселение Америки из Азии было обосновано по меньшей мере уже в XVI в. испанским клириком Х. де Акостой, который в своем сочинении “Быт и нравы индейцев”, опубликованном впервые в Испании в 1590 г. (менее чем через 100 лет после открытия Америки Х. Колумбом), писал, что оба, восточный и западный, берега Северной Америки, судя по их контурам, в неисследованных северных широтах могут приближаться к Европе и Азии очень близко и реальный сухопутный мост мог существовать или на севере, или на неисследованном юге. Учитывая это, Х. де Акоста считал, что небольшие группы диких охотников либо в поиске новых земель, либо из-за перенаселения медленно мигрировали до тех пор, пока не заселили континент. Они, передвигаясь преимущественно по суше, появились в Америке из Азии не позже чем за несколько тысяч лет до прихода испанцев. Х. де Акоста предполагал, что в будущем где-нибудь на Севере исследователи обнаружат ту часть Америки, которая соединяется с частью Старого Света или во всяком случае была там разъединена только узким проливом, как Магелланов, который мог быть легко преодолен человеком и животными [Acosta, 1880, p. 45, 57]. Еще раньше в пользу азиатского происхождения гренландских эскимосов высказался К. Холл (Christopher Holl) – руководитель команды корабля “Габриел” в ходе экспедиции М. Фробишера (M. Frobisher) в Арктику в 1576 г. По его мнению, эскимосы были похожи на тартар, т.е. монголо-татар, с длинными черными волосами, широкими лицами и плоскими носами [Houben, 1927].

Гипотеза о заселении Америки из Азии приобретала все больше сторонников, и надо было определить, какой из азиатских народов мог быть предком американских индейцев. В 1614 г. в Англии была издана книга протестанта Э. Бреревуда “Исследования разнообразия языков и религий основных частей света” [Brerewood, 1614]. Как писал К. Макгован, “богобоязненные протестанты из Англии объединились с клириками Римской церкви в

идее о переселении американских аборигенов из Азии” [MacGowan, 1953]. В главе “Население Америки – потомки татар” Э. Бреревуд писал, что, судя по цвету кожи, американские аборигены не являются “потомками африканцев... следовательно, они выходцы из Азии. Кроме того... западная сторона Америки, обращенная к Азии, значительно более плотно заселена, чем противоположная, восточная, обращенная к Европе. С учетом всех этих доводов более вероятно, что первые поселенцы проникли в Америку через восточную границу Азии... По моему мнению, американцы скорее являются потомками татар, а не какой-нибудь другой нации у границы Азии, которые, как и животные, пересекли границы Старого и Нового Света. Это подтверждается и тем, как сейчас точно определено, что самой северной частью Азии владеют татары, если, конечно, нет континента к западу от Америки, что все еще остается весьма сомнительно. <...> Уже точно и несомненно наименьшее разделение морем было там, где части Азии и Америки продолжают одна за другой и, если и разъединены, то лишь неким узким каналом океана”. Отвергая гипотезу о заселении Америки после потопа человеком и животными с Ноева Ковчега, Э. Бреревуд [Brerewood, 1614, p. 96 – 97] отмечал, что если бы человек попал на континент по морю на корабле, он вряд ли бы взял с собой всех обитающих ныне вредных животных из Азии [Ibid].

Эта тема с уточнением деталей продолжала развиваться в других исследованиях. В ряду тех, кто вслед за Х. де Акостой и Э. Бреревудом считал, что заселение Америки людьми и животными происходило через сухопутный мост на северо-востоке, следует отметить испанца А. де ла Каланча (Antonio de la Calancha), автора сочинения о происхождении американцев (1638 г.). Он также связывал американских индейцев с татарами и приводил многочисленные примеры сходства их культур. А. де ла Каланча был уверен, что после потопа повсюду простиралась суша, “без каких-либо проливов от Тартарии до Чили” [Huddleston, 1967, p. 99 – 100]. В 1643 – 1644 гг. датский исследователь и колониальный чиновник И. де Лаэт, критикуя диссертацию юриста Х. де Грута [Groot, 1643, 1884], в которой доказывалось происхождение индейцев Северной Америки от древних скандинавов, утверждал, что американские индейцы – потомки китайских кочевников, пришедшие в Америку по сухопутному мосту на севере Тихого океана [Laet, 1643]. Х. де Грут в качестве возражения ссылаясь на то, что китайские кочевники были коневодами и передвигались на лошадях, а лошади в Северной Америке до прихода туда испанцев не были известны. В ответ на это И. де Лаэт указывал, что коневодство было давно забыто кочевниками и замещено в Северной Сибири оленеводством [Laet, 1644]. Его взгляды разделял другой датский исследователь – Георг Хорн [Horn, 1652].

В эти же годы (1648 г.) высказывал идею о первоначальном заселении Нового Света человеком из

Азии через район пролива между двумя континентами Т. Гейдж. Свои построения он обосновывал расовым сходством между американскими индейцами и монголоидами Азии [Thompson, 1958].

В 1730 г. в Стокгольме на немецком языке вышла книга Ф.И. фон Страленберга (Filip Johann von Strahlenberg) “Северная и восточная части Европы и Азии...”. В ней, исходя из этнографических и лингвистических данных, автор высказывал предположение о связи народов Северной Азии с американскими индейцами [Jakobson et al., 1957, p. 57 – 58]. В своих исследованиях Ф.И. фон Страленберг опирался на данные А. Риланда (Adrian Reeland), который в собственной диссертации (1708 г.), исходя из знаний об американских языках, отстаивал азиатское происхождение американских индейцев*.

В России, вероятно, первым, кто не позднее 1743 г. высказался на эту тему, был Г. Стеллер. Его деятельность положила начало практическим исследованиям проблемы заселения Америки в районе Берингии. А.П. Крашенинников, говоря об Америке, ссылаясь на Г. Стеллера, считавшего, что, поскольку “камчатский берег от Курильской Лопатки до Чукотского носу по прямой линии, выключая заливы и носы, лежит в ту же сторону (что и Америка. – С.С.), так что не без причины можно заключить бывшее некогда между сими землями соединение, особливо в тех местах, где нос Чукотской... Что касается до тамошних жителей, то... между американскими и камчатскими народами... примечания достойные сходства усмотрены... [и] американцы имели некогда с камчатскими народами сообщение... и произошли от одного поколения” [Крашенинников, 1949]. Сам Г. Стеллер известен в России, где была опубликована его книга [1927], к сожалению, только как натуралист, описавший не сохранившееся до наших дней морское животное (стеллерова корова), а его взгляды на проблему заселения Америки ошибочно связывают с именем С.П. Крашенинникова, опубликовавшем их в своей книге. Не менее интересны и заметки другого участника Второй Камчатской экспедиции – Якова Ивановича Линденау (его отчетами также пользовался С.П. Крашенинников), писавшего, что люди с Чукотской земли, может быть, “первыми перешли сначала в Америку” [1983, с. 105].

Из более ранних русских источников на эту тему может быть упомянуто устное сообщение боярина И.А. Мусина-Пушкина, записанное французским иезуитом Ф. Аврилем в 1686 г. во время его посещения Москвы и опубликованное им в 1692 г. Северная окончность Америки, указывал И.А. Мусин-Пушкин, не

* Не известно, была ли издана книга Ф.И. фон Страленберга на русском языке, но ее перевод на русский сделан в XVIII в. под руководством В.Н. Татищева и хранился в библиотеке Академии наук России в Отделе рукописей под N 16.13.16.

очень удалена от части Азии, прилегающей к “Татарскому морю”, а американцы, обитающие по берегам, близким к Азии, своим обликом очень похожи на тех островных жителей, которые занимаются боем моржа [Берг, 1946]. В сообщениях русских землепроходцев из района Берингова пролива в начале XVII в. говорится о народах с Большой земли, предположительно Аляски, которые похожи на чукчей или “юкагирей”, но говорящих “особливым языком” [Постников, 2000, с. 23 – 27].

Начиная с XVII в. русские источники, несомненно, оказывали большое влияние на мнение европейских ученых по этому вопросу. В 1765 г. моравийский миссионер в Гренландии Д. Кранц в своем сочинении “История Гренландии” отмечал сходство между эскимосами и азиатскими народами – “великими татарами [живущими] между Монголией и Арктическим океаном”, а также между эскимосами, калмыками, якутами, тунгусами, камчадалами и считал их прародиной Северо-Восточную Азию [Cranz, 1820, p. 239 – 240]. “Наши гренландцы”, писал он, должно быть, поселились в Тартарии, т.е. Монголии, после Великого расселения народов и были вынуждены под натиском новых мигрантов постепенно двигаться на север, пока не достигли крайней точки Камчатки, но, чувствуя себя беспокойно даже в этих отдаленных местах, они пересекли пролив с соседним континентом – Америкой. Произошло это, по мнению Д. Кранца, довольно поздно – до XIV в. переселенцы из Тартарии еще не достигли Гренландии [Ibid]. При этом Д. Кранц допускал возможность заселения Америки не только через северный мост и ссылаясь при этом на то, что основная часть представителей американских племен сильно отличается от гренландцев. Он присоединялся к мнению других авторов, отмечавших большое сходство между аборигенами Северной Америки и Сибири в еде, одежде, поведении и даже религии и считавших это доказательством азиатского происхождения первопоселенцев. Русские капитаны Беринг, Шпенберг, Чириков, писал он со ссылкой на книгу Миллера “Collection of Russian transactions”, во время экспедиций в 1725 – 1740 гг. обнаружили у жителей Алеутских островов такие же одежду, кожаные лодки и образ жизни, как и у гренландцев [Ibid]. Таким образом, зарубежные ученые при желании имели возможность ознакомиться с последними данными российских исследователей в районе Берингова пролива, хотя, как показывает практика, многие из них оставались в неведении об этом до конца XVIII в.

Были и другие теории, касающиеся происхождения эскимосов. Предками эскимосов называли народы Северной Европы (отголоски теории Х. де Грута), кавказских народов или представителей “белой расы”.

В 1781 г. Дж. Блуменбах, проведя антропологические исследования останков эскимосов и отвергнув первоначально принятую им теорию происхождения

эскимосов от финнов, пришел к выводу, что лапландцы в Европе и эскимосы на севере Америки от Берингова пролива до Лабрадора и Гренландии относятся к азиатам. Последние, как правило, с пшенично-желтой кожей, со скудными прямыми черными волосами, плоским лицом, с выступающими лицевыми костями и узкими, щелевидными глазами [Blumenbach, 1865, p. 304].

В самой Америке первым к этой проблеме обратился, вероятно, Т. Джефферсон (президент США в 1801 – 1809 гг.). Его взгляды, однако, не отличались последовательностью. В своей работе “Заметки о штате Вирджиния”, опубликованной в Англии в 1787 г., он задавался вопросом: “...откуда пришло это аборигенное население Америки?”. И отвечал на него: “...в ходе проведенных ранее исследований было выяснено, что путь из Европы в Америку был известен давно, даже когда не было совершенных навигационных средств. На пути из Норвегии в Исландию, из Исландии в Гренландию, из Гренландии в Лабрадор, это первое направление наиболее широкое: и оно использовалось с древнейших времен... и нетрудно предположить, что эти маршруты могли быть когда-либо пройдены. Кроме того, последние открытия капитана Кука (который, кстати, уже знал об открытии пролива В. Берингом. – С.С.), проплывшего вдоль берега от Камчатки до Калифорнии, доказали, что если два континента, Азия и Америка, были разделены всегда, то только узким проливом. Следовательно, с этой стороны (со стороны Азии) население также могло проникнуть в Америку; и сходство между индейцами Америки и восточными жителями Азии побуждает нас предположить, что первые были потомками последних или последние – первых: исключение составляют эскимосы, которые, судя по сходству языка, вероятно, происходят от гренландцев, а они, возможно, из некоторых северных частей Старого Света” [Jefferson, 1984, p. 226]. Говоря о языках коренных американцев, Т. Джефферсон отмечает их большое разнообразие и значительно большее их количество, чем в Азии, что, по его мнению, доказывает их большую древность, по сравнению с азиатскими [Jefferson, 1984, p. 226 – 227].

Идею о происхождении населения Северо-Восточной Азии из Америки во второй половине XVIII в. развивал русский путешественник (немец по происхождению) И.И. Георги (Иоанн Готлиб). Он отмечал “великое сходство” чукчей, коряков с жителями островов Тихого океана – “ближайшими американцами” и считал: “...статься может, что все они народы суть больше ни что, как американские поселяне”. Отделение чукчей и коряков от населения Нового Света, по его мнению, произошло “при прорыве моря и при происхождении островов” [Иванов, 1982]. Сходная идея была опубликована Г.А. Сарычевым в 1802 г. в описании путешествия И.И. Биллингса: “Из... схождения наречий жителей острова Кадьяка и сидячих чукчей (эскимосов. – С.С.) заключить можно с некоторою вероятностию, что некогда они составляли

поколение одного народа, хотя ныне разделяет их расстояние полуторых тысяч верст... Но, может быть, все сие пространство берега населяют жители однородные с кадьякскими островитянами и сидячие чукчи принадлежат к оному поколению, но по времени и обстоятельствам принуждены были от них отделиться и, переплыв Берингов пролив, поселиться на берегах Чукотской земли” [1952, с. 268]. В этом описании Г.А. Сарычев использовал записки И.И. Биллингса и многих других участников его экспедиции и, возможно, зафиксировал свои взгляды (так, например, считают авторы “Примечаний” к книге Г. Сарычева [1952, с. 310]), поэтому неизвестно, кому принадлежит предположение о происхождении эскимосов. По крайней мере в опубликованной части дневниковых записей И.И. Биллингса, несмотря на то, что в них рассмотрены вопросы происхождения алеутов [Этнографические материалы..., 1978, с. 44], таких выводов нет. К. Мерк, один из участников экспедиции И.И. Биллингса, отмечал, что алеутские женщины “похожи на тунгусок” [Там же, с. 91]. Авторы “Введения” к сборнику этнографических материалов Северо-Восточной географической экспедиции 1785 – 1795 гг. под руководством И.И. Биллингса считают, что именно Г. Сарычев “отметил этническую близость южноаляскинских эскимосов – коняг и чугачей с азиатскими эскимосами” [Там же, с. 8].

В 1794 – 1795 гг. в Кёльне (Германия) И. Фейфферкорн в своем “Описании провинции Сонора”, явно отстав от реалий науки того времени, констатировал, что вопросы о происхождении американских коренных народов и путях, которыми они проникли на континент, обсуждают давно. Он подготовил трактат, в котором предполагал показать, что северные оконечности Америки и Азии встречаются или разъединены таким узким проливом, что люди и животные могли свободно переходить с одного континента на другой. Однако после третьего путешествия Кука И. Фейфферкорну стало ясно, что пролив, о существовании которого он только догадывался, был открыт примерно на 64° с.ш. и пройден насквозь приемником Кука капитаном Кингом за 13 часов. Для меня, как пишет И. Фейфферкорн, почти ясно, что первые обитатели Америки действительно пришли через этот пролив [Pfefferkorn, 1949]. Но даже давно утратившее новизну исследование И. Фейфферкорна было намного ближе к истине, чем другие более ранние и даже более поздние работы (например, Джеймса Адаира и Лорда Эдварда Кингзбороу), представлявшие предками американских индейцев десять “потерянных” племен израильтян, жителей Атлантиды или известного по легендам континента Му (в Тихом океане), египтян и др. [Adair, 1775; Kingsborough, 1831 – 1848; Wauchop, 1962]. Впрочем, все эти миграции происходили, видимо, в районе Атлантического или на юге Тихого океанов и не касались Берингова пролива.

Из европейских трактатов начала XIX в. можно выделить сочинения А. Гумбольдта и В. Лауренса. В

“Политическом эссе о королевстве новая Испания”, написанном после поездки в Мексику в 1811 г., А. Гумбольдт отмечал, что индейцы Центральной Америки – “возможно, эмигранты из наиболее северной части Азии” [Humboldt, 1972]. Однако разнообразие народностей и языков в Новом Свете наводило его на мысль о разных корнях народов Америки. По мнению А. Гумбольдта, утверждение, что тольтеки относятся к азиатской расе, не означает, что все американские аборигены были выходцами из Тибета или из Восточной Сибири [Ibid]. Позже эти мысли оформились в гипотезу о трех волнах миграции, которые в древности шли через Берингию и дали основу для трех основных языковых групп американских аборигенов [Greenberg, Turner, Zegura, 1986]. В начале XIX в. В. Лауренс вслед за Дж. Блуменбахом отмечал, что монгольское население включает множество более или менее грубых, преимущественно кочевых племен, которые занимают Центральную и Северную Азию, и племена эскимосов, населяющие северную часть Америки от Берингова пролива до дальней окочности Гренландии [Lawrence, 1822, p. 511 – 513].

В это же время на Аляске (Русская Америка) исследованиями культуры и быта алеутов занимался И. Вениаминов. По его мнению, алеуты были, видимо, первыми поселенцами островов, но точно не представлял, откуда они пришли – из Америки или Азии, – очевидно, “они происхождения Монгольского” [1840]. И. Вениаминов приводит предание уналашкинских алеутов, в котором говорилось: “...здесьние алеуты пришли с запада, с большой земли... которая была местом их происхождения, и что они оттуда перешли на здесьние острова и потом, мало-помалу распространяясь к востоку, наконец достигли нынешней Аляски и далее” [Берг, 1946]. Он полагал, что было несколько разновременных этапов заселения Америки народами (индейцами, мексиканцами, колошами, алеутами) из Азии: “...алеуты и прочие американцы, говорящие кадыкским языком, некогда, т.е. до переселения их в Америку, жили между собой в соседстве: первые южнее и ближе к Камчатке, а последние – севернее и ближе к Чукотскому носу; но со временем, будучи теснимы другими народами, принуждены были удалиться в нынешние места, первые – из Камчатки на Берингов остров и далее, а последние (и, должно быть, гораздо ранее) – через Берингов пролив в Америку и, может быть, уже по проложенному пути другими народами, как-то: колошами, индейцами, мексиканцами и другими” [1840, с. 111, 112]. “...И. Вениаминов, – отмечают С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев, – считал, что заселение Америки индейскими племенами произошло из Азии и значительно ранее переселения туда эскимосов и алеутов” [1969, с. 12].

Противоположную точку зрения на процессы миграции народов в зоне Берингова пролива высказал Д. Причард. С его точки зрения, эскимосы не азиатского, а американского происхождения и принадлежат к

американской семье, к той же большой группе национальностей, что и охотничьи племена Северной Америки [Prichard, 1847, p. 374]. Их появление на Чукотке – результат миграции эскимосов из Америки в Азию.

С середины XIX в. отмечается более конструктивный подход к проблеме заселения Америки. Вопросы, кто заселил и когда это произошло, становятся приоритетными в американистике. В 1845 г. А. Галлатин писал: откуда бы не пришли в Америку люди, составившие ее население, главное – когда они здесь появились [Gallatin, 1845, p. 177].

Во второй половине XIX в. развернулась большая дискуссия о происхождении эскимосов – единственного коренного народа, проживающего на двух континентах – Азии и Северной Америке. С доводами в пользу азиатского происхождения эскимосов (и соответственно их миграции из Азии в Америку) выступили ученые Р. Лазам, Д. Вилсон, К.Р. Маркхам, О. Пешел, В.Х. Долл, Л. Шренк и др., в пользу обратной миграции и происхождения их в Америке – Х. Ринк, П. Рэй, Дж. Мардок, Ф. Боас и др. (более полный список см. [Hrdlicka, 1930, p. 333]).

Р. Лазам, привлекая данные лингвистики, отмечал, что физически эскимос – монгол (азиат), а филологически – американец [Latham, 1950, p. 289 – 291]. Д. Вилсон в ходе изучения краниологических материалов установил “азиатские черты” у эскимосов, родство между их группами и обособленность от других американских народов. Ему удалось выявить сходство между эскимосскими и индейскими долихоцефальными черепами и сериями, относящимися к гипербореической расе [Wilson, 1863, p. 262].

К.Р. Маркхам в работе “Происхождение и миграции гренландских эскимосов”, исходя из данных об отсутствии следов эскимосов к востоку от Гренландии, пытался выяснить, откуда прибыли “эти иннуиты”? Они, по мнению К.Р. Маркхама, не являются потомками скрэлингов (североамериканских народов) с лежащего напротив Гренландии берега Америки и не могли прибыть с востока через океан, который находится между Лапландией и Гренландией, поскольку никаких следов их присутствия на Шпицбергене, в Исландии или на о-ве Джан Майен нет. Посмотрев на эскимосов, как отмечает К.Р. Маркхам, мы понимаем, что они не состоят в родстве с представителями краснокожей расы Америки, но очевидна их связь с северными племенами Сибири. Их корни следует искать в Азии [Markham, 1865, p. 90].

О. Пешел установил сходство между американскими эскимосами и азиатскими народами в образе жизни, языке, навыках охоты на море, традициях одомашнивания собаки, использования нарт, типе их лица, “способности к высокому уровню цивилизации” и считал его ответом на вопрос о том, в каком направлении шла миграция – из Азии в Америку. Однако, по мнению О. Пешела, это движение из Азии через Берингов пролив

происходило намного позже, чем прокатилась первая волна колонизации Нового Света из Старого [Peschel, 1876, p. 396 – 397]. “Непохоже, что эскимосы переселились из Америки в Азию, поскольку все американцы сохранили большое сходство в расовых чертах с монгольской нацией Старого Света и в историческое время они всегда мигрировали на восток” [Ibid]. В.Х. Долл в своих рассуждениях приблизился к пониманию причин различий между эскимосами и краснокожим населением Северной Америки. Он предполагал, что большая часть Северной Америки была заселена через Берингов пролив и это произошло до складывания первобытных племен, “которых застали здесь первооткрыватели Америки” [Dall, 1877, p. 93 – 105].

Л. Шренк в 1883 г., присоединяясь к мнению И. Вениаминова об азиатском происхождении алеутов, причислял их вместе с эскимосами к группе “палеоазиатских” народов [Берг, 1946]. А сами эскимосы, считал Л. Шренк, “если судить по чертам их лица и по их преданиям, весьма вероятно, – азиатского происхождения. Отсюда, принимая также во внимание монгольское строение их лица, можно вывести заключение, что эскимосы переселились в Америку из Азии через Берингов пролив. Вероятно, север Америки был в то время незаселен, что и дало возможность беспрепятственно расселиться от Берингова пролива к югу – до Аляски, острова Кадьяк и Чутатского залива, где они столкнулись с колошами, а к востоку – до берегов Атлантического океана” [1883, с. 260]. По предположению Л. Шренка, в район Берингова пролива и Америку эскимосы мигрировали под напором сибирских народов и современные эскимосы “несмотря на свое обширное распространение в Америке, еще и ныне обитают одной ветвью своею в Азии, своей первобытной родине, причем все равно, составляет ли это племя остаток прежнего населения Азии или же оно снова перешло туда впоследствии из Америки” [Шренк, 1883, с. 261 – 262].

Сторонники гипотезы об американском происхождении эскимосов связывали американские племена с ранними переселенцами из Азии в Америку и считали, что в более позднее время новые волны миграции двигались из южных районов Северной Америки на север по долинам рек к арктическому побережью Америки и далее до северо-восточной оконечности Азии.

Считается, что Х. Ринк был “первым и наиболее активным сторонником теории происхождения эскимосской культуры в Америке, где ее носителями являлось население, обитавшее на реках Аляски” [Collins, 1984, p. 8 – 9]. Однако, как уже отмечалось, эта идея была высказана до него [Сарычев, 1952; Prichard, 1847]. Х. Ринк, совмещая занятия исследователя и чиновника, провел среди восточных эскимосов более 20 лет и собрал много данных по этнографии эскимосов. Он писал, что в физическом облике эскимосов, кажется, получило отражение их азиатское происхождение. Но, добав-

лял Х. Ринк, последние исследования показали также существующие переходные связи между эскимосами и другими американскими нациями, что свидетельствует о возможности их общего происхождения на одном континенте. Согласно предположению Х. Ринка, когда новые обитатели берегов Северной Америки начали расселяться вдоль Арктического побережья, некоторые из них могли пересечь Берингов пролив и поселиться на противоположном Азиатском побережье. Вместе с тем, заключал он, существует очень малая возможность того, что представители эскимосской культуры могли двигаться в обратном направлении [Rink, 1875, p. 73].

Отсутствие древних эскимосских памятников на Арктическом побережье Чукотки, а точнее недостаток информации о них, свидетельствовало в пользу данной гипотезы. Между тем еще в 1787 г. Г.А. Сарычевым – участником экспедиции И. Биллингса, на древнеэскимосском поселении на Барановом мысу (к востоку от устья Колымы) была раскопана землянка. Среди ее материалов оказалось большое количество каменных и костяных изделий первобытных морских охотников [Сарычев, 1952], что доказывало древность эскимосской культуры на Азиатском побережье. Как удалось определить позднее, землянка относится к первой половине II тыс. н.э. [Окладников, Береговая, 1971, с. 140 – 141]. Еще ближе к Берингову проливу, на мысе Шмидта, А.Е. Норденшельд (1878 г.) раскопал несколько эскимосских землянок с многочисленным каменным и костяным инвентарем морских охотников [Норденшельд, 1936]. Европейские и американские арктические исследователи, видимо, не располагали этими данными в полном объеме, к тому же материалы раскопок А.Е. Норденшельда были опубликованы только в XX в. Однако В. Долл в 1877 г. писал, что основная волна эмиграции, без сомнения, относилась к очень раннему периоду – в пользу этого свидетельствуют многочисленные жилища на обширной территории от Берингова пролива до устья Индигирки [Dall, 1877, p. 105].

Исследователи акцентировали внимание на отсутствии у эскимосов оленеводства, характерного для чукчей. П. Рей, например, писал, что эскимосы переправлялись через Берингов пролив с Аляски по льду, по “природным чертам” они четко отличаются от соседей – чукчей, поскольку используют собак вместо оленей; эскимосы Северной Америки никогда не одомашнивали оленей, а брали все необходимое из моря и разговаривали на другом языке [Ray, 1885, p. 37]. Если миграция происходила из Азии, спрашивал П. Рей, то не ясно, почему новые поселенцы, переправившись через пролив, отвергли оленеводство [Ibid].

Д. Мардок считал юг залива Гудзона местом зарождения эскимосской культуры (откуда она распространилась на север и запад до Чукотки) на основании того, что существовавшие там племена были наиболее примитивными [Murdoch, 1888, p. 125 – 133].

По мнению Ф. Боаз, прародиной эскимосов является центральный район Арктической Канады, поскольку эта зона упоминается в их легендах чаще, чем какая-либо другая. И именно здесь происходили наиболее значимые события в жизни эскимосов [Boas, 1888]. Этих взглядов Ф. Боаз придерживался и позже, в начале XX в., уже будучи руководителем Джекзуповской экспедиции и редактором публикаций ее материалов. С точки зрения Ф. Боаз, эскимосы заселили Аляску с востока Северо-Американского континента, и азиатскую теорию происхождения эскимосов следует полностью отбросить [Boas, 1910, p. 534].

Существенный вклад в разработку проблемы миграций в Берингии внесли исследования географов и геологов. В 1781 г. свои взгляды на геологическую историю формирования Берингова пролива изложил П.С. Паллас в работе “Комментарии об открытиях, которые были совершены в Восточном океане между Сибирью и Америкой”. Он писал, что Азиатская кордильера, видимо, имеет два продолжения в направлении Американского материка: одно – через Чукотский полуостров, второе – через намного более южную цепь островов, протянувшихся от Камчатки. Исходя из этого, П.С. Паллас предположил возможность существования когда-то сухопутного пути между двумя континентами, который постепенно разрушили постоянные течения на юг из Арктики, землетрясения и разломы [Masterson, Brower, 1948, p. 24]. Пока что это самое раннее из известных нам обоснований в научной литературе существования суши между Азией и Америкой, не считая догадки Г. Стеллера, изложенной в первой половине XVIII в.: “...не без причины можно заключить бывшее некогда между сими землями соединение, особливо в тех местах, где нос Чукотской...” [Крашенинников, 1949]. В 1894 г. в Бюллетене Геологического общества Америки Г. Даусон [Dawson, 1894, p. 143 – 144], ссылаясь на данные о глубине Берингова и Чукотского морей (в том числе Берингов пролив) – не более 600 футов (около 190 м), сделал вывод, что морское дно между Аляской и Чукоткой географически представляет собой продолжение материковой суши, а не является частью глубоководного океанского бассейна. В поздние геологические времена, замечал Г. Даусон, возможно, не один раз и в течение долгого периода широкая сухопутная равнина соединяла Северную Америку и Азию [Ibid].

В начале XX в. дискуссия о происхождении эскимосов вылилась в теорию эскимосского “клина”, расщепленного чукотско-индейскую этническую общность. Одни ее сторонники предполагали, что “клин” был из Азии (В.Г. Богораз), другие выступали в пользу “клина” из Америки (Ф. Боаз, В.И. Иохельсон). Эта теория была подвергнута критике [Золотарев, 1938; Левин, 1958].

В заключение следует отметить, что рассмотренными в данной статье работами не ограничивается вся проблематика затронутой темы даже в рамках XVI –

XIX вв., не говоря уже о XX в., когда к ее решению приступили не только этнографы, лингвисты и антропологи, но и археологи, генетики. Мы надеемся, что приведенный обзор привлечет внимание историков, ведущих исследования в этом направлении.

Благодарности

Исследование осуществлено при поддержке программ IREX (1997 г.) и Института Открытое Общество (1999 г.). Я благодарен А.И. Лебединцеву и И.Е. Воробью за полезные замечания и уточнения при подготовке статьи.

Список литературы

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
- Архипов Н.Д.** Древние культуры Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 192 с.
- Берг Л.С.** Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725 – 1743). – М.; Л.: [Б.и.], 1946. – 380 с.
- Вениаминов И.** Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I. – СПб.: [Б.и.], 1840.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Камчатки и Чукотки: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1971. – 48 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Золотарев А.М.** Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии // Изв. Воронеж. пед. ин-та. – 1938. – Т. 4. – С. 73 – 87.
- Иванов В.Н.** Русские ученые о народах Северо-Востока Азии (XVII – начало XX в.). – Якутск: ЯГУ, 1978. – 56 с.
- Иванов В.Н.** Проблема заселения Америки в трудах историков и путешественников XVII – XVIII вв. // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Якутск: ЯГУ, 1982. – С. 28 – 30.
- Крашенинников С.П.** Описание земли Камчатки. – М.; Л., 1949. – 840 с.
- Левин М.Г.** Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 358 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Норденшельд А.Е.** Плавание на “Веге”. – Л.: [Б.и.], 1936. – Ч. 2. – 212 с.
- Окладников А.П., Береговая Н.А.** Древние поселения Баранова мыса. – Новосибирск: Наука, 1971. – 216 с.
- Постников А.В.** Русская Америка в географических описаниях и на картах. – СПб.: Ин-т истории естествознания и техники РАН, 2000. – 472 с.
- Сарычев Г.А.** Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952. – 325 с.
- Стеллер Г.В.** Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVIII веке. – Л.: Природа и люди, 1927. – 109 с. – (Прил. к журналу “Вестник знания”; Т. 2).

- Шренк Л.** Об инородцах Амурского края. – СПб., 1883. – Т. 1. – 280 с.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг.** – Магадан: Кн. изд-во, 1978. – 176 с.
- Acosta J. de.** The Natural and moral History of the Indies / Ed. C.R. Markham. – L., 1880.
- Adair J.** The history of the American Indian, particularly those nations adjoining to the Mississippi, east and West Florida, Georgia, Southern North Carolina, and Virginia.... referred to in the History. – L., 1775.
- Bagrow L.** History of cartography. – Cambridge: Harvard University press, 1966. – 346 p.
- Beals R.L.** Father Acosta and the first peopling of the New World // American Antiquity. – 1957. – Vol. 23, N 2. – P. 182–183.
- Beer G. de.** Charles Darwin. – N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1964. – 290 p.
- Blumenbach J.F.** De generis humani varietate nativa // The anthropological treatises of J.F. Blumenbach. – L.: Anthropological Society, 1865.
- Boas F.** The Eskimo // Proceedings and transactions of the Royal Society of Canada. – 1888. – Vol. 5, section 2.
- Boas F.** Ethnological problems in Canada // Journal Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1910. – Vol. 40. – P. 529–539.
- Brerewood E.** Enquiries touching the diversity of languages, and religions, through the chief parts of the world. – L.: J. Bill, 1614.
- Cranz D.** The history of Greenland: containing a description of the country, and its inhabitants... – L., 1820. – 380 p.
- Collins H.B.** History of research before 1945 // Handbook of North American Indians. – 1984. – Vol. 5: Arctic. – P. 8–16.
- Dall W.H.** Tribes of the extreme Northwest // Contributions to North American Ethnology. – 1977. – Vol. 1. – P. 1–106.
- Dawson G.M.** Geological notes on some of the coasts and islands of Bering Sea and Vicinity // Geological society of America Bulletin. – 1894. – Vol. 5. – P. 117–146.
- Dikov N.N.** The stages and routes of human occupation of the Beringian Land Bridge based on archaeological data // Quaternary coastlines. – L.: Academic Press, 1983. – P. 347–364.
- Gallatin A.** Notes on the semi-civilized nations of Mexico, Yucatan, and Central America // Transactions of the American ethnological society. – 1845. – Vol. 1.
- Greenberg J., Turner C., Zegura S.** The Settlement of the Americas: a comparison of the linguistic, dental and genetic evidence // Current Anthropology. – 1986. – Vol. 27. – P. 477–479.
- Groot H. de.** Desertatio de origini Gentium Americanum. – Amsterdam; P., 1643.
- Groot H. de. (Grotius).** On the origin of the native races of America: a dissertation. – Privateiv printed Edinburgh, 1884. – P. 1–20.
- Horn G. de.** Originibus Americanis. – Leyden, 1652.
- Houben H.H.** Der Ruf des Nordens. – Berlin: Volksverband der Bücherfreunde, 1927. – 320 p.
- Hrdlicka A.** Anthropological survey in Alaska. – Wash.: Bureau of American Ethnology, 1930. – 374 p.
- Huddleston L.F.** Origins of the American Indians: European concepts, 1492–1729. – Austin: University of Texas Press, 1967. – 179 p.
- Humboldt A.** Political essay on the Kingdom of New Spain // Ed. M.M. Dunn. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1972. – 246 p.
- Ives R.L.** On early speculations concerning the Asiatic origin of the American Indian // American Antiquity. – 1956. – Vol. 21, N 4. – P. 420–421.
- Jakobson R., Huttel-Worth G., Beebe J.F.** Paleosiberian Peoples and Languages: a bibliographical guide. – New Haven: HRAF Press, 1957. – 222 p.
- Jefferson Th.** Writings. – N.Y.: The library of America, 1984. – 1600 p.
- Kingsborough E.** Antiquities of Mexico. – L., 1831–1848.
- Laet J. de.** Notae ad dissertationem Hugonis Grotii de Origine gentium Americanarum: et observtiones aliquot ad meliorem indaginem difficillimae illius quaestonis. – P., 1643.
- Laet J. de.** Responsio ad dissertationem secundam Hugonis Grotii. – Amsterdam, 1644.
- Latham R.G.** Man and his migrations. – L., 1851.
- Lawrens W.** Lectures on physiology, zoology, and the Natural History of man. – L., 1822. – 578 p.
- MacGowan K.** Early man in the New World. – N.Y.: The Macmillan company, 1953. – 260 p.
- Masterson J.R., Brower H.** Bering's Successors, 1745–1780. Contributions of Peter Simon Pallas to the History of Russian Exploration toward Alaska. – Seattle, 1948. – 350 p.
- Moreland C., Bannister D.** Antiquities map, a collector's handbook. – L.; N.Y.: Longman, 1983. – 314 p.
- Markham C.R.** On the origin and migrations of the Greenland Esquimaux // J. Roy Geographical Society. – 1865. – Vol. 35. – P. 70–105.
- Murdoch J.** Henry Rink: The Eskimo tribes: a review // American Anthropologist. – 1888. – Vol. 1. – P. 125–133.
- Peschel O.** The races man. – N.Y., 1876.
- Pfefferkorn I.S.J.** Description of the province of Sonora // Corondo Quarto Centennial publication, 1540–1940 / Translated by Treutlein T.E. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1949. – Vol. 12.
- Prichard J.C.** Researches into the physical History of mankind. – L., 1847. – Vol. 5.
- Ray P.H.** Ethnographic sketch of the Natives // Report of the International Polar expedition to Point Barrow, Alaska. – Wash., 1885. – Pt. 2. – P. 35–87.
- Rink H.J.** Tales and traditions of the Eskimo: with a sketch of their habits, religion, language and other peculiarities. – Edinburgh; L., 1875.
- Spinden H.J.** Origin of civilizations in central America and Mexico // The American aborigines. – N.Y.: Russell and Russell, 1972. – P. 218–246.
- Steller G.W.** Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und Verschiedenen Gewohnheiten. – Frankfurt; Leipzig, 1774.
- Steller G.W.** Von Kamtschatka nach Amerika // Revised by Dr. M.Heindrich. – Leipzig, 1926. – 158 p.
- Thompson J.I.S.** Thomas Gage's travels in the New World. – Norman, 1958.
- Tooley R.V.** Maps and Map-makers. – L.: P.T. Batsford LTD, 1952. – 140 p.
- Wauchope R.** Lost Tribes and Sunken Continent. – Chicago, 1962. – 156 p.
- Wilson D.** Physical ethnology // Smithsonian report 1862. – Wash., 1863.

Материал поступил в редколлегию 27.12.2000 г.

УДК 572.5

К.Дж. Тернер II¹, Н.Д. Оводов², Н.В. Мартынович³, А.Н. Попов⁴¹Отделение антропологии, университета штата Аризона
Темпи, Аризона, США 85287-2402²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия³Красноярский краеведческий музей
ул. Дубровинская, 81, Красноярск, 660049, Россия⁴Музей Дальневосточного государственного университета
Океанский пр., 37, Владивосток, 690000, Россия

ПРИЗНАКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПЕРИМОРТАЛЬНОЙ ТАФОНОМИИ КОСТЕЙ, РАЗРУШЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ИЛИ АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ГОЛОЦЕНЕ СИБИРИ И ПРИМОРЬЯ

Введение

Русский палеонтолог И.А. Ефремов [Efremov, 1940] ввел термин “тафономия”, обозначающий исследование процессов захоронения (образования местонахождений), т.е. процессов, способствующих попаданию объектов в слой и их посмертному изменению. Учет конкретной обстановки залегания костных или иных органических остатков оказался весьма перспективным для палеоэкологии, в частности, для изучения деятельности людей и животных, а также различных средовых контекстов, в которых кости были (или, вопреки ожиданию, не были) обнаружены.

К.Дж. Тернер [Turner, 1983] ввел в употребление термин “перимортальный”, означающий “происходящий в момент смерти либо непосредственно до или после нее”. Это было необходимо, чтобы отделить данный краткий период от обоих продолжительных — до и после смерти. Такие процессы, как убийство животного, разделка туши, приготовление пищи, преднамеренное раздробление длинных костей для извлечения калорийного костного мозга, обычно либо совпадают с моментом гибели животного, либо происходят непосредственно вслед за ним. Итак, перимортальная тафономия — это изучение процессов, следы которых фиксируются на костях в виде разных повреждений, возникающих во время данного пере-

ходного периода. Причиной таких повреждений могут быть деятельность людей или животных либо природные факторы.

Кости для исследований поступают из археологических и палеонтологических местонахождений. Совокупность таких скоплений костей служит материалом для изучения *посмертной истории* организма, которая сменяет его *прижизненную историю*, традиционно изучаемую зоологами, этнографами, биографами, историками и социологами.

Строго говоря, перимортальная тафономия, по крайней мере, в неформальном смысле — не такое уж новое направление в естественных науках. Так, на протяжении более чем ста лет в науке бытует гипотеза, основанная на характере переломов костей и царапин на них, согласно которой неандертальцы Крапины были каннибалами (данный вопрос все еще остается открытым). В начале XX в. Р. Дарт [Dart, 1957], изучая кости с острыми краями разломов, челюсти с зубами, похожие на пилы, и заостренные костные стержни рогов, обнаруженные им в южноафриканских известняковых брекчиях вместе с останками ископаемых гоминидов, выдвинул гипотезу о том, что австралопитеки были создателями “остеодонтокератической” (костно-зубороговой) культуры. Можно привести и многочисленные примеры более поздних исследований перимортальной тафомии. Так, Дж. Уит [Wheat, 1972]

проделал прекрасную работу, продемонстрировав, как 190 позднеплейстоценовых американских бизонов были загнаны в ловушку и убиты в одном месте палеоиндейцами. Материалом для выводов послужили геологический контекст, характер обработки костей, отсутствующие их элементы и орудия, найденные там же. Чтобы сравнить свои археологические наблюдения с реальными данными о промышленной переработке мяса, Уит некоторое время наблюдал за операциями по упаковке обработанной говядины в фабричных условиях. Исследования Уита и других современных авторов отличаются от работ их предшественников более формализованным анализом перимортальной тафономии. Эти исследования почти всегда носят количественный и статистический характер и направлены на то, чтобы проверить альтернативные гипотезы, касающиеся разных аспектов тафономии стоянок или скоплений костей. Заинтересованный читатель может найти наиболее полный общий обзор литературы по тафономии позвоночных в монографии Р. Лимана [Luman, 1994]. К числу более специальных исследований относятся работы Бинфорда [Binford, 1981], Ну-Нюггарда [Noe-Nyggard, 1977], Шипмана [Shipman, 1981], Тернера и Тернер [Turner C.G., Turner J.A., 1999] и Уайта [White, 1992].

Цель настоящей работы – дать предварительные определения примерно 20 перимортальных тафономическим признакам, изученным нами за последние три года по костным материалам из сибирских пещер и со стоянок открытого типа, которые были населены в плейстоцене и голоцене людьми, хищниками или и теми и другими [Оводов, 1991; Rudenko, 1961; Радиоуглеродная хронология..., 1997]. Задача заключается в том, чтобы научиться надежно различать следы, оставленные на костях людьми и хищниками, в особенности гиенами. С постановкой этой проблемы связано немало интересных вопросов. Например, были ли стоянки в те эпохи обитаемы постоянно, или же в какие-то периоды люди оставляли пещеры и там поселялись животные? Такая информация могла бы оказаться полезной для решения проблем миграций при переходе к верхнему палеолиту. Базируются ли утверждения о каннибализме у неандертальцев на реальных признаках расчленения человеческих тел или же эти следы на костях оставлены хищниками? Какую роль могли сыграть крупные хищники типа гиен в жизни позднеплейстоценовых обитателей Сибири и в их расселении? Чтобы ответить на такие вопросы, используя данные перимортальной тафономии, необходимо изучить целый ряд признаков на крупных выборках костей со стоянок разного типа. Такая работа и ведется нами. Краткий доклад на эту тему был сделан на Международной конференции в Куртаке вблизи Красноярска [Turner et al., 2000]. В данной статье мы рассказываем о проведенной работе более подробно.

В 1998 и 1999 гг. было определено от 7 до 26 признаков на 1 779 костях. Общее число наблюдений составило 33 334*. К 15 августа 2000 г. было проанализировано еще 1 642 образца костей по 26 – 27 признакам, что составило 43 188 наблюдений. Табл. 1 представляет бланк, используемый нами для описания костей. Иногда тот или иной показатель не поддается определению. Это большей частью касается костей, а не зубов. В целом анализ 3 421 образца позволил получить 76 522 наблюдения. В табл. 2 приведены сведения о стоянках, материалы которых были использованы для анализа, и количестве наблюдений. Изученная выборка (3 421 образец) составляет около 2% от общего числа образцов (около 200 тыс.). При отборе использовались два критерия: 1) максимальная длина образца должна быть больше 2,5 см, поскольку косточка меньшего размера дает слишком скудную информацию о перимортальных изменениях, 2) повреждение поверхности кости корнями растений должно быть минимальным. На материалах из пещерных стоянок такие разрушения редки (< 1,0% образцов), в то время как на некоторых открытых стоянках поверхность большинства образцов сильно повреждена корнями (50%).

Определения перимортальных тафономических признаков

Бланк, используемый для фиксации наблюдений (см. табл. 1), рассчитан на 12 образцов (столбцы), на каждом из которых определяются признаки, приведенные в боковике таблицы. В нем указывается тип археологического или палеонтологического памятника, место залегания образца (заполнение пещеры, пол помещения, очаг и т.д.), день, месяц и год, когда были проведены наблюдения. Признак либо назван (например, вид), либо обозначено его присутствие (+) или отсутствие (0). Если определение невозможно, ставится прочерк. Приведенные ниже пронумерованные признаки являются основными. В своем большинстве они были отобраны во время предварительного исследования, проведенного в 1998 г., и дополнены деталями, описанными Тернером и Тернер [Turner C.G., Turner J.A., 1999] в ходе изучения ими каннибализма и насилия у древних жителей юго-запада США. В зависимости от поставленной цели набор признаков может варьировать.

1. Вид. Многие целые кости или фрагменты могут быть определены с различной степенью точности. Например, *Canis lupus*, *Canis sp.*, хищник, животное среднего размера либо неизвестное. Некоторые фрагменты не определяются с точностью до рода или семейства,

* Turner C.G. II. Preliminary Report to National Geographic Society Committee for Research and Exploration of "Bone Damage by Humans and Hyenas of Late Pleistocene Siberia" (NGS grant N 6454-99). 1999 г.

Таблица 1. Образец заполненного бланка, используемого в рамках проекта по изучению тафономии костей, поврежденных гиенами и людьми в плейстоцене и голоцене Сибири

Местонахождение Место залегания Дата Вид Место залегания/глубина	Еленева пещера Заполнение пещеры 08.04.2000 Косуля Из уровня 4, кв. 8 В											
	Плече- вая A F - 6,2 Эпифиз	Нижняя челюсть A W - 17,4 Открытая полость	Пяточ- ная A W - 9,6 U	Плече- вая A F - 4,5 Эпифиз	Мета- подия A F - 4,9 Эпифиз	Локте- вая S-A F - 8,8 Сегмент	Локте- вая A F - 8,9 Сегмент	Мета- подия A F - 6,3 Эпифиз	Лопатка A F - 1,0 Эпифиз	Пяточ- ная A F - 6,9 Сегмент	Мета- подия A F - 4,6 Эпифиз	Мета- подия A F - 4,4 Эпифиз
Элемент скелета												
Возраст (A, S-A,?)		I	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I
Целая или фрагмент с одним концом		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Фрагмент без обоих концов		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Максимальная длина, см		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Характер повреждения		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Цвет (по цветовой шкале)		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Текстура (меловая, слоновая)		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Перимортальные переломы		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Посмертные разрушения		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Обглоданные концы		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Выемки		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Зазубрины		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Число царапин, оставленных зубами		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Количество вмятин от зубов		0	0	0	5	0	0	0	0	0	0	0
Число псевдонадрезов		0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Число бороздок стертости		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Заполированность: на конце, в середине, в обоих местах		E	0	0	E	0	0	B*	B	E	0	0
Число включений		0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Стертость зуба (0 – 4)		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Эрозия		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Следы зубов грызунов		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Следы, оставленные насекомыми: дорожка (T), дырочка (H), и то и другое		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Искусственные повреждения человеческих костей (C, PB, A, P, B)		8	0	4	12	0	0	0	1	8	0	0
Следы от режущих орудий		1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0
Следы от рубящих орудий												

* Сильно отполированный (вероятно, орудие).

Таблица 2. Сибирские археологические и палеонтологические памятники, материалы которых использовались для перимортальных тафономических наблюдений

Стоянка	Кости (целые или фрагменты)	Кол-во наблюдений	Кол-во признаков
<i>Исследования 1998 – 1999 гг.</i>			
Разбойничья пещера (Р)	404	10,504	26
Денисова пещера (А)	116	3,016	26
Усть-Канская пещера (А)	96	2,496	26
Пещера им. Окладникова (А)	144	3,744	26
Усть-Кова (А)	120	3,120	26
Малая Сыя (А)	144	3,744	26
Проскуряковский грот (Р)	48	1,248	26
Айдашинская пещера (человеческие останки)	22	572	26
Кыркылинская пещера (человеческие останки)	5	130	26
Бойсмана II (А) (7 признаков)	680	4,760	7
<i>Итого</i>	1,779	33,334	–
<i>Исследования 2000 г. (на 15 августа)</i>			
Разбойничья пещера (Р)	210	5,460	26
Каминная пещера (А)	216	5,616	26
Еленева пещера (А)	228	5,156	27
Красный Яр (Р)	204	5,304	26
Пещера им. Окладникова (А)	24	648	27
Пещера Двуглазка (А и Р)	240	6,480	27
Кыркылинская пещера (Р)	4	108	27
Бойсмана II (А)	516	13,416	26
<i>Итого</i>	1,642	43,188	
<i>Всего</i>	3,421	76,522	

Примечание: (А) – археологическая стоянка; (Р) – палеонтологическое местонахождение.

но по их величине можно оценить размер животного (например, термином “крупное животное” могут обозначаться лошадь, бизон, носорог или мамонт). В материалах, собранных на прибрежных стоянках типа Бойсмана II, “крупная кость” означает принадлежность ее китам или другим крупным морским млекопитающим. Кости среднего размера могут принадлежать лосю, оленю или кабану, а маленькие – лисе, кунице или зайцу.

2. Место залегания/глубина. Кости и зубы обычно залегают в горизонтальных и вертикальных участках раскопа, именуемых разрезами, квадратами, горизонтами и слоями. Так, место залегания может быть названо слоем 1 (0 – 25 см), секцией 1-А. Какое бы археологическое обозначение ни приписывалось участку, где найдены кости, его следует сохранить до тех пор, пока статистический анализ не покажет, что несколько таких единиц не различаются, только тогда допустимо суммирование материалов с нескольких участков одного местонахождения и даже из нескольких близлежащих местонахождений (с учетом стоящих перед исследователем задач, которые могут быть связаны с изучением одного местонахождения, нескольких местонахождений, целого района или даже крупного региона).

3. Скелетный элемент. Кости, сохранившиеся целиком (бедро, позвонок и т.д.), могут быть легко

идентифицированы. Столь же легко поддаются идентификации костные фрагменты с суставными поверхностями или четко выраженным поперечным сечением (например, метаподии и ребра). Зубы всегда можно отличить от костей независимо от степени фрагментации. Менее надежно определяются длинные кости (включая фрагменты метаподий без диагностических анатомических признаков), а также прочие невыразительные фрагменты.

4. Возраст особи. Мы используем три возрастные категории: взрослый(ая) – А, подросток – S-A и неизвестный(ая) (?). Первые две различимы, если наблюдается полное (взрослый) или неполное (подросток) слияние эпифиза и диафиза. Некоторые фрагменты костей подростков можно распознать по бугристой поверхности активно растущей кости и по ее относительно небольшому весу. Большинство маленьких фрагментов кости не позволяет определить возраст. Неполное прорезывание моляров характерно для подростков (исключение составляют слоны).

5. Целые кости или фрагменты с одним сохранившимся концом (краем). Для этого признака используются такие обозначения: W (целая), F (фрагмент с одним сохранившимся концом или краем) и прочерк (ни один из концов или краев не сохранился). Этот признак оказался полезным для дифференциации

повреждений, причиненных людьми и животными. Хищники чаще разрушают эпифизы костей, где компакта тоньше и, соответственно, легче поддается разгрызанию; человек же обычно разбивает кость в середине диафиза, оставляя эпифизы нетронутыми.

6. Фрагменты с несохранившимися концами (краями). Фрагмент, у которого ни один из концов (краев) не сохранился, обозначается знаком (+). Хотя при этом дублируется признак 5, мы все же учитываем присутствие или отсутствие концов (или краев) кости в качестве отдельного признака, поскольку в случае нетрубчатых костей вроде тазовых или позвонков не всегда понятно, сохранился ли край. Кроме того, у большинства маленьких фрагментов ни концов, ни краев нет, так что данный признак в известной мере определяет следующий.

7. Максимальная длина. Измеряется с точностью до миллиметра. При этом имеется в виду не анатомическая длина, которая может быть на несколько миллиметров меньше максимальной. Последняя определяется для того, чтобы оценить средний размер фрагментов и проверить, есть ли статистическая разница в степени фрагментации костей человеком и хищниками. Кроме того, представляет интерес максимальный размер костных фрагментов, заглатываемых гиенами.

8. Характер повреждения. При описании повреждений для основных элементов скелета используются следующие термины:

А. Череп: свод, основание, фрагмент.

Б. Нижняя челюсть: с зубами, с пустыми альвеолами, симфиз, головка.

В. Зуб: целый, коронка, корень.

Г. Позвонок: тело, остистый отросток.

Д. Длинные кости, метаподии и фаланги: отщепы, осколки, открытые полости, сегмент, эпифиз. Отщепами мы называем кусочки неправильной формы без полного поперечного сечения. Кусочки костей с полными поперечными сечениями (т.е. такие, где компакта осталась нетронутой по всему периметру) называются сегментами. Осколки – это шиловидные кусочки, длина которых, по крайней мере, в 4 раза больше ширины. К костям с открытой полостью могут относиться сегменты либо целые кости с проломами, свидетельствующими о намерении извлечь костный мозг. Эпифиз – это все, что остается от трубчатой кости, когда диафиз с противоположным эпифизом отсутствуют. Такое чаще всего случается с длинными костями стопы и метаподиями.

Е. Ребра: проксимальные (те, что ближе к позвоночнику), дистальные (те, что дальше от него) и медиальные (относящиеся к промежутку между обоими концами) фрагменты.

Ж. Таз: центр (вертлужная впадина или область вблизи нее) и фрагменты (относящиеся к любой другой области таза).

З. Лопатка: почти целая (которая сохранилась по крайней мере наполовину) и фрагмент.

И. От любого скелетного элемента может сохраниться “кусочек неправильной формы”. Мы стараемся избегать этого определения, но вынуждены применять его, когда фрагменты нельзя описать с помощью других терминов.

К. Неповрежденные. Это целые кости без каких-либо повреждений или с минимальными дефектами. Термин не применим к фрагментам, поскольку в этом случае кость повреждена по определению.

9. Цвет. Кость имеет один и тот же цвет до тех пор, пока не подвергается воздействию почвы, почвенных вод, содержащих минералы, или огня. Поначалу мы фиксировали этот признак, используя стандартную шкалу цветов, но она оказалась малоэффективной. Теперь мы различаем четыре цвета, которые легко распознаются на глаз: слоновой кости (I) – от бледно-кремового до светло-коричневого, белый (S) – меловой, коричневый (Br) – когда кость сильно окрашена, черный. Черный цвет обычно является результатом обожженности или проникновения в кость солей марганца. Обожженность затрагивает только верхний слой кости, и ее легко определить, слегка поцарапав поверхность. Обожженность проникает внутрь по крайней мере на 1 – 2 мм. Этот показатель отмечается в нижней части бланка (графа “особые отметки”). За три года работы над этим проектом было обнаружено очень мало обожженных костей даже в местах обитания человека, поэтому данный признак и не вошел в число ключевых.

10. Текстура. Легко различаются две категории: 1) в подавляющем большинстве случаев отмечается состояние, именуемое “слоновой костью” (I) – твердая поверхность, которую нельзя поцарапать ногтем; 2) меловая (S) – обычно белая, можно поцарапать ногтем, компакта легко крошится, поверхность шелушится. “Меловой” кость становится в результате выветривания и обезвоживания под открытым небом, либо вследствие воздействия тепла, либо по причине залегания в слое, где уровень влажности сильно колебался в течение года. В последнем случае соль и другие растворимые минералы при высушивании образуют кристаллы, которые в процессе роста разрыхляют кость, что обнаруживается как микроскопически, так и макроскопически. По материалам раскопок мы можем заключить, что лучше всего кости сохраняются, когда они защищены от выветривания, солнечного света и быстрого обезвоживания. Именно такие условия создаются обычно в пещерах или на стоянках открытого типа, где кости быстро покрываются почвой или слоем мусора. На открытых стоянках самые лучшие условия для сохранности костей возникают тогда, когда они погребены в цементирующей среде, содержащей большое количество ракушечного материала, как на стоянке Бойсмана II.

11. Перимортальные переломы. Поверхности разломов на костях, расколотых в момент смерти, незадолго до нее или вскоре после нее, выглядят гладкими и часто изгибаются в виде спирали вокруг длинной оси кости. Иногда в точке удара наблюдаются раздавливание и раковистые изломы, свидетельствующие о том, что удар был сделан тупым тяжелым предметом типа отбойника. В сухих пещерах кости сохраняются хорошо и перимортальные разломы определяются даже спустя многие столетия после того, как человек или животное погибли. Отличить перимортальные разрушения от прочих можно лишь по контексту. Признак фиксируется как присутствующий (+), отсутствующий (0) или неопределимый (прочерк).

12. Посмертные разрушения. О том, что разрушения произошли спустя месяцы или годы после смерти, свидетельствует ступенчатый характер разломов, поверхность которых часто не гладкая, а зернистая. Она может крошиться и по цвету всегда светлее, чем поверхность окружающих участков кости. Признак фиксируется как присутствующий (+), отсутствующий (0) или неопределимый (прочерк).

13. Выемки на концах костей. Хищники обычно обгладывают эпифизы длинных костей, ребра, остистые отростки позвонков и прочие части, где компакта тонкая. В результате большая часть эпифиза исчезает, а оставшаяся имеет неровную чашевидную форму. На диафизе вблизи таких обглоданных концов часто видны следы зубов. Выемки на концах костей – надежное свидетельство деятельности животных, которые могли обгладывать кости уже после того, как с ними имел дело человек.

14. Зазубрины на поверхности разломов. Еще одним показателем деятельности животных являются зазубрины на плоскости разлома, вызванные давлением челюстей и зубов, в результате чего откалываются маленькие кусочки кости. На зазубринах могут оставаться прилипшие к ним чешуйки, однако поверхность не выглядит такой раскошенной, как после ударов каменными молотками. Недалеко от зазубрины бывает и другие следы от зубов. Некоторые зазубрины появляются в результате ударов. Признак фиксируется как присутствующий (+), отсутствующий (0) или неопределимый (прочерк).

15. Царапины, оставленные зубами. Когда кости или их фрагменты проскальзывают в челюстях хищника, на них могут образовываться царапины разной длины, глубины и очертаний. Их поперечное сечение обычно напоминает букву U, но иногда имеет прямоугольные очертания. Тонкие и неглубокие линии, скорее всего, оставлены мелкими хищниками, а глубокие и широкие (3 – 4 мм глубиной и шириной) – крупными, в особенности гиенами. Данный признак фиксируется путем подсчета числа царапин на фрагменте или на целой кости. Царапины, оставленные зу-

бами, редко бывают прямыми, чаще криволинейными или изломанными под прямым углом.

16. Вмятины от зубов. Вмятина или ямка образуется от глубокого или поверхностного проникновения верхушки зуба в поверхность кости во время сжатия челюстей крупным или мелким хищником. Такие вмятины часто располагаются рядами по три-четыре, и по их форме можно судить о форме зубов; чаще всего это зубы режущего типа. По величине вмятин можно также определить размеры животного: небольшие мелкие углубления, вероятнее всего, оставлены хищниками типа лис, глубокие вмятины (1 – 4 мм в диаметре) – крупными зверями. Подсчитывается число ямок.

17. Псевдонадрезы. Эта категория включает повреждения, напоминающие следы, оставленные каменными орудиями. Они были впервые отмечены на фрагментах костей из палеонтологического местонахождения Разбойничья пещера. В настоящее время у нас нет четких критериев для различения псевдонадрезов и реальных следов, оставленных каменными орудиями. Псевдонадрезы почти всегда имеются на фрагментах и целых костях, побывавших в зубах животного, о чем свидетельствуют ямки, царапины и обглоданные концы. В палеонтологическом контексте и в сочетании с диагностическими признаками повреждений, нанесенных хищниками, псевдонадрезы на костях определяются как редкий тип их изменений, вызванных хищниками и имитирующих следы искусственной обработки. Однако в археологическом контексте трудно отделить тафономически псевдонадрезы и следы, оставленные зубами хищника, от следов искусственной обработки. Более того, по псевдонадрезам не устанавливается ни форма зубов, ни возраст животного. Возможно, речь идет о молодых особях, чьи режущие зубы еще остры, как бритва, или же о сломанном зубе, край которого образует тоненькие желобки, подобные следам каменного резца. Для решения этих вопросов необходимы эксперименты. Нужно с большой осторожностью относиться к идентификации насечек и надрезов в качестве следов каменных орудий, если имеется хоть малейшее подозрение, что кости обглаживались хищниками.

18. Стертость. Стертость может возникнуть в результате трения кости о шероховатую твердую поверхность типа крупнозернистой поверхности естественного камня либо инструмента вроде отбойника или наковальни. В этом случае стертость обычно имеет вид тонких, более или менее прямых, плотно прилегающих друг к другу бороздок, число которых варьирует от 5 до 20. Такая стертость имеет искусственное происхождение и свидетельствует о намерении вскрыть кость и извлечь костный мозг. Бороздки же, расположенные хаотично и пересекающиеся, скорее всего, говорят о том, что животное, “игравшее” с костью, катало ее по абразивной поверхности. Здесь

нельзя усмотреть какого-либо специального намерения. Подсчитывается количество бороздок.

19. Заполированность. Кость может быть сломана в любом месте, но чаще всего на концах или по бокам фрагмента. Еще будучи свежими, грани разлома могли подвергаться трению о грунт или о зубы хищника. В результате возникает заполированный участок размером от 0,5 до 10 мм и более; иногда он занимает всю площадь продольного разлома. Для фиксации признака необходима лупа с 10-кратным, а еще лучше 20-кратным увеличением. Заполированные участки блестят и отражают свет. Классифицируется признак по расположению: на конце кости (Е), в середине (М) либо в обоих местах (В). Он встречается и на неповрежденных поверхностях костей, однако лучше всего учитывать его лишь на перимортальных изломах. Степень заполированности кости или фрагмента и общее число заполированных участков во всей совокупности костей служат хорошим показателем интенсивности деятельности хищников. Есть некоторые указания на то, что заполированность может возникать и в результате действия геологических факторов – воды, принесенной ветром пыли и т.д. Отсутствие данного признака на древних костях свидетельствует о хорошей защищенности их от всех перечисленных факторов. А это, в свою очередь, может указывать на низкую тафономическую активность слоя.

20. Включения. В любой зазубрине, вмятине или точке удара могут застрять кусочки кости, либо вдавленные, либо прилипшие к окружающей компакте или спонгиозе. Подсчитывается число таких кусочков. Пока неясно, имеет ли этот признак какую-либо ценность с точки зрения тафономии. Но можно с определенностью утверждать, что он всегда связан с деятельностью человека или животных; ни в каком другом контексте включения не были отмечены.

21. Стертость зубов. Если зубы все еще находятся в челюсти или ее фрагментах, их стертость служит довольно хорошим индикатором относительного возраста особи внутри популяции того или иного вида. Классификация проводится на основании среднего износа (если осталось более одного зуба). Отсутствие стертости (непрорезавшийся зуб или прорезавшийся совсем недавно) – 0, дентин обнажен – 1, бугорки в значительной мере стерты – 2, вскрыта полость зуба или обнажен вторичный дентин – 3, остались только корни – 4. Возможны и промежуточные баллы. Так, если в челюсти молодого животного имеется один зуб без следов стертости, а на другом небольшое количество дентина обнажено на одном или нескольких бугорках, то ставится балл 0 – 1 или 0,5. Нужно попытаться как можно точнее определить общую степень стертости.

22. Эрозия. Кусочки кости, проглоченные хищником в процессе поедания мягких тканей и раздробленных костей, проходят сквозь пищеварительный тракт.

Воздействие на них концентрированных желудочных кислот (в частности, если речь идет о гиене) вызывает отчетливую эрозию поверхности, заполированность и окатанность фрагмента. Диаметр таких кусочков обычно около 4 см (92 “желудочные” косточки из пещеры Двуглазка имели среднюю наибольшую длину 3,9 см с колебаниями от 1,7 до 7,5 см). Оказалось, что даже зубы, попав в желудок хищника, претерпевают эрозию под действием кислот. Идентифицировать “желудочные” кости анатомически, как правило, невозможно. За небольшими исключениями, степень эрозии у всех таких косточек почти одинакова и зависит лишь от того, относится ли тот или иной кусочек в основном к компакте или же к спонгиозе. Мы полагаем, что присутствие “желудочных” костей в археологическом контексте пещеры – надежное свидетельство того, что человек жил в пещере не постоянно и что гиены использовали ее как убежище в период отсутствия людей. Фиксируется как наличие (+) или отсутствие (0).

23. Следы зубов грызунов. Многочисленные тонкие и короткие (словно прочерченные резцом) параллельные линии на костях, особенно на их острых краях, возникают в результате обглаживания их грызунами. Такие следы, несомненно, свидетельствуют о том, что стоянка была заброшена людьми. Фиксируется как присутствие (+) или отсутствие (0).

24. Повреждения, причиненные насекомыми. В редких случаях насекомые оставляют на костях следы в виде поверхностных дорожек или дырочек, пронизывающих компакту. Отличить их от аналогичных повреждений, причиненных корнями растений, можно по отсутствию ветвления. Кроме того, дорожки от корней различаются по ширине: чем старше корень, тем шире оставляемый им след. Дорожки же и дырочки, сделанные насекомыми, имеют одинаковую ширину. Пока что мы не знаем, какие именно насекомые, а возможно и другие беспозвоночные, оставляют такие повреждения, поскольку данных, относящихся к естественной мацерации останков животных, недостаточно. Фиксируется признак следующим образом: дорожка (Т), дырочка (Н), и то и другое (В), ни того, ни другого (0) и не определяется (прочерк).

25. Повреждения человеческих костей, вызванные деятельностью человека. Этот особый признак привлекается только в том случае, когда наблюдатель уверен, что человеческая кость была повреждена людьми. Гипотеза о каннибализме выдвигается лишь при наличии по меньшей мере шести ключевых признаков: 1) надрезы (С), 2) перимортальные разломы (РВ), 3) стертость (А), 4) заполированность концов фрагментов (Р), 5) обожженность (В), 6) отсутствие многих позвонков, выявляемое после подсчета всех частей скелета.

26. Надрезы. По следам на костях животных можно установить, что люди некогда обрабатывали туши,

скелеты или отдельные кости. Надрезы, оставленные каменными орудиями, обычно имеют линейную форму, их поперечное сечение V-образное, край неровный, уступчатый, с маленькими неполностью отломанными кусочками кости, находящимися внутри надреза, под прямым углом к поверхности кости. Надрезы чаще всего расположены вблизи суставов, что свидетельствует об отделении и расчленении конечностей, голов, челюстей и т.д. Их длина и ширина, как и количество на каждом фрагменте, сильно варьируют. Подсчитывается число различных надрезов на каждой кости или фрагменте. Появляются они в результате соприкосновения режущего инструмента с костной поверхностью, причем направление движения иногда можно определить: в начале надрез глубже и шире, а в конце он сужается и становится менее глубоким. Этот конец может быть также слегка искривленным. Нужна дальнейшая экспериментальная работа, чтобы определить, оставляют ли отщепы, пластины и бифасы отчетливые надрезы.

27. Следы от рубящих орудий. В противоположность надрезам следы от орудий типа топорика возникают вследствие сильного короткого удара по поверхности кости. В результате остается клиновидный, иногда глубокий след. В зависимости от остроты рубящего орудия он может иметь либо гладкие, либо неровные внутренние поверхности. Первые являются результатом воздействия острых орудий, вторые – более тупых.

Обсуждение

Как уже отмечалось в сообщении, сделанном на Международной конференции по сибирскому палеолиту в Куртаке (Красноярский край) [Turner et al., 2000], в настоящее время можно предложить шесть предварительных выводов, которые выглядят достаточно надежными.

1. В скоплениях костей из пещеры Разбойничья, где обитали гиены, выявляется четкая картина перимортальных повреждений, хотя некоторые следы от зубов весьма напоминают следы, оставляемые каменными орудиями. Как уже отмечалось, это и есть псевдонадрезы. Свидетельствами деятельности крупных хищников обычно являются царапины от зубов, вмятины, обглоданные концы костей, выемки, перимортальные переломы, обилие фрагментов без эпифизов, включения, “желудочные” кости и сильная заполированность фрагментов. Частота этих признаков будет определена к концу 2001 г.

2. На стоянках, где жил человек, имеются многочисленные кусочки костей со следами, оставленными режущими и рубящими каменными орудиями; следы от рубящих орудий, по-видимому, более часты на костях из более ранних слоев. Это особенно характерно для Денисовой пещеры. Там же найдены и “же-

лудочные” кости, несомненно свидетельствующие о посещении ее гиеной.

3. Перимортальные переломы, причиненные человеком и гиеной, довольно похожи, из чего следует, что сами по себе они не могут считаться надежным свидетельством деятельности человека. На голоценовых стоянках типа Бойсмана II или в голоценовых слоях алтайских местонахождений, т.е. в материалах, относящихся к эпохе, когда гиены уже вымерли, перимортальные переломы можно будет считать свидетельством человеческой деятельности, если в ходе будущих полевых работ подтвердится, что волки и медведи, в отличие от гиен, глотают, но не разгрызают кости. А пока мы призываем к сугубой осторожности в случаях, когда перимортальные переломы являются единственной тафономической особенностью, позволяющей предполагать обработку костей человеком. Такова, в частности, ситуация на палеонтологическом местонахождении Красный Яр, расположенном на берегу Обского моря. Здесь обнаружено множество костей с перимортальными переломами, встречены даже надрезы на костях, датированных 90 тыс. л.н.

4. Вопреки ожиданию, в материалах стоянок, приведенных в табл. 2, было обнаружено очень немного обожженных костей. На неолитической стоянке Бойсмана II, где найдено огромное количество керамики, этот факт можно отнести за счет варки пищи в глиняных сосудах. Но на плейстоценовых стоянках, где керамики нет, мы предполагали найти множество обожженных костей. Наше ожидание не оправдалось. Для объяснения этого факта можно было бы предложить две гипотезы: а) мясо не жарили вообще; б) мясо не жарили именно на тех палеолитических стоянках, материалы которых нами изучены. Оба эти предположения представляются малоубедительными. Огонь, согревавший людей, отгонявший насекомых и отпугивавший хищников, вполне можно было бы использовать и для приготовления еды. Таким образом, удовлетворительное объяснение пока отсутствует.

5. В культурных слоях найдено множество фрагментов костей, повреждения на которых явно вызваны деятельностью гиен или других хищников. Отсюда следует, что в пещерах типа Денисовой люди обитали только в определенное время года. Вместе с тем нельзя исключить постдиспозиционного (вертикального и линейного) перемещения органических материалов.

6. Учитывая изобилие гиен в плейстоцене и их губительное воздействие даже на крупных травоядных, мы задумываемся о взаимоотношениях человека и гиены в древности. С одной стороны, могло существовать нечто вроде симбиоза; может быть, в какой-то степени практиковался даже дележ добычи: стая гиен, убив крупное травоядное животное, съедала свою долю, после чего люди распугивали хищников

и заставляли бросить добычу, могло происходить и обратное. С другой стороны, возможен и полный антагонизм между людьми и гиенами. Суровый климат тормозил процесс освоения людьми северных территорий, нельзя исключить и того, что стаи гиен, а может и других крупных хищников, были существенным фактором в ограничении экспансии человека в Западную Берингию до тех пор, пока люди не приручили собаку, которая могла защищать их от разбойничавших стай гиен. Небезынтересно, что один из авторов этой работы (Н. Оводов) нашел в Разбойничьей пещере череп собаки, датированный около 14 тыс. л.н.

Заключение

В этой работе мы дали предварительные определения нескольким формам перимортальных модификаций костей и другим типам повреждений. Нет сомнений, что детальное их изучение, независимо от того, вызваны ли эти повреждения деятельностью людей, животных или иных факторов, служит новым источником данных, позволяющих реконструировать жизнь и среду обитания древних жителей Сибири. Полученные результаты, о которых мы здесь рассказали, выглядят обнадеживающими. Желательно дополнить нашу стандартизованную программу новыми признаками, но в то же время мы настоятельно советуем оставить ее в качестве основы для будущих наблюдений, ибо только это обеспечит сопоставимость наших результатов с новыми данными по фаунистическим коллекциям с территории Сибири и Восточной Азии.

Благодарности

Проект был обеспечен грантами, полученными основным исполнителем К. Тернером из его профессорского счета, а также от Национального Географического общества и от Фонда имени Веннер-Грена, поддерживающего антропологические исследования. Мы глубоко признательны директору Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН академику А.П. Деревянко и ректору Красноярского педагогического университета Н.И. Дроздову за помощь и поддержку в реализации нашего проекта. Выражаем также благодарность начальникам полевых отрядов – Сергею Маркину, Александру Постнову и Михаилу Шунькову – за разрешение посетить стоянки и отобрать образцы костей для анализа. Сергей Васильев оказал помощь в идентификации видов. Перевод данной работы на русский язык сделан О.В. Павловой.

Список литературы

- Оводов Н.Д.** Разбойничья пещера. Археология и палеоэкология палеолита в Алтайских горах: Путеводитель Международ. симпоз. "Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)" / Сибирское отделение Академии наук СССР. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1991. – 158 с.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы** / Под ред. А.А. Синицына, Н.Д. Праслова. – СПб.: ИИМК РАН, 1997.
- Binford L.R.** Bones: Ancient Man and Modern Myths. – N.Y.: Academic Press, 1981.
- Dart R.A.** The Osteodontokeratic Culture of Australopithecus africanus // Memoirs of the Transvaal Museum. – 1957. – Vol. 10. – P. 1 – 105.
- Efremov I.A.** Taphonomy: New Branch of Paleontology // Pan-American Geologist. – 1940. – Vol. 74(2). – P. 81 – 93.
- Lyman R.L.** Vertebrate Taphonomy. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Noe-Nygaard N.** Butchering and Marrow Fracturing as a Taphonomic Factor in Archaeological Deposits // Paleobiology. – 1977. – Vol. 3(2). – P. 218 – 237.
- Rudenko S.I.** Ust-Kanskaia Paleolithic Cave Site, Siberia // American Antiquity. – 1961. – Vol. 27(2). – P. 203 – 215.
- Shipman P.** Life History of a Fossil. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.
- Turner C.G. II.** Taphonomic Reconstructions of Human Violence and Cannibalism Based on Mass Burials in the American Southwest // Carnivores, Human Scavengers, and Predators: A Question of Bone Technology / Eds. G.M. LeMoine, A.S. MacEachern. – Calgary: Archaeological Association of the University of Calgary, 1983. – P. 219 – 240.
- Turner C.G. II, Turner J.A.** Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest. – Salt Lake City: University of Utah Press, 1999. – 547 p.
- Turner C.G. II, Ovodov N.D., Martynovich N.V., Derevianko A.P., Drozdov N.I., Pavlova O.V.** Perimortem Taphonomy of Late Pleistocene Siberian Faunal Assemblages from Natural and Cultural Settings // International Scientific Conference "Paleogeography of the Stone Age. Correlation of Natural Events and Archaeological Cultures of Paleolithic Period of Northern Asia and Adjoining Territories". July 22 – 31, Kurtak, Novosyelova District, Krasnoyarsk Krai. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk pedagogical University, 2000. – P. 70 – 71.
- Wheat J.B.** The Olsen-Chubbick Site: A Paleo-Indian Bison Kill // Memoirs of the Society for American Archaeology. – 1972. – N 26, pt 2. – P. 1 – 180. – (American Antiquity; Vol. 37:1).
- White T.D.** Prehistoric Cannibalism at Mancos 5MTUMR-2346. – Princeton: Princeton University Press, 1992.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2001 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.01/09

И. Свобода

*Отделение палеолитоведческих и палеоэтнологических исследований
Института археологии Академии наук Чешской Республики, Брно
Odd. Paleolitu a paleoetnologie,
Archeologický ústav AVČR Brno,
691 29 Dolní Věstonice,
České republiky
E-mail:svoboda@iabrno.cz*

О ПЕРЕХОДЕ ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В период палеолита Северная Азия и Европа были очень похожи по географическому положению, климату, природным ландшафтам и стратегии выживания человека. С учетом этого на данных территориях можно предполагать сходство процессов миграции, аккультурации и развития технологий. Интенсификация в последние десятилетия археологических исследований в Северной Азии способствовала усилению интереса к сравнительному изучению регионов, что получило отражение на страницах настоящего журнала. В русле данной тенденции написана статья М. Отта и Я.К. Козловского, в которой исследуется региональное разнообразие в Северной Евразии, а также выявляется механизм перехода от среднепалеолитических технологий и культур к верхнепалеолитическим.

Проблемы перехода от среднего к верхнему палеолиту неоднократно обсуждались на конференциях и в научной литературе, однако ощущается недостаток теоретических знаний, объясняющих причины культурных изменений и ускорения технологического развития, которые происходили примерно 50 тыс. л.н. и позже. В Европе и на Ближнем Востоке большая часть “переходных” реалий, относящихся к периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту, продолжает сохранять важные элементы среднепалеолитических технологий, будь это техника леваллуа, леваллуа-пластинчатая (например, индустрии, представленные на стоянках Эмиран, Богунице [Prehistory..., 1983; Svoboda, Škrdl, 1995]), бифасиальная (например, се-

летские индустрии [Vedrovice V..., 1993]) или просто устойчивая традиция редукции дисковидных или неподготовленных ядрищ для снятия отщепов. В то же время в большей или меньшей степени увеличивается доля пластин в производстве орудий [Bar-Yosef, Kuhn, 1999] и, соответственно, происходит развитие верхнепалеолитических типов орудий. Важным моментом культурных изменений является появление разнообразных предметов искусства в некоторых комплексах (например, Шательперрон [D’Errico et al., 1998]), а также костяных метательных орудий с расщепленными основаниями и типа Младеч (например, в Селете (?)) [Svoboda, 2001]). Поскольку одни из этих “переходных” реалий были без сомнения произведены поздними неандертальцами (Шательперрон), а другие – возможно, представителями Homo sapiens (пещера Селет), то эти культурные изменения можно объяснить непосредственным или опосредованным влиянием процесса распространения по всей Евразии человека современного физического типа.

Говоря о Северной Евразии, я хотел бы более подробно остановиться на вопросе о проявлениях технологического сходства, которые зафиксированы на удивительно обширной территории. Это сходство нашло отражение в леваллуа-пластинчатой линии перехода, известной в эмиранской культуре, а также на стоянках в Богунице и Кара-Бом (рис. 1) [Svoboda, in press]. Данная технология вызывает особый интерес, т.к. она, вероятно, представляет финальную и

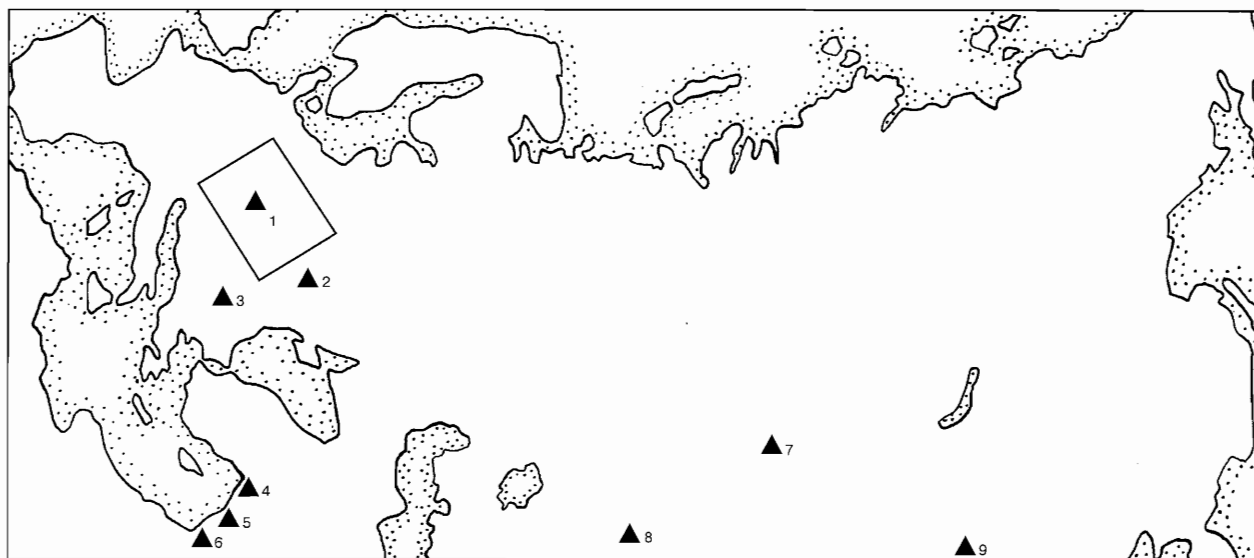

Рис. 1. Карта-схема Северной Евразии. Треугольниками показаны места расположения стоянок эмиранских, богунических и других индустрий, упомянутых в тексте. Квадратом отмечен бассейн среднего Дуная (подробно см. [Svoboda, in press]).

Таблица 1. Радиометрические даты эмиранских, богунических и других леваллуа-пластинчатых индустрий (некалиброванные, реальный возраст может быть на 2 – 3 тыс. лет древнее), г. до н.э.

Индекс	Памятник	Дата, лет
SMU-580	Бокер Тактит I	47 280 ± 950
SMU-259	Бокер Тактит I	46 930 ± 240
AA 27994	Пещера Учагизли H	39 400 ± 1 200
AA 27995	Пещера Учагизли H	38 900 ± 1 100
GX 17597	Кара-Бом-6/5	43 200 ± 1 500
GX 17596	Кара-Бом-5	43 300 ± 1 600
GX 17595	Кара-Бом-4	34 180 ± 640
GX 17594	Кара-Бом-6.4	33 780 ± 570
Gd 4687	Темната Пещера VI	> 38 700
GrN 6802	Богунце-Кежбалы, слой 4a	41 400 + 1 400 – 1 200
Q 1044	То же	40 173 ± 1 200
GrN 6165	Богунце (кирпичный двор), 4a	42 900 + 1 700 – 1 400
GrN 16920	То же	36 000 ± 1 100
GrN 12606	Странска Скала IIIa, нижний горизонт палеопочв	41 300 + 3 100 – 2 200
AA 32058	Странска Скала IIIc, нижний горизонт палеопочв	38 300 ± 1 100
GrN 12297	Странска Скала III, верхний горизонт палеопочв	38 200 ± 1 100
GrN 12298	То же	38 500 + 1 400 – 1200
AA 32058	Странска Скала III d, верхний горизонт палеопочв	37 900 ± 1 100
AA 32060	То же	37 270 ± 990
AA 32061	»	35 080 ± 830
GrA 11504	»	34 530 + 830 – 740
GrA 11808	»	35 320 + 320 – 300
GrN 11190	Виллендорф II 2 (?), ниже слоя 3	39 500 + 1 500 – 1 200
GrN 17806	То же	41 600 + 4 100 – 2 700
GrN 11195	»	41 700 + 3 700 – 2 500

Таблица 2. Сравнительная хронология селетских и поздневаллуазских культур (Эмиран, Богунице, Кара-Бом) в Евразии, построенная на основе обычных дат*

Дата, тыс. л.н.	Селет	Виллендорф II	Богунице и Странска Скала	Темната Пещера	Учагиз-ли	Бокер Тактит	Кара-Бом
33			Ориньяк				4-й уровень обитания – 33 780
34							4-й уровень обитания – 34 180
35	В. – 35 150		С.С. – 34 530 С.С. – 35 080 С.С. – 35 320 Б. – 36 000				
36							
37	В. – 37 600 В. – 37 650		С.С. – 37 270 С.С. – 37 900				
38	Ч.П. – 38 400		С.С. – 38 200 С.С. – 38 300 С.С. – 38 500	Ориньяк > 38 700	38 900 39 400	Охмарийские индустрии	38 080
39		Ориньяк					
40	В. – 39 500		Б. – 40 173				
41			С.С. – 41 300 Б. – 41 400				
42	П.С. > 41 700	2 > 41 700 (?)	Б. – 42 900				
43							5-й уровень обитания – 43 200 6-й уровень обитания – 43 300
44							
45							
46						46 930	
47						47 280	

* В соответствующих графах указано время появления позднепалеолитических культур. Б. – Богунице, В. – Ведровице, П.С. – пещера Селета, С.С. – Странска Скала, Ч.П. – пещера Чертова Печь.

видоизмененную стадию развития поздней леваллуазской традиции, которая была синхронна переходу от среднего к верхнему палеолиту [Prehistory..., 1983]. На первых этапах исследования этих стоянок выделяли по крайней мере две параллельные техники – леваллуа и призматическую. После ремонтажа, который был произведен П. Волкманом и П. Шкрдлой, стало очевидно, что остаточные продукты обеих техник демонстрируют одну последовательность расщепления горных пород. Эта последовательность начиналась с производства верхнепалеолитических реберчатых ядрищ и заканчивалась изготовлением плоских нуклеусов, напоминающих леваллуазские. В отличие от леваллуазских ядрищ эмиранские-богуницкие нуклеусы продолговатые, объемные и часто редуцируются по биполярному методу [Prehistory..., 1983; Svoboda, Škrdl, 1995; Škrdl, 1996]. Анализируя конечные продукты расщепления, мы наблюдаем технологический переход от конвергентных острий на отщепках к бинаправленным остриям на пластинах [Demidenko, Usik, 1993a].

Истоки леваллуа-пластинчатой технологии усматривали в типично леваллуазских мустьерских индустриях в разных частях Евразии. В качестве ее возможных очагов рассматривались такие регионы, как Южный Левант, Балканы, Западная Украина и Алтай, тогда как на их границах (в Северном Китае на востоке и на среднем Дунае в Европе на западе) леваллуа-пластинчатая технология считалась привнесенной. При всех региональных различиях в типах острий, отличных от леваллуазских (эмирехские, листовидные наконечники), на памятниках, удаленных друг от друга на значительное расстояние, зафиксировано сходство, которое можно объяснить как параллельным развитием технологий в отдельных регионах, так и диффузией и миграцией [Tostevin, 2000].

Учитывая результаты ТЛ, ЭПР-датирования и данные стратиграфии, такие стоянки, как Темната Пещера на Балканах, Богунице в Моравии и Кара-Бом в Сибири, следует отнести к периоду 50 – 45 тыс. л.н. (табл. 1, 2). Поскольку даты некалиброванные, они могут быть на несколько тысяч лет древнее и попадать

в указанный выше временной интервал. При использовании некалиброванных радиоуглеродных дат для сравнительного анализа напрашивается вывод, что леваллуа-пластинчатая технология ранее всего стала использоваться в Южном Леванте, примерно 47 – 46 тыс. л.н. (Бокер Тактит). Наибольшее количество радиометрических дат (Северный Левант (Учагизли), Балканы (Темната Пещера, уровень VI), средний Дунай (Богунице, Странска Скала (рис. 2), Виллендорф-2 (?)) и Сибирь (Кара-Бом, 6-й и 5-й уровни обитания)) относится к несколько более позднему периоду (43 – 37 тыс. л.н.). Самые поздние даты по радиоуглероду, указывающие на устойчивое применение данной технологии в некоторых районах (между 35 и 30 тыс. л.н.), получены для памятников Кара-Бом, 4-й уровень обитания, Странска Скала III d и, возможно, Куличивка. Полученные для верхних уровней слоев названных памятников изотопные даты, относящиеся к ахмарийским и ориньякским индустриям, показывают, что на начальном этапе позднего периода леваллуа-пластинчатая технология была либо замещена типично верхнепалеолитическими, либо сосуществовала с ними.

Статья М. Отта и Я.К. Козловского не ставит целью сбор и обобщение сведений со всего мира, такие задачи авторы оставляют первооткрывателям важных памятников в своих регионах, которые, возможно, в будущем сделают более подробный и систематический обзор материалов. В своем резюме я выбрал несколько серий артефактов со всей огромной территории Северной Евразии, чтобы на их примере продемонстрировать уровень технологической и стилистической идентичности (рис. 3 – 5). Кроме того, я подозреваю, что по определенным североафриканским коллекциям также можно воссоздать аналогичные последовательности технологических операций (см. [Svoboda, 1997]).

В Южном Леванте был открыт целый ряд мустьерских индустрий, основанных на применении леваллуазской технологии и демонстрирующих определенные тенденции к производству пластин. В этом регионе было обнаружено несколько многослойных стоянок, свидетельствующих о развитии леваллуа-пластинчатой технологии в ассоциации с эмирехскими острьями, специфическими для данного региона (Кзар Акил, Бокер Тактит). С этих стоянок были получены даты по ^{14}C , наиболее ранние из которых укладываются в интервале 47 – 46 тыс. л.н. (Бокер Тактит) [Prehistory..., 1983; The Geography..., 2000]. И, наконец, судя по материалам, полученным из пещеры Учагизли в Северном Леванте, в течение последующих тысячелетий зона распространения этой технологии, возможно, расширилась [Kuhn, Stiner, Güleş, 1999]. Схожесть апплицированных нуклеусов с Ближнего Востока (Бокер Тактит) и из бассейна среднего Дуная в Европе (Странска Скала) недавно была подробно описана П. Шкрдлой.

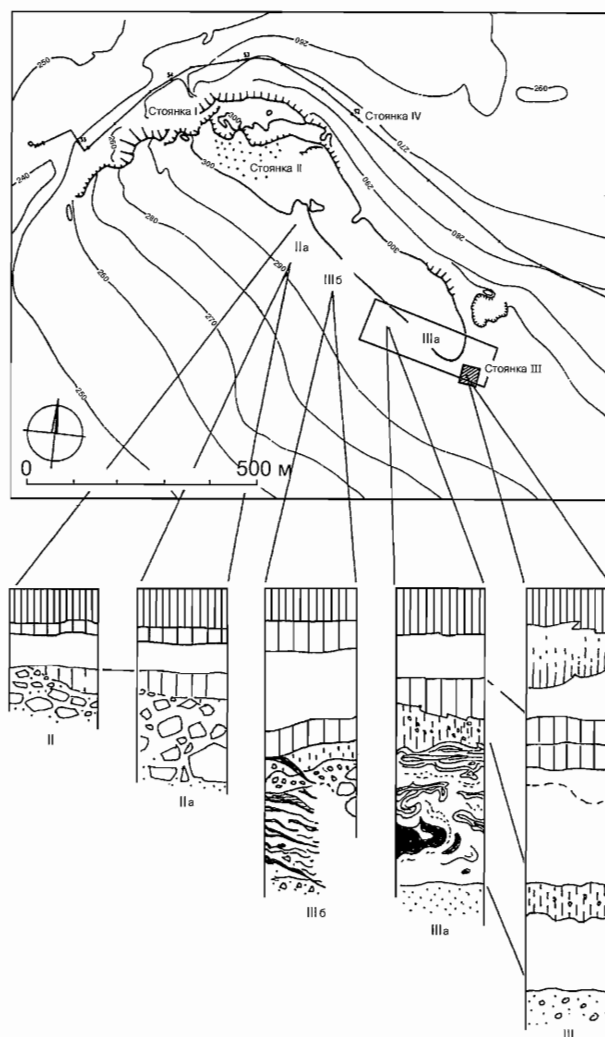

Рис. 2. Общий план холма Странска Скала (Моравия, Чешская Республика) и схема корреляции стратиграфических колонок, полученных в главных раскопах (1982 – 1999 гг.).

Балканы в период среднего палеолита представляли собой регион, культура которого включала леваллуазскую технику расщепления и производство листовидных острий. “Переходные” тенденции, отраженные в увеличившемся количестве верхнепалеолитических типов орудий (концевые скребки, резцы, удлиненные острья на пластинах), были зафиксированы на стоянке Темната Пещера в Болгарии, уровень VI, раскоп TD-II [Ginter et al., 1996; Temnata Cave..., 2000; Kozłowski, 2000]. Даты по ТЛ и стратиграфическое положение уровня VI, который предшествует хорошо датированному раннеориньякскому горизонту обитания, позволяют отнести эту коллекцию к периоду от 50 до 45 тыс. л.н., тогда как единственная дата по ^{14}C указывает на возраст ранее 38,7 тыс. лет.

Бассейн среднего Дуная в Европе представляет собой “периферический” район, в котором технология,

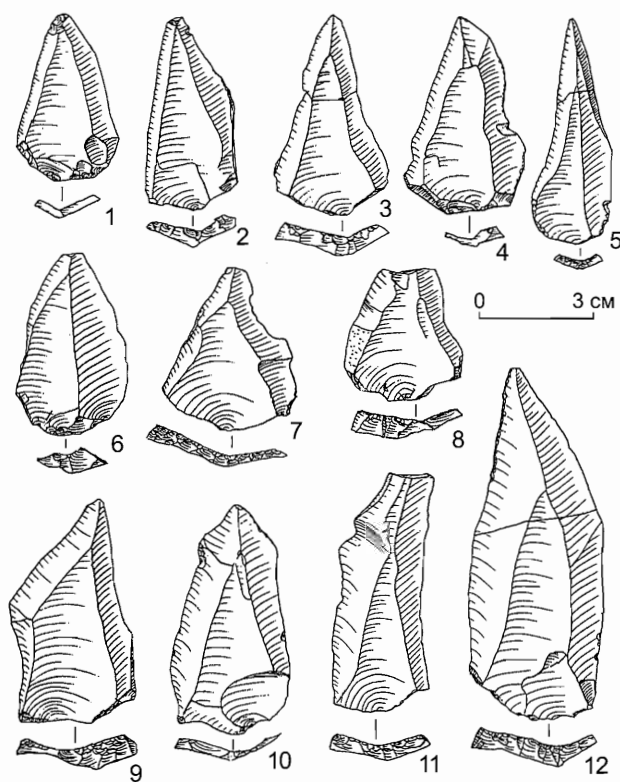

Рис. 3. Леваллуазские остроконечники со стоянки Странска Скала IIIc. Раскопки Института археологии Академии наук Чешской Республики и Отделения археологии Гарвардского университета, 1997 – 1999 гг.

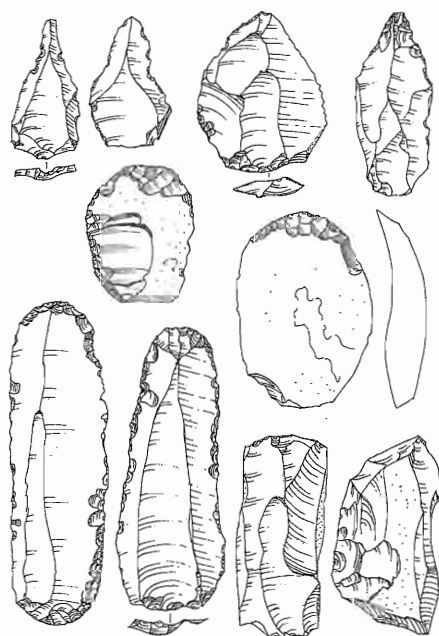

Рис. 4. Сравнительная выборка со стоянки Куличивка, слой 3, Западная Украина. Коллекции Института общественных наук, Украинская Академия наук, г. Львов.

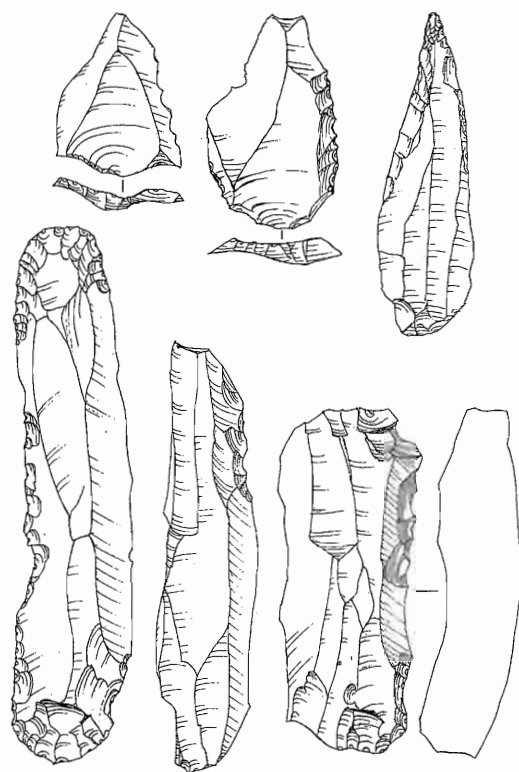

Рис. 5. Сравнительная выборка со стоянки Кара-Бом, Алтай, Сибирь. Коллекции Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск.

зафиксированная на стоянке Богунце, выглядит привнесенной. В какой-то степени такое заключение может быть результатом недостатка материалов, по которым можно сравнивать стоянки среднего и верхнего палеолита. Несколько мустьерских и янковицких индустрий, представленных, в частности, леваллуазскими отщепами, рассматриваются как потенциальные предшественники индустрии, известной по стоянкам Богунце. Однако стоянки, в которых зафиксированы эти индустрии, являются поселениями в пещерах и охотничьими стойбищами, на которых обычно находят ограниченное количество артефактов, в т.ч. нуклеусов, что не дает полного представления о технологических процессах. Стоянки на среднем Дунае находятся под открытым небом, многие в непосредственной близости от источников каменного сырья и дают полную технологическую картину. Вывод о привнесенном характере индустрии в Богунце в большой мере основан на сравнении с представительными многослойными пещерными среднепалеолитическими стоянками (например, Кулна), которые демонстрируют технологические взаимосвязи с другой переходной линией, очевидно местной, а именно селетскими индустриями.

Самые большие исследованные и датированные стоянки на среднем Дунае (Богунце, Странска Скала II – III;

см. рис. 2, 3) сконцентрированы на окраине района Брно (Южная Моравия). Они приурочены к выходам кремнистых пород на горе Странска Скала [Die altsteinzeitliche Fundstelle..., 1976; Valoch et al., 2000; Stránska skála..., in press]. Стоянки открытого типа демонстрируют схожие технологические черты, основанные на сырье, которое добывалось на горе Странска Скала, удаленной от названных памятников на 30–40 км (Ондражице, Орехов, Могелно). Учитывая тот факт, что некоторые из этих памятников находятся на той же территории, что и стоянки селетской культуры, можно предположить их культурное смешение. О других стоянках, которые, быть может, отражают традиции, выделенной на материалах стоянки Богунце, пока мало говорится в литературе. Это Джерзислав в Силезии, Виллендорф II в Нижней Австрии, Нижний Храбровец в Восточной Словакии и Градско в Северной Богемии [Svoboda, in press].

Целая серия типичных мустьерских памятников была открыта в Западной Украине в долине Днестра. Молодова с характерными леваллуазскими короткими и широкими отщепами и остриями, снятыми с однополярных леваллуазских нуклеусов, многослойная стоянка Куличивка [Савич, 1987; Demidenko, Usik, 1993], расположенная дальше на север, на выходах высококачественного туронского кремня, демонстрируют свидетельства интенсивного заселения в течение всего периода от раннего верхнего палеолита до граветта, включая и более поздние доисторические периоды. При раскопках Куличивки, проводимых В.П. Савичем в 1968–1981 гг., были открыты очаги, следы конструкций и области концентрации артефактов. Нижний уровень 3 этого памятника, датированный временем 31 тыс. л.н. по ^{14}C , содержал индустрию с одно- и биполярными, призматическими, кубическими и плоскими нуклеусами. С них получали удлинённые (благодаря хорошему качеству сырья), конвергентные (леваллуазские остроконечники) пластины и отщепы. Первичные отщепы обычно использовались для производства концевых скребков (см. рис. 4). Леваллуазские нуклеусы, острия и пластины были найдены и в слое 2 (дата по ^{14}C 25 тыс. л.н. (личное сообщение В.П. Савич)), но, возможно, произошло смешение материалов этого слоя с вышележащими граветтскими индустриями (слой 1).

В Средней Азии аналогичные технологические тенденции демонстрирует культурная последовательность грота Оби-Рахмат [Derevianko, Petrin, Rybin, 2000].

Систематические исследования Алтайского региона [Деревянко и др. 1998; Derevianko et al., 1999; Derevianko, Petrin, Rybin, 2000] привели к открытию нескольких очень важных мустьерских стоянок с леваллуазской техникой и бифасами (Денисова пещера и др.). Последовательность, иллюстрирующая пере-

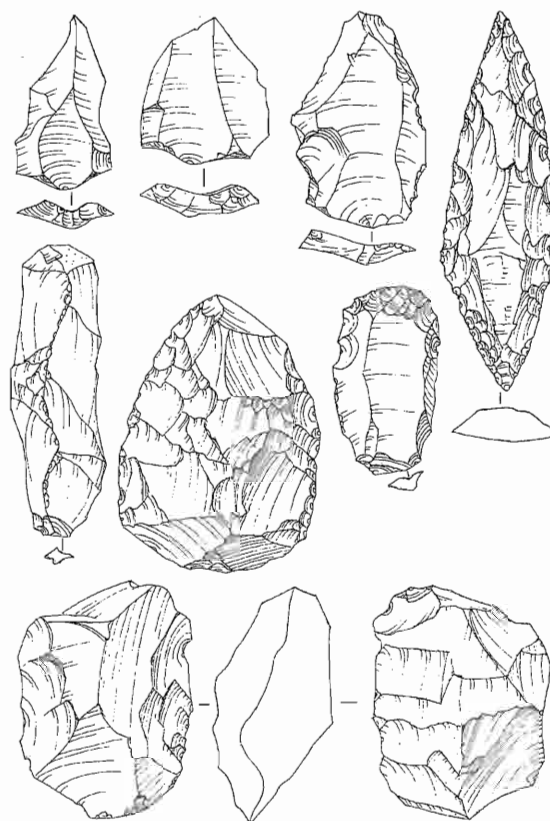

Рис. 6. Сравнительная выборка со стоянки Шуйдунгоу, пункты 63601 и 63603 (бифасы), Северный Китай. Коллекции Института палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, Китайская Академия наук, г. Пекин.

ход от среднего к верхнему палеолиту, была зафиксирована на Кара-Боме, многослойной стоянке у подножия скалы. Для этой стоянки была получена серия радиоуглеродных и ЭПР-дат в интервале 72–30 тыс. л.н.; верхнепалеолитические индустрии датируются относительно ранним периодом – между 50 и 40 тыс. л.н. “Переходная” каменная индустрия содержит би- и однополярные плоские и призматические нуклеусы, с которых получали пластины, в т.ч. и удлинённые, а также леваллуазские нуклеусы и острия. Типологический список находок с данной стоянки включает в себя концевые скребки, резцы и остроконечные пластины, морфология некоторых из них типично верхнепалеолитическая (см. рис. 5). М. Отт и Я.К. Козловский упоминают также о присутствии эмирехских острий.

В 1920 и 1960-х гг. на территории Северного Китая [Jia, Huang, 1985; Древнее общество..., 1989] проводились раскопки на стоянке Шуйдунгоу (пров. Ганьсу), слои которой сосредоточены во флювиальных песчано-щебнистых осадках. Коллекции артефактов, собранных в пунктах 63601 и 63603 (рис. 6), содержат орудия из кварца и кварцита, пригодные для нашего

сравнительного анализа. У Жукан и другие исследователи [Древнее общество..., 1989, с. 401] датируют эти коллекции периодом между 38 и 34 тыс. л.н. В коллекциях содержатся би- и однополярные нуклеусы плоской, призматической и кубической формы (в частности, ядрища типа "upright preparation"), а также короткие и широкие леваллуазские остроконечники и леваллуазские отщепы и пластины (в т.ч. реберчатые пластины). Типологический лист индустрии включает концевые скребки, скребла, остроконечные пластины и долотовидные инструменты. В коллекцию, собранную в пункте 63603, добавились также типичные листовидные бифасы, в т.ч. типа "Faustkeilblatt". Аналогичные коллекции были получены на некоторых стоянках открытого типа в Монголии, но, по всей видимости, леваллуа-пластинчатая технология не оказала большого влияния на последующее технологическое развитие на территории Китая: ее истоки не удается проследить в местных среднепалеолитических индустриях.

Важно определить, насколько производство пластин в эмиранско-богунских традициях как части леваллуа-пластинчатой технологической системы стимулировало производство верхнепалеолитических пластин. Несмотря на то, что ответы на этот вопрос могут быть разными, роль эмиранско-богунских традиций как следующего шага в процессе развития пластинчатой техники не стоит недооценивать. Кроме того, их влияние на разные культурные традиции Евразии проявлялось не одинаково.

Как отмечают М. Отт и Я.К. Козловский, при нынешнем уровне археологического и антропологического знаний анатомический тип человека трудно соотносить с индустриями переходного периода. В Леванте предшествующие среднепалеолитические мустьерские культуры с леваллуазской технологией были обнаружены как на стоянках с останками неандертальцев, так и на памятниках, оставленных человеком современного типа. Однако находок, демонстрирующих анатомические особенности производителей орудий в культурах Эмира, Богунце и Кара-Бом в Северной Евразии, пока нет. Теоретически и поздние неандертальцы, и люди современного физического типа могут быть носителями этих культур.

Еще одним примером евразийской общности, как указывают М. Отт и Я.К. Козловский, может служить ориньякская культура. Я не чувствую себя достаточно компетентным, чтобы обсуждать находки ориньякского типа в Средней и Северной Азии. Скребки высокой формы, подобные найденным на стоянке Усть-Каракол-1, которые авторы статьи квалифицируют как ориньякоидные, обнаружены также в неориньякских индустриях (например, на стоянке Липа). Должна накопиться представительная серия сравнительных материалов, прежде чем можно будет делать выводы о существовании ориньяка в Средней и Северной Азии. Как верно

отметили М. Отт и Я.К. Козловский, "концепции развития среднего и верхнего палеолита были определены на основе европейских материалов. Однако не ясно, применимы ли они для других регионов...". В Европе ориньякская культура предстает как сложная и несомненная общность, в частности, потому что связывается с человеком современного физического типа (памятник Фогельхерд), а также с верхнепалеолитической технологией и искусством. Самые ранние проявления ориньякской культуры в Европе, зарегистрированные на отдельных и значительно удаленных друг от друга стоянках или группах стоянок [Haesaerts et al., 1996; Ginter et al., 2000; Bolus, Conard, 2001], относятся к периоду примерно 38 тыс. л.н. Имеющиеся даты показывают, что ориньяк появился позже, чем переходные культуры, и в среднем течении Дуная. Более того, несколько тысячелетий поздняя богунская и ранняя ориньякская культуры сосуществовали [Stránska Skála..., in press]. Нерешенными остаются проблемы, касающиеся происхождения ориньяка и его географического распространения, особенно его влияния на культуры переходного периода в Евразии.

Благодарность

За предоставленную возможность ознакомиться с материалами я благодарю Джан Сеншуй (Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии, Китайская Академия наук, г. Пекин), А.П. Деревянко (Институт археологии и этнографии, Российская Академия наук, г. Новосибирск), В.П. Савича и А.П. Черныша (Институт общественных наук, Украинская Академия наук, г. Львов). За обсуждение и поддержку в моих поисках ближневосточных параллелей я признателен Оферу Бар-Йозефу (Американская школа доисторических исследований, Американский исследовательский институт в Турции и Фонд Меллона).

Список литературы

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Древнее общество в Китае / Под ред. У Жукан, У Синьчжи, Чжан Сэньшуй. – Пекин, 1989 (на кит. яз.).

Савич В.П. Поздний палеолит Волыни // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья / Под ред. А.П. Черныша. – Киев: Наук. думка, 1987. – С. 43 – 65.

Цзя Ланьпо, Хуан Вэйвэнь. Поздний палеолит Китая // Палеоантропология и археология палеолита в КНР. – Пекин, 1985. – С. 211 – 223 (на кит. яз.).

Bar-Yosef O., Kuhn S. The big deal about blades: Laminar technologies and human evolution // American Anthropologist. – 1999. – N 101 (2). – P. 1 – 17.

The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam // Peabody Museum. – 2000. – Bul. 8. – 197 p.

- Bolus M., Conard N.** The late Middle Paleolithic and earliest Upper Paleolithic in Central Europe and their relevance for the Out of Africa hypothesis // *Quaternary International*. – 2001. – N 75. – P. 29 – 40.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** The problem of changes in Levallois technique during the technological transition from the Middle to Upper Paleolithic // *Paléorient*. – 1993a. – N 19. – P. 5 – 15.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** On the Levallois technique in the Upper Palaeolithic // *UISPP, XIIe Congres*. – 1993b. – Vol. 2. – P. 239 – 242.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Nikolaiev S.V., Rybin E.P.** The Kara Bom site: Mousterian to Late Paleolithic evolution of the lithic industry in the Altai // *Anthropozoikum*. – 1999. – N 23. – P. 167 – 180.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P.** The Kara Bom site and the characteristics of the Middle-Upper Paleolithic transition in the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2000. – N 2. – P. 33 – 52.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? // *Current Anthropology*. – 1998. – N 39, supplement. – P. 1 – 44.
- Die altsteinzeitliche Fundstelle in Brno-Bohunice** / Ed. K. Valoch. – Praha: Academia, 1976. – 120 p.
- Ginter B., Kozłowski J.K., Laville H., Sirakov N., Hedges R.E.M.** Transition in the Balkans: News from the Temnata Cave, Bulgaria // *The last Neandertals, the first anatomically modern humans* / Eds. E. Carbonell, M. Vaquero. – 1996. – P. 169 – 200.
- Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.** Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // *Archaeologia Austriaca*. – 1996. – N 80. – P. 25 – 42.
- Kozłowski J.K.** The problem of cultural continuity between the Middle and Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge: Peabody Museum, 2000. – P. 77 – 105.
- Kuhn S., Stiner M., Güleç E.** Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: A preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – N 73. – P. 505 – 517.
- Prehistory and paleoenvironment in the Central Negev, Israel** / Ed. A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3.
- Škrdl P.** The Bohunician Reduction Strategy // *Quaternaria Nova*. – 1996. – N 6. – P. 93 – 107.
- Svoboda J.** Note on a Palaeolithic industry from Wadi Buzna, Fezzan // *Anthropologie*. – 1997. – N 35. – P. 11 – 15.
- Svoboda J.** Mladeč and other caves in the Middle Danube region: Early modern humans, late Neandertals, and projectiles // *Les premiers hommes modernes de la Péninsule ibérique. Actes du colloque de la Commission VIII de l'UISPP*. – Lisboa, 2001. – P. 45 – 60.
- Svoboda J.** Continuities, discontinuities and interactions in Early Upper Paleolithic technologies. View from the Middle Danube // *Another World. The Early Upper Paleolithic East of the Danube: 65th Annual Meeting of the Society for American Archaeology, Philadelphia, April 5 – 9, 2000* / Eds. P.J. Brantingham, K. Kerry, S. Kuhn (in press).
- Stránská skála.** Early Upper Paleolithic occupations in the Brno Basin, Czech Republic / Eds. J. Svoboda, O. Bar-Yosef (in press).
- Svoboda J., Škrdl P.** The Bohunician technology // *The definition and interpretation of Levallois technology* / Eds. H.L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 429 – 438.
- Temnata Cave.** Excavation in Karlukovo Karst area, Bulgaria / Eds. B. Ginter, J.K. Kozłowski, J.L. Guadelli, H. Laville. – Kraków: Jagellonian University, 2000. – Vol. 2. – P. 1. – 418 p.
- Tostevin G.** Behavioral change and regional variation across the Middle to Upper Paleolithic transition in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant: Ph. D. Dissertation. – Harvard: University, Department of Anthropology, 2000.
- Valoch K., Nerudová Z., Neruda P.** Stránská skála III – Ateliers des Bohunicien // *Památky archeologické*. – 2000. – N 91. – S. 5 – 113.
- Vedrovice V.** eine Siedlung des Szeletiens in Sudmähren // *Quartär* / Ed. K. Valoch. – 1993. – N 43/44. – P. 7 – 93.

Материал поступил в редколлегию 16.04.2001 г.

УДК 902

С.А. Васильев

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: anna@neuro.pri.pu.ru*

КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ М. ОТТА И Я.К. КОЗЛОВСКОГО “ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту продолжает привлекать внимание исследователей, в свет выходит много новых сборников и монографий по данной тематике. К сожалению, большинство авторов ограничивается анализом материалов Европы и Ближнего Востока. Безусловно, имеющиеся в нашем распоряжении сведения по другим частям Евразийского материка пока несопоставимы с богатейшими данными по упомянутым регионам. Это заставляет рассматривать проблему почти исключительно с точки зрения технико-типологического анализа каменного инвентаря, опуская не менее важные аспекты культурно-хозяйственной трансформации древних обществ на этом рубеже (расположение стоянок на местности, функциональная дифференциация памятников, вопросы связи стоянок и источников сырья, характер структур обитания и охотничье-собирательской деятельности и др.).

Обсуждаемая статья представляет собой редкий для европейских исследователей “прорыв” за традиционные географические рамки рассмотрения темы. Широту предпринятого сравнительного анализа азиатских индустрий можно только приветствовать. К сожалению, обратившись к сибирским материалам, М. Отт и Я.К. Козловский допустили ряд досадных неточностей, на которых я хотел бы остановиться.

Вопрос об антропологическом типе носителей мустьерских индустрий Алтая остается не столь определенным, как это представляется авторам статьи. Действительно, первоначальная идентификация К. Тернером [Turner, 1990] антропологических остатков из пещер Окладникова и Денисовой как неандертальских получила широкое распространение в литературе. Заметим, что ведущий отечественный антрополог

В.П. Алексеев [Alexeev, 1998] был не столь категоричен в оценке останков из алтайских пещер. Отмечая архаичность одного из зубов, он указывал на недостаточность признаков на одонтологических остатках для определения антропологического типа (*Homo sapiens sapiens* или *Homo neandertalensis*) древнего населения. Примерно той же точки зрения придерживается Е.Г. Шпакова. “...Можно лишь с большой долей условности, – пишет она, – отнести зубы из пещер Алтая к неандертальским одонтологическим образцам” [Шпакова, Деревянко, 2000, с. 137]. В свете отсутствия однозначной связи культуры и антропологического типа (мустье – неандерталец, верхний палеолит – *Homo sapiens*) допустимо предположить, что носителями культуры мустьерских индустрий Алтая могли быть представители ранних *Homo sapiens* или, как думает Е.Г. Шпакова, метисированных популяций.

Мустьерские индустрии Сибири, вопреки мнению М. Отта и Я.К. Козловского, не столь однородны [Археология..., 1998], они разделяются на ряд вариантов, хотя их хронологическое расчленение и интерпретация – дело явно преждевременное. Пока же, следуя принятым для среднего палеолита условным критериям, можно выделить мустье типичное с умеренным развитием леваллуазской техники (Денисова пещера), своеобразный вариант мустье типичного с обилием угловатых скребел (пещера Окладникова), леваллуа – мустье (пещеры Страшная, Двуглазка, Усть-Канская, Тюмечин I, находки из Тувы и Приангарья), а также не вполне ясные нелеваллуазские непластинчатые индустрии, основанные на технике радиального скалывания. К ним относятся коллекции из Тюмечина II, а также пещеры Каминная, хотя в последней на облик изделий наложила свой отпечаток необычайная грубость

сырья. Спецификой отличается мустье с листовидными бифасами (Мохово II, раскоп 1 стоянки Усть-Каракол I), возможно, наиболее позднее из отмеченных фаций.

Общий облик мустьерских индустрий указывает на юго-западное направление культурных связей сибирского среднего палеолита со Средней Азией и Восточным Средиземноморьем. Вместе с памятниками Монголии мустье Сибири может рассматриваться как крайний восточный форпост распространения мустье [Ранов, 1990].

Переход от мустье к верхнему палеолиту в Сибири происходил примерно в том же хронологическом интервале, что и в Европе. Для Северной Азии характерно крайне медленное обогащение мустьерской в своей основе индустрии верхнепалеолитическими элементами. Таким образом, грань между финальным мустье и начальным верхним палеолитом размыта. Новые данные по Кара-Бому [Деревянко и др., 1998] свидетельствуют о том, что начало этого процесса относится к более раннему периоду (вплоть до времени порядка 43 тыс. лет), чем было принято считать, и о длительном периоде сосуществования средне- и верхнепалеолитических индустрий. Происхождение верхнего палеолита в Сибири пока не может быть с уверенностью связано с миграцией *Homo sapiens*.

Культурная дифференциация индустрий на раннем этапе верхнего палеолита прослеживается очень слабо. Верхнепалеолитические комплексы Северной Азии, датированные временем от 34 до 27 тыс. лет, несмотря на разные степени изученности, характеризуются схожей в основных своих проявлениях культурой, распространенной от Алтая, по крайней мере, до Забайкалья. Можно выделить группу ранних алтайских пластинчатых индустрий, представленных на памятниках Кара-Бом, Кара-Тенеш, 3-й слой раскопа 1 Усть-Каракола I, Ануй I, Малояломанская. Несомненное сходство с ними имеют пластинчатые индустрии, разбросанные на огромной территории Приангарья (стоянка Арембовского) и Забайкалья (Толбага, Варварина Гора, Сохатино I, комплекс А Каменки I, Подзвонкая) [Археология..., 1998; Sitlivy, Medvedev, Lipnina, 1997; Константинов, 1994; Лбова, 1996; Ташак, 1996]. В основе всех их лежит технология получения крупных длинных пластин с плоских ядрищ. Сохраняется много черт леваллуазской техники. Интересно, что наряду с одно- и двуплощадочными плоскими леваллуазскими треугольными и дисковидными формами нуклеусов фиксируется зарождение техники снятия мелких пластинок с торца ядрища. Эта технологическая линия может рассматриваться в качестве предшественника известной в последующие периоды техники изготовления клиновидного нуклеуса. В орудийном наборе доминируют разнообразные ретушированные пластины, остроконечники, остря,

скребла, много зубчато-выемчатых форм, проколов. Для ряда комплексов характерен прием подработки овального основания ретушированных пластин и остроконечников ретушью на брюшке, напоминающих эмирейские остря. Отметим выразительные серии резцов и скребков. В алтайских памятниках зафиксированы листовидные бифасы. Нетрудно заметить, что эти комплексы сохраняют много леваллуа-мустьерских черт и, вероятно, генетически связаны с местным средним палеолитом.

В то же время в Забайкалье как будто прослеживается иная линия развития ранних верхнепалеолитических индустрий: без признаков леваллуазской техники, основана на скалывании отщепов с простых форм одноплощадочных нуклеусов. Она представлена материалами стоянки Приисковой. Индустрия сохраняет в своей основе мустьерский облик (там много скребел, чопперов), но при этом демонстрирует признаки зарождения микропластинчатой техники, многочисленные серии долотовидных изделий, острей, скребков и др. [Карасёв, Колосов, Крушевский, 1996].

Касаясь начального этапа верхнего палеолита в Сибири, нельзя не отметить появления здесь типично верхнепалеолитических элементов культуры, которые нашли отражение в свидетельствах развитой обработки кости (Толбага, Каменка I), украшениях (Малояломанская, Военный Госпиталь, Каменка I, Подзвонкая) и произведениях изобразительного искусства (Толбага).

Ранняя верхнепалеолитическая индустрия слоев 8 – 11 Усть-Каракола I, датированных 35 – 29 тыс. лет, своеобразна и содержит ряд ориньякских черт. Для нее характерно появление развитой микропластинчатой техники. Среди орудий представлены скребки высокой формы, скребла, резцы. Однако до полной публикации материалов памятника трудно судить о характере индустрии, и вывод М. Отта и Я.К. Козловского о наличии ориньяка в Сибири мне представляется преждевременным. Конечно, отдельные ориньякские элементы присутствуют в разновременных памятниках Сибири (Сабаниха, Малая Сяя, Мальта, Ачинская, Ушлеп VI и др.), но они нигде не образуют того сочетания, которое присуще европейскому и ближневосточному ориньяку. Вообще поиск выхваченных из контекста единичных “ориньякских”, “граветийских” или “мадленских” аналогий в палеолите разных территорий планеты мне представляется мало перспективным, если учитывать ограниченность технических решений, доступных людям верхнего палеолита при изготовлении каменных орудий.

Вопрос о датировке нижнего комплекса курлинских стоянок на Байкале остается в сущности открытым. Речь идет о находках из 2-го горизонта пунктов Курла II и III, демонстрирующих чрезвычайно развитую микропластинчатую индустрию, хорошо сопоставимую с технокомплексами поздней поры верхнего

палеолита региона. Вряд ли единственная упоминаемая в статье радиоуглеродная дата порядка 24 тыс. л. н. может служить надежной опорой для установления возраста этих слоев и тем более для утверждения о раннем сложении микропластинчатой индустрии в Восточной Сибири. Фауна всех слоев Курлы достаточно однородна, стратиграфия и палинологические данные также не дают оснований для категоричного удревнения комплекса. Отметим, что автор раскопок и другие исследователи считают указанную дату ошибочной [Шмыгун, 1981; Sitlivy, Medvedev, Lipnina, 1997].

Вызывает недоумение перечисление мальтинской, афонтовской и кокоревской культур в качестве представителей индустрий средней поры верхнего палеолита Сибири. Это утверждение справедливо для основного комплекса Мальты, датированного временем порядка 21 тыс. лет, но не применимо для афонтовской культуры (и близких к ней вариантов типа кокоревской культуры), поскольку она не старше 16–17 тыс. лет. Названные культуры сформировались после культурных перестроек, связанных с максимумом сартанского оледенения, и знаменуют собой позднюю стадию сибирского палеолита.

Утверждения М. Отта и Я.К. Козловского, касающиеся характера палеолита Восточной Сибири, не вполне корректны. Ориньякские элементы (округлые скребки высокой формы, пластины с перехватом, скребки на ретушированных пластинах) давно отмечены в индустрии Мальты, хотя их появление здесь можно объяснить только конвергенцией. Кроме того, некоторые из ориньякских элементов (изделия с притупленной спинкой) известны в разновозрастных индустриях Восточной Сибири. Серии таких пластинок зафиксированы на памятниках усть-мензинского комплекса в Западном Забайкалье, относящихся к поздней поре верхнего палеолита [Константинов, 1994].

Еще одна проблема, получившая отражение в статье М. Отта и Я.К. Козловского, касается происхождения докловисских листовидных бифасов от сибирских прототипов. Аутентичность артефактов пресловутой “культуры сандия” давно вызывает сомнения практически у всех исследователей палеолита Северной Америки (подробный разбор вопроса см.: [Preston, 1995]).

В заключение отмечу, что размещение стоянок начала верхнего палеолита на палеогеографической карте периода максимума сартанского оледенения (рис. 13 в рецензируемой статье) не логично, поскольку речь идет о памятниках значительно более раннего возраста, относящихся к различным стадиям сложнопостроенного каргинского отрезка.

В целом выдвинутая в статье гипотеза азиатского происхождения ориньяка и его последующего распространения на запад кажется мало обоснованной фактами. Скорее она вызывает в памяти популярные в XIX в. версии азиатского происхождения палеолити-

ческого человека в Европе [Cartailiac, 1897]. И хотя эти версии повторяются в миграционных схемах, изложенных в западной [Otte, Keeley, 1990] и отечественной [Аникович, 1999] археологии палеолита, однако, по моему мнению, сегодня не стоит возвращаться к методологии А. Брейля и Д. Гаррод. Я полностью присоединяюсь к развернутой критике подобного подхода к палеолитическим материалам, представленной Д. Кларком и Д. Линдли [Clark, Lindly, 1991]. Они отмечали непригодность переноса моделей направленных миграций из поздней доистории в эпоху палеолита, когда при малой плотности населения и простоте форм социальной организации не возникало известных в позднейшее время стимулов для миграций. Кроме того, появление сходных типов каменной индустрии может быть обусловлено не только передвижением групп населения, но и распространением культурных элементов путем диффузии. При крайней расплывчатости хронологии палеолита в большинстве случаев невозможно определить очаг и направление предполагаемой миграции. Напомним в связи с обсуждаемой темой, что даты для самых ранних ориньякских памятников в Европе древнее, чем для Ближнего Востока, так что сама идея миграции ориньяка из Азии ставится рядом исследователей под сомнение (новейшее обсуждение различных взглядов на эту спорную проблему см.: [Zilhão, d'Errico, 1999]).

Благодарности

Хотелось бы выразить признательность З.А. Абрамовой, С.Н. Астахову, А.П. Деревянко, Р.С. Васильевскому, В.Т. Петрину, С.В. Маркину, М.В. Шунькову, Н.Д. Оводову, Ю.В. Гричану, Г.И. Медведеву, М.П. Аксенову, И.И. Кириллову, М.В. Константинову, А.В. Константинову, В.К. Колосову, С.Г. Васильеву и другим археологам за предоставленную возможность ознакомиться с коллекциями памятников, упоминаемых в моем комментарии. Инициатива главного редактора журнала, организовавшего широкое международное обсуждение интересной статьи М. Отта и Я.К. Козловского, заслуживает всяческого одобрения, ибо только благодаря подобного рода дискуссиям нам удастся избежать нередких в прошлом искажений в оценке материалов по палеолиту России.

Список литературы

Аникович М.В. О миграциях в палеолите // *Stratum Plus*. – 1999. – № 1. – С. 72–82.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Фёденёва, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Карасёв В.В., Колосов В.К., Крушевский В.В. Палеолитическое поселение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 70 – 97.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ РАН, 1994. – 179 с.

Лбова Л.В. Брянский палеолитический комплекс // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 5 – 10.

Ранов В.А. О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 262 – 268.

Ташак В.И. Палеолитическое поселение Подзвонка // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1996. – С. 48 – 69.

Шмыгун П.Е. Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. – М.: Наука, 1981. – С. 120 – 128.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.

Alexeev V.P. The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia. – Urbana: University of Illinois Press, 1998. – P. 329 – 335.

Cartaillac E. Des lumières que l'archéologie préhistorique russe peut projeter sur l'Europe occidentale // Тр. VIII археологического съезда. – М.: Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1897. – Т. 4. – С. 84 – 86.

Clark G.A., Lindly J.M. On paradigmatic biases and Paleolithic research traditions // Current Anthropology. – 1991. – Vol. 32, N 5. – P. 577 – 587.

Otte M., Keeley L.H. The impact of regionalism on Paleolithic studies // Current Anthropology. – 1990. – Vol. 31, N 5. – P. 577 – 582.

Preston D. The mystery of Sandia Cave // The New Yorker. – 1995. – June 12. – P. 66 – 83.

Sitlivy V., Medvedev G.I., Lipnina E.A. Les civilisations préhistoriques de l'Asie centrale. – Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1997. – 87 p.

Turner C.G. Paleolithic Siberian Dentition from Denisova and Okladnikov Caves, Altaiskiy Kray, USSR // Current Research on the Pleistocene. – 1990. – N 7. – P. 65 – 66.

Zilhão J., d'Errico F. The chronology and tafonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // Journal of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 1 – 68.

Материал поступил в редколлегию 20.03.2001 г.

УДК 903.211.1

**А.П. Деревянко¹, А.И. Кривошапкин¹, А.А. Аношкин¹, У.И. Исламов²,
В.Т. Петрин¹, Б.К. Сайфуллаев², Р.Х. Сулейманов²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: derev@paleo.archaeology.nsc.ru; shapkin@paleo.archaeology.nsc.ru;

anton@paleo.archaeology.nsc.ru; nohrina@paleo.archaeology.nsc.ru

²Институт археологии имени академика Я. Гулямова АН РУз.

ул. Академика Абдуллаева, 3, Самарканд, 703051, Республика Узбекистан

E-mail: archaeo@online.ru

РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ УЗБЕКИСТАНА: ИНДУСТРИЯ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ (по материалам слоев 2 – 14)*

Введение

Территория Северной и Центральной Азии в настоящее время привлекает пристальное внимание археологов в связи с тем, что является своего рода “транзитным мостом” между древними человеческими популяциями, населявшими Восточную Азию, и остальной частью палеолитической ойкумены. В частности, накопленные за последние 10 – 15 лет данные по финалу среднего и ранним этапам верхнего палеолита Северной и Центральной Азии позволяют по-новому взглянуть на ряд вопросов, принципиальных для понимания развития культуры человека в этот период каменного века. Формирование каменных индустрий раннего верхнего палеолита (РВП) связано с несколькими вариантами эволюции технологии расщепления камня. Как признается ныне большинством специалистов, для большей части Евразии характерно формирование индустрий, основывавшихся преимущественно на параллельной призматической технологии утилизации нуклеусов. Выделяется несколько основных регионов существования подобных комплексов: Центральная и Юго-Восточная Европа (Богунце и Бачо-Киро), Ближний Восток (Бокер-Такит, Кзар-Акил), Средняя Азия (Оби-Рахмат, Худжи), Горный Алтай (Кара-Бом, Усть-Каракол-1). Несмотря на оп-

ределенную специфику культурного облика ранневерхнепалеолитических индустрий указанных регионов, выделяется ряд общих технико-типологических признаков, среди которых наиболее значимыми являются следующие: (1) доминирование производства пластин, получаемых с нуклеусов, сочетающих в себе как верхнепалеолитические, так и леваллуазские черты; (2) появление верхнепалеолитической техники подправки ударной площадки нуклеуса; (3) относительно высокий индекс фасетированности; (4) доминирование среди леваллуазских сколов удлинённых остроконечников; (5) преобладание в орудийном наборе верхнепалеолитических типов (скребки, резцы, долотовидные орудия, ножи с обушком и т.д.) и ретушированных пластин (в том числе остроконечных).

Синхронность появления (около 50 – 40 тыс. л.н.) и близость основных технико-типологических показателей этих комплексов позволяет говорить о трансконтинентальном единообразии пластинчатых индустрий ранней поры верхнего палеолита. Неизбежно возникает вопрос о причинах подобной унифицированности индустрий. Было ли это обусловлено конвергентным технологическим развитием (адапционно-функциональная модель) или же филогенетическим родством носителей ранневерхнепалеолитических культур? Решение данного вопроса, на наш взгляд, неразрывно связано с более общей проблемой появления и распространения на территории Евразии человека современного типа (мультирегиональность или распространение из одного центра). Одним из ключевых моментов решения этого вопроса, с

* Работа выполнена при финансовом содействии Президиума СО РАН (грант по поддержке молодежных проектов) и РФФИ (проект № 00-06-80193).

Рис. 1. Карта Республики Узбекистан с указанием места расположения грота Оби-Рахмат и топографическая карта района стоянки.

археологической точки зрения, является определение основы, на которой складывались индустриальные комплексы раннего верхнего палеолита на отдельных территориях. Для азиатской части Евразийского континента, где представлен пластинчатый вариант развития верхнепалеолитических индустрий, предполагается его формирование на основе местных вариантов среднего палеолита с параллельной технологией расщепления камня, что подтверждает гипотезу о конвергентном мультирегиональном становлении человека современного физического типа и культур верхнего палеолита. В литературе, посвященной позднему этапу среднего палеолита Южной Сибири, неоднократно высказывалось предположение о сходстве индустрий этого региона и Ближнего Востока [Окладников, 1949; Деревянко, Маркин, 1992, 1998; Ранов, Лаухин, 2000], объясняемом возможной миграцией древних человеческих популяций. В последнее время вероятность подобной миграции носителей пластинчатого варианта леваллуа-мустьерской технологии увязывается с распространением человека современного типа (архаичного *Homo sapiens*) [Шпакова, Деревянко, 2000; Деревянко, 2001]. В результате дальнейшей адаптации анатомически современных носителей этой традиции к новым экологическим зонам постепенно происходило формирование технико-типологических характеристик культур верхнего палеолита. Это объясняет синхронность появления ранневерхнепалеолитических индустрий на широких территориях, их общее технико-типологическое сходство, а также

устойчивую связь имеющихся индустриальных отличий с определенными географическими регионами.

Среди местонахождений, относящихся к переходному периоду от среднего к позднему палеолиту, особое место занимает грот Оби-Рахмат. Во-первых, здесь наблюдается четкая последовательность культуросодержащих горизонтов, включенных в непотревоженную многометровую толщу рыхлых отложений. Во-вторых, с самых нижних до верхних горизонтов прослеживается преемственность в динамике первичной и вторичной обработки камня в хронологическом диапазоне от 100 до 30 тыс. л.н. В-третьих, основные технико-типологические характеристики с уверенностью фиксируются начиная с 14-го культуросодержащего слоя, имеющего радиоуглеродную дату для первого горизонта обитания $48\,800 \pm 2\,400$ л.н. (AA 36746).

Данная статья, посвященная анализу каменной индустрии грота Оби-Рахмат (слои 2–14), является продолжением начатой в № 3 журнала “Археология, антропология и этнография Евразии” дискуссии по проблемам перехода от среднего к верхнему палеолиту и появления индустрий раннего верхнего палеолита на территории Евразии.

Местонахождение, окружающая обстановка и стратиграфия

Памятник был открыт в 1962 г. археологическим отрядом Института истории и археологии АН УзССР,

Рис. 2. Грот Оби-Рахмат.

возглавляемым А.Р. Мухамеджановым. Первоначально раскопки проводились под руководством М.М. Герасимова и Х.К. Насретдинова, а в 1964 – 1965 гг. – Р.Х. Сулейманова [Сулейманов, 1972]. В 1966 – 1986 гг. раскопки и зачистки разрезов эпизодически осуществлялись Т. Оманжуловым и К.А. Крахмалем. В 1998 г. в рамках сотрудничества ИАЭт СО РАН и Института истории и археологии АН РУз. было возобновлено исследование грота Оби-Рахмат под общим руководством академика РАН А.П. Деревянко [Деревянко, Исламов, Петрин и др., 1998, 1999].

Грот Оби-Рахмат (41°34'08,8" с.ш., 70°08'00,3" в.д.; абсолютная высота над уровнем моря 1 250 м) находится на территории Республики Узбекистан в 100 км на восток-северо-восток от г. Ташкента (рис. 1). Экологические условия в окрестностях стоянки разнообразны, что предопределено положением Западного Тянь-Шаня между южными пустынями Азии, северными пустынями и степями Казахстана и Восточным Тянь-Шанем. Рельеф местности в окрестностях грота Оби-Рахмат среднегорный с высокими горами в непосредственном обрамлении. Памятник расположен на юго-западной оконечности Коксуйского хребта, входящего в обширную горную область Западного Тянь-Шаня, недалеко от места слияния рек Чаткал и Пскем, в долине правого притока Чаткала – р. Пальтау. К Паль-

Рис. 3. Северная стенка раскопа 1998 – 2001 гг. (верхняя и средняя части разреза).

тау в ее нижнем течении подходит неглубокий сай, имеющий направление с севера на юг и протяженность около 500 м. Он берет начало у массивного скального уступа палеозойского известняка, в котором и располагается грот Оби-Рахмат. Выше уступа прослеживается небольшая ложина, начинающаяся у полноводного родника. Ручей, образованный родником, проходя по ложине, спадает водопадом к самому краю грота и далее протекает по дну сая до впадения в р. Пальтау. Скальный обрыв с гротом примыкает к южному пологому склону горы Каратут-Баши, на котором наблюдаются обнажения коренных пород (известняк различной степени окремненности) с большими осыпями, служившими в древности основным источником сырья для изготовления каменных изделий.

Грот Оби-Рахмат представляет собой большую округлую нишу, обращенную на юг. Ширина в привходовой части 20 м, глубина – 9, максимальная высота свода – 11,8 м (рис. 2). Толща рыхлого заполнения грота подразделяется на 22 стратиграфических слоя общей мощностью около 10 м* (рис. 3, 4).

* Р.Х. Сулеймановым [1972] отложения грота были подразделены на 21 стратиграфический слой. Во время раскопок 2001 г. был выделен слой 22, заполняющий каверны скального основания грота.

Слой 2. Субгоризонтально залегающий средний суглинок светло-палевого цвета с красноватым оттенком. Слой в значительной степени насыщен мелкой угловатой и округлой щебенкой, встречаются небольшие (до 1 см) хорошо окатанные галечки и мелкие фрагменты жженных костей. В мелкоземной верхней и средней части слоя преобладают фракции крупной пыли, а в подошве увеличивается накопление илстых частиц. Отложения слоя сильно сцементированы, что в большей степени связано с их просыханием, поскольку содержание карбонатов кальция в слое незначительно. Нижняя граница слоя нечеткая, наибольшая мощность 0,15 м. Палинологический анализ образцов, отобранных из 2-го слоя, показал преобладание пыльцы трав и кустарников (63,2%) при высокой доле древесных пород (34,7%) и незначительном количестве спор зеленых мхов. Состав пыльцы трав и кустарников обычен для среднегорной Тянь-шанской степи. Древесные породы представлены широколиственными деревьями: *Juglans*, *Quercus*, *Ulmus*, *Carpinus*. Отмечено присутствие арчи и березы при участии *Pinus*, *Abies* и *Picea*, которые играют заметную роль в растительном покрове высоких склонов Тянь-Шаня.

Слой 3. Легкий палево-серый суглинок, значительно насыщенный мелким (до 3 – 4 см) угловатым и окатым щебнем. В большом количестве встречаются карбонатные конкреции, мелкие фрагменты костей (в том числе жженных) и примазки древесного угля. Контакт с подстилающими отложениями четкий, наибольшая мощность 0,2 м. В палинологических образцах пыльцы и спор не обнаружено.

Слой 4. Легкий суглинок палево-серого цвета с бурыми пятнами. Насыщенность мелким обломочным материалом незначительна. По всему слою встречаются марганцевые примазки. В средней части отложение марганца прослеживается в виде тонких субгоризонтально залегающих линзочек, имеющих волнообразную поверхность. В западной части разреза слой сильно карбонатизирован и образует единую сцементированную травертиновую массу бурого-серого цвета. В центральной части разреза отложения опесчанены и имеют более рыхлую структуру и светлый цвет, хотя небольшие куски сцементированной супеси встречаются и в этой части разреза. В составе мелкоземного заполнения слоя отмечается значительное накопление илстых частиц. Нижняя граница слоя четкая, наибольшая мощность 0,4 м. Среди фаунистических остатков в слое отмечено присутствие костей кабана (*Sus scrofa*), благородного оленя (*Cervus elaphus*) и сибирского горного козла (*Capra sibirica*). В палиносpectрах преобладает пыльца трав и кустарников, характерных для кустарниково-разнотравных степей среднегорий Тянь-Шаня. Обращает на себя внимание разнообразие древесных пород (клен, береза, граб, хмелеграб, грецкий орех), характерных для мезофильных долинных

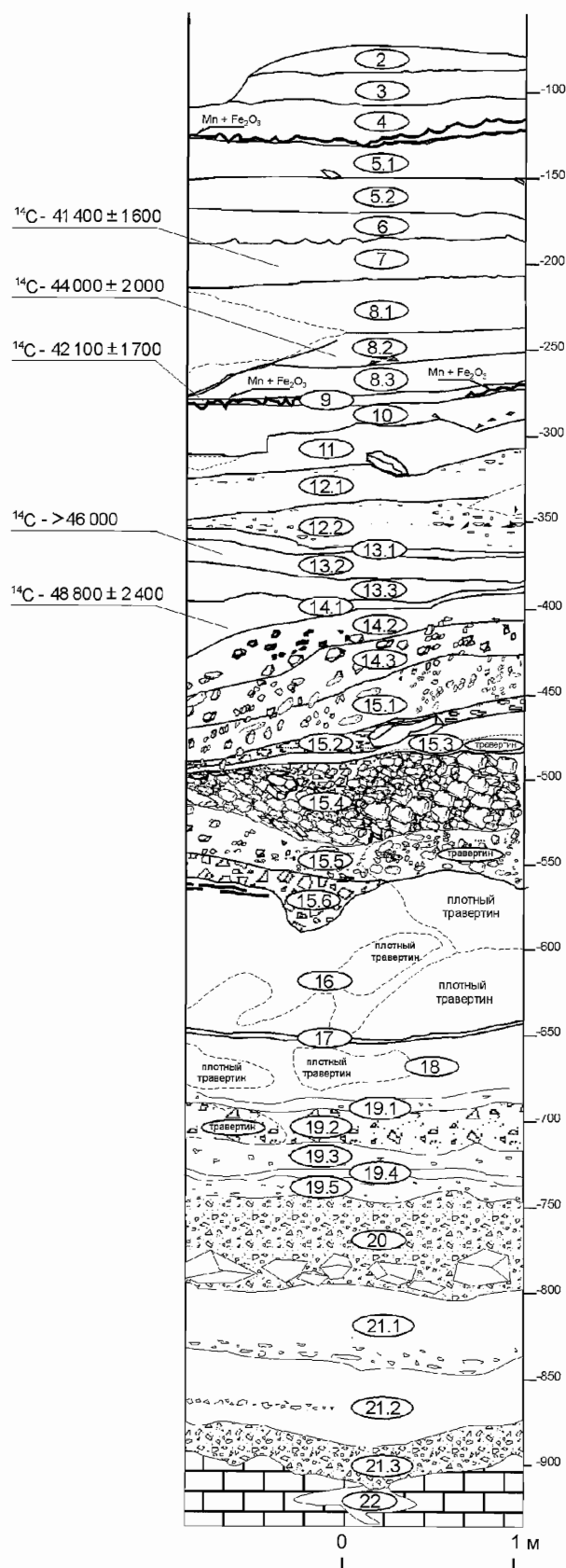

Рис. 4. Стратиграфическая колонка отложений грота, вскрытых в 1998 – 2001 гг.

лесов. Кроме того, представлены сосна и пихта. Отмечены споры *Botrychium*.

Слой 5. Легкая серо-палевая супесь, в значительной степени насыщенная мелким обломочным материалом, с включениями отдельных кусков крупного щебня. В центральной части разреза слой сильно опесчанен, имеет более светлый цвет и очень малую насыщенность известняковой щебенкой. В верхней части слоя значительно преобладают фракции крупнопылеватых частиц. По всей толще отложений фиксируются следы накопления марганца в виде пленочного покрытия мелких обломков известняка и костных фрагментов. В большом количестве встречаются известковые стяжения, натечки, фрагменты сталактитов, а также небольшие участки сцементированных карбонатами отложений. По литологическим характеристикам слой разделен на два *подгоризонта* – 5.1 и 5.2. Слой имеет субгоризонтальное простирание с небольшим падением нижней границы в западном углу раскопа. Граница с подстилающими отложениями нечеткая, наибольшая мощность слоя 0,3 м. В фаунистическом наборе присутствуют фрагменты зубов мелких копытных (*Capra* – *Ovis*), кости лисицы (*Vulpes vulpes*) и благородного оленя (*Cervus elaphus*). В палинологических образцах преобладает пыльца трав и кустарников (93,2%) и присутствуют единичные зерна *Juglans*, *Tilia*, *Atraphaxis*. Это свидетельствует о развитии двудольно-разнотравной степи с примесью злаков и участием гречишных (в том числе *Atraphaxis* – курчавки), маревых, полыни, розоцветных, смолевки и лилейных. Древесные породы в палиноспектрах представлены березой, сосной, грабом.

Слой 6. Легкая серо-палевая, местами буроватая супесь, слабо насыщенная обломочным материалом. Слой довольно сильно опесчанен, включает в себя небольшое количество марганцевых конкреций, известковых журавчиков и отдельных примазок древесного угля. Сцементированные карбонатами участки слоя практически не встречаются, за исключением пристенной зоны в западной части раскопа. Граница с подстилающими отложениями четкая, наибольшая мощность слоя 0,2 м. Среди костных остатков, обнаруженных в слое, отмечены только фрагменты зубов мелкого копытного (*Capra* – *Ovis*). Палинологический анализ образцов выявил господство пыльцы трав и кустарников, характерных для тьянь-шанской степи, при разнообразии древесных пород: сосна, береза, граб, грецкий орех, клен, хмелеграб и фисташка.

Слой 7. Супесь темно-серого (местами до черного) цвета, насыщенная мелкой угловатой щебенкой, фрагментами костей (в том числе и жженных), древесными угольками и углистыми примазками. Во фракционном составе слоя преобладают крупнопылеватые частицы. Залегание слоя субгоризонтальное с незначительным уклоном к выходу из грота. Граница с

подстилающими отложениями четкая, кроме участка в северо-западном углу раскопа, где отложения сцементированы в травертиновый монолит. В целом, в отложениях слоя содержание карбонатов кальция (по сравнению с подстилающими и перекрывающими отложениями) уменьшается, а гуминовых кислот – увеличивается, что свидетельствует об интенсивном характере гумусообразования. Наибольшая мощность слоя 0,25 м. Среди определяемых фаунистических находок отмечено присутствие костей благородного оленя (*Cervus elaphus*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*) и барана (*Ovis* sp.). Палинологические образцы содержат единичные зерна зонтичных, полыни, граба, березы и многочисленные обугленные частицы.

Слой 8. Супесь палево-красного цвета, на отдельных участках осветленная до светло-палевого белесоватого. В подошвенной части и на пристенных участках цвет слоя темнеет и приобретает сероватый оттенок. Насыщенность слоя мелким обломочным материалом незначительная. В средней части и подошве слоя встречаются участки, содержащие большое количество угольков и угольных примазок. Степень цементации рыхлого материала на разных участках раскопа различна. Наиболее плотные участки приурочены к пристенной зоне (западная часть раскопа), где отложения представляют собой монолитный травертин. На периферии этой зоны и в восточной части раскопа фиксируется цементация грунта отдельными пластами, между которыми наблюдаются тонкие (3 – 4 см) прослойки несцементированного слоя. В центральной части раскопа сплошная цементация отсутствует, встречаются лишь отдельные плотные участки. В данной зоне слой представляет собой белесую рыхлую супесь с линзочками слабоокатанного обломочного материала (мощностью 2 – 3 см). По литологическим характеристикам (цвет, концентрация обломочного материала, характер и распространение сцементированных участков), а также по особенностям залегания археологического материала слой разделен на три *подгоризонта* – 8.1, 8.2 и 8.3. Залегание всех прослоев субгоризонтальное, со слабым падением в юго-западном направлении. Граница с подстилающими отложениями четкая, общая мощность слоя 0,65 м. В фаунистический набор входят фрагменты зубов крупного хищника, костные остатки благородного оленя (*Cervus elaphus*), барана (*Ovis* sp.) и сибирского горного козла (*Capra sibirica*). Палинологический анализ образцов показал отсутствие пыльцы и спор в отложениях *подгоризонта* 8.3. Образцы из *подгоризонта* 8.2 содержат обугленные остатки, минеральные частицы и единичные зерна *Pinus*, *Betula*, *Quercus*, *Carpinus*, *Corylus*, *Artemisia*. Палиноспектры *подгоризонта* 8.1 обращают на себя внимание значительным количеством (21,0 – 24,1%) и разнообразием пыльцы древесных пород: *Betula*, *Ostrya*, *Juglans*, *Carpinus*, *Pinus*. Отмечено

присутствие спор *Bryales*, *Saloinia*, *Ophioglossum*. Подобный состав растительности характерен для долин и северных склонов среднегорья. Северные и южные склоны были покрыты арчевым редколесьем, травянистые растения образовывали нижний ярус сухой двудольно-разнотравной тьянь-шанской степи с участием злаковых и зонтичных растений. Для слоя 8 на настоящее время имеются две радиоуглеродные даты: $44\,000 \pm 2\,000$ л.н. (AA 31580) и $42\,100 \pm 1\,700$ л.н. (AA 31581).

Слой 9. Пылеватая темно-серая супесь, слабо насыщенная мелким обломочным материалом. В большом количестве встречаются фрагменты костей (в том числе и жженных) и примазки древесного угля. Некоторые костные фрагменты, артефакты и мелкие обломки известняка покрыты марганцевой пленкой, а в подошвенной части слоя накопление марганца фиксируется в виде тонкой прерывистой субгоризонтально залегающей линзочки, имеющей волнообразную поверхность. Данные палеопедологического анализа показывают, что слой формировался при участии активных процессов почвообразования. Отложения в зоне контакта с нижележащими осадками (примерная мощность контактной зоны 5 см) ожежены и имеют рыже-охристый цвет. Слой рыхлый, за исключением западной части раскопа, где он сильно сцементирован и представляет собой слоистый травертин серовато-бурого цвета. Залегание слоя субгоризонтальное со слабым падением в юго-западном направлении. Граница с подстилающими отложениями четкая, максимальная мощность слоя 0,15 м. Фаунистический набор состоит из фрагментов костей благородного оленя (*Cervus elaphus*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*) и барана (*Ovis* sp.). Образец, отобранный на палинологический анализ, содержал лишь единичное зерно *Artemisia*.

Слой 10. Легкая супесь (до песка) светло-палевого цвета, более серая в подошвенной части. Слой в значительной степени насыщен мелким и средним обломочным материалом. Во фракционном составе мелкозема преобладают крупнопылеватые частицы. В нижней части слоя прослеживается тонкая (мощностью 2–3 см) линза темно-серого цвета, локализованная в западной части раскопа. Слой рыхлый, за исключением восточной части раскопа, где он сцементирован и имеет вид слоистого травертина. Залегание слоя субгоризонтальное со слабым падением в юго-западном направлении. Граница с подстилающими отложениями четкая, наибольшая мощность слоя 0,4 м. Среди определимых фаунистических остатков идентифицированы только кости барана (*Ovis* sp.). Палинологический анализ образцов, отобранных из слоя, не выявил содержание пыльцы и спор.

Слой 11. Пылеватая темно-серая супесь (до песка), значительно насыщенная мелким и средним угловатым обломочным материалом. В подошвенной

части слоя размер обломочного материала увеличивается, отдельные обломки достигают 0,3 м в поперечнике. В большом количестве встречаются фрагменты костей (в том числе и жженных), угольки и угольные примазки. Данные палеопедологического анализа свидетельствуют о формировании слоя при активном участии процессов почвообразования. Слой рыхлый, за исключением восточной части раскопа, где он сцементирован и представляет собой слоистый травертин. Залегание слоя субгоризонтальное с небольшим падением в юго-западном направлении, максимальная мощность до 0,3 м. В фаунистическом наборе присутствуют кости благородного оленя (*Cervus elaphus*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*) и некрупного хищника (*Vulpes vulpes*?). Палинологический анализ свидетельствует о неблагоприятных условиях для формирования палиноспектров. Тем не менее отмечается преобладание пыльцы трав и кустарников, представленных маревыми, полынью, злаковыми и разнотравьем – гвоздичные, астровые, лилейные, смолевки, бобовые, т.е. растительность, характерная для нижнего яруса среднегорий Западного Тянь-Шаня. Северные и южные склоны были заняты арчей, образующей верхний ярус. Влажные расщелины скал заполнялись мхами и лишайниками.

Слой 12. Песчанистые отложения светло-желтого (участками белесого) цвета, имеющие в подошвенной зоне сероватый оттенок. Слой насыщен мелким и средним угловатым щебнистым материалом, в средней части слоя присутствуют отдельные крупные (до 0,4 м) обломки (возможный сейсмогенный горизонт). В слое в большом количестве встречаются угольки и угольные примазки. Слой рыхлый, за исключением центральной и восточной части раскопа, где отложения сильно сцементированы карбонатами и имеют вид монолитного травертина. В верхней части слоя среди фракций мелкозема отмечается относительно высокое содержание илистых частиц. Залегание слоя субгоризонтальное с небольшим падением в юго-западном направлении. По литологическим характеристикам (цвет, концентрация обломочного материала, характер и распространение сцементированных травертиновых участков), а так же по особенностям залегания археологического материала слой разделен на два *подгоризонта* – 12.1 и 12.2. Граница с подстилающими отложениями четкая, общая мощность слоя 0,7 м. В фаунистическом наборе присутствуют костные остатки барана (*Ovis* sp.), сурка (*Marmota* sp.) и благородного оленя (*Cervus elaphus*). Палинологический анализ указывает на господство пыльцы трав и кустарников (81%) при небольшом содержании пыльцы древесных (16%) и спор (3%). Среди травянистых преобладают маревые (37,2%) и полыни (15,3%). Довольно много пыльцы других представителей разнотравья: гвоздичных, астровых, гречишных, бобовых,

злаковых, лилейных. Отмечено присутствие таких ксерофитов, как козелец, хруплявник, тамариск. Состав этой части спектра свидетельствует о развитии на равнинных площадках среднегорья сухой разнотравно-двудольной степи тянь-шанского типа с участием злаков, а на сухих щебнистых склонах – ксерофитов. Состав древесной пыльцы довольно разнообразен и позволяет предполагать, что в долине и на северных склонах могли развиваться такие представители мезофильной растительности, как грецкий орех, клен, граб, береза, ива, в более высоком поясе – ель и сосна. Арча покрывала и северные и южные склоны. Щели скал занимали споровые: *Polypodiaceae*, *Equisetum*, *Bryales*, *Marsilia*. Палинологические образцы, взятые из *подгоризонта 12.1*, отличаются большим содержанием пыльцы древесных пород, представленных грабом, кленом, березой, елью и пихтой. На более сухих участках произрастали *Chenopodiaceae*, *Caryophyllaceae*, *Asteraceae*, *Fabaceae*, *Poaceae* и другие представители горно-степной растительности.

Слой 13. Легкая супесь (до песка) светло-серого, серого и палево-серого цвета, насыщенная мелкообломочным материалом. Отмечается присутствие примазок древесного угля, небольшого количества карбонатных конкреций и мелких окатанных галечек. В верхней части слоя в составе мелкозема преобладают илистые частицы, а в самой нижней части отмечается также увеличение доли крупнопылеватых фракций. В верхней и средней части слоя количество карбонатов кальция невелико, что сопряжено с увеличением процентного содержания гуминовых кислот, свидетельствующим об активных процессах гумусообразования. По литологическим характеристикам слой разделен на три *подгоризонта* – 13.1, 13.2 и 13.3. Слой рыхлый, лишь в подошвенной части отмечаются куски слабосцементированных отложений. Залегание слоя субгоризонтальное с небольшим наклоном к выходу из грота, максимальная мощность слоя 0,5 м. Среди определяемых фаунистических остатков идентифицированы фрагменты костей барана (*Ovis* sp.) и сибирского горного козла (*Capra sibirica*). Для *подгоризонта 13.2* имеется открытая радиоуглеродная дата >46 000 л.н. (АА 35318).

Слой 14. Данное стратиграфическое подразделение состоит из трех *подгоризонтов*, выделенных согласно литологическим характеристикам. *Подгоризонт 14.1* – легкая бурая супесь, значительно насыщенная мелкой и средней щебенкой. Многочисленны локализованные прослойки серого суглинка, насыщенного древесными угольками и фрагментами костей. По всему *подгоризонту* встречаются мелкие окатанные куски известняка и кварца. На отдельных участках прослеживается травертиновая цементация отложений слабой и средней степени. Максимальная мощность прослая 0,5 м. Для данного *подгоризонта*

имеется радиоуглеродная дата $48\ 800 \pm 2\ 400$ л.н. (АА 36746). *Подгоризонт 14.2* – легкая супесь светло-желтого, местами белесого цвета со значительным количеством мелкой угловатой щебенки. Прослой насыщена карбонатными конкрециями, в его кровле встречаются железисто-марганцевые разводы. Максимальная мощность прослая 0,3 м. *Подгоризонт 14.3* – красновато-желтая (в кровле – серо-желтая) супесь, значительно насыщенная мелким и средним обломочным материалом с включением отдельных крупных глыб. В верхней части *подгоризонта* среди фракций мелкозема преобладают крупнопылеватые и илистые частицы. Встречаются небольшие участки сцементированных отложений. Наибольшая мощность прослая 0,3 м. Среди фаунистических остатков в слое выделены кости благородного оленя (*Cervus elaphus*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*) и барана (*Ovis* sp.).

Слой 15. Данное стратиграфическое подразделение фиксирует череду палеотектонических событий, отразившихся в формировании сейсмогенных отложений, подразделенных на шесть *подгоризонтов*. *Подгоризонт 15.1* – буровато-коричневый суглинок, заполняющий пространство между обвальным скоплением известняковых блоков среднего размера. Наибольшая мощность прослая 0,35 м. *Подгоризонт 15.2* – щебнисто-глыбовый горизонт мощностью 0,1 м, не содержащий рыхлого заполнителя. *Подгоризонт 15.3* – желтовато-коричневая супесь с небольшим содержанием мелкого обломочного материала. На отдельных участках прослеживается травертиновая цементация (слабая и средней степени). Максимальная мощность прослая 0,25 м. *Подгоризонт 15.4* – щебнисто-глыбовый горизонт, включающий крупные блоки отседания. Рыхлый заполнитель в виде оглиненной супеси присутствует в незначительном количестве. На пристенных участках прослеживается травертиновая цементация обломочно-обвального материала. Мощность прослая 0,6 м. *Подгоризонт 15.5* – комковатый светло-коричневый суглинок с большим количеством угловатых обломков известняка мелких и средних размеров. На пристенных участках прослеживается травертиновая цементация грубообломочного материала. Мощность прослая 0,35 м. *Подгоризонт 15.6* – комковатый суглинок темно-коричневого цвета, включающий большое количество угловатых обломков известняка мелких и средних размеров. На отдельных участках прослеживается слабая и средней степени цементация обломочного материала. Мощность прослая 0,3 м.

Слой 16. Легкая светло-серая (до белесого) супесь с редкими включениями мелких неокатанных обломков известняка и отдельных галечек. В кровле отмечены марганцевые прослойки. Верхняя часть слоя более глинистая, наблюдается слабая мелкослоистость.

Фактически вся толща слоя цементирована карбонатами и представляет собой монолитный травертин различной плотности с включениями редкого щебня. Максимальная мощность слоя 0,8 м.

Слой 17. Тяжелый темно-коричневый (до шоколадного) суглинок, сильно насыщенный мелкими, реже средними окатанными обломками окремненного известняка, в основном черного и темно-серого цвета. Максимальная мощность 0,2 м.

Слой 18. Легкая пылеватая светло-палевая супесь. Насыщенность обломочным материалом незначительная. Нижняя часть слоя цементирована в плотный травертин. Максимальная мощность слоя 1 м.

Слой 19. Слоистые щебнистые суглинки темно-серого (до черного) цвета. По литологическим характеристикам и особенностям залегания археологического материала (выделение четких культурных горизонтов) слой разделен на пять *подгоризонтов* – 19.1, 19.2, 19.3, 19.4 и 19.5. *Подгоризонт 19.1* – рыхлый щебнистый черный суглинок, содержащий насыщенный культурный горизонт с обильным включением древесного угля и фрагментов костей (преимущественно жженных). *Подгоризонт 19.2* – обвальное-селевое (?) горизонт с заполнением из плотного темно-коричневого суглинка, содержащего окатанные обломки известняка и мелкие галечки. Нижняя часть прослоя цементирована в плотный травертин. *Подгоризонты 19.3 – 19.5* – совокупность культурных горизонтов, обильно насыщенных древесным углем, золой и фрагментами костей (преимущественно жженных), включенных в рыхлые мелкощебнистые легкие суглинки, окраска которых варьирует от темно-серого до черного оттенков в зависимости от насыщенности древесным углем и золой. Максимальная общая мощность 19-го слоя 0,8 м.

Слой 20. Глыбово-обвальное горизонт с заполнением из плотного тяжелого суглинка коричневого цвета. Глыбы известняка достигают 1,5 м в поперечнике. Максимальная мощность слоя 0,5 м.

Слой 21. Субгоризонтально залегающие плотные тяжелые суглинки коричнево-желтых оттенков. По литологическим характеристикам слой разделен на три *подгоризонта* – 21.1, 21.2 и 21.3. *Подгоризонт 21.1* – плотный вязкий суглинок коричневого цвета, содержащий незначительное количество мелких химически выветрелых обломков известняка. Максимальная мощность подгоризонта 0,6 м. *Подгоризонт 21.2* – плотный желтовато-коричневый суглинок с малым содержанием небольших выветрелых обломков известняка, тяготеющих к подошве прослоя. Максимальная мощность подгоризонта 0,4 м. *Подгоризонт 21.3* – пестроцветный прослой окатанного известнякового щебня, грубозернистого песка и небольшого количества мелких галечек. Прослой местами цементирован в брекчию. В археологическом плане стерилен. Максимальная мощность подгоризонта 0,2 м.

Слой 22. Плотный мелкослоистый суглинок серого цвета. В большом количестве встречаются разводы и прослойки марганца и окислов железа. Слой отмечен только в заполнении каверн скального дна грота. В археологическом плане абсолютно стерилен.

В целом, характеризуя стратиграфический разрез, полученный в 1998 – 1999 гг., можно сказать, что отложения грота представляют собой переслаивающиеся горизонты светло-палевой и серой супеси. При этом наблюдается следующая закономерность: палевые слои имеют большую мощность, достигающую 50 – 60 м, серые обычно до 15 – 25 см, и они более насыщены артефактами, угольками и костными остатками. Все слои залегают практически горизонтально с небольшим уклоном на юго-запад к предвходовой площадке и западной стенке грота. На двух уровнях в разрезе (слои 4 и 9) наблюдаются железисто-марганцевые прослойки. Насыщенность толщи рыхлых отложений обломочным материалом разная. Очень слабая в верхних слоях она нарастает вниз по разрезу, достигая максимума в средней части вскрытой толщи (слой 15). Обломочный материал в основном представлен мелкими, реже средними слабоокатанными кусками известняка. В слоях 11, 12, 14, 15 и 20 наблюдаются скопления крупных (более 40 см в поперечнике) и средних обломков, фиксирующие обвальные горизонты. Примечательной чертой памятника является сильная цементация рыхлых отложений просачивавшимися карбонатизированными водными растворами. Наиболее плотные участки приурочены к пристенной зоне (западная часть раскопа), где отложения на определенных высотных уровнях представляют собой монолитный травертин большой мощности и протяженности. На периферии таких участков часто фиксируется цементация грунта отдельными пластами, между которыми наблюдаются тонкие (3 – 4 см) нецементированные прослойки. Щебнисто-глыбовые горизонты слоя 15 также включают плотно цементированные образования по всей площади его простираения.

Согласно имеющимся геоморфологическим данным, финальный этап формирования полости грота и начальный этап процесса осадконакопления связаны с первым этапом голодностепского цикла (R-W по европейской шкале, примерно 110 – 100 тыс. л.н.). Осадконакопление нижней части отложений может быть отнесено ко времени 5 – 4-й стадий кислородно-изотопной шкалы. Имеющиеся на настоящий момент радиоуглеродные (AMS) даты (см. рис. 4) надежно указывают на то, что средняя и верхняя часть осадков (14 – 5 слои) сформировалась в основном во время 3-й стадии*.

* Дата $125\,000 \pm 16\,000$ л.н. [Чердынцев, 1969] приводится в литературе без контекста, что затрудняет ее интерпретацию до полного окончания нового этапа раскопок.

Данные палеопедологического анализа, выполненного И.Н. Феденёвой*, указывают на то, что биоклиматическая обстановка в районе памятника отличалась значительной контрастностью гидроклиматических показателей, высокой теплообеспеченностью и преобладанием аридных условий. Слой 17, а также нижняя часть слоя 16 были сформированы при относительно активных процессах гумусо- и почвообразования, протекавших в условиях, близких к условиям формирования современных бурых горно-лесных почв, приуроченных к наиболее увлажняемым склонам пояса средневысотных гор Западного Тянь-Шаня. Среднегодовое количество осадков во время образования этой части толщи предположительно составляло не менее 900 мм, что соответствует субгумидному (переменно-влажному) субтропическому климату. Формирование средней и верхней части слоя 16 происходило в условиях менее гумидного (чем нижежащей толщи) климата, что отразилось в более высоком накоплении карбонатов, возрастании фульватности гумуса и меньшем содержании оксалаггративного железа. Можно, по-видимому, выделить две фазы активизации почвообразования, связанные с относительным увеличением теплообеспеченности и(или) увлажненности.

Педогенные характеристики слоев 15, 14.3 и 14.2 отвечают достаточно суровым биоклиматическим условиям резко континентального аридного климата. По ряду признаков в нижней части слоя 15 выделяется толща, образование которой могло происходить в относительно более гумидных условиях. Маломощный слой 14.1 является по своим свойствам переходным к вышележащим отложениям. Мелкозем слоев 13.3 и 13.1 характеризуется относительным накоплением фракций ила и крупной пыли, аккумуляцией карбонатов и в то же время увеличением доли гуминовых кислот в составе гумуса. Эти данные указывают на то, что формирование данных отложений происходило в переменно-влажных субтропических условиях средневысотного пояса среднеазиатских гор с контрастным гидротермическим режимом. Слой 13.2 был образован в условиях более аридного климата, когда произошло относительное снижение активности почвообразовательных процессов. Слой 12 неоднороден по основным характеристикам вещественного состава, можно предполагать, что он формировался в период изменения биоклиматических условий от более аридных к менее аридным при близкой теплообеспеченности. Осадки слоев 11 и 9 сходны по некоторым педогенным признакам. Это позволяет говорить о схожих условиях их накопления при высокой теплообеспеченности и значительной увлажненности,

среднегодовое количество осадков могло составлять 900–1000 мм. Формирование отложений слоя 10 происходило, судя по параметрам вещественного состава, при ослаблении интенсивности почвообразовательных процессов, связанном с менее благоприятными как по тепло-, так и по влагообеспеченности биоклиматическими условиями. Образование слоя 8 протекало в достаточно суровых, по-видимому, сильно аридных природных условиях. Вместе с тем верхняя часть подгоризонта 8.3 и, возможно, средняя часть подгоризонта 8.2 были сформированы при более благоприятном сочетании климатических факторов, а верхняя часть подгоризонта 8.1 является переходной по основным свойствам к осадкам слоя 7, который резко выделяется в изучаемой толще как по морфологическим, так и по аналитическим характеристикам. Отложения слоя 7 формировались в оптимальных для почвообразования биоклиматических условиях (высокая теплообеспеченность и достаточная увлажненность), а слоя 5 – в сильно аридных (с тенденцией к незначительной гумидизации для самой верхней части слоя). Образование слоя 4 происходило, по-видимому, при постепенном переходе от сильно аридных условий (нижняя его часть) к относительно менее аридным при близкой теплообеспеченности. Отмеченное накопление окислов железа могло быть связано с наличием здесь геохимического барьера или с резким кратковременным изменением увлажненности толщи. Осадки слоев 3 и 2 неоднородны по основным педогенным признакам, что может свидетельствовать о колебании биоклиматических условий во время образования этой части толщи. Так, слой 3 был сформирован в относительно теплых и сухих условиях, нижняя часть слоя 2 – в несколько более аридной обстановке, которая затем стала относительно более гумидной. В целом, отложения грота свидетельствуют о таких теплообеспеченности и аридности, которые соответствуют условиям современных субтропических пустынных степей и полупустынь предгорных областей Средней Азии. Однако выделяется ряд слоев, формировавшихся в другой природной обстановке – благоприятной для развития редколесных и лесных ассоциаций, занимающих в настоящее время более высокие позиции в системе вертикальных поясов Западного Тянь-Шаня.

Палинологические исследования отложений грота Оби-Рахмат, проведенные И.А. Кульковой, позволили установить, что их формирование происходило в климатических условиях, сходных с современными. Флористический состав палиноспектров выдержан по разрезу, однако меняются количественные соотношения элементов флоры, отражая незначительные изменения растительности, зависящие прежде всего от увеличения или уменьшения влажности. Необходимо отметить, что в Тянь-Шане даже в ледниковое

* Анализировались образцы из разреза 1998 – 1999 гг., т.е. слоев 2 – 17.

Таблица 1. Категории первичного расщепления

Слой	Нукле- видные изделия		Отщепы		Пластин- чатые отщепы	Остро- конечные пластины	Подтре- угольные скопы	Остро- конечники	Обломки	Осколки	Техни-ческие скопы	Гальки	Итого
	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	
2	1	1,4	7	9,6	16	21,9							73
3	6	3,8	43	27,2	37	23,4							158
4	8	1,5	148	28,1	113	21,5							526
5	15	0,7	826	39,3	620	29,5							2104
2 – 5	30	1,0	1024	36	786	27							2861
6	22	1,5	485	33	328	23							1456
7	71	1,2	866	15	885	15							5886
8	23	0,7	984	31	551	18							3131
6 – 9	116	1,1	2335	22	1764	17							10473
9	15	1,0	320	21	292	19							1513
10	33	2,0	649	40	339	21							1636
11	15	0,3	967	21	671	14							4659
12	23	1,1	641	31	241	12							2083
13	26	0,5	850	15	379	6,7							5642
14	21	0,8	537	21	215	8,5							2532
15	5	1,5	156	46	39	11							342
9 – 15	138	0,7	4120	22	2176	12							18407
Всего	284	0,9	7479	24	4726	15							31741

Таблица 2. Соотношение типов

Тип	2		3		4		5		2 – 5		6		7	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Леваллуазские			1	16,7			1	6,7	2	6,7	1	4,5	2	2,8
для острий											1		2	
для пластин			1						1					
для отщепов							1		1					
Параллельного принципа расщепления														
для пластин	1	100,0			2	25,0			3	10,0	2	9,1	11	15,5
монофронтальные одноплощадочные	1								1		1		7	
монофронтальные двухплощадочные					1				1				4	
бифронтальные двухплощадочные					1				1					
бифронтальные трехплощадочные											1			
Параллельного принципа расщепления														
для отщепов			3	50,0			2	13,3	5	35,7			2	2,8
бифронтальные двухплощадочные														
монофронтальные одноплощадочные			2				2		4				2	
мультифронтальные многоплощадочные			1						1					
Протопризматические									0	0,0	3	13,6		
Торцовые			1	16,7	1	12,5	1	6,7	3	10,0	1	4,5	4	5,6
Нуклеусы на сколах							1	6,7	1	3,3	5	22,7	17	23,9
монофронтальные одноплощадочные													1	
нуклеусы-резцы							1		1		5		15	
комбинированные													1	
Аморфные											1	4,5		
Нуклеидные обломки			1	16,7	5	62,5	10	66,7	16	53,3	9	40,9	35	49,3
Всего	1	100	6	100	8	100	15	100	30	100	22	100	71	100

Таблица 3. Соотношение

Тип	3		4		5		6		7	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Остроконечники леваллуа	1	25,0	9	45,0	1	1,1	7	16,7	11	13,1
Остроконечники мустьерские							1	2,4	9	10,7
Скребла					3	3,4	9	21,4	5	6,0
Зубчатые/выемчатые орудия	1	25,0			7	8,0	2	4,8	1	1,2
Шиповидные изделия									1	1,2
Галечные орудия										
Скребки	2	50,0	2	10,0	11	12,5	1	2,4	8	9,5
Резцы					7	8,0	6	14,3	2	2,4
Проколки										
Долотовидные орудия			1	5,0						
Ножи с обушком									5	6,0
Остроконечные пластины ретушированные			2	10,0	25	28,4	1	2,4	15	17,9
Ретушированные пластины			4	20,0	18	20,5	13	31,0	23	27,4
Транкированные сколы			1	5,0	1	1,1				
Отщепы с ретушью			1	5,0	15	17,0	2	4,8	4	4,8
Всего	4	100	20	100	88	100	42	100	84	100

время оледенение носило сетчатый характер: опускаясь с гор, ледники заполняли лишь некоторые ущелья и долины, среди которых располагались сохранившиеся в целости леса, кустарники и луга. К сожалению, палиноспектры, полученные из разреза Оби-Рахмат, ввиду плохой сохранности пыльцы и ее малого количества не отражают полную картину бо-

гатеишей флоры среднегорья Западного Тянь-Шаня, однако группа трав и кустарников, включающая разнообразные виды, все же дает представление о флоре, существовавшей во время формирования осадков грота Оби-Рахмат. Учитывая имеющиеся на настоящий момент палинологические данные, можно говорить, что основным типом ландшафта среднегорий

пустынный солончаковый пояс. Важно, что этой закономерности следовала и фауна; самая богатая фауна существовала (и существует в настоящее время) в поясе кустарниково-разнотравной степи на высоте 800 – 1300 м над ур. м. Согласно фаунистическому анализу костных остатков, обнаруженных в гроте Оби-Рахмат (данные 1998 – 1999 гг.), в его окрестностях преобладали животные, связанные преимущественно с лесными и горно-скалистыми ландшафтами – олени (*Cervus elaphus*), горные козлы (*Capra sibirica*), бараны (*Ovis* sp.), кабаны (*Sus scrofa*), лисицы (*Vulpes vulpes*) и сурки (*Marmota* sp.) (личное сообщение И.В. Фофановой).

Археологический материал

В 1972 году Р.Х. Сулеймановым на основании технико-типологического и статистического анализов коллекции 1964 – 1965 гг. было предложено разделение археологической последовательности грота Оби-Рахмат на пять комплексов или “ярусов”: А (слои 21 – 15), Б (слои 14 – 9), В (слои 8, 7), Г (слои 6 – 4) и Д (слои 3 – 1) [Сулейманов, 1972]. Данное подразделение, по мнению автора, отражает процесс перерастания среднепалеолитической индустрии в верхнепалеолитическую в рамках единой культурной традиции. Комплекс А назван мустье самой последней фазы, или “ультрафинальное мустье”. Было подчеркнуто, что он отличается ориентацией первичного расщепления на производство массивных пластин и заметным присутствием в орудийном наборе скребел при небольшом количестве верхнепалеолитических типов орудий. Комплекс Б, отнесенный к переходному этапу из-за архаичности и массивности изделий, характеризуется преобладанием призматического расщепления и верхнепалеолитических типов орудий (до 80% орудийного набора). Вышележащие комплексы (В, Г и Д) уверенно классифицировались как один из самых древних вариантов верхнего палеолита. На основании статистического анализа Р.Х. Сулеймановым было обосновано преемственное эволюционное развитие обирахматской индустрии с постепенной и постоянной генерацией верхнепалеолитических технико-типологических признаков без каких-либо инновационных скачков и перерывов. В первичном расщеплении происходит окончательное замещение бессистемных и дисковидных нуклеусов (и без того малочисленных) одно- и двухплощадочными протопризматическими, затем и призматическими формами. Немногочисленные во всех слоях леваллуазские нуклеусы постепенно начинают демонстрировать сочетание собственно леваллуазской стратегии с верхнепалеолитическим торцовым скалыванием. Эволюционирует и сама техника скола. В то время как в нижних слоях господствуют крупные пластины, снятые с применением же-

сткого отбойника, вверх по разрезу становится более заметным использование и мягкого отбойника или посредника (особенно при получении удлиненных подтреугольных сколов). Сами крупные пластины постепенно замещаются небольшими тонкими пластинчатыми формами подтреугольных очертаний с явными свидетельствами применения технологического приема “снятия бахромы”. С изменением типа заготовки связана и постепенная трансформация орудийного набора. В частности, выемчатые орудия из верхних слоев выполнены преимущественно на пластинчатых заготовках, а не на отщепах. Доля скребел (в основном однолезвийных с глубокой, но неинтенсивной обработкой рабочего края) заметно уменьшается, в первую очередь за счет увеличения доли ретушированных пластин (к которым Р.Х. Сулеймановым отнесены также скребла на пластинах и удлиненные остроконечники). Заметно возрастает количество резцов и комбинированных орудий, сочетающих все большее количество одинарных рабочих элементов (до трех-четырех), при этом такая категория верхнепалеолитического орудийного набора, как концевые скребки, в целом не характерна для обирахматской индустрии. Происходит и изменение характера вторичной обработки, более заметное у ретушированных пластин. Мелкая крупная ретушь заменяет чешуйчатую и зубчатую крупнофасеточную. Меньше применяется вентральное, бифасиальное и альтернативное ретуширование.

В данной статье использованы часть материалов (из слоев 2 – 14) раскопок 1963, 1968 – 1970, 1978, 1979 и 1986 гг.*, а также коллекции (из слоев 3 – 14), собранные в 1998 и 1999 гг. Общее количество анализируемых артефактов составило 31 741 экз. Распределение археологического материала по слоям представлено в табл. 1 – 3. Согласно предложенной Р.Х. Сулеймановым схеме [1972], близкие по технико-типологическим показателям исследуемые археологические коллекции смежных стратиграфических слоев были объединены в три группы**: I – материалы из слоев 10 – 14, II – из слоев 6 – 9, III – из слоев 2 – 5.

Группа I. Общее количество артефактов, включая чешуйки (9 678 экз.), обломки (972 экз.) и гальки (3 экз.), – 16 552 экз. (рис. 5).

* Материалы исследований этих лет ранее практически не публиковались. К сожалению, в силу неудовлетворительных условий хранения археологической коллекции многие артефакты не сохранили маркировку, определяющую их принадлежность к конкретному стратиграфическому слою. В статье анализируются только те материалы, которые имеют точную стратиграфическую привязку.

** Необходимо отметить, что после окончания нового полевого исследования памятника Оби-Рахмат и детального анализа полной археологической последовательности данная схема может быть уточнена.

Нуклевидные изделия (118 экз.) представлены нуклевидными обломками, фрагментами ядрищ и нуклеусами различных типов (рис. 6). Среди типологически выраженных **нуклеусов** (61 экз.) преобладают *нуклеусы на сколах* (23 экз.), их основная разновидность — нуклеусы-резцы (17 экз.). Нуклеусы выполнены на массивных пластинчатых сколах, остаточная ударная площадка которых и/или дистальный край без какой-либо интенсивной дополнительной подготовки служили ударной площадкой для торцового снятия небольших пластинчатых заготовок. В равном количестве (по 14 экз.) присутствуют *плоскостные нуклеусы для получения отщепов* и *плоскостные нуклеусы для получения пластин*. Первая категория представлена как одноплощадочными монофронтальными (10 экз.), так и многоплощадочными многофронтальными (4 экз.) формами. Ударные площадки в большинстве случаев сильно скошены к контрфронт, подготовлены крупным одиночным сколом. Среди нуклеусов для получения пластин преобладают монофронтальные одноплощадочные формы для получения средних и малых пластин (7 экз.), биплощадочные нуклеусы представлены как монофронтальной (5 экз.), так и бифронтальной (2 экз.) разновидностями. Гладкие ударные площадки сильно скошены к контрфронт. У некоторых одноплощадочных нуклеусов наблюдается подправка дистальной выпуклости, производившаяся со стороны вспомогательной площадки. *Торцовые нуклеусы* для получения средних и малых пластин (8 экз.) представлены только одноплощадочными формами. Как правило, подготовка нуклеуса была минимальной, оформлялась только гладкая скошенная к контрфронт ударная площадка. В редких случаях наблюдается создание направляющего ребра, что отмечено также наличием незначительной группы технических реберчатых сколов (18 экз.). Единичными экземплярами представлены *протопризматический нуклеус* и *рекуррентный леваллуазский нуклеус* для получения пластин.

Среди **сколов** (5 781 экз.) преобладают *отщепы* (3 644 экз., 63,0%), *пластины* составляют вторую по многочисленности группу заготовок (1 845 экз., 31,9%). Представлены также *пластинчатые отщепы* (96 экз., 1,7%), *остроконечные пластины* (67 экз., 1,2%), *микропластины* (67 экз., 1,2%), *остроконечники* (25 экз., 0,4%), *треугольные* (19 экз., 0,3%) и *технические* (18 экз., 0,3%) сколы. Среди определимых остаточных ударных площадок (3 931 экз.) преобладают гладкие — 79,5% (у отщепов — 78,4, у пластин — 82,2%), остальные типы присутствуют в незначительном коли-

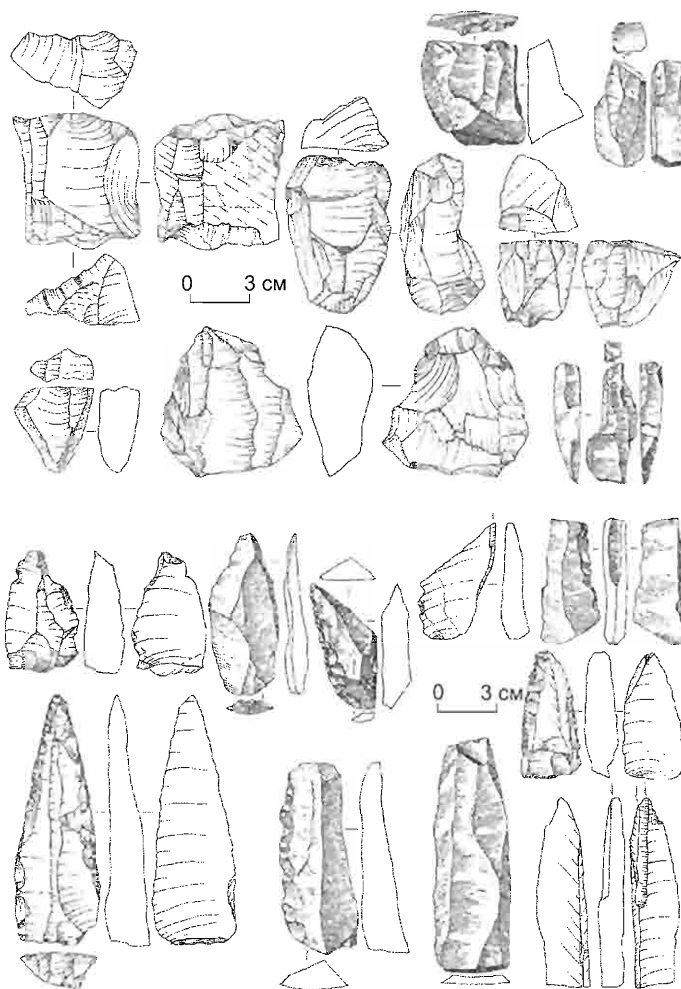

Рис. 5. Группа I. Каменные изделия.

честве: фасетированные — 9,3% (у отщепов — 11,8, у пластин — 3,3%), двугранные — 6,1 (соответственно 5,8 и 7,0%), точечные — 3,9 (2,7 и 6,6%), естественные — 1,2% (1,4 и 0,8%). Анализ дорсальной огранки сколов (за исключением мелких сколов с неопределимой системой огранки) позволяет говорить о подавляющем преобладании продольно-параллельной одноплощадочной системы получения заготовок, значительно менее представлена биплощадочная продольно-параллельная и конвергентная системы утилизации нуклеусов.

Орудийный набор (168 экз.) включает *ретушированные пластины* (37 экз., 22,1%), *резцы* (26 экз., 15,5%), *скребла* (22 экз., 13,1%), *зубчато-выемчатые орудия* (19 экз., 11,3%), *отщепы с ретушью* (12 экз., 7,1%), *ножи с обушком* (13 экз., 7,7%), *удлиненные леваллуазские остроконечники* (10 экз., 6,0%), *скребки* (7 экз., 4,2%), *ретушированные остроконечные пластины* (7 экз., 4,2%), *мустьерские остроконечники* (6 экз., 3,6%), *долотовидные орудия* (3 экз., 1,7%), *шпиевидные орудия* (3 экз., 1,7%),

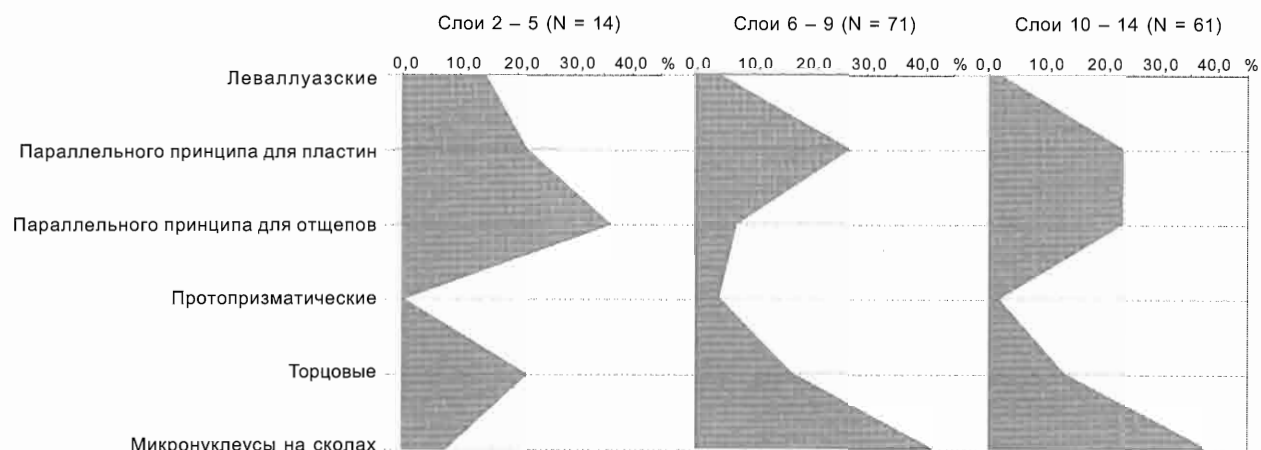

Рис. 6. Диаграмма распределения типов нуклеусов по группам слоев.
Процентное соотношение нуклеусов приведено без учета нуклевидных обломков и аморфных нуклеусов.

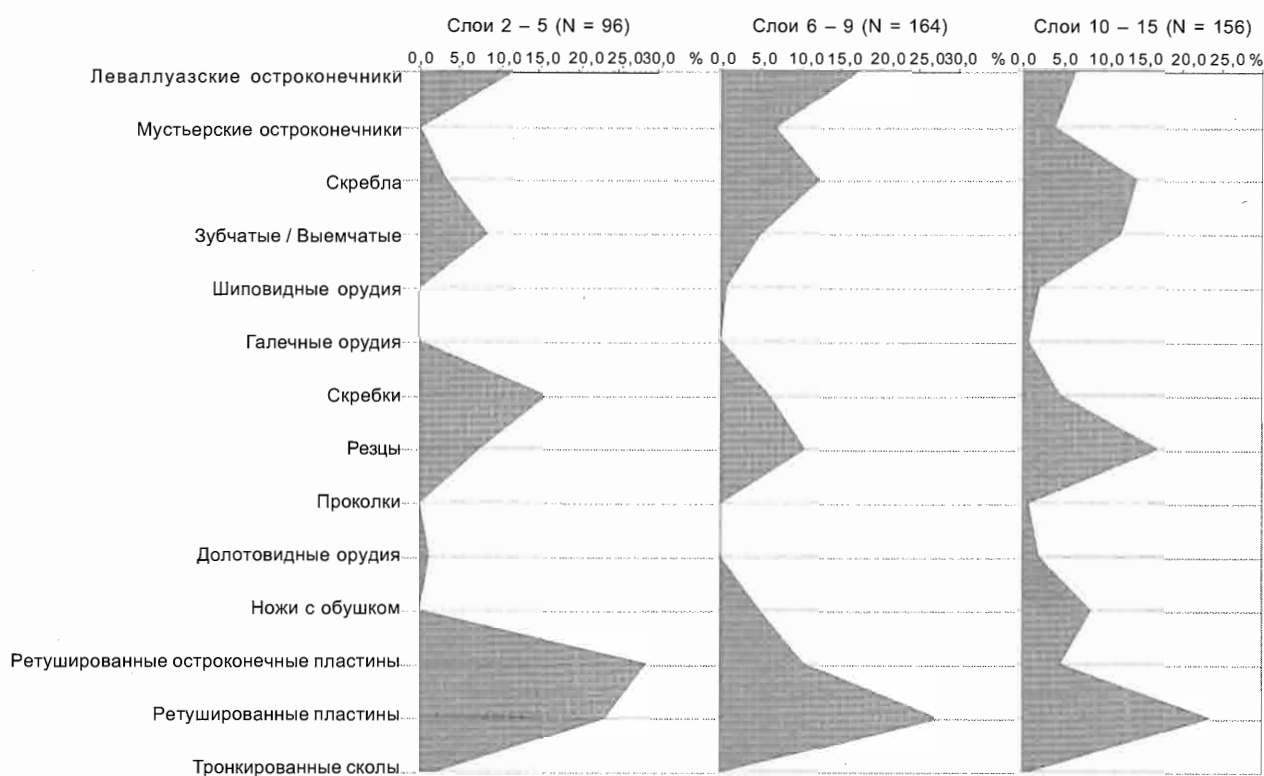

Рис. 7. Диаграмма распределения типов орудий по группам слоев.
Процентное соотношение орудий приведено без учета категории “отщепы с ретушью”.

проколку (0,6%), тронкированный скол (0,6%) и галечное орудие (0,6%) (рис. 7).

Группа II. Общее количество каменных артефактов, включая чешуйки (5 743 экз.), обломки (1 010 экз.) и гальки (3 экз.), – 11 986 экз. (рис. 8).

Нуклевидные изделия (131 экз.) представлены нуклевидными обломками, фрагментами ядрищ и нуклеу-

сами различных типов (см. рис. 6). Среди типологически выраженных **нуклеусов** (71 экз.), как и в группе I, преобладают **нуклеусы на сколах** (29 экз.), преимущественно нуклеусы-резцы (24 экз.). Нуклеусы выполнены на массивных пластинчатых сколах, остаточная ударная площадка которых и/или дистальный край без какой-либо интенсивной дополнительной подготовки

использовались в качестве ударной площадки для торцового снятия небольших пластинчатых заготовок. Следующая по многочисленности группа ядрищ – *плоскостные нуклеусы для получения пластин* (19 экз.): монофронтальные одно- (12 экз.) и двухплощадочные (6 экз.), бифронтальный трехплощадочный (1 экз.). Ударные площадки сильно скошены к контрфронту, подготовлены крупным одиночным сколом. *Торцовые нуклеусы* для получения средних и малых пластин (12 экз.) представлены только одноплощадочными формами. Как правило, подготовка нуклеуса была минимальной, оформлялась только гладкая скошенная к контрфронт ударная площадка. Иногда наблюдается создание направляющего ребра, что подтверждается наличием небольшой группы реберчатых сколов (27 экз.). *Плоскостные нуклеусы для получения отщепов* (5 экз.) исключительно монофронтальные одноплощадочные, их гладкие ударные площадки скошены к контрфронт. Равным количеством (по 3 экз.) представлены *протопризматические* и *леваллуазские нуклеусы*. Последние служили для получения небольших удлиненных остроконечников.

Среди *сколов* (5 099 экз.) преобладают *отщепы* (2 655 экз., 52,1%), *пластины* – вторая по многочисленности группа заготовок (2 056 экз., 40,3%). Остальные категории сколов представлены *пластинчатыми отщепами* (111 экз., 2,2%), *остроконечными пластинами* (108 экз., 2,1%), *треугольными сколами* (69 экз., 1,4%), *микропластинами* (45 экз., 0,9%), *удлиненными леваллуазскими остроконечниками* (28 экз., 0,5%) и *техническими сколами* (27 экз., 0,5%). Среди определимых остаточных ударных площадок (2531 экз.) преобладают гладкие – 85,1% (у отщепов – 84,7, у пластин – 81,4%), другие типы присутствуют в незначительном количестве: точечные – 6,1% (у отщепов – 5,6, у пластин – 8,0%), двугранные – 5,4 (соответственно 6,9 и 4,9%), фасетированные – 3,0 (2,1 и 5,4%), естественные – 0,5% (0,7 и 0,3%). Анализ дорсальной огранки сколов (за исключением мелких сколов с неопределимой системой огранки) свидетельствует о подавляющем преобладании продольно-параллельной одноплощадочной системы получения заготовок (61,3%), значительно меньшая доля сколов демонстрирует биплощадочную продольно-параллельную и конвергентную системы утилизации нуклеусов.

Орудийный набор (174 экз.) представлен *ретушированными пластинами* (44 экз., 25,3%), *удлиненными*

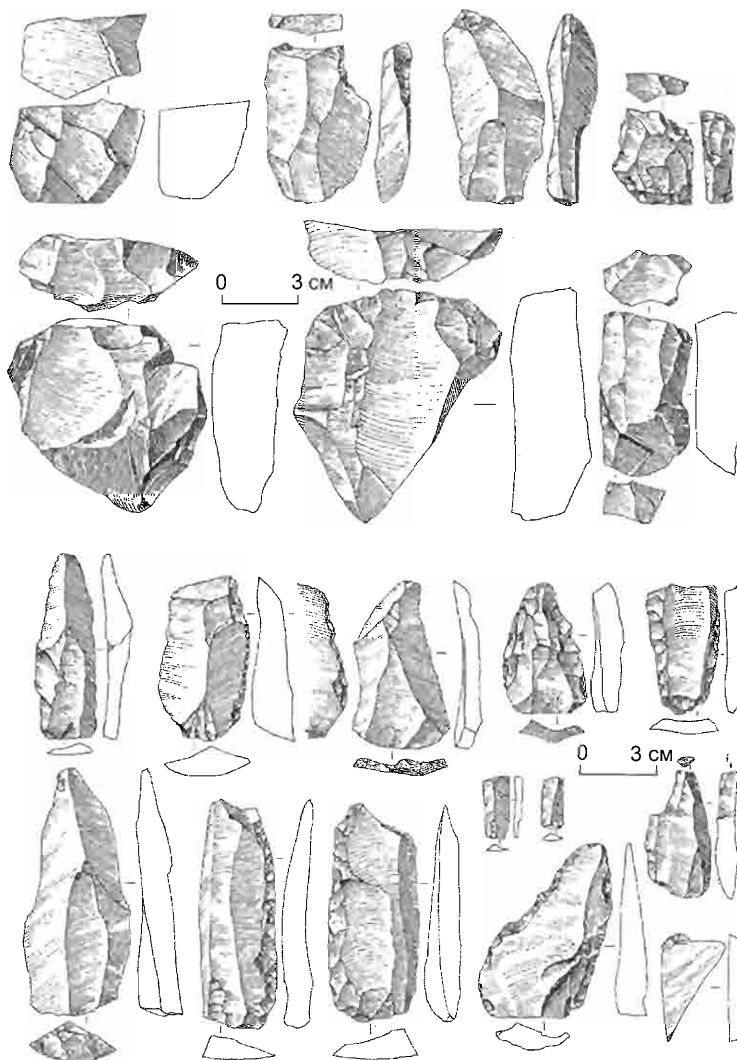

Рис. 8. Группа II. Каменные изделия.

ми леваллуазскими остроконечниками (28 экз., 16,1%), *скреблами* (20 экз., 11,5%), *резцами* (17 экз., 9,8%), *ретушированными остроконечными пластинами* (17 экз., 9,8%), *мустьерскими остроконечниками* (11 экз., 6,3%), *скребками* (10 экз., 5,7%), *отщепами с ретушью* (10 экз., 5,7%), *зубчато-выемчатыми орудиями* (8 экз., 4,6%), *ножами с обушком* (8 экз., 4,6%) и *шпоровидным орудием* (0,6%) (см. рис. 7).

В слое 8, включенном в группу II, были обнаружены изделия, определенные как предметы мобильного искусства, – несколько фрагментов трубчатых костей, имеющих насечки в виде параллельных линий и стреловидных символов (рис. 9).

Группа III. Общее количество артефактов, включая чешуйки (641 экз.) и обломки (270 экз.), – 2 861 экз. (рис. 10).

Нуклевидные изделия (30 экз.) представлены нуклевидными обломками, фрагментами ядрищ и

Рис. 9. Группа II.
Фрагменты трубчатых костей с насечками.

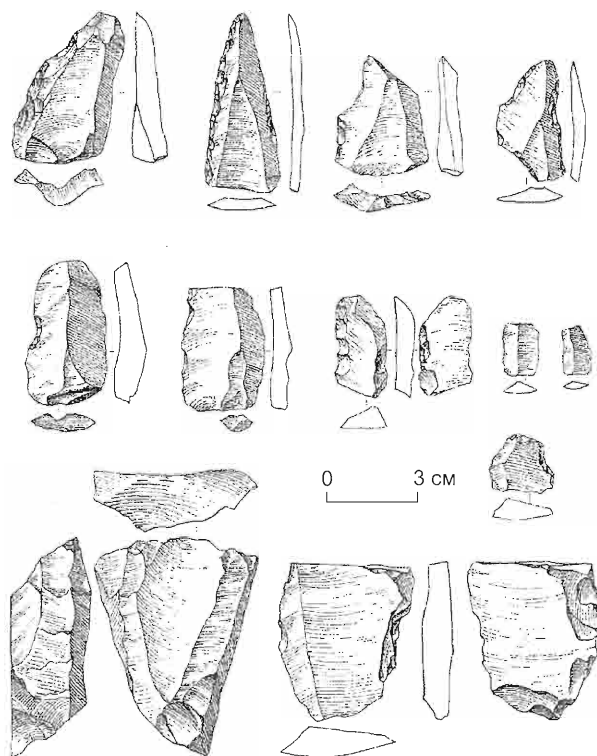

Рис. 10. Группа III. Каменные изделия.

нуклеусами различных типов. Среди типологически выраженных **нуклеусов** (14 экз.) преобладают *плоскостные нуклеусы для получения отщепов* (5 экз.): монофронтальные одноплощадочные (4 экз.) и многофронтальный многоплощадочный (1 экз.). Гладкие ударные площадки скошены к контрфронт; фронты скалывания подвергались незначительной подготовке. В равном количестве (по 3 экз.) присутствуют *нуклеусы параллельного принципа расщепления для получения пластин* (монофронтальные одно- и двухпло-

щадочный, бифронтальный двухплощадочный) и *торцовые нуклеусы* для производства небольших пластин. *Леваллуазские нуклеусы* (2 экз.) служили для получения как пластин, так и отщепов. Единственным экземпляром представлены характерные для нижних комплексов грота Оби-Рахмат *нуклеусы-резцы*.

Среди **сколов** (1 920 экз.) преобладают *отщепы* (1 024 экз., 53,3%), *пластины* составляют вторую по многочисленности группу заготовок (786 экз., 40,9%). Представлены также *остроконечные пластины* (44 экз., 2,3%), *треугольные сколы* (30 экз., 1,6%), *пластинчатые отщепы* (20 экз., 1,0%), *микропластины* (12 экз., 0,6%) и *технические сколы* (4 экз., 0,2%).

Среди определяемых остаточных ударных площадок (739 экз.) преобладают гладкие – 88,4% (у отщепов – 85,9, у пластин – 90,8%), остальные типы присутствуют в незначительном количестве: точечные – 3,8% (у отщепов – 5,7, у пластин – 1,9%), двугранные – 3,7 (соответственно 5,4 и 1,9%), фасетированные – 3,7 (3,0 и 4,3%), естественные – 0,5% (отмечены только у пластин – 1,1%). Анализ дорсальной огранки сколов (за исключением мелких сколов с неопределимой системой огранки) позволяет говорить о существенном преобладании продольно-параллельной одноплощадочной системы получения заготовок (55,3%), значительно менее представлена конвергентная и биплощадочная продольно-параллельная системы утилизации нуклеусов.

Орудийный набор (112 экз.) включает *ретушированные остроконечные пластины* (27 экз., 24,1%), *ретушированные пластины* (22 экз., 19,6%), *отщепы с ретушью* (16 экз., 14,3%), *скребки* (15 экз., 13,4%), *удлиненные леваллуазские остроконечники* (11 экз., 9,8%), *зубчато-выемчатые орудия* (8 экз., 7,1%), *резцы* (7 экз., 6,3%), *скребла* (3 экз., 2,7%), *тронкированные сколы* (2 экз., 1,8%) и *долотовидное орудие* (0,9%).

Говоря о проанализированной археологической коллекции грота Оби-Рахмат, можно сделать ряд общих выводов о характере обирахматского технокомплекса в целом. Прежде всего, судя по малочисленности нуклеусов и их размерам (особенно при сопоставлении с размерами имеющихся на памятнике сколов), основная часть деятельности по первичному расщеплению осуществлялась вне грота, возможно, непосредственно на многочисленных ближайших выходах сырья. На территорию памятника приносились уже готовые крупные сколы-заготовки для их дальнейшей трансформации в орудия и небольшие куски сырья для оформления “вспомогательных” нуклеусов. О том, что на стоянке проводилась в основном вторичная обработка заготовок, говорит и огромное количество мелких осколков и чешуек. Среди сколов-заготовок и в орудийном наборе прослеживается явное преобладание охотничьего инвентаря (связанного с добычей, а не разделкой животных), в первую очередь, различного типа удлиненных остроконечников (остроконечных пластин, леваллуазских и

мустьерских острий). Малочисленные разделочные инструменты (ножи, скребки, скребла) маловыразительны и были предназначены, возможно, для выполнения разовых действий. В то время как орудия данных категорий обнаруживаются преимущественно в неповрежденном состоянии, для инструментов, связанных с добывающей охотничьей деятельностью, весьма характерна фрагментированность. Таким образом, памятник Оби-Рахмат на всем протяжении своего существования являлся, скорее всего, постоянно посещавшимся на непродолжительное время охотничьим лагерем, что, на наш взгляд, объясняет определенную специфику обирахматской индустрии, прежде всего состав орудийного набора (в частности, невыразительность малочисленных скребков и преобладание остроконечных орудий).

Среди имеющихся нуклеусов ведущее положение занимают ядрища, относящиеся к верхнепалеолитическим стратегиям расщепления, в первую очередь торцовые нуклеусы, нуклеусы-резцы и различные категории микронуклеусов, выполненных преимущественно на отщепках или массивных пластинах. При анализе как самих ядрищ, так и технических сколов реконструируется использование верхнепалеолитической техники создания направляющего ребра (“техника реберчатой пластины”). Леваллуазские формы представлены единичными экземплярами, демонстрирующими в большинстве случаев и применение верхнепалеолитической стратегии расщепления (использование латерального края леваллуазского нуклеуса для торцового получения пластин и пластинок). Данная закономерность наблюдается во всех вскрытых отложениях. Хотя ниже 10-го слоя микроядрищ почти нет, однако продукты их использования в виде микропластинок четко фиксируются в достаточно представительных сериях вплоть до 14-го слоя.

Среди сколов значительную роль играют пластинчатые формы, которые являются и основным типом заготовок орудий. Отмечается тенденция к возрастанию вверх по разрезу индекса пластинчатости, а также к увеличению количества микропластин и уменьшению общих размеров заготовок. В верхней части разреза (слои 2 – 11) индекс пластинчатости колеблется в пределах 40 – 55. На уровне 12-го слоя и ниже этот показатель довольно резко падает до 20 – 30. Специфической чертой технокомплекса грота Оби-Рахмат является наличие в нем остроконечных пластин, достаточно характерного для индустрий РВП класса заготовок, имеющих субпараллельные края, которые в медиальной или дистальной части заготовки переходят в конвергентные и сходятся под достаточно острым углом. Такие пластины присутствуют во всех выделенных горизонтах, однако их количество уменьшается вниз по разрезу.

Орудийный набор достаточно однороден для всего памятника. В нем четко фиксируется преоблада-

ние верхнепалеолитических типов орудий. Наиболее многочисленны резцы (преимущественно боковые) и ретушированные пластины (в том числе и остроконечные). Скребки, составляющие в целом весомую часть орудийного набора, типологически маловыразительны. Концевых форм очень мало, преобладают боковые и угловые скребки на фрагментах небольших пластин. Леваллуазские формы единичны и представлены исключительно остроконечниками, в основном удлиненными. Скребла, присутствующие во всех археологических подразделениях, выполнены преимущественно на пластинчатых заготовках и зачастую трудноотличимы от интенсивно ретушированных пластин. Мустьерские остроконечники (также в основном удлиненные), хотя и типологически выразительны, не играют видной роли в орудийном наборе.

Необходимо отметить, что результаты раскопок 2001 г., во время которых рыхлые отложения были пройдены до скального основания (слои 15 – 22), подтверждают высказанную идею об абсолютной преемственности и постепенном эволюционном развитии каменной индустрии грота Оби-Рахмат. Наиболее многочисленная (более 10 тыс. каменных изделий) и показательная коллекция получена из слоя 19, внутри которого выделено пять четких культурных горизонтов обитания. Предварительный технико-типологический анализ каменных изделий данной коллекции выявил присутствие всех отличительных характеристик обирахматской индустрии. В первичном расщеплении преобладают стратегии расщепления камня, ориентированные на производство пластин и пластинчатых заготовок (в том числе и микро) с торцовых, а также объемных одноплощадочных и (реже) двухплощадочных нуклеусов верхнепалеолитического облика. В то же время по сравнению с вышележащими горизонтами количество леваллуазских ядрищ более заметно. Среди орудийного набора преобладают ретушированные пластины, резцы, удлиненные остроконечники (в том числе и остроконечные пластины), проколки, скребки и ножи с обушком. Однако доля среднепалеолитических типов орудий (прежде всего мустьерских остроконечников) также увеличивается. Важным результатом раскопок 2001 г. является обнаружение серии небольших изящных остроконечников (в большинстве случаев с базальным утончением), служивших, по всей видимости, наконечниками небольших метательных орудий (дротиков). Изделия этой категории (в меньшем количестве) прослеживаются и в вышележащих отложениях, что дает основание для выделения “остроконечников обирахматского типа” как маркирующего элемента переходной обирахматской индустрии. Тщательное исследование коллекции 2001 г. позволит более детально говорить о становлении обирахматской культуры и характере перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Средней Азии.

Обсуждение

Начальный процесс формирования обирахматской культуры относится к концу последнего интерстадиала (R-W или началу верхнего плейстоцена – голодно-степского звена). Осадки нижнего литологического слоя 22 и подгоризонта 3 литологического слоя 21 переработаны водными потоками и не содержат археологического материала. Грот еще периодически заполнялся водами рек Чаткала и Пальтау. Первый и второй подгоризонты литологического слоя 21 содержат частично пойменные отложения. Следовательно заселение грота Оби-Рахмат человеком могло произойти на финальном этапе R-W в конце стадии 5е кислородно-изотопной шкалы. В литологических слоях 21 – 15, включающих как минимум 17 горизонтов обитания в хронологическом диапазоне около 50 тыс. лет, прослеживается снизу вверх процесс постепенного замещения леваллуазского расщепления пластинчатым и мустьерских орудий верхнепалеолитическими.

Отложения в гроте Оби-Рахмат отличаются четкой стратиграфией, что нехарактерно для пещер. Перерыв в осадконакоплении фиксируется только в слое 16. Все литологические слои и горизонты обитания залегают горизонтально, достаточно четко фиксируются, и смешение археологического материала из разных горизонтов обитания могло быть совершенно минимальным (вследствие жизнедеятельности различного типа землероек).

Начиная с 14-го слоя, имеющего дату $48\,800 \pm 2\,400$ л.н. (АА 36746), в гроте Оби-Рахмат обнаружена верхнепалеолитическая индустрия. Это не означает, что в дальнейшем при получении достаточно представительного материала из слоя 15 нижняя граница верхнепалеолитической индустрии не будет удревнена. Грот Оби-Рахмат представляет собой, таким образом, одно из уникальнейших палеолитических местонахождений в мире, где в условиях четкого залегания 21 литологического слоя хорошо фиксируются 20 культуросодержащих слоев и 36 горизонтов обитания человека.

Несмотря на большой хронологический диапазон (100 – 30 тыс. л.н.) обирахматской культуры и технико-типологическую однородность индустрии, четко прослеживается ее направленная эволюция (без каких-либо перерывов и инновационных скачков), о чем свидетельствуют постепенное увеличение доли протопризматического и призматического скалывания, ярко выраженная тенденция к возрастанию вверх по разрезу (слои 21 – 15) индекса пластинчатости и количества микропластин, уменьшение общих размеров заготовок, а также изменения соотношения типов орудий. Преобладание в первичном расщеплении верхнепалеолитических стратегий утилизации нуклеусов (наряду с сохраняющимся присутствием леваллуазской технологии) и доминирование в орудийном

наборе позднепалеолитических типов позволяют охарактеризовать археологические комплексы слоев 2 – 14 как вполне сформировавшуюся ранневерхнепалеолитическую индустрию. Переходный период от среднего к позднему палеолиту может быть предварительно датирован 100 – 50 тыс. л.н., а дальнейшее развитие верхнепалеолитической индустрии относится к 50 – 30 тыс. л.н.

К переходному периоду обирахматской культуры в Средней Азии можно отнести такие местонахождения, как Ходжикент I, II, Джар-Кутан, Кутурбулак, Зирабулак (Узбекистан), Кайрак-Кумы (Таджикистан), а также нижние горизонты Валихановской стоянки (Казахстан); ко второму, заключительному этапу со сформировавшейся верхнепалеолитической индустрией – Шугноу, Худжи, Огзи-Кичик (Таджикистан), Тосор (Киргизия), Валихановскую стоянку.

По технико-типологическим показателям к обирахматской индустрии наиболее близки комплексы стоянок открытого типа Кутурбулак и Зирабулак в долине Заравшана [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980; Szymezak et al., 2000]. В пяти культуросодержащих горизонтах стоянки Кутурбулак в первичном расщеплении наряду с небольшой долей леваллуазского и радиального раскалывания преимущественно представлена пластинчатая техника. Среди орудийного набора преобладают орудия, выполненные на мелких и расчлененных отщепах и на пластинах.

Распространение палеолитических местонахождений переходного периода обирахматской культуры в настоящее время трудно более детально локализовать из-за отсутствия абсолютных дат для большинства среднеазиатских памятников и ограниченности опубликованных археологических материалов. Эти же причины затрудняют решение вопроса о филогенетической связи обирахматской культуры с более ранними палеолитическими местонахождениями Средней Азии.

Один из авторов [Деревянко, 2001] высказал точку зрения о двух основных этапах заселения Евразии человеком. Первая волна связана с выходом из Африки *Homo erectus* около 2 млн. л.н. В Таджикистане на местонахождении Кульдара в 11-й и 12-й палеопочвах, датированных около 800 тыс. л.н., зафиксированы артефакты галечного типа [Ранов, Шефер, 2000]. Возможно, тогда же произошло заселение и других регионов Средней Азии. К этому времени могут относиться местонахождения Южного Казахстана: Борыказган, Танирказган, в районе Кызылтау, оз. Акколь и др. Популяции второй волны (400 – 450 тыс. л.н.) миграции представляли древних людей, архаичного *Homo sapiens*, или линию эволюции, которая дала современного человека. Именно с этой волной связано распространение ашельской индустрии с леваллуазской и бифасиальной техникой в Среднеазиатско-Казахстанском регионе, в Монголии и на Алтае. Галечная и ашельская традиции

нижнего палеолита особенно хорошо представлены в Казахстане [Алпысбаев, 1979; Медоев, 1982]. В последние три года российско-казахстанской экспедицией в районе хребта Мутоджары в бассейне Эмбы открыто около 40 местонахождений с ашельской индустрией [Деревянко, Петрин, Гладышев и др., 2001а, б]. Нижнепалеолитические памятники ашельского типа известны на западе, юге, в центральной и северной части Казахстана. Местонахождения ашельского типа открыты и в Туркмении [Любин, 1984; Любин, Вишняцкий, 1990; Вишняцкий, 1996]. Для первичного расщепления ашельских комплексов Мутоджар наиболее характерен леваллуазский принцип. Среди слабо- и среднедефлированных леваллуазских ядрищ большой процент нуклеусов параллельного принципа расщепления, а также имеются торцовые для снятия пластин. В орудийном наборе представлены орудия на пластинах, в том числе скребки, резцы и др. Можно предполагать, что ашельские индустрии Среднеазиатско-Казахстанского региона могли быть той основой, на которой происходило формирование обирахматской культуры.

Наиболее близкие параллели переходной индустрии обирахматской культуры прослеживаются в среднепалеолитической индустрии мугаранской традиции Леванта. Последними исследованиями хронологические рамки этой традиции значительно удревнены: для слоев Ed – Ea пещеры Табун получена дата 350 – 270 тыс. л.н. [Bar-Yosef, 1995; Schwarcz, Rink, 1998], а леваллуа-мустьерская индустрия слоя D отнесена к интервалу 263 – 244 тыс. л.н. [Mercier, Valladas H., Valladas G., 1995; Mercier et al., 1995]. Ранняя дата для слоя E подтверждается и другими исследованиями [Лаухин и др., 2000]. Хотя этот вопрос нельзя считать до конца решенным [Grün, Stringer, 2000].

Впервые переход от среднего к верхнему палеолиту был прослежен в 30-х гг. прошлого века в индустриях Леванта, где была выделена эмиранская культура, сочетающая в первичном расщеплении леваллуазскую и пластинчатую технологии [Neuville, 1934; Gattod, Bate, 1937]. За последние 30 лет в результате раскопок новых палеолитических местонахождений и пересмотра старых коллекций многие исследователи пришли к выводу о наличии в Леванте двух ранневерхнепалеолитических традиций – ахмарийский и левантийский ориньяк, которым предшествовала переходная эмиранская индустрия. На целом ряде местонахождений (пещера Кебара, стоянка открытого типа Кзар-Акил и др.) были выявлены позднемустьерские культуросодержащие горизонты, переходные комплексы, отражающие леваллуазскую и пластинчатую технологию, и выше лежащие горизонты с ранневерхнепалеолитической индустрией, для которой среднепалеолитическая первичная и вторичная обработка была уже не характерна. Ценность таких палеолитических местонахождений в том, что они позволяют проследить преемственность

в процессе перехода индустрии финального этапа среднего палеолита в ранневерхнепалеолитическую.

На многослойном памятнике Кебара для слоя V, содержащего мустьерскую индустрию, получены даты около 45 – 44 тыс. л.н., хотя предполагается, что он может быть древнее. Индустрия периода 46/45 – 43 тыс. л.н. близка с комплексами первого уровня Бокер-Тактита [Bar-Yosef et al., 1996]. В переходной индустрии стоянки открытого типа Бокер-Тактит в Леванте прослеживаются наиболее близкие аналогии ранневерхнепалеолитическим комплексам грота Обирахмат (слои 14 – 2). Начало качественных изменений, выраженных прежде всего в технологии расщепления камня, датируется радиоуглеродным методом 47 – 46 тыс. л.н. По мнению Э. Маркса, переходная индустрия типа Бокер-Тактит берет начало в раннем левантийском мустье (мустье типа Табун D), комплексы которого появились (если принять за основу TL-датировки слоев пещеры Табун [Mercier et al., 1995]) около 250 тыс. л.н. и существовали в южных районах Леванта (пустыня Негев, Израиль) до 50 – 60 тыс. л.н. Раннее левантийское мустье (мустье типа Табун D) характеризуется развитой однополярной леваллуазской технологией, направленной на производство удлиненных заготовок (пластин и леваллуазских острий). В дополнение к наиболее распространенному параллельному и конвергентному однонаправленному леваллуазскому методу существовали и другие стратегии редукции ядрищ, представленные нуклеусами разных типов – от дисковидных до одноплощадочных для снятия пластин твердым отбойником. Так, на стоянке Рош-Эйн-Мор (Израиль), возраст которой около 80 тыс. лет, применялась стратегия расщепления протопризматического ядрища с использованием реберчатых и краевых сколов, свойственная для переходных от мустье к ранневерхнепалеолитическим индустрий. Все левантийские комплексы данного типа характеризуются большим процентным содержанием верхнепалеолитических орудий (скребки, резцы, ножи с обушком) при значительной доле мустьерских (мустьерские острия, продольные скребла) и умеренном количестве зубчатых изделий. На поздних этапах развития индустрий этого типа удельный вес мустьерских орудий еще более сокращается вплоть до их исчезновения.

Переходный этап от среднего к верхнему палеолиту нашел отражение на местонахождении Умм-эль-Тлель в Сирии [Boeda, Muhesen, 1993] и на юге Центральной Турции [Kuhn, Stiner, Gulec, 1999].

Переход от среднего к позднему палеолиту хорошо прослеживается на палеолитических местонахождениях Горного Алтая, где выделено два варианта формирования ранневерхнепалеолитических культур – карабумовская и устькаракольская традиции [Деревянко, 2001]. Для карабумовской характерны пластинчатые нуклеусы для снятия мелких пластин и наличие

небольшого числа орудий ориньякского типа. Кара-Бомовская традиция по характеру первичной и вторичной обработки близка индустриям местонахождений типа Бокер-Тактит и Оби-Рахмат.

Археологические материалы из слоев 2 – 14 грота Оби-Рахмат находят наиболее близкие аналогии в ранневерхнепалеолитических комплексах с 6-го и 5-го уровней обитания стоянки Кара-Бом, которые имеют самые ранние для позднепалеолитических индустрий Сибири и Центральной Азии абсолютные даты: $43\,200 \pm 1\,500$ л.н. (GX-17597) и $43\,300 \pm 1\,600$ л.н. (GX-17596) [Goebel, Derevianko, Petrin, 1993]. В материалах ранневерхнепалеолитических слоев стоянки Кара-Бом наблюдается переход от леваллуазской технологии, представленной рекуррентными леваллуазскими нуклеусами для получения пластин и острий, к серийному снятию пластинчатых заготовок с призматических и торцовых нуклеусов. В орудийном наборе всех археологических комплексов стоянки Кара-Бом велики разнообразие и удельный вес орудий верхнепалеолитических типов (увеличивавшиеся вверх по разрезу), причем большинство орудий изготавливалось из удлинённых пластинчатых заготовок. В орудийном наборе ведущую роль играли ретушированные пластины, удлинённые леваллуазские острия, ножи со спинкой, скребки, выемчатые и зубчато-выемчатые орудия, резцы. Большой интерес (в контексте сопоставления с обирахматской индустрией) вызывает морфология удлинённых леваллуазских острий, которые порой с трудом могут быть отделены от характерных для раннего верхнего палеолита остроконечных пластин, что свидетельствует о постепенном трансформировании леваллуазской техники расщепления в верхнепалеолитическую параллельную призматическую технологию утилизации нуклеусов. Явные свидетельства эволюции как технологии производства каменных изделий, так и типологии орудий позволили исследователям стоянки Кара-Бом обоснованно говорить о формировании верхнепалеолитических индустрий карабумовского типа на основе местного варианта среднего палеолита, существовавшего на территории Горного Алтая в хронологическом интервале 150 – 50 тыс. л.н. [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998].

Таким образом, как для Ближнего Востока, так и для Центральной Азии (Оби-Рахмат) и Алтая постулируется идея о постепенном становлении верхнепалеолитических индустрий на основе местных среднепалеолитических, базирующихся на технике параллельного расщепления. Причем хронология и характер перехода от среднего к верхнему палеолиту на этой огромной территории в значительной степени совпадают. В таком случае гипотеза о миграции носителей позднемустьерской/ранневерхнепалеолитической традиции на территорию Средней Азии, а затем и на Ал-

тай выглядит маловероятной. Скорее можно говорить о миграции раннесреднепалеолитического времени, связанной с распространением пластинчатого варианта леваллуа-мустье. Схожесть ближневосточной, среднеазиатской и алтайской переходных индустрий, в таком случае, объясняется конвергентным развитием технокомплексов, имеющих общую основу, появившуюся на данной территории в результате “второй волны миграции”, связанной с архаичным *Homo sapiens* [Деревянко, 2001]. Необходимо отметить, что конвергентность эволюционных изменений, помимо общей основы, обуславливалась и схожей палеоэкологической обстановкой. И левантийские, и среднеазиатские, и алтайские человеческие популяции обитали в горах и предгорьях, где природные условия отличаются сложной структурой и большой мозаичностью. В пределах одних и тех же долин одновременно сосуществовали хвойно-широколиственные леса, мелколистная и черневая тайга, сухие степи и лугово-степные ассоциации, что позволяло древнему человеку выбрать наиболее благоприятные экологические ниши. Эволюция мигрировавших групп населения, таким образом, проходила в схожих экологических условиях, что и определило (помимо филогенетического и культурного родства популяций) общий ритм адаптационных процессов при складывании культуры верхнего палеолита.

Список литературы

- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 207 с.
- Вишняцкий В.С. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – 213 с.
- Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 103.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Кривошапкин А.И., Алимов К., Аношкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1999. – С. 60 – 66.
- Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Кривошапкин А.И., Алимов К., Крахмаль К.А., Феденева И.Н., Зенин А.Н., Аношкин А.А. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – С. 37 – 45.
- Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 219 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье юга Северной Азии в сравнении со средним палеолитом Восточного Средиземноморья // Палеоэкология плейстоцена и культуры

каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – Т. 1. – С. 100 – 106.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагмбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия) // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2001а. – № 2. – С. 20 – 36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагмбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2001б. – 135 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – 279 с.

Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М., Шаронова З.В., Волгина В.А., Куликов О.А., Власов В.К., Цацкин А. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта (Ближний Восток) // Стратиграфия, геологическая корреляция. – 2000. – Т. 8, № 5. – С. 82 – 95.

Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26 – 45.

Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // СА. – 1990. – № 4. – С. 5 – 15.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1982. – 51 с.

Окладников А.П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. – М.: Наука, 1949. – 85 с.

Ранов В.А., Лаухин С.А. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. – 2000. – № 9. – С. 52 – 60.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20 – 32.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – 171 с.

Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Заравшана. – Ташкент: Фан, 1980. – 101 с., XLV табл.

Чердынцев В.В. Уран-243. – М.: Атомиздат, 1969. – 308 с.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.

Bar-Yosef O. The Low and Middle Paleolithic in the Mediterranean Levant: chronology and cultural entities // Man and environment in the Paleolithic. – Liège: Université de Liège, 1995. – P. 247 – 263.

Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Hously R., Laville H., Meignen L., Vogel J.C., Vandermeersch B. The Dating of the Upper Paleolithic Layers in Kebara Cave, MT Carmel // Journal of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 297 – 306.

Boeda E., Muhesen S. Umm El Tiel (El Kown, Syrie): Etude préliminaire des industries lithiques du Paléolithique Moyen et Supérieur 1991 – 1992 // Cahiers de L'Euphrate 7, Editions Recherche sur les civilisations. – P., 1993.

Garrod D., Bate D. The Stone Age of Mount Carmel I. Excavations at the Wadi-Mughara. – Oxford: Clarendon Press, 1937.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Kara-Bom // Current Anthropology. – 1993. – Vol. 34, N 4. – P. 452 – 458.

Grün R., Stringer Ch. Tabun revisited: revised ESR chronology and new ESR and U-series analyses of dental material from Tabun CI // Journal of Human Evolution. – 2000. – Vol. 39. – P. 601 – 612.

Kuhn S.L., Stiner M.C., Gulec E. Initial Upper Palaeolithic in South-central Turkey and its regional context: a preliminary report // Antiquity. – 1999. – N 73. – P. 505 – 517.

Mercier N., Valladas H., Valladas G. Flint Thermoluminescence Dates from the CFR Laboratory at GIF: contributions to the study of the chronology of the Middle Palaeolithic // Quaternary Science Reviews (Quaternary Geochronology). – 1995. – Vol. 14. – P. 351 – 364.

Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.-I., Jelinek A., Meignen L., Joron J.-I. TL-dates of Burnt Flints from Jelinek's Excavations at Tabun and Their Implications // Journal of Archaeological Science. – 1995. – Vol. 22. – P. 495 – 509.

Neuville R. Le préhistorique de Palestine // Revue Biblique. – 1934. – Vol. 43. – P. 237 – 259.

Schwarz H.P., Rink W.J. Progress in ESP and U-series chronology of the Levantine Paleolithic // Neanderthal and Modern Humans in Western Asia. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 57 – 68.

Szymezak K., Gretchina T., Madeyska, Khudzhazarov M., Tashkenbaev N., Suleimanov R., Falgueres Ch., Fontugue M. Kuturbulak Revisited. A Middle Paleolithic Site in Zeravshan River Valley, Uzbekistan. – Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2000. – 133 p.

Материал поступил в редколлегию 15.10.2001 г.

УДК 903.5 (571.15)

Е.Г. Шпакова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДА ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Введение

За длительный, более чем вековой период изучения сибирского палеолита было сделано много важных открытий. Но только в последние десятилетия произошло переосмысление значения этого региона для антропогенеза. Так, например, в 1970 – 1980-х гг. были получены данные, поставившие проблему домостерского периода формирования человека в Северной Азии [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 167, 193]. Однако и сейчас, несмотря на большое количество известных древнейших археологических памятников, найденные палеоантропологические материалы в Сибирском регионе очень незначительные. Несоответствие числа открытых палеолитических стоянок и количества синхронных им антропологических образцов остается важной проблемой, и исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно природы этого явления.

Все плейстоценовые антропологические находки с территории Сибири оказались локализованы преимущественно в ее южных регионах: на Алтае – в пещерах Денисовой и им. Окладникова, на местонахождении Соловьиная Лука; в котловинах Саян – на местонахождениях Афонтова Гора и Лиственка; в Прибайкалье – на стоянке Мальта. Отличительной особенностью всего сибирского палеолитического костного материала является малочисленность, фрагментарность и наличие в его составе одонтологических образцов.

В обзорной статье, посвященной древнейшим антропологическим находкам с трех палеолитических стоянок Сибири (Афонтова Гора II, Мальта и Сибирячиха – в последующем пещера им. Окладникова), В.П. Алексеев проанализировал некоторые расодифференцирующие особенности костных образцов и сопоставил их

с расовой характеристикой более поздних антропологических серий этого региона. Наряду с рассмотрением вопроса о малочисленности и плохой сохранности палеолитических костных остатков автором была сделана ретроспективная реконструкция расогенетической ситуации на территории Сибири в эпоху палеолита [Aleksseev, 1998]. Учитывая особенности сохранности и морфологии палеоантропологических находок, В.П. Алексеев предположил возможность бытования на рассматриваемой территории обычая каннибализма, констатировал выраженные монголоидные признаки у верхнеплейстоценового населения Сибири и связал проникновение европеоидных групп на территорию степной полосы Южной Сибири с эпохой неолита.

Немногочисленные одонтологические находки упомянуты В.П. Алексеевым в контексте идентификации возраста и количества погребенных. К сожалению, в отечественной антропологии было распространено мнение о малой расогенетической информативности разрозненного одонтологического материала и в ряде случаев при описании антропологических характеристик морфологические особенности найденных зубов не отмечались.

Однако существуют уже проверенные одонтологические методы, позволяющие на основании вариаций анатомии зубов получить дополнительную информацию о расовых и эволюционных преобразованиях в исследуемых популяциях. Основные направления такого исследования – одонтометрия (получение измерительных параметров корней и коронок), одонтоскопия (определение морфологических особенностей зубов) и одонтоглифика (описание вариаций борозд на коронках моляров и премоляров). Очень важной методологической особенностью российской одонтологии, во многом облегчающей исследование и

Таблица 1. Древнейшие одонтологические находки Сибири

Памятник	Период	Возраст погребенного	Антропологические находки	Одонтологический материал
Афонтова Гора II	Заключительная стадия верхнего палеолита	9 лет	Зубы и костные фрагменты	P ² лев.
Мальта	Средняя стадия верхнего палеолита	2 – 3 года	То же	Полный набор зубов молочной смены и I ^{1,1} , I ₁ , C ^B , Сн.?, M ^{1,1} , M _{1,1}
		0,5 – 1 год	»	i ^{1,1} , i ^{2,2} , i _{1,1} , i _{2,2} , m ¹ , m _{1,1} , m ^{2,2} , m _{2,2} и I ¹ , Сн.?, M ¹ ?
Денисова пещера	Мустье Сибири	Взрослый и ребенок 7 – 8 лет	Зубы	I ¹ лев., m ₂ лев.
Пещера им. Окладникова	То же	12 – 14 лет и 5 – 7 лет	»	m ₂ пр., P ₁ лев., M ₁₍₂₇₎ лев., M ₃ пр., M ₃ лев.
Лиственка	Заключительная стадия верхнего палеолита	Около 3 лет	Нижняя челюсть и зубы	Полный набор молочных нижних зубов и I _{1,1} , Сн., M _{1,1}
Соловьиная Лука	Верхний палеолит(?)	5 лет	Левая половина нижней челюсти и зубы	m ₁ лев., m ₂ лев., M ₁ лев., M ₂ лев.

последующий анализ зубных образцов, является работа по единым методикам, обобщающим опыт зарубежных и российских ученых [Зубов, 1968а, 1974; Зубов, Халдеева, 1989, 1993]. При таком унифицированном подходе сводятся к минимуму неизбежные ошибки субъективного подхода и расширяются возможности сравнительного анализа.

Сравнительный обзор плейстоценовых антропологических образцов с территории Сибири

В данной статье представлен обзор известных к настоящему времени древнейших антропологических образцов из Сибири и проведена систематизация одонтологического материала. Основные морфологические особенности челюстей и зубов представлены в табл. 1 – 5.

Часть материала, уже ранее опубликованная и интерпретированная рядом специалистов, была доисследована мною по методикам, которые в силу различных обстоятельств не привлекались предшественниками. Необходимость повторного изучения уже частично исследованного материала была связана с его уникальностью и малочисленностью, что вынуждает использовать принцип максимального сбора информации.

На основании систематизированных данных я попыталась выделить одонтологические типы и найти закономерности распределения расогенетических характеристик в соответствии с их территориальной и временной принадлежностью.

Перечень палеолитических памятников, на территории которых были найдены антропологические об-

разцы, дан в порядке их открытия. Он включает стоянки, уже отмеченные В.П. Алексеевым [Alexseev, 1998], и дополнен новыми антропологическими открытиями последних лет.

Афонтова Гора II. Стоянка расположена на левом берегу Енисея близ Красноярска, датируется заключительной стадией верхнего палеолита [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 240]. На ее территории были найдены четыре фрагмента посткраниальных скелетов двух взрослых людей современного вида, небольшая часть лобной кости с прилегающими к ней фрагментами носовых костей, принадлежавшая, по определению Г.Ф. Дебеца, молодому субъекту, и верхний левый второй премоляр [Дебеч, 1948, с. 43].

Интересной особенностью трех фрагментов длинных костей является то, что все они оказались обломками скелета левой руки одного субъекта (фрагменты анатомически сочленяются). М.П. Грязнов, проводивший детальный анализ костных остатков, полагал, что локтевой сустав был выломан еще при сохранившихся связках (см.: [Alexseev, 1998, р. 330]).

Очень слабое развитие надглазничного рельефа, отмеченное на фрагменте лобной кости (для сравнения Г.Ф. Дебецем были взяты аналогичные образцы лобных костей детей и подростков от 8 до 18 лет из различных расовых групп), позволило соотнести его с человеком современного вида [Дебеч, 1948, с. 43]. Значительная уплощенность переносы свидетельствует о формировании признака типично монголоидного комплекса. По мнению В.П. Алексеева, это позволяет с большой долей уверенности говорить о принадлежности верхнепалеолитического населения среднего Енисея к монголоидной расе [Алексеев, 1978, с. 187].

Таблица 2. Сравнительные размеры некоторых постоянных и молочных зубов
в разновременных палеолитических группах

Зубы	Сибирь							Соседние регионы										
	Плейстоцен Алтая [Шлакова, Деревянко, 2000]		Афонтова Гора [Дебеч, 1948; Alekseev, 1998]	Мальта [Герасимов, 1935] (Шлакова)		Лиственка (Красноярский край) (Шлакова)	Соловьиная Лука (Алтай) [Шлакова, 2000]	Тешик-Таш [Зубов, 1984] (Шлакова)	Баракаевский памятник [Зубов, Романова, Харитонов, 1994] (Шлакова)	Средний палеолит (Valpolicella, Verona) [Giacobini, 1992]	Верхний палеолит (Dolni Vestonice XV) [Jelinek, 1992]	Сельгунгур (400 – 500 тыс. лет) [Исламов, Зубов, Харитонов, 1988]	Самарканд I (ж) [Гинзбург, Гохман, 1974]	Сунгирь [Зубов, 1984] (Шлакова)		Верхний палеолит Европы (поздний) [Зубов, 1984]	Верхний палеолит Европы (ранний) [Зубов, 1984]	Современные расы [Зубов, Халдеева, 1993]
	Д.п.	п.Ок.		1	2									2 (м)	3 (ж)			
VL cor																		
I ¹	8,6	—	—	—	—	7,6 (в)	—	8,9	—	—	—	7,0?	—	8,5	7,7	7,5	7,5	7,0
P ²	—	—	9,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11,1	—	9,6	9,6	9,1
M ¹	—	—	—	11,1	—	—	—	12,6	—	—	9,5	—	—	13,4	11,9	12,3	11,8	11,6
m ¹	—	—	—	9,0	8,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8,8	—	—	8,9
m ²	—	—	—	10,0	9,4	—	—	10,8	—	—	—	—	—	—	10,1	—	—	10,1
I ₁	—	—	—	—	—	6,5	—	7,1	—	—	—	—	5,9	7,1	6,7	6,4	6,1	5,8
P ₁	—	8,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10,2	7,2	9,6	8,7	8,5	8,1	7,8
M ₁	—	10,3	—	10,1	—	10,7	10,6	11,4	—	—	8,6	—	10,0	11,8	10,9	11,0	10,9	10,4
M ₃	—	10,2 10,6	—	—	—	—	—	—	—	—	11,3	—	—	—	—	—	—	10,1
i ₁	—	—	—	—	—	4,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,2
i ₂	—	—	—	—	—	4,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,5
c	—	—	—	—	—	5,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,0
m ₁	—	—	—	7,4	6,7	7,2	7,5	8,3	8,0	—	—	—	—	—	7,5	—	—	7,3
m ₂	9,3?	8,6	—	8,7	8,3	9,2	9,2	9,8	9,6	9,4	—	—	—	—	9,2	—	—	9,1
MD cor																		
I ¹	10,9?	—	—	8,5	—	10,3(в)	—	10,2	—	—	—	10?	—	9,7	9,8	9,3	8,7	8,8
C	—	—	—	6,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,5	8,3	8,0	8,0	7,8
P ²	—	—	7,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,5	—	7,0	6,8	6,7
M ¹	—	—	—	10,5	—	—	—	12,5	—	—	7,7	—	—	11,0	10,8	10,7	10,4	10,4
m ¹	—	—	—	7,5	7,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,8	—	—	7,4
m ²	—	—	—	9,8	—	—	—	9,6	—	—	—	—	—	—	9,0	—	—	8,8
I ₁	—	—	—	5,6	—	6,4	—	6,1	—	—	—	—	4,6	5,6	5,9	5,8	5,2	5,4
I ₂	—	—	—	—	—	7,2	—	7,0	—	—	—	—	5,6	6,1	—	6,4	5,6	6,0
C	—	—	—	6,0	—	—	—	7,0	—	—	—	—	7,5	7,1	7,8	7,6	6,8	7,0
P ₁	—	6,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8,0	6,4	7,1	6,9	7,3	7,0	7,0
M ₁	—	11,0	—	11,3	—	12,1	11,3	12,3	—	—	7,0	—	10,7	12,0	11,4	11,6	11,1	11,2
M ₃	—	11,6 12,1	—	—	—	—	—	—	—	—	11,6	—	—	—	—	—	—	10,9
i ₁	—	—	—	—	—	5,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,5
i ₂	—	—	—	—	—	5,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,7
c	—	—	—	—	—	6,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,6
m ₁	—	—	—	8,1	9,3	8,8	8,9	9,7	8,9	—	—	—	—	—	8,3	—	—	8,1
m ₂	10,3?	10,0	—	10,7	10,0	10,9	10,5	10,1	10,8	10,1	—	—	—	—	9,1	—	—	10,2

Примечание: курсивом обозначены размеры зачатков; (в) – восстановленный размер; Д.п. – Денисова пещера; п. Ок. – пещера им. Окладникова.

Таблица 3. Некоторые одонтологические признаки молочных и постоянных зубов
в разновременных группах

Зубы	Форма моляра	Межкорне-вой затек эмали	Прото-стилид	Коленчатая складка метаконида	Tami	Дистальный гребень тригонид	Передняя ямка	Трансверсаль- ный гребень, эпикристинд	2 med (II),(III)	Гипо- плазия эмали
Мустье Алтая (Денисова пещера, пещера им. Окладникова) [Шпакова, 2000]										
m ₂ (Д.п.)	—	3	—	—	—	—	—	—	—	0
m ₂ (п.Ок.)	Y6	3	0	0	+	0	0	0	III	0
M ₁₍₂₎	Y6	3	2?	0	+	0	+	0	III	+
Лиственка (Красноярский край), поздний палеолит [Шпакова, 1997]										
m ₂	Y5	3	1	0	0	0	+	+	III	0
M ₁	Y6	3	0 / P	0	0	0	0	0	III	0
Мальта, верхний палеолит [Шпакова, 2000]										
m ₂	Y5 / Y7	—	0 / +	0	+	0	+	+	III	—
M ₁	Y5	—	0	0	+	0	0	—	II	+
Соловьиная Лука, поздний палеолит [Шпакова, 2000]										
m ₂	Y5	3	0	0	0	0	0	0	f	+
M ₁	X5	8	P	0	0	0	+	0	f	+
M ₂	X4?	—	P	0	0	0	+	0	II	—
Тешик-Таш, мустье [Зубов, 19686] (Шпакова)										
M ₁	Y5 / Y6?	3	0	0	+	0	+	+	III	0
M ₂	Y6 / Y5?	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Самаркандская стоянка, поздний палеолит [Гинзбург, Гохман, 1974]										
M ₁	Y5?	3	0	0	0	0	—	0	—	—
M ₂	4+	—	—	0	0	0	+	—	II	—
Сунгирь 2, 3, верхний палеолит [Зубов, 1984] (Шпакова)										
M ₁	Y5 / 5+	—	0 / P	0 / +	0	0	—	—	III	0
M ₂	X4	—	—	—	—	—	—	+	II	0
Вилуйское шоссе (Якутия), неолит (Шпакова)										
M ₁	Y5 / Y6	—	0 / P	—	0	0	0 / +	—	— / III	—
M ₂	Y5 / X5	—	0	0	0	0	0	—	—	+
Каменка II (Якутия, средняя Колыма), поздний неолит [Шпакова, 2001]										
M ₁	X5	6	P / 0	0 / +	0 / +	0	0 / +	0	II / III	0 / +
M ₂	X6 / X5	4	P	0	0	0	0 / +	0	II	0

Первоначальное описание второго премоляра (P²) было сделано М.П. Грязновым [1932]. Впоследствии В.П. Алексеев определил возраст ребенка, которому принадлежал этот зуб, — не более 9 лет [Alekseev, 1998, p. 330].

Мезиодистальный и особенно высотный диаметры премоляра превышают современные средние и, скорее всего, соответствуют вариациям размеров верхнепалеолитических образцов. Вестибулолингвальный диаметр оказался значительно меньше усредненного верхнепалеолитического показателя. Таким образом, к морфологическим особенностям премоляра можно отнести выраженную редукцию вестибулолингвальных размеров, наличие которой вполне согласуется с относительно поздней его датировкой.

Мальта. Это уникальный многослойный памятник Сибири, датируемый средней стадией верхнего палеолита Приангарья [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994,

с. 237]. Стоянка была открыта в 1928 г. Она расположена на левом берегу р. Белой, левого притока Ангары, близ Иркутска и содержит единственное известное в Сибири палеолитическое погребение, обнаруженное М.М. Герасимовым в 1929 г. [Герасимов, 1931]. Автором была отмечена плохая сохранность костей скелета: разбитый на множество кусочков череп, отсутствие лицевых костей, мелкие фрагменты нижней челюсти (но хорошо сохранившиеся зубы); состояние посткраниального скелета было еще хуже. М.М. Герасимов определил возраст погребенного — 3–4 года и отметил патологию развития костных структур, в частности, молочных и постоянных зубов [1931, 1935].

На основании яркого, богатого и своеобразного набора археологического инвентаря стоянки и предметов, найденных в захоронении, автор сделал вывод о безусловно ритуальном характере погребения. Некоторые черты выделенной М.М. Герасимовым

Таблица 4. Модули коронок моляров в различных расовых группах

Группа	M ¹	M ²	M ¹⁻²	M ₁
Пещера Окладникова (с.п.)	—	—	мез.?	10,7
Соловьиная Лука (в.п.)	—	—	мез.?	11,0
Мальта (в.п.)	10,8	—	мик.?	10,7
Лиственка (м?) (в.п.)	—	—	гмак.?	11,5
Тешик-Таш (с.п.)	12,6	—	гмак.?	11,9
Самарканд I (ж) (в.п.)	—	—	мик.	10,4
Сунгирь (в.п.)	11,8	11,1	11,5 – гмак.	11,5
Сунгирь (ж) (в.п.)	11,3	10,0	11,2 – мак.	11,1
Вилуйское шоссе (ж)	10,7	10,1	10,4 – мик.	10,9
Каменка II (ср.) (н.)	10,6	10,7	10,7 – мез.	10,9
Каменка II (ж) (н.)	10,5	10,5	10,5 – мик.	10,7
Неолит Васильевки*	11,2	11,0	11,1 – мак.	11,2
Неолит Забайкалья*	11,1	11,0	11,0 – мак.	—
Кочевники Забайкалья*	10,5	10,2	10,3 – мик.	—
Хакасы*	10,8	10,1	10,4 – мик.	11,0
Киргизы*	10,9	10,2	10,6 – мез.	10,8
Ульчи*	10,9	10,4	10,7 – мез.	11,1
Чукчи*	11,0	10,5	10,8 – мез.	—
Алеуты*	10,8	10,3	10,5 – мик.	—
Эскимосы*	11,2	10,8	11,0 – мак.	11,5
Тунгусы*	10,3	9,9	10,1 – гмик.	—
Буряты*	11,1	10,6	10,9 – мез.	11,2
Древние японцы*	10,9	10,5	10,7 – мез.	11,0
Китайцы*	10,7	10,5	10,6 – мез.	10,9
Памирцы*	10,6	10,1	10,4 – мик.	10,5
Латгалы*	10,6	10,1	10,4 – мик.	10,4
Осетины*	10,8	10,1	10,5 – мик.	10,4
Армяне*	10,3	9,7	10,0 – гмик.	—

Примечание: гмик. – гипермикродонтизм, мик. – микродонтизм, мез. – мезодонтизм, мак. – макродонтия, гмак. – гипермакродонтизм [Зубов, Халдеева, 1993, с. 29]; (м) – мужской, (ж) – женский; (ср.) – средние значения; (с.п.) – средний палеолит, (в.п.) – верхний палеолит, (н.) – неолит. Самарканд – данные по [Гинзбург, Гохман, 1974]; Сунгирь – данные А.А. Зубова [1984].

* Данные А.А. Зубова [19686].

мальтинской культуры позволили ему найти аналогии с западноевропейскими культурами ориньяка. На возможные южные связи Мальты, по мнению ученого, указывали изображения на пластинке из бивня мамонта трех змей, напоминающих по своей конфигурации кобр, которых мальтинцы, конечно же, не могли видеть рядом с собой в повседневной жизни [Герасимов, 1931, с. 17]. Позднее М.М. Герасимов писал о возможности наличия монголоидных черт на мальтинском черепе – подтверждением этого предположения для него послужил монголоидный тип мальтинских статуэток [1955, с. 210, 238].

При последующем исследовании антропологического материала Мальты американский антрополог К. Тернер пришел к выводу, что в погребении было найдено два детских скелета [Terner, 1983, 1990; Тернер, 1990]. Возраст старшего ребенка, определенный им по степени развития зубов, в различных публикациях указан по-разному: в ранней работе – около 3 – 4 лет, в последующих – 2 – 3 года. Относительно младшего ребенка К. Тернер писал, что ему было менее двух лет [1990, с. 70].

Американский ученый отметил, что по морфологическим особенностям коронок зубы старшего ребенка близки к зубам современных и доисторических европеоидов; и мальтинский антропологический тип также был соотнесен им с “представителем верхнеплейстоценового кроманьонского населения”. Таким образом, К. Тернер высказал предположение о заселении южных территорий Сибири в период верхнего палеолита группами европеоидного облика, распространение которых в восточном направлении достигало Байкала [Terner, 1986, Тернер, 1990].

Исследовавшие мальтинский материал В.П. Алексеев и И.И. Гохман дали погребенным следующие возрастные характеристики: 3 – 4 года и 10 – 14 мес. Интерпретация ими расовых признаков мальтинских одонтологических образцов отличается от заключения К. Тернера. Авторы предположили, что следы слабой лопатообразности на постоянных и молочных резцах, в совокупности с наличием монголоидных признаков на фрагменте детского черепа из Афонтовой Горы II, являются аргументами против гипотезы о западном происхождении населения Мальты [Алексеев, Гохман, 1987].

Таблица 5. Подлинные и “взрослые” размеры и указатели нижней челюсти неандертальцев, верхнепалеолитических, мезолитических и неолитических людей в сравнении с верхнепалеолитическими находками из Сибири

Памятник	Источник	69(1)	69(3)	69(3) : 69(1)	70	71	71a	71 : 70	71a : 70
Соловьиная Лука (в) [Сысак, 1960, с. 40]	[Алексеев, 1978, с. 153] 32,1	31,3	10,5	33,6	67,5	38,1	34,8	56,4	51,6
Лиственка (в)	[Там же]	9	28,0	69,4	37,6	35,6	54,2	51,3	—
Тешик-Таш (в)	[Алексеев, 1978, с. 154]	36,8	12,3	33,4	—	—	—	—	—
Ля-Шапель-о-Сен (м)	[Там же, с. 124 – 126]	34,7	15,6	45,0	67	—	35,2	—	52,5
Ля-Феррасси I (м)	То же	—	—	—	70	49	—	70,0	—
Ле-Мустье (м)	»	32	14	43,8	64	44	—	68,8	—
Амуд I (м)	»	—	—	—	—	36	—	—	—
Шанидар I (м)	[Там же, с. 159]	34	15	44,1	75	40	—	53,3	—
Рабат (м)	[Там же, с. 124 – 126]	34	17	50,0	—	—	40	—	—
Схул II (ж)	То же	32,5	18	55,4	—	—	—	—	—
Схул V (м)	»	28,6	11,6	40,6	—	—	—	—	—
Схул VI (м)	»	36	13,2	36,7	78,5	36,2	—	46,1	—
Схул VII (ж)	»	—	—	—	71?	42?	—	59,2	—
Кро-Маньон I (м)	»	—	—	—	73?	32?	—	43,8	—
Кро-Маньон III (м)	[Там же, 1978, с. 214]	35	17	48,6	55?	43	—	78,2	—
Павлов (м)	То же	32	11	34,4	—	—	—	—	—
Костенки XIV (Маркина Гора) (м)	»	35	11	31,4	71?	35	—	49,3	—
Чжоукоудянь 101 (м)	[Дебец, 1955, с. 51]	25	12	48,0	52	—	36,5	—	70,2
Сунгирь 1 (м)	[Алексеев, 1978, с. 224]	36	12	33,3	58	41	—	70,7	—
Самарканд I (ж)	[Бунак, Герасимова, 1984, с. 99]	36	11	30,6	74	—	40	—	54,1
Самарканд II (м)	[Гинзбург, Гохман, 1974, с. 6 – 10]	29	12	41,4	57	—	35	—	61,4
Олений о-в	То же	33	11	33,3	67?	—	—	—	—
Васильевка II	[Бунак, Герасимова, 1984, с. 94]	31,8	12	37,7	64,4	37,9	—	58,9	—
Васильевка III	То же	35,3	—	—	68,3	40	—	58,6	—
Вольненский	»	30,2	12,6	41,7	63,5	35,1	—	55,3	—
Диринг-Юрях (м)	»	36,6	12,8	35,0	70	38,3	—	54,7	—
Родинка II (ж)	[Гохман, Томтосова, 1992, с. 122]	31	14,4	43,9	60,2	—	43	—	71,5
Бойсмана II (м)	То же	28	11	39,3	50	—	38	—	76,0
Бойсмана II (ж)	[Попов, Чикишева, Шпакова, 1997, с. 44]	33,5	15	44,8*	59	—	41,5	—	70,3*
	То же	30,5	14	45,9*	54	—	38,8	—	71,9*

Примечание: (м) – мужчина; (ж) – женщина; (в) – размеры, восстановленные до “взрослых” величин.

* Посчитано по средним.

В дальнейшем В.П. Алексеев продолжал придерживаться точки зрения М.М. Герасимова (который писал о монголоидных особенностях антропологического материала из Мальты) и предположил, что степную часть бассейнов Енисея и Ангара в верхнем палеолите населяли племена монголоидного облика, а экспансия европеоидных групп с запада связана с эпохой неолита [Alekseev, 1998, p. 332, 334].

Детские зубы из Мальты впоследствии были исследованы мною дополнительно. На основании величины модулей первых моляров (материал не позволяет получить метрические характеристики остальных моляров) можно предположить наличие микродонтии у старшего ребенка. При сравнении с хронологически близкими группами по величинам горизонтальных диаметров молочных и постоянных моляров к Мальте оказались близки в наибольшей мере Сунгирь (3) и в гораздо меньшей степени верхнепалеолитические памятники Европы (раннего этапа) и пещера им. Окладникова (см. табл. 2). И по некоторым расоидифференцирующим одонтоскопическим и одонтоглифическим признакам (умеренная лопатообразность, выраженный буторок Карабелли, ход второй борозды метаконида, отсутствие дистального гребня и коленчатой складки) одонтологический тип мальтинских детей тяготеет к группам “западного” одонтологического ствола.

Необходимо уточнить, что когда мы говорим о принадлежности морфологических зубных комплексов к “западному” или “восточному” одонтологическим стволам, речь идет только об одонтологических типах, которые не всегда имеют прямую корреляцию с краниологическими особенностями исследуемых субъектов. Это, во-первых, связано с тем, что, по всей видимости, одонтологические расовые комплексы начали формироваться на более ранних этапах антропогенеза, чем краниологические. Так, восточная и западная ветви *homo erectus* (азиатские питекантропы, синантропы и атлантропы) уже обнаруживают ряд различий, которые в современной расовой систематике включены в основные расоидифференцирующие комплексы, например, у представителей “восточной” ветви оказались наиболее сильно развиты лопатообразность медиальных резцов и некоторые одонтоглифические особенности [Зубов, Халдеева, 1989, с. 196, 204]. Во-вторых, зубные комплексы по сравнению с краниологическими типами более консервативны во времени. Таким образом, зубная морфология позволяет отметить следы более древних расогенетических преобразований.

Мысль о генетической преемственности культур верхнепалеолитических жителей Европы и сибирского населения, оставившего памятники-аналоги Мальта и Буреть (синхронная и географически очень близкая к Мальте стоянка, также содержащая богатый набор каменного и костяного инвентаря и предметов искусс-

ва) уже неоднократно высказывалась российскими и зарубежными учеными. Так, например, А.П. Окладников в 1930–1950-х гг. большое значение придавал идее миграций восточноевропейских групп населения на территорию Сибири. Но и впоследствии, став сторонником гипотезы о более древнем заселении Сибири и самостоятельном развитии ее культур, он не отрицал влияния миграционных процессов. В современном палеолитоведении проблема культурной дифференциации сибирского палеолита также включает в себя вопрос смены расово-генетических общностей – носителей различных элементов каменной индустрии [Деревянко, Маркин, Васильев, 1994, с. 21, 260].

Вывод о принадлежности мальтинцев к “западному” одонтологическому стволу нарушает наиболее позднюю концепцию В.П. Алексеева о достаточно выраженном монголоидном облике верхнепалеолитического населения степной полосы Сибири [Alekseev, 1998, p. 334]. Это очень важный в рамках расогенеза Северной Азии вопрос, и только дальнейшие исследования и находки позволят дать на него более четкий ответ.

Денисова пещера и пещера им. Окладникова (низкогорная зона Северо-Западного Алтая). В 1984 г. С.В. Маркиным и В.Т. Петриным в пещерах были найдены уникальные антропологические образцы: семь разрозненных зубов, датируемых поздним периодом среднего плейстоцена – верхним плейстоценом. Возраст слоев, из которых происходили эти находки в Денисовой пещере, значительно различается. Для m_2 (слой 22.1) это примерно 170–220 тыс. лет, для I^1 (слой 12) – 40–50 тыс. лет. Одонтологические образцы из пещеры им. Окладникова – m_2 (слой 7), P_1 , $M_{1(2)}$, M_3 (слой 3) и M_3 (слой 2) – относятся к периодам 41–49, 32–45 и 37–38,5 тыс. л.н. [Деревянко и др., 1998, с. 38, 76; Деревянко, Гнибиденко, Шуньков, 1998]. Найденные в пещерах зубы, вероятно, принадлежали четырем субъектам (в Денисовой пещере – взрослый и ребенок 7–8 лет, в пещере им. Окладникова – подросток 12–14 лет и ребенок 5–7 лет) [Шпакова, Деревянко, 2000].

Предварительный анализ одонтологического материала был проведен американским антропологом К. Тернером [Turner, 1986, 1990]. Им был сделан вывод о том, что зубы могут принадлежать неандертальцам, имеющим большее сходство с представителями европейских, а не азиатских синхронных групп. В.П. Алексеев, рассматривая особенности алтайских зубов, отметил в их морфологии отсутствие расоидифференцирующих признаков и наличие выраженных архаических особенностей [Alekseev, 1998]. Позиции определяемых зубов у авторов в ряде случаев не совпадали.

Повторное исследование древнейших одонтологических образцов с Алтая было предпринято мною с целью уточнить позицию каждого зуба, выявить не отмеченные ранее одонтоглифические особенности

и получить недостающие метрические параметры. Кроме того, возникли вопросы об их таксономической принадлежности.

Весь одонтологический материал из алтайских пещер условно можно было бы разделить на две хронологические группы, отделив наиболее древний образец из Денисовой пещеры (m_2 – слой 21.1) от более поздних находок из обеих пещер (I^1 , m_2 , P_1 , $M_{1(2)}$, M_3 , M_3). Однако при анализе морфологических особенностей зубов оказалось, что находки из Денисовой пещеры, несмотря на существенный временной разрыв между образцами (160 – 100 тыс. лет), в целом выглядят достаточно консолидируемыми, значительно отличаясь от зубов из пещеры им. Окладникова большей архаичностью, проявляющейся в крупных размерах коронок. Аналогичные параметры характерны как для групп периода верхнего палеолита (Сунгирь, Лиственка), так и для неандертальских одонтологических образцов из Европы и Средней Азии. Зубы из пещеры им. Окладникова в большей степени тяготеют к европейским верхнепалеолитическим находкам, чем одонтологические образцы из Денисовой пещеры.

Кроме крупных размеров оба зуба из Денисовой пещеры отличается значительная сошлифованность эмали, напоминающая характер стертости на неандертальских зубах. Учитывая эти особенности и раннюю датировку слоев, в которых были найдены зубы в Денисовой пещере (m_2 – слой 22.1; I^1 – слой 12), можно было бы предположить их принадлежность представителям поздних эректусов или неандертальцам. Однако сочетание обоих горизонтальных размеров коронки молочного моляра отражает редукцию вестибулолингвального диаметра, сравнимую с показателями в более поздних группах человека современного вида. То есть на основании имеющихся метрических параметров выявляется все же значительно большее сходство m_2 с образцами периода верхнего палеолита, чем с зубами неандертальцев (см. табл. 2).

Коронка верхнего центрального резца оказалась достаточно информативной. Она характеризуется своеобразным строением лингвальной поверхности – наличием мощного мезиального краевого гребня при полном отсутствии дистального. Очень важно отметить, что подобная промежуточная форма, не позволяющая говорить о выраженной лопатообразности, не характерна для “*пренеандертальских*” и неандертальских групп.

Комплекс морфологических особенностей, который удалось выделить при исследовании одонтологического материала из пещеры им. Окладникова, определяется отсутствием таких специфических особенностей, характерных для неандертальского населения, как эпикристид (передний трансверсальный гребень нижних моляров) и относительно широкий талонид дистальных моляров. Дифференцирующие признаки взя-

ты из работ А.А. Зубова [1968а, с. 186; 1968б, с. 64 – 65; Зубов, Халдеева, 1989, с. 202; 1993, с. 42].

Таким образом, учитывая совокупность измерительных и описательных признаков зубов из пещер им. Окладникова и Денисовой, мы можем с большой долей вероятности соотнести алтайские плейстоценовые одонтологические образцы с представителями ранних H.s.s.

Большая архаичность всего одонтологического материала из Денисовой пещеры по сравнению с зубами из пещеры им. Окладникова вполне согласуется с полученными датами. По-видимому, мы имеем дело с различными таксономическими группами древнего населения Алтая. Косвенным подтверждением разных биологических условий существования населения двух алтайских пещер служит наличие эмалевого гипоплазии (маркера эпизодического стресса) почти на всех зубах из пещеры им. Окладникова, на резце из Денисовой пещеры эта патология отсутствует.

Морфологические особенности, которые могут быть использованы в качестве расовых маркеров, наиболее четко проявляются на зубах из пещеры им. Окладникова, так как коронки из Денисовой пещеры очень сильно стертые. Оказалось, что характеристикам “западного” одонтологического ствола в большей мере присущи одонтоскопические признаки, в то время как одонтоглифические особенности более соответствуют признакам “восточного” направления [Шпакова, Деревянко, 2000].

Наиболее интересной особенностью плейстоценовых зубов из южных регионов Западной Сибири (пещеры Алтая) и Средней Сибири (Мальта), несомненно, является наличие некоторых расовых признаков “западного” одонтологического ствола. В связи с тем что даже древнейшие образцы Алтая имеют тенденцию к европеоидным одонтологическим особенностям, можно предположить очень древнее переселение гоминидов с генным комплексом “западной” одонтологической ветви на территорию Южной Сибири. Тенденция к разделению на “западную” и “восточную” одонтологические ветви уже на уровне эректусов была отмечена А.А. Зубовым [Зубов, Халдеева, 1989, с. 196].

Лиственка. Стоянка расположена на территории Красноярского края. В 12-м культурном слое, для которого получена дата $13\ 100 \pm 410$ л.н. (ГИН-6965), была найдена поврежденная нижняя детская челюсть с набором молочных зубов и коронок постоянной смены [Акимов и др., 1992; Шпакова, 1997]. Оказалось, что по комплексу измерительных признаков в таксономическом плане ребенок (возраст около 3 лет) занимает промежуточное положение между представителями ранних и поздних групп верхнего палеолита, с тяготением к более древним формам.

Лиственский одонтологический материал характеризуется гипермакродонтией и сохранением ряда архаических особенностей на первых постоянных

молярах: большой мезиодистальный диаметр и низкий индекс коронки, относительно широкий тригонид, сдвинутый вестибулярно гипоконулид, повышенное содержание дирадиусов и трирадиусов, тенденция к коленчатости элементов бугорков, наличие борозд третьего порядка и выраженность борозд на боковых поверхностях коронки.

Одонтоскопические признаки, по которым современное население подразделяется на “восточный” и “западный” одонтологические стволы, и соответственно, монголоидные и европеоидные группы, складываются в одонтологический комплекс, определяющий приоритетную принадлежность ребенка к “западному” одонтологическому стволу. Важным признаком “восточного” направления является только наличие шестого бугорка на первом моляре. Одонтоглифические особенности, напротив, выражены набором признаков, свойственных группам “восточной” ориентации. Они усиливают монголоидные особенности первого порядка и определяют в целом принадлежность лиственских зубов к “восточному” комплексу, который может быть охарактеризован как отличающийся некоторой недифференцированностью.

Кроме того, необходимо отметить, что отсутствие на нижних первых молярах лиственского ребенка такого древнего стабильного образования, как дистальный гребень тригониды, являющегося ключевым современным признаком “восточной” ориентации, можно рассматривать как уже сложившуюся одонтологическую особенность, свойственную населению данного региона (Юго-Западная Сибирь), поскольку и во многих современных сибирских группах отмечается снижение частоты встречаемости данного признака до показателей в европеоидных сериях (0 – 10%). Это позволяет сделать вывод и о значительной степени устойчивости данного маркера, сохранившегося на протяжении тысячелетий.

Однако возможна еще одна интерпретация “смягченного” монголоидного варианта детских зубов из Лиственки: такой слабодифференцированный одонтологический вариант, с различной степенью проявления монголоидных признаков на двух описательных уровнях (одонтоскопические и одонтоглифические особенности коронок), мог сложиться в результате смешения древних представителей двух больших рас. Метисационные процессы вполне могли привести к образованию одонтологических вариантов с проявлением признаков, которые при дальнейших генетических преобразованиях сформировали устойчивые во времени комплексы. Во всяком случае, одонтологические особенности ребенка со стоянки Лиственка можно объяснить именно смешением антропологических типов, относящихся к двум расовым стволам, с образованием слабодифференцированного варианта, выраженного морфологическими признаками без четкой расовой принадлежности.

При сравнении метрических особенностей постоянных и молочных зубов нижней челюсти из Лиственки с одонтологическим материалом широкого временного диапазона отмечается наибольшее сходство с Сунгирем 3 (по VL cor) и Тешик-Ташем (по MD cor) (см. табл. 2, 4). Восстановленные “взрослые” размеры нижней челюсти из Лиственки оказались наиболее близки к показателям мужской челюсти Чжоукоудянь 101 (см. табл. 5).

Соловьиная Лука. Местонахождение со смешанным разновременным комплексом артефактов расположено в Алтайском крае. В 1998 г. при работе археологической экспедиции под руководством Ю.Ф. Кирюшина была найдена левая половина нижней челюсти пятилетнего ребенка с тремя сохранившимися зубами обеих смен [Кирюшин и др., 2000]. Мною были измерены фрагмент челюсти и зубы, интерпретированы морфологические особенности образцов [Шпакова, 2000]. На основании многочисленных архаических признаков коронок и крупных “взрослых” размеров челюсти (восстановленных на основании методики Н.С. Сысака [1960] и пересчетов В.П. Алексеева [1978]) можно с большой долей вероятности говорить о том, что исследуемый образец мог принадлежать представителю верхнепалеолитического населения. По “взрослым” метрическим параметрам нижняя челюсть из Соловьиной Луки обнаруживает наибольшее сходство с образцами Кро-Маньон III и Самарканд II.

Метрические особенности зубов имеют иные аналогии – в некоторых древних сериях из Сибирского региона (Денисова пещера, Лиственка, Мальта) и Восточной Европы (Сунгирь 3). При сравнении со средними показателями раннего и позднего этапов верхнего палеолита Европы к метрическим характеристикам исследуемых зубов оказываются наиболее близкими размеры коронок более раннего периода. Одонтологический вариант из Соловьиной Луки характеризуется, скорее всего, мезодонтией зубов постоянной смены и макродонтией молочных зубов (сочетание, наблюдаемое и на палеолитических образцах из пещеры им. Окладникова и Мальты).

Морфологические особенности молочных и постоянных зубов из Соловьиной Луки объединяются в одонтологический комплекс с приоритетным “западным” направлением основных расодифференцирующих признаков. Единственное сомнение вызывает только коленчатость осевого гребня метакониды на M_1 – очень важный признак “восточной” ориентации. Но поскольку он выражен вариантом “с перехватом”, этот фен не соответствует основному условию, при котором фиксируется данный признак. Таким образом, отсутствие важных расоопределяющих признаков “восточного” одонтологического комплекса позволяет предположить принадлежность исследуемого субъекта к “западному” одонтологическому стволу. Одонтоглифические особенности коронок постоянных

моляров также в большей степени соответствуют “западному” одонтологическому комплексу.

На некоторых зубах встречается эмалевая гипоплазия. Ее локализация в верхних отделах коронки, скорее всего, обусловлена каким-то физиологическим стрессом, который пережил ребенок в возрасте от полутора до двух лет (возможно, окончание периода грудного вскармливания). Появление зубного налета на молочных зубах отражает достаточно сильные нарушения обменных процессов у ребенка, связанные помимо болезней, например, со спецификой питания.

Поскольку Южносибирский регион географически не был изолирован и антропологические процессы на его территории могли проходить, скорее всего, с участием представителей населения сопредельных территорий, рассмотрим, какие морфологические особенности демонстрируют плейстоценовые антропологические образцы с ближайших из известных стоянок. Эти находки также не слишком многочисленны, однако по качественным и количественным показателям более значимы, так как остеологический материал богаче и разнообразнее, чем коллекции древнейших образцов Сибири.

На территории **Средней Азии** известно несколько палеоантропологических находок, относящихся к периодам раннего, среднего и позднего палеолита.

1. В Ферганской долине в Узбекистане с 1980 г. проводились исследования пещерной многослойной стоянки Сельунгур [Исламов, Зубов, Харитонов, 1988]. Были найдены шесть зубов *Homo erectus*, которые, по мнению А.А. Зубова, принадлежали архантропу, не принявшему участие в процессе сапиентации [Там же, с. 48].

2. В 1938 г. на территории Узбекистана в пещере Тешик-Таш А.П. Окладниковым был найден поврежденный скелет неандертальского ребенка 8 – 10 лет. Череп тешикташца по сочетанию особенностей строения мозгового и лицевого отделов занимает своеобразное переходное положение. В пределах локальных вариантов неандертальского типа его, по заключению В.П. Алексеева, можно отнести к европейско-переднеазиатской группе древних гоминидов. Переднеазиатская группа на фоне неандертальских средних характеризуется максимально большими размерами черепной коробки, наибольшей шириной лобной кости, наименьшей скуловой шириной и наиболее узкими орбитами на очень высоком лице с наименьшей степенью уплощения его верхнего отдела, а также крупными нижними челюстями и наибольшими показателями роста тела [Алексеев, 1978, с. 86, 88, 160].

3. В Самарканде, в центре города, на палеолитической стоянке, которая датирована археологами ранней порой верхнего палеолита, в 1962 г. были найдены две нижних челюсти взрослых субъектов (мужская и женская). Авторы антропологического исследования предположили, что обитатели Самаркандской стоянки мог-

ли принадлежать к европеоидной расе, возможно, к ее южному стволу [Гинзбург, Гохман, 1974, с. 10].

На территории **Центральной Азии** антропологические образцы полностью отсутствуют. Вполне возможно, это связано с особенностями погребальной обрядности.

Восточная Азия, напротив, отличается достаточно многочисленными плейстоценовыми находками. Особый интерес представляет краниологический полиморфизм, которым характеризуется палеолитическое население этого региона. Так, одни черепа имеют признаки, не выходящие за пределы европеоидных вариаций, другие, напротив, отличаются монголоидными особенностями. Но все же в целом, по заключению В.П. Алексеева, древние группы из Восточной Азии демонстрируют тяготение их краниологических особенностей к монголоидному комплексу краниологических признаков, проявившемуся еще на ранних этапах среднего плейстоцена [Алексеев, 1978, с. 188; Alekseev, 1998, p. 334].

Дманиси – местонахождение раннего палеолита в Юго-Восточной Грузии, известное своими уникальнейшими находками. В 1991 г. там была найдена нижняя челюсть человека, датированная примерно 1,75 млн л.н., а восемь лет спустя на том же уровне в нескольких метрах от первой находки – два черепа гоминидов (D-2280, D-2282), которые были определены как мужской и женский. Черепа характеризуются небольшими размерами и, соответственно, малой емкостью мозговой капсулы, небольшой толщиной костей свода и относительно слабо развитым рельефом. Согласно предварительным результатам исследования, черепа из Дманиси имеют больше сходства с *Homo ergaster*, чем с *Homo erectus* [Gabunia, Jöris, Justus et al., 1999, S. 479].

Для зубной системы дманисских черепов характерны наличие достаточно хорошо развитых бугорков Карабелли на M^1 и выраженная редукция некоторых зубов, т.е. присутствуют особенности европеоидного одонтологического комплекса.

В **Европе** наиболее близким к Южносибирскому региону верхнепалеолитическим погребением пока остается интереснейшая Сунгирская стоянка, на территории которой были найдены многочисленные разрозненные кости человека и несколько хорошо сохранившихся скелетов детей и взрослых, в частности, пожилого мужчины (Сунгирь 1), мальчика примерно 13 лет (Сунгирь 2) и девочки 9 – 10 лет (Сунгирь 3). Проводивший раскопки О.Н. Бадер считал, что наиболее точная датировка стоянки соответствует периоду 25 – 30 тыс. л.н. [1978]. Подробное археологическое и антропологическое исследование сунгирьского материала представлено монографиями [Бадер, 1978; Сунгирь..., 1984; Позднепалеолитическое погребение Сунгирь..., 1998]. Однако все еще остаются нерешенными

многие вопросы, касающиеся антропологических и культурологических направлений изучения.

Морфологические особенности черепов отражают наличие краниологического полиморфизма. Интересно, что по метрическим и описательным признакам мужской череп Сунгирь 1 имеет большое сходство с черепом Чжоукоудянь 101 [Бунак, Герасимова, 1984, с. 74], некоторые особенности сунгирьского черепа мальчика напоминают негроидный комплекс, черепа Сунгирь 1 и 3 отнесены к кроманьонскому типу [Трофимова, 1984, с. 147, 155]. Относительно краниологических характеристик сунгирьского черепа пожилого мужчины В.П. Алексеев отметил их примерно срединное положение в границах европейских вариаций [Алексеев, 1978, с. 186]. При сравнении “взрослых” размеров детских черепов с параметрами мужского черепа оказывается, что последний почти по всем признакам занимает промежуточное положение. Оба детских черепа сохраняют некоторые неандерталоидные особенности, а при сравнении с неандертальским черепом из Тешик-Таша обнаруживают сходство черепных размеров по целому ряду признаков.

В отличие от краниологических показателей анализ зубной системы сунгирьских детей дал более четкий результат, так как вполне определенно позволил констатировать принадлежность их одонтологического типа к “западному” одонтологическому стволу [Зубов, 1984, с. 178]. Таким образом, у населения Сунгирьской стоянки можно отметить в целом доминирование европеоидных комбинаций краниологических и одонтологических признаков.

Обсуждение результатов

Даже при анализе столь ограниченного числа древнейших антропологических находок на территории Сибири могут быть отмечены некоторые характерные особенности, присущие южносибирским образцам.

1. Обращает на себя внимание соотношение взрослых и детей среди идентифицированных субъектов – на шести перечисленных сибирских памятниках были найдены останки восьми-девяти детей от 3 до 13 лет и только трех взрослых. Подобное соотношение не совсем обычно, так как общеизвестно, что при равных условиях детские кости сохраняются значительно хуже.

2. Среди одонтологических образцов в гораздо большем количестве представлены зубы нижней челюсти (21 зуб нижнего ряда и 7 – верхнего). Это же отмечается и в пределах всего антропологического массива Южносибирского и Среднеазиатского регионов.

3. Значительно чаще почему-то встречаются зубы левой половины нижней челюсти (среди разрозненных образцов – 10 : 2).

При интерпретации этих фактов, разумеется, прежде всего необходимо учитывать крайнюю малочис-

ленность древнейших антропологических образцов, так как при таком незначительном по численности материале мы имеем дело не с проявлением прямых закономерностей, а с отражением общих тенденций. Во всяком случае, почти полное отсутствие антропологического материала при огромном количестве открытых палеолитических памятников, доминирование останков детей и диспропорция зубов правого и левого квадрантов позволяют предположить, что на территории Сибирского региона существовал обряд погребения взрослых, способствовавший разрушению костного материала. Детская погребальная обрядность, по-видимому, имела иные формы, при которых чаще сохранялись зубы нижней челюсти. Интересно, что нарушение анатомической целостности тела при погребении (вычленение, например, нижней челюсти) и обряд замещения черепа или нижней челюсти отдельными зубами известны еще со времени раннего вюрма (90 – 80 тыс. л.н.) у разных в антропологическом плане групп населения [Смирнов, 1991, с. 219, 223].

В ретроспективном анализе древнего сибирского антропологического материала В.П. Алексеев большое внимание уделил фактам почти полного его отсутствия и очень плохой сохранности найденных фрагментов скелета при наличии большого числа уже открытых археологических памятников. Рассматривая несколько возможных вариантов объяснения этого феномена (погребальная обрядность, этнографический обычай расчленения трупа и т.д.), он был склонен согласиться с высказанным ранее В.И. Громовым предположением о каннибализме у верхнепалеолитического населения Сибири [Alekseev, 1998, p. 330]. Подобное предположение вполне правомочно, оно многое объясняет и является вполне логичным в контексте рассматриваемого вопроса. Однако мы до сих пор не имеем никаких конкретных подтверждений этой гипотезы.

На основании одонтоскопических, одонтометрических и одонтоглифических параметров исследованного мною одонтологического материала периода палеолита (Мальта, две пещеры Алтая, Лиственка, Соловьиная Лука) был проведен анализ морфологических особенностей зубов. Выделенные одонтологические варианты, несмотря на малочисленность зубных образцов, все же позволили отметить своеобразие разновременных представителей древнего населения Южной Сибири и выделить морфологические комплексы, относящиеся к “западному” и “восточному” одонтологическим стволам.

Во всех четырех перечисленных группах фиксируется различное проявление одонтологических расовых характеристик. Большая концентрация признаков “восточного” направления отмечена у представителей палеолитического (возможно, наиболее древнего) населения, проживавших на Алтае и в районе Красноярско-Канской лесостепи (пещера им. Окладникова и

Лиственка). На детских зубах из Мальты и особенно из Соловьинной Луки (Прибайкалье, Алтайский край) как в одонтоскопическом, так и в одонтоглифическом комплексе преобладают признаки “западного” направления.

Своеобразие выделенных одонтологических типов складывается на основании сочетаний одонтоскопических и одонтоглифических особенностей (подчеркивающих определенную близость исследуемых зубов к “восточному” одонтологическому стволу) при общем доминировании признаков “западного” направления. Характерно, что во всех рассматриваемых сериях признаки “восточного” вектора проявляются в основном в виде одонтоглифических особенностей, в то время как одонтоскопический комплекс более нейтрален.

Во всех пяти рассмотренных группах фиксируется редукция размеров зубов (в молочной или постоянной сменах). В наименьшей степени данный процесс проявился у населения алтайских пещер и Лиственки. Эти же группы оказались наиболее близки и по ряду морфологических признаков, поскольку у них наблюдается и наибольшая выраженность монголоидных особенностей.

Представители Афонтовой Горы II, Мальты и Соловьинной Луки отличаются микромезодонтией. И в одонтоскопическом и в одонтоглифическом комплексах двух последних групп преобладают признаки “западного” одонтологического ствола.

Таким образом, можно констатировать, что в период среднего и позднего палеолита южные регионы Сибири населяли разнородные в одонтологическом плане группы и, скорее всего, имели место метисационные процессы. По характеру сочетания краниологических и одонтологических особенностей предполагается существование или сосуществование двух общностей: “восточной”, с более выраженной монголоидностью, и “западной”, с доминированием европеоидных особенностей.

Выделение различных в расовом отношении одонтологических типов на территории Южной Сибири в период среднего и верхнего палеолита позволяет предположить также и наличие значительной расовой неоднородности краниологических признаков. Многообразие позднеплейстоценовых форм, по всей видимости, имело под собой более древнюю основу. Полиморфизм ранних эректусов на Азиатском континенте, скорее всего, изначально мог быть обусловлен различной генной основой немногочисленных древнейших переселенцев. В дальнейшем в результате метисационных и адаптационных процессов формировались стадильные и расовые особенности плейстоценовых групп населения, часть которых явилась субстратом древнейших рас в Восточной, Центральной и Северной Азии. Такое предположение вполне подтверждается фактами морфологического разнообразия древних форм, отмеченного на различных территориях Азиатского континента.

Заключение

Основным выводом данной работы является расовая неоднородность одонтологических комплексов древнейшего населения Южной Сибири, позволяющая не согласиться с предположением В.П. Алексеева о широком распространении только монголоидных групп на территории степной полосы Южной Сибири в период верхнего палеолита.

Таким образом, вопрос о времени заселения степных просторов Сибири европеоидами и о расовом составе коренного населения этих мест пока остается открытым, но время взаимодействия вариантов формировавшихся расовых стволов отодвигается к более древним этапам, чем это считалось ранее (предполагалось, что заселение степной полосы Южной Сибири европеоидами началось только в неолите [Alekseev, 1998]).

Список литературы

- Акимов Е.В., Чеха В.П., Кольцова В.Г., Оводов Н.Д., Сулержицкий Л.Д.** Позднепалеолитическая стоянка Лиственка // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян): Путеводитель экскурсий междунар. конф. “Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке”. – Красноярск: Зодиак; Офсет, 1992. – С. 34 – 48.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. – М.: Наука, 1978. – 282 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Костные остатки детских скелетов из погребения на палеолитической стоянке Мальта // Изв. СО АН СССР. – 1987. – № 16, вып. 3: Сер. ист., филол. и филос. – С. 54 – 60.
- Бадер О.Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
- Бунак В.В., Герасимова М.М.** Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 14 – 99.
- Герасимов М.М.** Мальта – палеолитическая стоянка. – Иркутск: Краевой музей, 1931. – С. 1 – 34.
- Герасимов М.М.** Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Палеолит СССР. – М.; Л., 1935. – С. 78 – 124.
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с. – (ТИЭ АН СССР. Нов. сер.; Т. 28).
- Гинзбург В.В., Гохман И.И.** Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л.: Наука, 1974. – С. 5 – 11.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 105 – 124.

Грязнов М.П. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой Горы // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1932. – Т. 1. – С. 37 – 44.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропологические находки в Костенках. (Предварительное сообщение) // Советская этнография. – 1955. – № 1. – С. 43 – 53.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.В. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева В.И., Дунал Д.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонova И.В., Шуньков М.В. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Деревянко А.П., Гнибиденко З.Н., Шуньков М.В. Среднелейстоценовые экскурсы геомагнитного поля в отложениях Денисовой пещеры (Горный Алтай) // Докл. Академии наук. – 1998. – Т. 360, № 4. – С. 511 – 513.

Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968а. – 199 с.

Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. – М.: Наука, 1968б. – С. 5 – 123.

Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 11 – 42.

Зубов А.А. Заключение // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 229 – 251.

Зубов А.А. Морфологическое исследование зубов детей из Сунгирского погребения // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 162 – 182.

Зубов А.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. Антропологический анализ нижней челюсти ребенка неандертальца из Баракаевской пещеры // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. – Майкоп: Меоты, 1994. – С. 83 – 99.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 230 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропологии. – М.: Наука, 1993. – 221 с.

Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. Палеолитическая стоянка Сельгунг в Ферганской долине // Вопр. антропологии. – 1988. – Вып. 80. – С. 38 – 49.

Киришин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Шпакова Е.Г. Местонахождение Соловьиная Лука // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 147 – 155.

Позднепалеолитическое погребение Сунгирь (погребения и окружающая среда). – М.: Научный мир, 1998. – 270 с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приобья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 95 с.

Смирнов Ю.С. Мустьерские погребения Евразии: Возникновение погребальной практики и основы тафологии. – М.: Наука, 1991. – 338 с.

Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – 215 с.

Сысак Н.С. Материалы для возрастной морфологии черепа человека // Антропологический сборник, П. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 50. – С. 29 – 41.

Тернер К.Г. Ребенок верхнепалеолитической стоянки Мальта (Сибирь) // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филос. и филос. – 1990. – Вып. 2. – С. 70 – 71.

Трофимова Т.А. Черепа детей эпохи верхнего палеолита из Сунгиря // Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – С. 144 – 155.

Шпакова Е.Г. Одонтологический материал верхнепалеолитической стоянки Лиственка (Красноярский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – С. 132 – 136.

Шпакова Е.Г. Одонтологические находки периода палеолита с территории Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 463 – 467.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 125 – 138.

Alekseev V.P. The Physical Specificities of Paleolithic Hominids in Siberia // The Paleolithic of Siberia New discoveries and interpretations. – Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1998. – P. 329 – 335.

Gabunia L.K., Jöris O., Justus A., Lordkipanidze D., Muschelishvili A., Nioradze M., Swisher C.C. III, Vekua A.K. Neue Hominidenfunde des altpaläolithischen Fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) im Kontext aktueller Grabungsergebnisse // Archäologisches Korrespondenzblatt. – 1999. – N 29, H. 4. – S. 451 – 488.

Gabunia L., Vekua A.K., Lordkipanidze D., Justus A., Nioradze M., Bosinski G. Neue Urmenschenfunde von Dmanisi // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. – 1999. – S. 23 – 43.

Giacobini G. New Discoveries of Paleolithic Human Remains in Italy // Five Million Years, the Human Adventure. – Liege: Universite de Liege, 1992. – P. 199 – 205. – (Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege; N 56).

Jelinek J. New Upper paleolithic Burials from Dolni Vestonice // Ibid. – P. 207 – 228.

Terner Ch.G. II. Dental Evidence for the Peopling of the Americas // Early Man in the New World. – Beverly Hills: Sage Publications, 1983. – P. 147 – 157.

Terner Ch.G. II. The first Americans: the dental evidence // Nat. Geogr. – 1986. – Res. 2. – P. 37 – 46.

Terner Ch.G. II. Paleolithic teeth off the Central Siberian Altai Mountains // Chronostratigraphy of paleolithic in North, Central, East Asia and America: Papers for the International Symposium. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy Sib. Br. USSR Acad. Sci., 1990. – P. 239 – 243.

Материал поступил в редколлегию 23.03.2001 г.

ПРОБЛЕМА ИСТОКОВ НЕКОТОРЫХ СКУЛЬПТУРНЫХ И НАСКАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПЕРВОБЫТНОМ ИСКУССТВЕ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И НАХОДКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОСИПОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ НА АМУРЕ*

Постановка вопроса

Нередко случается, что какая-то находка, становясь недостающим звеном в цепочке идей или концепций, влечет за собой переосмысление сложившихся и возникновение новых взглядов на те или иные явления. Настоящая работа в определенной степени подтверждает это.

Главное содержание излагаемых здесь положений, основанных на материалах как неопубликованных, так и изданных, но из-за недостатка фактических данных истолкованных предположительно или вообще не дешифрованных, представляет собой продолжение и развитие суждений, высказанных мной недавно на страницах журнала [Медведев, 2000, с. 56 – 68]. Напомню в общих чертах о наиболее принципиальных заключениях и связанных с ними проблемах.

В ходе культурно-исторического анализа скульптурных изображений, найденных на неолитическом поселении Сучу, а также других памятниках Нижнего Приамурья, установлено, что в искусстве малых форм уже раннего неолита (малышевская культура) наряду со сложившейся реалистичной манерой исполнения круглой скульптуры существовали сложные полиэпиконические, полисемантические образы: статуэтки женщин с прической в форме фаллоса, скульптурки женщин с фаллической головой и таким же торсом,

двуконечные (двойные) фаллосы с изображением головы тюленя с одного конца, а также фигурки птиц, лося, медведя, фаллические предметы с женским символом (гибридные), палицы, шары и др. Определено, что из всего этого многообразия художественных форм и мотивов, выраженных в камне и обожженной глине, лишь единичные скульптурные образы птицы и медведя появляются в искусстве более раннего времени – в начальном, постпалеолитическом, неолите (осиповская культура – 13 – 10 (9) тыс. л.н.). При сопоставлении многих видов скульптурных изображений и других предметов неолитических культур Нижнего Приамурья и дзёмона Японии выявлено большое количество общих персонажей. Фигурки “догу”, а также “гангу” существовали в раннем периоде дзёмона, что соответствует примерно этапу зарождения малышевской культуры. В искусстве древнейшего периода дзёмона (сосо: 12 – 10 тыс. л.н.) известны лишь такие предметы, как галька с резьбой (схематический образ женщины?).

Сюжетно-стилистическое многообразие и в то же время “серийность” скульптурных персонажей, пронизанных всеобъемлющей идеей плодородия, не могли не породить проблему древних местных корней амурского и в целом южнодальневосточного искусства малых форм, в частности антропоморфной, гибридной (двуполый) скульптуры.

Столь же важным представляется вопрос культурно-хронологического и “репертуарного” соответствия обнаруженных при раскопках скульптурных изображений, с одной стороны, и исключительных по своей информативности и оригинальности петроглифических

* Автор благодарит П.П. Лабеецкого и А.И. Глотова за помощь при фотографических работах, Т.В. Серых за переводы публикаций с японского языка, П.В. Волкова за определение терракотового лощила.

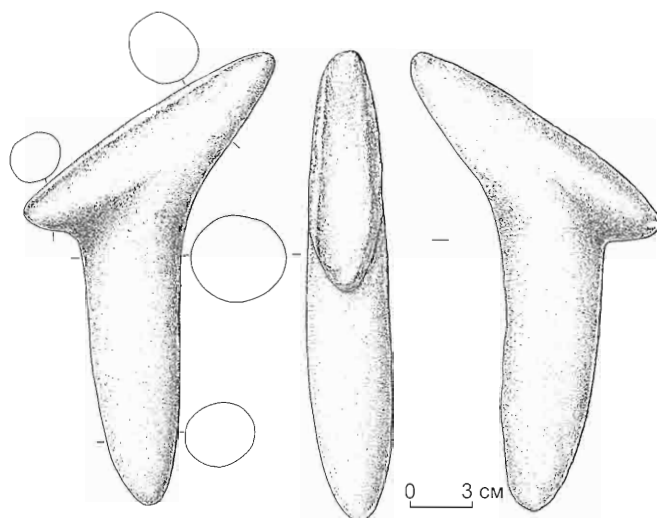

Рис. 1. Каменное скульптурное изображение двуконечного фаллоса – женщины. Сакачи-Алян (нижний пункт). Осиповская культура (10 – 13 тыс. л.н.).

Рис. 2. Скульптура женщины – фаллоса из Сакачи-Аляна.
а – анфас; б – профиль.

амуро-уссурийских сюжетов, с которыми огромную исследовательскую работу проделал акад. А.П. Окладников, – с другой. Было бы неверно не сказать, что для датировки ряда персонажей амурских петроглифов им уже весьма широко привлекались аналогии из материалов раскопок неолитических поселений (скульптурка женщины и обломок чаши с личиной-налепом из Кондона, керамика с барельефными масками-личинами из Вознесенского, рельефная фигура змеи из Тахты, фигурки птиц из Сакачи-Аляна и с о-ва

Сучу, орнаменты на керамике и фигурки медведей с о-ва Сучу) [Окладников, 1971а, с. 83 – 89; Okladnikov, 1981, р. 14 – 20]. Рассматриваемые далее материалы, полученные почти полностью мной при раскопках преимущественно в последние 20 лет, не во всех случаях следует считать произведениями искусства в подлинном смысле, но практически все они представляются уникальными (прежде всего это относится к мелкой пластике осиповской культуры) и позволяют приблизиться к раскрытию некоторых схематично очерченных здесь проблем, связанных с появлением в искусстве дальневосточного неолита архаичных по своей сути двуполых антропоморфно-гибридных, фаллических и антропозооморфных мотивов*.

Образцы скульптурных персонажей, сопутствующие изделия

Все представленные здесь образцы скульптурных изображений и некоторые другие сопутствующие артефакты, за исключением одного предмета из Шереметьева, связаны своим происхождением с четырьмя памятниками: Сакачи-Алян (нижний пункт), Гася, Сучу и Кондон – и принадлежат трем археологическим культурам – осиповской, малышевской и вознесенской. Среди находок выделяются следующие основные группы каменной и терракотовой круглой скульптуры: скульптурные изображения женщины – фаллоса, женщины – лося – двуконечного фаллоса, фаллоса, гибридные скульптуры, фаллические стержни. Наряду с этим характеристику мелкой пластики из Сакачи-Аляна дополняют сопутствующие ей в культурном слое изделия. Учитывая принадлежность скульптурных изображений той или иной группы к разным культурам, хронологическую последовательность при описании находок в расчет не принимаем.

Женская скульптура – двуконечный фаллос (рис. 1, 2). Найдена в июне 1972 г. на многослойном памятнике у с. Сакачи-Алян (нижний пункт). Раскоп (размером 16 × 2 м) располагался на нижней по течению Амура окраине села вдоль кромки-обрыва террасовидной поверхности, на высоте около 12 м над меженным уровнем реки и вплотную примыкал к раскопу

* Рассматриваемые материалы хранятся в Институте археологии и этнографии СО РАН.

1970 г.* [Окладников, 1971в, с. 191 – 192; Медведев, 1986, с. 7 – 9]. Наряду с археологическими изысканиями исследователи занимались геоморфологическими и палеогеографическими определениями памятника, которые позже были опубликованы [Ивлиев и др., 1974; Разрез новейших отложений..., 1978, с. 3 – 4, 31 – 38, 78 – 81]. Стратиграфия этого археологического объекта, как и других памятников в районе Сакачи-Аляна, довольно сложная. Сверху вскрыт средневековый культурный слой, глубина залегания артефактов 0,2 – 0,6 м от поверхности, глубже – слой эпохи раннего железа (до 0,75 м). Ниже, на уровне до 0,9 м, встречаются отдельные культурные остатки малышевской неолитической культуры**. На глубине 1,0 – 1,1 м (в отдельных местах до 1,3 м) в суглинке (порой чешуйчатом) коричневого или желтого цвета залегали самые ранние здесь изделия из камня, в том числе интересующая нас скульптура.

Скульптура изготовлена из сравнительно нетвердого серого мелкозернистого песчаника техникой пикетажа, вся ее поверхность сглажена, как бы затерта, возможно, мокрым песком. По форме это круглый или почти круглый в сечении изогнутый двуконечный фаллос, верхняя половина которого в профиль представляет собой наклоненную назад голову с высокой прической – фаллосом. Общая длина скульптуры составляет 22,5 см, длина головы с вытянутым подбородком – 14,3 см, туловища-фаллоса (от подбородка) – около 13,0 см. Диаметр головы в основном от 2,0 до 5,0 см, в области затылка – до 6,0 см, диаметр подбородка от 0,7 до 2,6 см. Диаметр туловища 1,0 – 4,0 см в нижней половине и 4,5 – 5,3 см – в верхней.

Оба конца предмета и отчетливо выраженный выступ-подбородок подчеркнута заострены, но детально не моделированы. Лицевая поверхность головы имеет плавную мягкую выпуклость, как и у женских амурских неолитических глиняных скульптурок. По всей длине лица и выше (т.е. на прическе) прослеживается легкое уплощение в виде полосы шириной 1,0 – 2,0 см, следы использования в утилитарных целях не просматриваются, во

* Работы осуществлялись по инициативе А.П. Окладникова археологическим отрядом Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН). В них принимали участие В.Е. Медведев (начальник отряда), О.С. Медведева, И.С. Троицкая (все сотрудники ИИФФ СО АН СССР), Э.Н. Сохина (научный сотрудник Хабаровского комплексного НИИ ДВНЦ АН СССР, ныне Институт водных и экологических проблем ДВО РАН) и А. Богомолов (студент географического факультета МГУ).

** Согласно радиоуглеродному датированию, слой с находками, относящимися к этой культуре, имеет возраст 6900 ± 260 лет (МГУ-410) [Разрез новейших отложений..., 1978, с. 35].

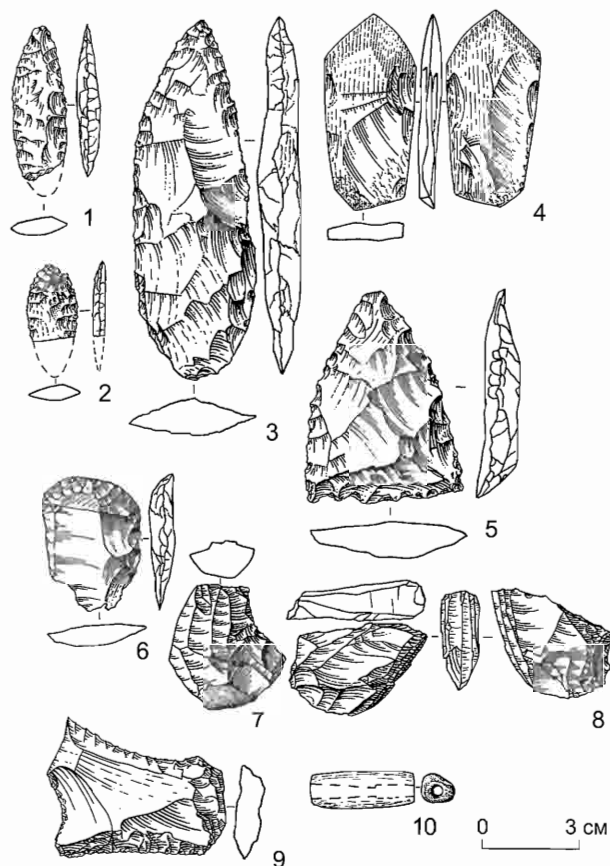

Рис. 3. Каменные изделия. Сакачи-Алян (нижний пункт).

Осиповская культура.

1 – 3 – бифасы-остроконечники; 4 – орудие; 5 – тесловидно-скребловидный инструмент; 6 – скребок; 7, 8 – нуклеусы; 9 – фигурка зверя; 10 – бусина.

всяком случае, визуально. Нижняя линия подбородка направлена к шее-туловищу почти под прямым углом. Длинная ось головы-фаллоса по отношению к аналогичной оси туловища-фаллоса находится под углом 60° . Близкие или такие же параметры (65° , 55° и 60°) наблюдаются у двух женских глиняных скульптурок-фаллосов из поселения Сучу и у одной из поселения Кондон [Медведев, 2000, рис. 1; 3, 2; 7]. При всем схематизме скульптуры перед нами предстает двуполоый или гибридный антропоморфный образ женщины – двуконечного фаллоса.

Сопутствующие изделия. Два частично обломанных бифаса-остроконечника, обработанные стелющейся и плоской ретушью, изготовлены из темного алевролита (рис. 3, 1, 2). Служили, скорее, в качестве наконечников стрел. Крупный бифас-остроконечник (длина 14,1 см) из светло-серой кремнистой породы (найден рядом с раскопом) можно классифицировать как наконечник копья (рис. 3, 3). Тесловидно-скребловидное орудие треугольной в плане формы (размеры: $6,6 \times 4,8 \times 1,1$ см) сделано из алевролита темного, почти черного цвета (рис. 3, 5). Концевой скребок выполнен

Рис. 4. Фигурка зверя и бусина. Сакачи-Алян (нижний пункт).

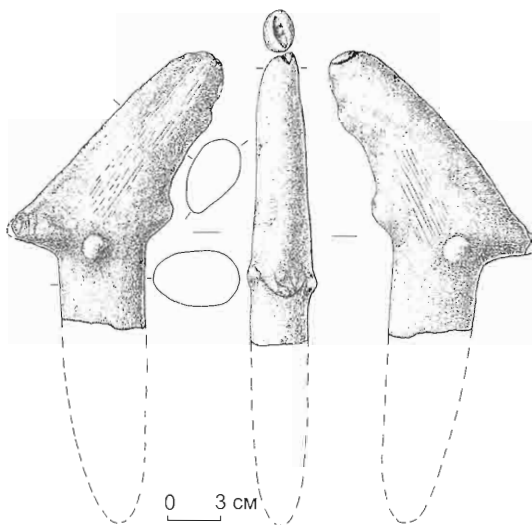

Рис. 5. Каменное скульптурное полисемантическое изображение женщины – фаллоса – лося. Поселение Кондон, жилище 13.

из темного алевролитового пластинчатого отщеп (рис. 3, 6). Два нуклеуса: один одноплощадочный на уплощенной халцедоновой гальке (рис. 3, 7), другой – клиновидный микронуклеус из кремнистой породы цвета слоновой кости (рис. 3, 8). Еще одно изделие – из серого алевролита, практически прямоугольной формы, с боковыми гранями, резко переходящими в острие с прямым углом, обработано мелкой оббивкой и местами, в особенности вдоль краев острия, тщательно зашлифовано (рис. 3, 4). Найдены также фигурка зверя с массивным крупом (лось?), изготовленная из пластины дымчато-серого кремня (размеры: $5,5 \times 2,7 \times 4,2 \times 0,7$ см),

и бусина бочонковидной удлиненной формы (длина 3,2 см), сделанная из яшмовидной породы голубого с зеленым оттенком цвета (рис. 3, 9, 10; 4).

Все перечисленные орудия и нуклеусы хорошо известны по материалам раскопок многих памятников осиповской культуры. Например, бифасы-остроконечники и тесловидно-скребловидные инструменты входят в группу наиболее представительного инвентаря этой культуры. Что же касается орудия с отшлифованным острием, то его аналоги есть в осиповских коллекциях поселений Гася [Деревянко, Медведев, 1993, рис. 68, 10] и Хумми [Лапшина, 1999, табл. 51, 15], правда там они без следов шлифования. Образцы мелкой пластики (каменные плоские фигурки птиц) также были позже зафиксированы в осиповском культурном горизонте (Гася). То же следует сказать об удлиненных бочонковидных бусинах из яшмовидной породы голубоватого цвета (Сакачи-Алян, раскоп II, 1973 г.; Гася, Гоян, Хумми). Рассмотренная здесь бусина из Сакачи-Альяна является первой по времени подобного рода находкой, выявленной в осиповском культурном слое.

Скульптурное изображение женщины – фаллоса – лося (рис. 5, 6). Обнаружено в июле 1972 г. в жилище 13 поселения Кондон*. Изготовлено из темно-серого плотного крупнозернистого песчаника техникой мелкоточечной оббивки с частичной шлифовкой. Нижняя, примерно третья часть скульптуры обломана. Длина сохранившейся части составляет 17,2 см, если судить по пропорциям, общая длина изделия достигала 27 см. В поперечном сечении оно овально-округлое, сверху короткая ось сечения в основном равна 2,0–3,0, а длинная – 3,0–5,0 см, внизу (у излома) соответственно около 3,0 и 5,0 см. С лицевой стороны и в профиль, в вертикальном положении, эта скульптура, так же как и описанная выше, представляет собой отогнутую назад женскую голову с высокой прической в форме фаллоса. Общая длина головы с хорошо выраженным заостренным подбородком составляет 15,2 см.

Лицевая поверхность головы слегка выпуклая, в основном в верхней ее половине. Детали не моделированы, за исключением ушей или, вероятнее всего, серег, которые обозначены на уровне подбородка с обеих сторон в виде круглых в плане выпуклостей диаметром 1,5–1,8 см и высотой 0,4–0,6 см. Для полной завершенности женского скульптурного образа наверху головы (прически-фаллоса) выбита вульва в форме овального углубления с ямочкой посередине.

В горизонтальном положении в рассмотренной части скульптуры столь же ясно обрисовывается голова лося с вытянутой мордой и характерной несколько укороченной нижней губой. В профиль нижняя часть

* Изделие опубликовано и определено как скульптурное изображение головы лося (на обломке орудия) [Окладников, 1983, с. 70; табл. 80, 1].

Рис. 6. Скульптура женщины – фаллоса – лося из поселения Кондон.
 а – вид анфас: женщина с фаллической головой-прической; б – вид в профиль: женщина с фаллической головой-прической; в – вид в профиль: голова лося.

морды немного заужена, и далее примерно на уровне ушей (у женщины это подбородок) отчетливым подтреугольным выступом показана столь же характерная лосиная подшейная шишка, или “серьга”. С одной стороны головы по линии смыкания челюстей до места, где должен находиться глаз, видна отшлифованная полоса (с противоположной стороны поверхность головы отшлифована менее заметно). Глаза не показаны.

Нижняя половина скульптуры, длина которой от подбородка женщины – ушей лося равняется длине головы (около 15,0 см), выполнена в форме фаллоса и обозначает одновременно туловище женщины и шею лося.

Скульптура была найдена в жилище позднего неолита (вознесеновская культура). Однако есть основания считать, что изделие гораздо древнее. Очевидно, оно было реутилизировано обитателями жилища: на предмете видны следы забитости на месте подбородка женщины – ушей лося. Рядом с поселением собраны каменные изделия эпохи “мезолита” (иначе, времени начального неолита, можно полагать, осиповской культуры). Раскапывая жилище 13, автор обратил внимание, что стратиграфически оно наиболее сложное среди всех исследованных жилых комплексов памятника. Жилище было сооружено на месте уже существовавшего мощного культурного слоя. Это наблюдение подтверждается наличием другого, более древнего жилища (15), выявленного в раскопе на большой глубине, но не имевшего на поверхности следов в виде характерной западины [Окладников, 1983, с. 68, 74]. О перемешанности культурных слоев на месте жили-

ща 13 свидетельствуют также некоторые найденные в нем сравнительно архаичные изделия, в частности клиновидный нуклеус [Там же, с. 70]. Нуклеусы такого типа в материалах, датируемых временем позже начального неолита, на памятниках Нижнего Приамурья не встречаются. Поэтому вполне вероятно кондонская скульптура, несомненно, яркое полисемантическое произведение искусства, была создана в то же время, что и сакачи-алянская, т.е. в начальном неолите. Только последняя пролежала в земле тысячелетия нетронутой, а кондонская около 4 тыс. л.н. была использована в бытовых целях и тогда же, наверное, обломана носителями вознесеновской культуры.

Фаллическое лошило (рис. 7, 1; 8, 1). Найдено в 1980 г. в раскопе I поселения Гася. Залегало в слое глины вместе с каменным инвентарем осиповской культуры*. Изделие изготовлено из глины без видимых органических включений, обжиг неравномерный (цвет от светло-коричневого до черного), производился при невысокой температуре. Предмет частично обломан, имеет форму усеченного конуса с немного выпуклыми боковыми сторонами. Нижняя, рабочая плоскость, а также верхняя тоже с легкой выпуклостью. Длина изделия 4,3 см, диаметр внизу 2,4 – 3,0 см, посередине – 2,1 – 2,7 см,верху – 0,9 – 1,1 см. Предмет определяется как инструмент (лошило для работы по коже) в форме фаллоса, точнее, его головки. Это первое терракотовое орудие труда (к тому же в форме фаллического скульптурного

* Первоначально было названо каменным пестом [Дервянко, Медведев, 1993, рис. 66, 9].

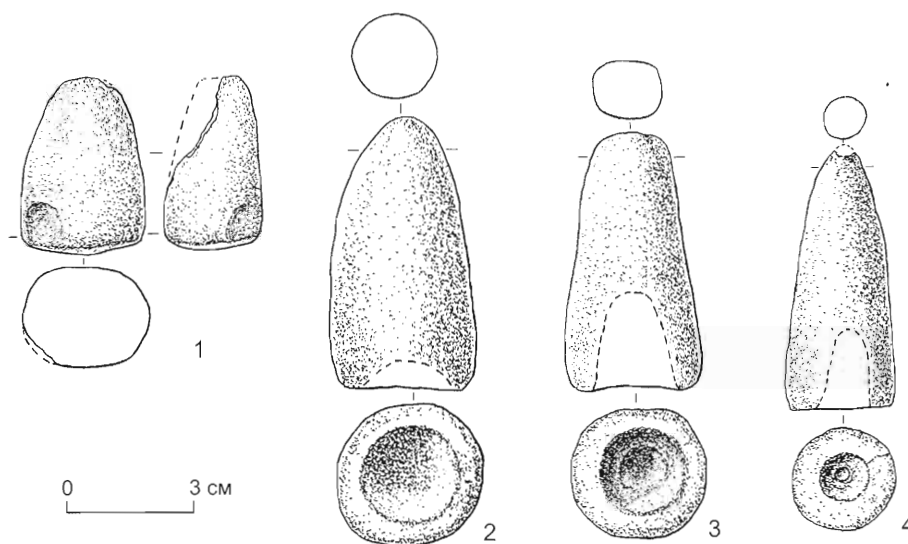

Рис. 7. Глиняное фаллическое лошло для работы по коже (1), каменные (2, 3) и глиняное (4) скульптурные изображения фаллосов – вульв.
1 – 3 – из поселения Гася; 4 – из поселения Сучу (жилище 3, 1993 г.).
1 – осиповская культура (раскоп I, 1980 г.); 2 – 4 – малышевская культура (2 и 3 – тоже из раскопа I).

Рис. 8. Лошло из поселения Гася (1) и скульптурное изображение фаллоса – вульвы из поселения Сучу (2).

изображения), найденное при раскопках слоя осиповской культуры.

Скульптурное гибридное изображение (рис. 9). Найдено предположительно рядом с первым пунктом петроглифов у с. Шереметьева, где А.П. Окладниковым зафиксированы следы неолитического поселения [1971а, с. 52]. Судя по собранной там керамике, памятник относится к малышевской культуре.

Предмет изготовлен из глины и хорошо обожжен. Цвет его в основном темно-коричневый, глиняное тесто со значительной примесью мелкой дресвы. Изделие конусообразной формы, вершина его плавно заострена, в поперечном сечении круглое. Несколько зауженное по

сравнению с нижней частью основание ровное, края его аккуратно заовалены. Внизу имеется круглое в плане углубление конусообразной формы. Длина предмета 3,6 см, диаметр верхнего конца 0,3 – 0,4 см, нижней части – 2,8 см, основания – 2,2 см. Глубина отверстия 1,7 см, диаметр (у поверхности) 0,7 – 0,8 см. Вся поверхность предмета украшена небольшими овальными или полукруглыми углублениями, нанесенными рядами в виде вертикальных полудуг. Это, несомненно, миниатюрное скульптурное изображение, соединяющее в себе два образа – фаллос и вульву. Отдельного внимания заслуживает расшифровка орнаментальной композиции, которая в задачу данного исследования не входит.

Скульптурное изображение фаллоса – вульвы (см. рис. 7, 2). Обнаружено в 1980 г. в раскопе I поселения Гася, между жилищами 1 и 2 малышевской культуры [Деревянко, Медведев, 1993, с. 14]. Изделие изготовлено из серого нетвердого песчаника техникой пикетажа, хорошо заглажено. Оно конусообразной формы, круглое в сечении, диаметр у основания 3,5 – 3,7 см, длина предмета 6,6 см. В основании сделано круглое чашевидное углубление диаметром 2,2 см, глубиной до 0,8 см. Так в камне передано изображение фаллоса и вульвы (или наоборот). Обращает на себя внимание такой важный факт: скульптурка залегала рядом с каменной палицей, частично даже под ней, и размер просверленного в палице конусообразного отверстия точь-в-точь соответствует размерам скульптурного изображения. Не останавливаясь на детальной характеристике палицы, замечу, что по семантике ее следует связывать с культом солнца.

Скульптурное изображение фаллоса – вульвы (см. рис. 7, 3). Найдено там же, где и предыдущая

Рис. 9. Глиняное скульптурное изображение фаллоса – вульвы. Шереметьево (?).
а – вид сбоку, б – вид снизу.

скульптура. Изготовлено тоже из серого песчаника, поверхность аккуратно заглажена. Форма конусообразная, поперечное сечение круглое. В расширенном основании имеется круглое в плане конусообразное углубление (повторяющее форму скульптуры). Длина изделия 6,5 см, диаметр узкого конца 1,3 – 1,5 см, посередине (здесь предмет чуть заужен) – 2,4 см, основания – 3,4 см, глубина отверстия 2,3 см, его диаметр у поверхности 2,1, внизу 0,65 см. Скульптура классифицирована как фаллос с вульвой (т.е. символизирует человека вообще).

Скульптурное изображение фаллоса – вульвы (см. рис. 7, 4; 8, 2). Обнаружено в 1993 г. в жилище 3 малышевской культуры на поселении Сучу. Изделие изготовлено из глины, обжиг неравномерный – цвет

Рис. 10. Глиняные фаллические изображения из поселения Гася (малышевская культура).

Рис. 11. Глиняное фаллическое изображение из поселения Сучу (жилище 7, 1997 г.).
Вознесеновская культура.

от светло-коричневого до черного. Форма предмета конусообразная, в основании оформлено углубление также в виде конуса. Длина изделия 6,4 см, диаметр основания 2,5 см, посередине – 2,2 см, у заостренного конца – 0,5 см. Скульптурка, как и три предыдущие, относится к типу изображений, обозначающих фаллос с вульвой.

Следующие два глиняных фаллических предмета найдены на поселении Гася: первый в раскопе I – в слое с артефактами малышевской и осиповской культур; второй в раскопе II (1986 г.) – в слое с преимущественно малышевским каменным инвентарем.

Первый фаллический предмет (рис. 10, 2). Обожжен при невысокой температуре, поверхность

тщательно залощена, сильно растрескалась, цвет преимущественно шоколадный. Изделию придана форма уплощенного, подпрямоугольно-заovalенного в сечении фаллоса со слегка утолщенной заостряющейся к концу головкой, противоположный конец обломан. Длина предмета 9,1 см, размеры основания 1,7 × 2,8 см, диаметр заостренного конца 0,7 – 1,2 см. Изделие определено как изображение фаллоса.

Второй фаллический предмет (рис. 10, 1). Цвет его в основном красновато-коричневый, местами черный, поверхность залощена. По форме изделие аналогично вышеописанному и также обломано у основания. Длина предмета 8,9 см, размеры основания 1,7 × 2,2 см, диаметр заостренного конца 0,3 – 0,9 см. Классифицируется как и первый предмет, т.е. изображение фаллоса.

Скульптурный фаллический предмет (рис. 11). Обнаружен в 1997 г. на поселении Сучу, в жилище 7 вознесенской культуры. Изготовлен из глины и обожжен, цвет преимущественно желтый, частично темный. Предмет найден в довольно расслоившемся состоянии. Выглядит как вытянутый стержень с заovalенными концами. Поперечное сечение округлое и прямоугольное с закругленными углами. Длина изделия 22,0 см, размеры посередине 2,2 × 2,8 см, диаметр одного слегка утонченного конца 1,8 – 2,5 см. Глиняные фаллосы подобного типа в большом количестве встречаются в Нижнем Приамурье на поселениях вознесенской, иногда более ранних культур. Они, как правило, обломаны и лишь в редчайших случаях сохраняются целыми, как представленный здесь самый крупный из известных в регионе глиняный скульптурный фаллический предмет. (Необходимо обратить внимание на тот факт, что подобные изделия не имеют ничего общего с рыболовными грузилами, как это представляется в некоторых публикациях по неолиту нижнего Амура.) Следует добавить, что в жилище 7, не отличающемся большим количеством находок, примерно в 2,0 м от фаллического предмета найдено кольцо-диск диаметром 4,0 см, сделанное из светлого с розовым оттенком нефрита.

Аналитический взгляд: фантастические образы амурского неолита и их корни

Прежде чем приступить к раскрытию значения изложенного здесь материала, обратимся к основным устоявшимся, как мне кажется, художественно-стилистическим образам, материализованным в скульптуре, которые отражают мировоззрение древних обитателей Приамурья. Все имеющиеся в нашем распоряжении антропоморфные и антропозооморфные скульптурные изображения, в том числе и переданные условно (за исключением глиняных фаллических стержней),

представляют собой одновременно два образа – мужчину (фаллос) и женщину (голова, вульва). Нередко эти образы переданы в форме двуконечного фаллоса: скульптуры из Сакачи-Аяна, Кондона (жилища 3, 13), с о-ва Сучу (жилища Г, 4) [Медведев, 2000, рис. 1, 2; 3, 1; 7]. В ряде случаев в одном скульптурном изображении показаны три персонажа: женщина (голова, вульва), мужчина (фаллос) и зверь. Это мы видим в предметах искусства из Кондона (женщина – мужчина – лось) и Сучу (мужчина – женщина – тюлень) [Там же, рис. 4].

Вряд ли есть необходимость останавливаться на развернутом изложении существующих идей, связанных с распространением еще в палеолитическом искусстве скульптурных двуполых (андрогинных) изображений, так же, впрочем, как и скульптур, сочетающих в себе черты человека и зверя. Эти образцы древнего искусства, отражающие представления об окружающем мире их создателей, стремившихся повысить воспроизводство себе подобных, вообще сил природы, нашли довольно широкое отражение в отечественных и зарубежных изданиях. Их подробно с привлечением многочисленных данных исследовал А.П. Окладников. Он отмечал, что мысль палеолитических людей о плодородии выражалась образами как женщины, так и мужчины, приводя пример присутствия в среднеориньякском слое Абри Бланшар в Дардони обоих символов, женского и мужского, рядом. А.П. Окладников называет любопытными палеолитические изображения женщин, в частности из Италии, которые “обнаруживают какое-то неуловимое сходство с фаллами” [1967, с. 74]. Отдавая должное идее, связанной с палеолитическими женскими изображениями, в основе которой заложен сложный комплекс представлений о наиболее важных сторонах жизни первобытного человека, он говорит о первобытной магии плодородия, породившей двуполые статуэтки, в коих “формы женского тела причудливо сочетаются с символом мужской силы”, что является отражением представлений о первом человеке на земле как двуполом существе [Там же, с. 75, 80]. При этом подчеркивается, что представления людей эпохи палеолита о женщине и женском начале могли быть еще разнообразнее. Имеется в виду сближение в одном изображении черт человека и зверя с целью создания образа мифического существа смешанной природы. В мифологии многих народов отмечен сюжет, связанный с темой брака женщины и зверя. Основа этих мифов была заложена еще в глубокой древности. На мифологической почве развивалось палеолитическое искусство. На ее же основе вызрели представления о взаимоотношениях мира зверей и людей, т.е. тотемизма, а также истоки верований и обрядов, связанных с продолжением рода и процветания коллектива людей [Там же, с. 83].

Было бы не досказано, если не упомянуть еще о таких скульптурных изображениях, как двуконечные

фаллосы. Они достаточно известны в палеолите Западной Европы, например, скульптура из Горж д'Анфер (рис. 12). В Мальте, в Сибири, фаллическая подвеска из ожерелья [Абрамова, 1962, табл. LVI, 5 (внизу)] представляет собой, по мнению В.Е. Ларичева, еще и многовариантное полизйконическое изображение [1989, с. 144]. В материалах той же Мальты имеется скульптура двуполого антропоморфного существа с ногами в виде двуконечных фаллосов, из верхних концов которых как бы вырастает само тело существа (как тут не сказать о сходстве амурских андрогинных скульптур с мальтинскими!). К этому надо еще добавить: мальтинская скульптура наделена к тому же чертами зверя [Ларичев, 1999, с. 180 – 182].

Представляется, что преимущественно со сформулированных позиций следует подходить к раскрытию сущностной стороны нижеамурских образцов искусства. Хотелось бы еще обратить здесь внимание на следующее высказывание П.П. Ефименко о происхождении искусства. Он писал, что искусство в своих начальных формах появляется в раннюю пору ориньяка, “причем одинаково и в скульптуре, и в линейной резьбе, и в живописной передаче”. Однако скульптура приобретает значение главной формы художественного выражения уже в более позднее время. Говоря об изображении женского начала, П.П. Ефименко приходит к выводу, что оно играло большую роль уже в древнейшее время. Найденные фигурки женщины позднеориньякского времени лишь более современное в художественном отношении выражение идеи, “корни которой уходят в начальную пору верхнего палеолита, *если не в более раннее время* (курсив мой. – В.М.)” [1938, с. 416]. Это написано многие десятки лет назад, но можно признать, что сказанное звучит в известной степени актуально и сейчас.

Обратимся теперь к широко известным петроглифам, расположенным на берегу Амура рядом с памятниками, где были найдены многие охарактеризованные выше образцы мелкой пластики. Это скопление наскальных рисунков возле сел Сакачи-Алян и Малышево является наиболее крупным среди дальневосточных петроглифических местонахождений. Исследуя сакачи-альянские рисунки, в частности определяя время их создания, А.П. Окладников обращал внимание на отсутствие изображений предметов быта и утвари, которые могли бы относиться к конкретным культурам прошлого [1971а, с. 83]. Это, конечно же, создавало трудности при установлении возраста петроглифов. Однако отсутствие таких изображений компенсировалось наличием предметов искусства, что позволило академику верно датировать многочисленные рисунки на камне.

Наши вещественные источники из раскопов не нуждаются в привлечении петроглифов как датирующего материала, скорее, наоборот, последние благодаря предметам искусства получают дополнительные данные для

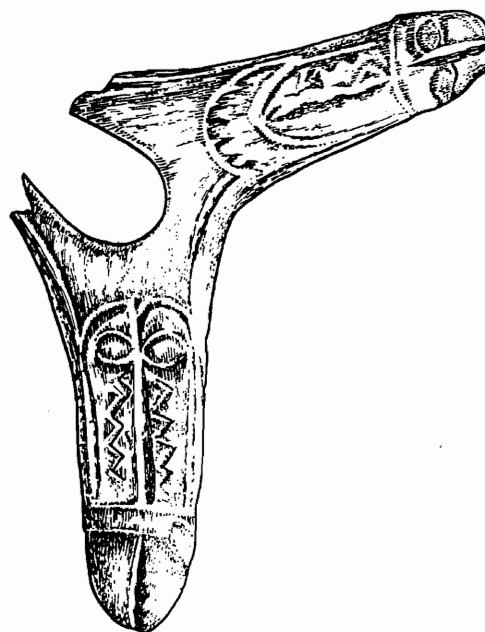

Рис. 12. Скульптура двойного фаллоса, вырезанная из рога. Горж д'Анфер (Франция). Длина 9,5 см.
По [Елинек, 1982, рис. 663].

подкрепления сделанных ранее культурно-хронологических определений. Помимо этого, названные скульптурные изображения, надо полагать, позволят распознать оставшиеся неопределенными некоторые художественные образы амурских петроглифов.

Древние сакачи-альянские наскальные рисунки относятся к категории многосюжетных. На глыбах базальта изображены личины (маски), звери, змеи, антропоморфные существа, лодки, птицы, а также различного рода лунки (ямки) и концентрические круги. В силу объективных причин (влияние Амура, аморфность многих изображений) об общем количестве петроглифов говорить довольно трудно, подсчет их был сделан приблизительный [Окладников, 1971а, с. 76; Окладников, Деревянко, 1973, с. 141]*. Если не принимать во внимание лунки и круги, видимо, не относящиеся к парциальным личинам, то количество рисунков можно определить в пределах 200. Вместе же с лунками и кругами древних изображений насчитывается более 300**.

* Излагаемые здесь сведения о петроглифах основываются на опубликованных материалах А.П. Окладникова, а также собственных наблюдениях, сделанных в ходе работ в Сакачи-Аляне и Малышево с 1968 по 2000 г. Следует заметить, что в настоящее время часть базальтовых глыб с изображениями у с. Малышева отыскать уже невозможно, поскольку при строительных работах в 1980-х гг. они были замыты толстым слоем песка.

** Средневековые рисунки, имеющиеся на скалах у названных сел, здесь не учитываются.

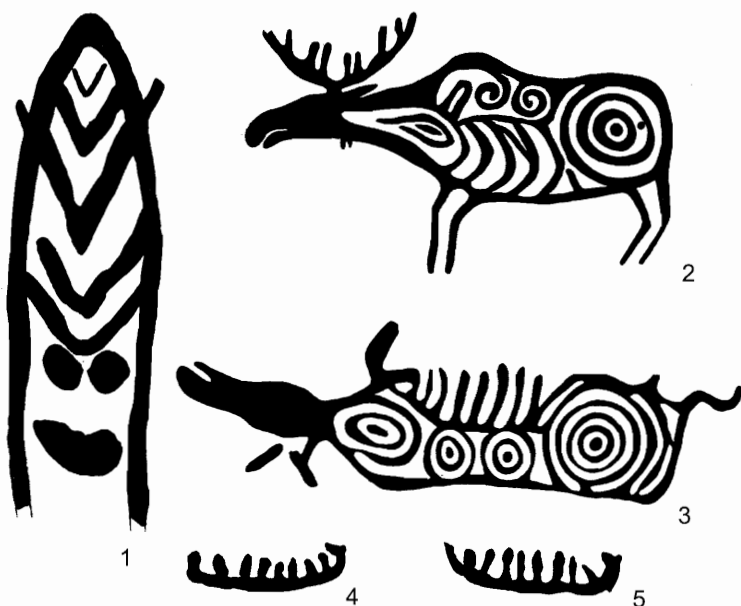

Рис. 13. Полисемантические петроглифы Сакачи-Альяна.
По [Окладников, 1971а, табл. 40, 1; 72, 1; 75, 1; 102, 2].
Масштаб различен.

1 – фаллос (мужчина) и женщина; 2 – лось, женщина (вульва в области шеи), мужчина (фаллосы: первый над вульвой, второй – справа внизу), солнце (концентрические круги с круглым углублением в центре) и змеи (спирали вверху); 3 – лось, четыре солнца (концентрические круги с углублениями в центре) и лодка с семью гребцами (душами умерших); 4, 5 – лодки с гребцами (душами умерших).

Из-за ограниченного объема данной работы уделить необходимое внимание анализу сакачи-альянских (как, впрочем, и других амурских) петроглифов, осуществленному А.П. Окладниковым, не представляется возможным. Это относится даже к одному из коренных вопросов – датировке рисунков, выводы по которому у исследователя постоянно дополнялись полноценными аргументами в соответствии с археологическими находками из раскопок различных памятников [Окладников, 1954; 1959, с. 45 – 46; 1964, с. 134 – 161; 1965, с. 15 – 16, 18 – 19, 21]. Впрочем, для понимания смыслового содержания как отдельных наших скульптурных персонажей, так и совокупности их и прежде всего соответствия этих материализованных в камне и глине образов петроглифическим персонажам неотъемлем разбор всего “репертуара” последних. Количество художественных сюжетов на каменных глыбах несравненно больше, чем со скульптурных образов, поэтому будет нагляднее прямое сопоставление последних с конкретными рисунками.

Итак, посмотрим, наблюдается ли связь между нашими скульптурными изображениями, с одной стороны, и петроглифами – с другой, и что представляют собой соответствующие рисунки.

Образ мужчины (фаллос) и женщины (голова, вульва), т.е. человека. Он присутствует, как было про-

иллюстрировано выше, во всех рассмотренных скульптурах, за исключением терракотовых фаллических предметов. Наиболее стилистически близкое изображение имеется на 31-м камне Сакачи-Альяна (по описанию А.П. Окладникова [1971а, с. 28, 78; табл. 40]). Это, как сказано в тексте, личина в виде длинного узкого овала, глаза – скошенные овалы, рот тоже овальный, слегка дугообразный, верхушка головы вытянута в виде высокой шапки, сплошь покрытой углами острями вниз. Изображение названо уникальной личиной.

В описании отражено все абсолютно верно. Действительно, такое изображение всего одно среди всех амурских петроглифов. Мы видим изображение фаллоса с конусообразно вытянутой головкой, выбитое в манере, характерной для скульптурных образов (рис. 13, 1). Схематично показано лицо женщины, очертание рта передано в состоянии улыбки. Видимо, для усиления женского образа верхняя часть головы – фаллическая прическа (как у глиняных и каменных скульптур), названная А.П. Окладниковым высокой шапкой, покрыта пятью углами – характерными женскими символами, известными с эпохи палеолита. Обращает на себя внимание тот факт, что центральный, самый боль-

шой угол своими концами выходит за контур фаллоса-прически. Вероятно, сначала на базальтовой плите была выбита женская часть изображения, а затем – мужская.

Другое, не менее уникальное изображение мужчины и женщины, переданное в виде фаллоса и женской фигурки, выбито на 44-м камне (рис. 14, 1). В описании говорится, что изображена антропоморфная фигура с туловищем и головой, обведенной овальным контуром, “внутри которого выбита сплошь личина с узким высоким лбом, вызывающим в памяти лысину. По бокам – широкие прямые выступы – уши, против них, в расширениях, выбиты круглые небольшие глаза с ямками-зрачками внутри”. Треугольником показан нос, снаружи, с обеих сторон его, выбиты симметрично две ямки. Ниже обозначен утрированно большой рот, обведенный широкой каймой. Туловище треугольное, короткое, без намеков на ноги. По бокам туловища выбиты короткие руки. Фигура расположена вниз головой, в то время как другие изображения на глыбе находятся в нормальном положении. Из этого делается вывод, что фигура была выбита до того, как глыба оказалась перевернутой, а значит антропоморфное изображение должно быть наиболее древним [Окладников, 1971а, с. 31 – 32; табл. 53, 4].

Вышеприведенное описание сделано до того, как были найдены скульптурные изображения,

представленные здесь, а также опубликованные мной ранее. Рассмотренный рисунок на камне трактуется следующим образом.

Это действительно антропоморфное, но двуполое (гибридное) изображение, женское треугольное, как сказано, туловище показано в форме фаллоса. Другая половина фигуры (в описании трактована как ее голова) представляет собой изображение женщины, где “высокий лоб с лысиной” – это торс, “выступы-уши” – короткие руки (как у некоторых глиняных скульптурок), “глаза с ямками-зрачками” – груди, две симметричные ямки с обеих сторон “носа” – серьги, “большой рот” – это широкое лицо. Все перечисленные детали женского изображения, за исключением, пожалуй, серег, соответствуют таковым ряда амурских неолитических скульптурок (см., например, [Медведев, 2000, рис. 1, 2; 3, 1]). Что касается серег, то эти украшения, изготовленные из камня (чаще всего нефрита), бесспорно, существовали в неолите юга Дальнего Востока. Наиболее ранние серьги в виде колец-дисков обнаружены в осиповском слое на поселении Госян (1980 г.), а также на поселении Хумми. Они встречаются в жилищах малышевской и вознесенской культур (в том числе в жилище 7 на о-ве Сучу, о чем сказано выше). Каменная серьга-кольцо со сквозным, расчленяющим ее пропилом обнаружена в Приморье (пещера Чертовы Ворота), в жилище руднинской культуры раннего неолита [Неолит юга..., 1991, рис. 56; 58, 17]. Каменные, а также терракотовые серьги хорошо известны по материалам памятников дзёмона Японии [Дзёмон-ни миру..., 1994, с. 172, рис. 4, 5]. Изображения серег имеются также на дзёмонских “догу” [Там же, с. 173, рис. 6]. На основании материалов раскопок погребений эпохи дзёмон сделана реконструкция способов ношения украшений человеком, в частности, к ушам подвешивались серьги. Есть сведения, что серьги из стеатита (мыльного камня) появились в конце начального периода дзёмона и вскоре получили распространение в дзёмонском мире [Там же, с. 193]. Выделяется два типа серег: в виде колец с прорезью или щелью, изготовленные в основном из нефрита или яшмы, а также стеатита, и роликообразные – все из глины. В качестве украшений головы использовались костяные и деревянные шпильки и гребни, на шее носили ожерелья. Много найдено браслетов (в основном из раковин, а также из древесины, камня, глины), которые украшали запястья рук. Встречаются украшения, которые, возможно, подвешивались к поясу. Они в основном V-образной и У-образной формы, сделаны из оленьего рога [Там же, с. 170 – 172, 174 – 175] (рис. 15).

Относительно “рук”, изображенных на камне, трудно сказать что-либо конкретное. Вряд ли короткие полосы могут обозначать руки, которые ни на одном другом петроглифе этого памятника больше не показаны.

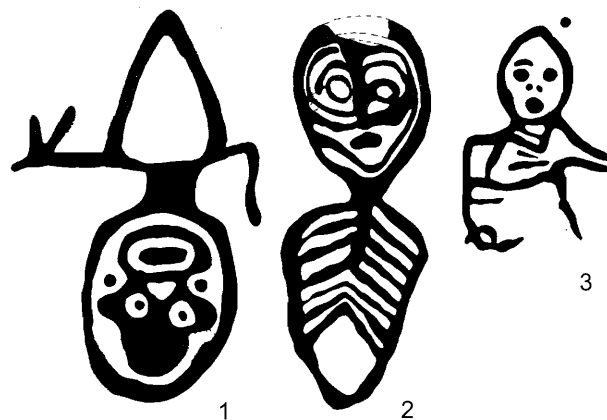

Рис. 14. Полисемантические петроглифы Сакачи-Альяна. По [Окладников, 1971а, табл. 53, 4; 73, 1; 55, 1].

Масштаб различен.

1 – фаллос (мужчина), женщина (фигурка с грудями, выступами-руками и серьгами) и, возможно, личина (фигурка женщины, перевернутая головой вниз); 2 – человек (женщина с фаллическим туловищем); 3 – женщина, лось, мужчина (фаллос) и голова птицы (слева внизу).

Если действительно тысячелетия назад глыба была перевернута, что исключить нельзя, то и это ничего не меняет в данной здесь трактовке “головы фигуры”, так как последняя остается частью антропоморфного изображения, с той лишь разницей, что изображение фаллоса (торса) обозначено не вверху, а внизу рисунка.

Еще один петроглиф, изображающий голову женщины с туловищем-фаллосом, выбит на 63-м камне (см. рис. 14, 2). Он охарактеризован как антропоморфная фигура с большой головой, внутри которой два круглых глаза и овальный рот. Голова короткой перемычкой соединена с туловищем, где предположительно показаны ребра – углы вершинами вверх. На руки и ноги нет даже намека. Отмечено, что фигура выбита на углу базальтовой глыбы, отчего приобретает объемный характер и кажется скульптурным идолом [Окладников, 1971а, с. 37].

В свете полученных данных по двуполым, женско-мужским скульптурным изображениям будет правильнее трактовать фигуру в этом контексте. Туловище конусообразной фаллической формы, в верхней его части, скорее всего, показаны ребра и позвоночный столб в так называемом скелетном, или рентгеновском, стиле. Нижние три угла следует связывать с женской символикой. Вполне возможно, такое же значение имеет и угол в нижней части лица. Если его признать за подбородок, то что тогда передано внешним контуром головы? Этот знак можно идентифицировать с символом материнской утробы, рождающего начала, что, кстати, отмечал А.П. Окладников при характеристике некоторых сакачи-альянских личин [Там же, с. 100]. Представляется, что данное двуполое изображение человека показано преимущественно в

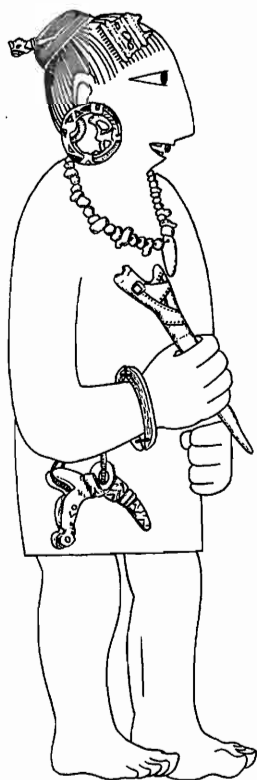

Рис. 15. Реконструкция способов ношения украшений дзёмонским человеком. По [Дзёмон-ни миру..., 1994, с. 177, рис. 11].

форме символов, весьма характерных для объемной скульптуры, появившейся еще в осиповской культуре: каменный двуконечный фаллос с женской головой, каменные и терракотовые конусообразные фаллосы с вульвой на расширенном конце. Если обратиться к иной трактовке рассматриваемого изображения (повод для этого – грудная клетка, показанная в рентгеновском стиле), а именно, как “фигуры, связанной с шаманской идеологией” [Дэвлет, 2000], то она не меняет смысла предложенной мной интерпретации. Скорее наоборот, поскольку образ шамана, по представлениям создателя рисунка женщины-фаллоса, должен только усилить магическую силу последнего.

В этой связи значительный интерес представляет найденная в 2000 г. при раскопках жилища 25 малышевской культуры на о-ве Сучу глиняная женская скульптурка, у которой на лицевой и обратной сторонах прочерчены поперечные углы [Дервянко и др., 2000, рис. 3, 2]. Голова скульптурки обломана, но, судя по характеру изделия, можно предположить, что это изображение женщины с головой-фаллосом. Сюжетно данный скульптурный образ близок к рассмотренному рисунку женщины-фаллоса, и это позволяет датировать последний временем существования малышевской культуры (возраст жилища 25 более 5 тыс. лет).

Говоря о датировке амурской неолитической скульптуры, и прежде всего о наиболее раннем сакачи-альянском скульптурном изображении двуконечного фаллоса – женщины, относящемся, как уже сказано, к осиповской культуре (нижний культурный слой Сакачи-Альяна, нижний пункт, есть все основания датировать, по аналогии с поселением Гася, в пределах 11 – 10 тыс. л.н.), можно добавить следующее. Подобные скульптурные изображения, тоже изготовленные из песчаника, найдены в предполагаемых двух погребениях на стоянке Гончарка-1, принадлежащей осиповской культуре [Шевкомуд, 1996, с. 254 – 255]. Возраст этих находок, как и сакачи-альянской скульптуры, на мой взгляд, 10 – 11 тыс. лет*. Что касается конусообразных скульптурок, изображающих фаллос с вульвой, то они, как уже здесь отмечалось, связываются со временем существования по меньшей мере двух культур – малышевской и вознесенской, хотя нельзя исключать вероятность их обнаружения на памятниках осиповской культуры, о чем свидетельствует фаллическое лощило с поселения Гася. Любопытно, что скульптурное изображение из бивня мамонта, на мой взгляд, в виде фаллоса (точнее, его головки) с вульвой, покрытое рядами углублений, довольно похожее на скульптурку из Шереметьева, найдено в Мальте (названо “подвеской в виде округлого колпачка”) [Абрамова, 1962, табл. XLIX, 4; LIII, 5; Фролов, 1974, с. 51; табл. 2, 6; 9, 5]. (О том, что на скульптурке изображена вульва, свидетельствует женский символ в виде окружности, разомкнутой в одном месте [Столяр, 1985, рис. 232 (слева внизу)], об этой особенности сказано в описании В.Е. Ларичева.) Иное, весьма развернутое, определение “колпачку” дает В.Е. Ларичев. Он, в частности, пишет, что изделие “представляет собой сложной конфигурации скульптурную полусферу со слегка выпуклыми сторонами, чуть заглаженным, прямо срезанным основанием и плавно закругленной верхней частью... Нижний отдел скульптуры в плане округлый, чашевидно-вогнутый, оконтуренный по периметру каемкой-кольцом, разорванным в одном месте аркообразным вырезом” [Ларичев, 1995, с. 175]. Нанесенный на скульптуру “орнамент”, по мнению автора, “есть текст, записанный пиктографическими по характеру знаками” [Там же, с. 176].

Можно считать, что скульптурки типа фаллоса с вульвой появились у людей верхнего палеолита и существовали, несколько модифицируясь, длительное время на обширных пространствах Азии. Так, на территории Восточной Японии, в особенности на

* Стоянка Гончарка-1 расположена на правом берегу Амура (Амурской протоки), примерно в 90 км выше Сакачи-Альяна по течению реки. Она, как и стоянка Осиновая Речка и некоторые другие осиповские памятники, была открыта мной в 1978 г.

о-ве Хоккайдо, на памятниках эпохи дзёмон (позднего этапа среднего периода и позднего периода) обнаружено большое количество так называемых штамповидных глиняных изделий. Они круглые в сечении, конусообразной формы, резко расширяющиеся книзу. На нижней поверхности в большинстве случаев имеется орнамент, чаще всего это вписанные друг в друга ромбы и другие подобные вариации, а также концентрические круги, рисунки в виде спиралей [Мия Хироаки, 1988, с. 78, 81; рис. 2, 3]. Высказывается мнение, что эти предметы служили в качестве амулетов или входили в перечень изделий, используемых в церемониях. Основные орнаментальные мотивы связываются с детородными органами [Там же, с. 81]. Как видим, основное отличие японских штамповидных изделий от амурских скульптурных изображений фаллоса с вульвой заключается в том, что у первых на расширенном торце вульва показана орнаментальными символами, а у вторых – в виде круглого углубления. И еще одна деталь. В фаллической части дзёмонских изделий имеется отверстие, через которое, как предполагается, продевали веревочку для ношения предмета на шее [Там же]*.

Вернемся к анализу сюжетно-семантических связей между скульптурными изображениями, с одной стороны, и петроглифами Сакачи-Аяна – с другой.

Образ женщины (голова, вульва), мужчины (фаллос) и зверя. Он представлен скульптурой из поселения Кондон и по меньшей мере двумя сюжетами петроглифов.

На 48-м камне выбита, как сказано в описании, антропоморфная фигура с овальным, чуть заостренным сверху лицом (см. рис. 14, 3). Ее плечи переходят в ажурную схематическую фигуру животного с прямо обрезанным крупом и узкой кабаньей мордой. Передняя нога зверя длинная, задняя заканчивается птицеобразной фигуркой [Окладников, 1971а, с. 32; табл. 55, 1].

С этим описанием почти полностью можно согласиться. Необходимы лишь некоторые уточнения. Первое связано с образом зверя. Это животное с характерным лосиным горбом – левым плечом антропоморфной фигуры, с подчеркнуто длинными ногами не может быть кабаном, его следует считать лосем. Второе – при характеристике “ажурной” фигуры зверя ни-

чего не говорится о двух параллельных конусообразных полосках, выбитых на крупе зверя. Они, скорее всего, обозначают фаллосы. В таком случае, на рисунке показан именно лось (а не лосиха), а также мужчина. И наконец, третье – не сказано о лунке рядом с головой антропоморфной фигуры. Вряд ли ошибусь, если назову это углубление женским символом. Итак, перед нами предстает полисемантический образ женщины – лось – мужчины. Кроме того, продолжением задней ноги лось является изображение в виде головы птицы с длинным клювом.

На 63-м камне выбито самое известное, много раз опубликованное изображение зверя. В описании подчеркивается, что животное обрисовано реалистически, в движении, это лось*. Предполагается, что фигура в виде ракетки на шее лось – пищевод, четыре вертикальные параллельные дуги в средней части туловища – ребра, над которыми расположены два спиральных завитка – почки, печень, селезенка; три концентрические окружности с круглым пятном в центре, находящиеся в задней части туловища лось – кишечник и желудок [Окладников, 1971а, с. 36; табл. 72, 1].

Основываясь на сравнительном анализе опубликованных изображений лось (в первую очередь фотоматериала) и собственных наблюдениях, предлагаю следующую интерпретацию орнаментальных компонентов внутреннего пространства фигуры животного. “Параллельные дуги” – это, наверное, действительно ребра, и они являются реалистическим элементом в изображении лось. Все остальное представляется условно-символической формой передачи сложного полисемантического образа. То, что названо фигурой в виде ракетки, с полным правом можно считать изображением вульвы, обозначенной удлинненным овалом с линзовидным углублением посередине. Над вульвой выбита конусообразная фигура – фаллос, о которой в описании ничего не сказано, как и о второй фаллической фигуре – в нижней части живота между ребрами и концентрическими кругами**. Спиральные завитки над ребрами следует отождествлять со змеями,

* В том, что это лось, а не олень, можно убедиться, взглянув на фотографию, выполненную Ф.Х. Кузюмовым в 1976 г. [Okladnikov, 1981, fig. 44]. Под нижней челюстью зверя заметно выбитое углубление – лосиная “серьга”. Хотел бы заметить, что это фотоизображение – самое высококачественное. Его безупречная отчетливость позволила мне сделать некоторые поправки на рис. 13, 2 (на основе копии из книги [Окладников, 1971а]).

** Надо заметить, что на некоторых опубликованных копиях-эстампах лось изображение нижнего фаллоса слилось с внешним концентрическим кругом, но есть публикации с точной в этом отношении копией (например: [Окладников, 1971б, рис. 113]).

* Изделие, весьма похожее на дзёмонские штамповидные предметы, найдено в 1971 г. в жилище 10 поселения Кондон (кондонская культура). Это терракотовый фаллический предмет с резко расширенной нижней ромбовидной оконечностью, где сделано углубление (знак) такой же формы. На противоположном, слегка зауженном, конце имеется круглое знаковое углубление [Окладников, 1983, табл. 74, 31]. Скульптурку следует трактовать как фаллос с двойной вульвой.

кстати, их концы несколько утолщены – это головы. Концентрические окружности с углублением в центре хорошо увязываются с широко распространенной солярной символикой, о чем, к слову, сказано А.П. Окладниковым при обзоре семантики анализируемых петроглифов [1971а, с. 100]. Между первым (от центра) и вторым кругом выбита небольшая круглая лунка (в описании не упомянута, но она отчетливо видна на всех фотографиях, в том числе изданной Р. Торией) [Там же, рис. 5]. Таким образом, внутри контурного изображения лося, помимо его ребер, показаны солнце, женщина (вульва), две змеи и два фаллоса.

Еще один сложный и не менее загадочный сюжет сакачи-альянских петроглифов также связан с художественным образом лося. Изображение может представляться абстрактным, но оно, несомненно, весьма выразительное и имеет определенную идейную направленность. Рисунок выбит на 65-м камне – плоской глыбе базальта. На нем изображен лось, перевернутый вверх ногами (см. рис. 13, 3). Предполагается, что камень с рисунком позже был перевернут (?). Голова зверя узкая, с рогами в виде двух стержней. Ноги короткие, изогнутые, задняя откинута далеко назад. Все внутреннее пространство фигуры заполнено четырьмя изображениями концентрических окружностей (три состоят из двух кругов, одно – из четырех) с лунками в центре. Под двумя из них в средней части фигуры семь коротких полосок, которые отождествляются с ребрами. Концентрические окружности названы внутренностями животного [Окладников, 1971а, с. 37 – 38, табл. 74, 2; 75, 1].

Данный рисунок, судя по его смысловому значению, а также по расположению камня, находится в том положении, в каком его оставил первобытный художник. Петроглиф рассматривается здесь главным образом для сравнения с предыдущим сюжетом, в основе которого лежит фигура лося. В обоих случаях изображены именно лоси (с рогами), а не безрогие лосихи. Во внутреннем пространстве обеих фигур показаны концентрические окружности – солярные символы. На этом сходство изображений заканчивается. Если у лося на камне 63 в нижней половине центральной части показаны ребра, то в данном случае на этом же месте выбиты семь условно обозначенных гребцов (душ умерших), располагающихся в лодке, основание которой покоится на концентрических окружностях. Обращает на себя внимание сама фигура лося. Она удлинённая (в отличие, например, от фигуры лося на камне 63), горб едва выделен, шея короткая: голова, как бы сразу переходит в туловище-лодку. Рога и две ноги показаны условно. Существенно, что в расплывчатых очертаниях передней ноги можно видеть миниатюрное изображение головы зверя (лося?) [Окладников, 1971а, табл. 171] (на фотографии рисунок показан в перевернутом виде).

Крайне важным представляется следующий факт. У некоторых сакачи-альянских лодок, выбитых на камнях, высокий нос передан в форме головы лося (?). Принципиальным моментом является то, что в данном случае эти головы обращены нижней частью вверх – как бы звери располагаются на спине, а рядом с некоторыми лодками выбиты концентрические окружности [Там же, табл. 102, 2] (рис. 13, 4, 5). То есть на этих рисунках изображено все то же, что и на рис. 13, 3, только в иной, более упрощенной манере*. Все вышеизложенное позволяет говорить об изображении внутри контура лосиных фигур солярной символики в виде концентрических окружностей, а не внутренностей животных.

Теперь посмотрим, какая идея заложена в скульптурное изображение женщины – фаллоса – лося из поселения Кондон и какова его связь с охарактеризованными здесь петроглифами. Поскольку раскрытию образов женщины и мужчины, переданных скульптурно в форме вульвы и фаллоса, внимание уже уделено, остановимся на проблеме такого художественного персонажа в древнем искусстве, как лось.

Лось – этот лесной гигант, или “великий зверь”, как еще его называли в XIX в. таежные охотники Сибири [Окладников, Мартынов, 1972, с. 194], – занимал центральное место в производственном культе древнего человека, в верованиях и обрядах, связанных с самой основой существования людей [Окладников, 1950, с. 285]. На многочисленных местонахождениях сибирских писаниц изображения именно лося составляют подавляющую массу наскальных рисунков. И всюду они отличаются индивидуальностью и неповторимостью. Ранние изображения лосей на Ангаре датируются переходным от палеолита к неолиту временем [Окладников, 1966, с. 128].

На петроглифах Сакачи-Альяна группа рисунков, сюжетно связанная с образом лося, далеко не самая многочисленная, но в ней есть изображения этого зверя, также, кстати, как и лесных птиц, относящиеся к самому раннему хронологическому этапу древнейшей “художественной галереи” на Дальнем Востоке, их возраст не менее 10 – 12 тыс. лет [Окладников, 1971а, с. 86, 88]. Это время существования на территории Нижнего, а также Среднего Приамурья осиповской культуры. Данное обстоятельство имеет большое значение для выяснения возраста скульптуры женщины – фаллоса – лося из поселения Кондон. Ранее уже говорилось, что, исходя из стратиграфической, а также топографической ситуации этого памятника, ее можно

* Мною подсчитано: среди сакачи-альянских петроглифов имеется 16 изображений лодок. В восьми из них выбито по семь (символическое число) вертикальных полосок – гребцов (душ умерших) [Окладников, 1971а, табл. 23, 3, 4; 100; 101, 2; 102, 2 (внизу справа)].

отнести к осиповской культуре. Фигуры лосей на петроглифах — факт, подтверждающий данное определение.

Возвращаясь к теме архаичной мифологии с присутствующим ей своеобразным синкретизмом, в котором просматриваются конкретные сюжеты, отражающие сложный мир представлений первобытного человека, есть основания предполагать следующее. В названной скульптуре, а также в петроглифе (см. рис. 14, 3), должно быть, нашел отражение миф, связанный с древним охотничьим мировоззрением, в основе которого лежало представление о родстве между людьми и животными. У народов Якутии и Алтая имела широкое распространение легенда о лесной женщине, владычице леса и его обитателей, матери и хозяйке зверей. Вступавший в связь с ней охотник получал в награду охотничье счастье и убивал много зверей [Окладников, 1967, с. 83]. Отсюда становится понятной триединая природа сюжетного изображения: лось, женщина (голова, вульва) и мужчина (фаллос). Что касается головы птицы на петроглифе, то с ней, видимо, следует связывать существующее мифологическое представление о птицах как носителях понятия “душа”. Как мне представляется, изобразив птичью голову, древний художник отразил неразрывную связь между собой запечатленных на камне образов.

Не объясненными остались два петроглифа, основу сюжетной канвы которых составляют фигуры лося, в обоих случаях внутри их контура есть концентрические окружности*. Первый рисунок (см. рис. 13, 2), охарактеризованный здесь на основе реалистических черт и условных символов, как лось, вульва (женщина), фаллос (мужчина), концентрические круги с лункой в центре (солнце), спирали (змеи), значительно сложнее по своей сюжетной линии. К интерпретированной уже взаимосвязи образов лося, женщины и мужчины необходимо добавить дефиницию, связанную с концентрическими окружностями и спиралями.

Концентрические окружности в исследованиях, посвященных памятникам первобытного искусства, практически всегда трактуются как солярные знаки. Для примера приведем фрагмент описания наскальных рисунков, обнаруженных на р. Томь в Сибири. Подчеркивается, что без солярных знаков не обходится ни одна неолитическая писаница. Они двух типов: просто выбитые круги, но чаще — круг с точкой в центре или же два концентрических круга. Любопытно, что они никогда не изображались отдельно от животных, а только в сочетании с ними [Окладников, Мар-

тинов, 1972, с. 198]. Сакачи-алянские концентрические круги на петроглифах также “связываются с космическими представлениями и в первую очередь с солнечным культом”. Кстати, солнечной семантикой объясняется и наличие в наскальных рисунках такого художественного мотива, как спираль-змея [Окладников, 1971а, с. 100]. В этой связи нельзя не обратить внимание на присутствие в легендах ряда сибирских народов *образа космического лося* — зооморфного воплощения Вселенной [Окладников, 1981, р. 18]. Таким образом, рассматриваемый петроглиф по своему внутреннему содержанию обнаруживает значительную близость к проанализированному ранее рисунку (см. рис. 14, 3). Отличие заключается в том, что зверь, изображенный с концентрическими кругами и спиралями внутри контура, выступает не как простой лось, а лось солнечный.

Второй петроглиф (см. рис. 13, 3) уже достаточно подробно освещен, поэтому остается пояснить некоторые его особенности. Фигура лося и все ее “внутреннее заполнение” представляют собой два слитых воедино, близких по своей семантике сюжета: солнечный лось и солнечная лодка с семьей гребцами (вертикальными полосками, условно изображающими души умерших, направляющиеся в загробный мир вслед за уходящим туда солнцем). Не останавливаясь на проблеме ярко выраженного культа солнца у неолитических племен Приамурья, заметим, что наряду с изобразительными формами его проявления на о-ве Сучу обнаружено святилище солнцепоклонников [Медведев, 1994, с. 177 — 178].

Изображения лодок-лосей на древних наскальных рисунках хорошо известны в северо-западной части Евразийского континента, в частности, в Карелии [Савватеев, 1970, рис. 19 на с. 92; Неолит Северной Евразии, 1996, с. 218]. Есть они и в Сибири, например, на Томской писанице. С позиций трактовки сакачи-алянского петроглифа, несомненно, интересными представляются изображения на указанном памятнике некоторых лодок в виде туловища лося, сочетающие в себе, как отмечают А.И. Мартынов и А.П. Окладников, лодку и животное [1972, с. 231; рис. 134].

Существование этих и других, фантастических по своей сути, сюжетов в первобытном искусстве может свидетельствовать о близости и в определенной степени даже единстве мировоззренческих устоев людей неолитического времени на громадной территории Северной Евразии.

Заключение

Обобщение новых, а также переосмысление уже известных источников по древнему искусству Нижнего Приамурья позволяет говорить фактически о тотальном проявлении культа плодородия у обитателей данного

* Обе фигуры лося, о которых сказано далее, в научной литературе датированы поздним неолитом (вознесеновская культура). Между тем терракотовые фигурки лося были найдены в жилище малышевской культуры на о-ве Сучу [Медведев, 2000, рис. 6, 11] и малышевском же слое поселения Гася [Деревянко, Медведев, 1994, рис. 15, 1].

региона. Этот культ ярко и зримо в различных формах и вариантах выражается главным образом материализованно в круглой, объемной скульптуре. Наблюдается он и в живописной передаче, что хорошо видно на ряде петроглифов Сакачи-Аляна. Искусству нижнеамурского неолита свойственна полиэйконичность и полисемантность. Среди антропоморфных изображений много двуполых (андрогинных) скульптур, в эту же группу входят антропозооморфные изображения. В техническом отношении в скульптуре и петроглифах все это выражается по-разному. Скульптуру достаточно повернуть в иное положение, чтобы один образ трансформировался в другой или третий. В петроглифах это встречается редко, для получения полисемантического изображения первобытный художник на фоне (внутреннем пространстве) базового рисунка-образа, например, того же лося, выбивал другие фигуры (концентрический круг – солнце, фаллос – мужчина, вульва – женщина и др.).

Побудительным мотивом подобной интерпретации рассмотренных художественных образов стали для меня обнаружение предметов искусства в “жилище” 4 на о-ве Сучу, а также детальное исследование женской скульптурки из Кондона. Однако эти, а также другие образцы мелкой пластики Нижнего Приамурья по своему возрасту были не старше малышевской ранне-неолитической культуры. В поисках прототипов амурской скульптуры пришлось обращаться к материалам памятников, расположенных на западе далеко от Амура, в частности, Мезинской позднелитической стоянки на Украине [Медведев, 2000, с. 62 – 63]. Действительно, стилизованные мезинские гинандроморфные скульптурки как стилистически, так и по своей семантике близки к женским статуэткам из поселений Сучу и Кондон. Однако, как было здесь показано, аналогичные, а в некоторых случаях даже идентичные образцам малышевской и вознесенновской мелкой пластики антропоморфные и антропозооморфные скульптурные изображения имеются в материалах осиповской культуры. Следовательно, объемная скульптура уже в развитой форме существовала на нижнем Амуре в постпалеолитическое время, т.е. более 10 тыс. л.н. (Вполне можно предположить, что каменные женские скульптурные изображения (женщины-фаллоса) осиповской культуры являются своего рода предтечей дзёмонских “догу” Японии.)

Характерно, что образ такого зверя, как лось, прочно занимающий с указанного периода свои позиции в богатом “репертуаре” амурских петроглифов, известен также в круглой скульптуре.

Естественен вопрос о культурно-исторических корнях проанализированного явления – древнейшего нижнеамурского искусства, и прежде всего его антропоморфных (включая гибридных) и антропозооморфных образов, а также двойных фаллических изобра-

жений в круглой объемной скульптуре. Прототипы, в сущности, даже синхронные аналогии нашим материалам в древнем искусстве других регионов юга Дальнего Востока отсутствуют. В Среднем Приамурье, на памятнике Баркасная Сопка II селемджинской позднелитической культуры, с которой, как считают исследователи, имеет “генетическую связь” осиповская культура, в слое позднего этапа, кстати, соотносимого с последней, найдено каменное объемное скульптурное изображение рыбы (амурский сом) [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, с. 77, 100, 101; рис. LXXVII].

Фигурка изготовлена из продолговатой, изогнутой с одного конца гальки техникой пикетажа. Более широкая половина изделия представляет собой, как уже сказано, рыбу с выраженной головой и плавниками. Однако выясняется, что зауженный хвост ее к концу чуть-чуть расширяется и превращается в овально-округлую в сечении голову змеи, отчетливо моделированную со всех сторон. Скульптурка относится к числу полисемантических изображений, и ее следует трактовать как рыбу-змею.

На другом памятнике этой культуры (Баркасная Сопка III) в аналогичных условиях (в позднем, осиповском, культурном горизонте) обнаружен каменный обломанный “жезл” с насечками [Там же, с. 32 – 33; рис. XCIX], по существу, представляющий собой, на мой взгляд, объемное скульптурное, округлое в сечении фаллическое изображение, аналогичное глиняным изделиям малышевской и вознесенновской культур с поселений Гася и Сучу. Любопытно, что на “жезле” помимо коротких насечек-нарезок видны знаки в виде углов – женские символы. Не зафиксированы образцы искусства в другой культуре Среднего Приамурья – громатухинской, относящейся к раннему неолиту [Окладников, Деревянко, 1977] и тоже имеющей связь с селемджинской культурой [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, с. 101].

Относительно мелкой пластики в древнем искусстве Приморья, в подавляющем своем большинстве опубликованной, можно сказать следующее (на скальные рисунки, за исключением некоторых мобильных петроглифов, здесь отсутствуют или не сохранились). Наиболее ранние скульптурные изображения связаны с устиновской культурой переходного от палеолита к неолиту периода (хронологически соответствует началу неолиту Приамурья). Основные персонажи искусства этой культуры – рыбы (плоские изображения), есть также звери, ластоногие, птицы (выполнены техникой оббивки и ретуши) [Кононенко, Гарковик, Кадзивара, 1993, рис. 35, 9; Бродянский, Гарковик, Крупянка, 1998, рис. 2, 2 – 4; 6; 7]. Круглая скульптура, антропоморфные изображения или их заменители знаки-символы в устиновской культуре пока не выявлены.

В неолите Приморья, где памятники искусства, как заметил Д.Л. Бродянский, “более скромные по масштабам” по сравнению с Приамурьем, скульптурных изображений известно значительно больше, чем в предшествующее время [Бродянский, 1996, с. 109 – 110 и др.]. На раннеолитических памятниках (руднинская, или кондонская, культура) наблюдается художественная традиция предшествующего периода, представленная плоской каменной скульптурой, изготовленной из отщепов или пластин [Дьяков, 1992, рис. 6, 9 – 11, 13 – 15]. В единичных случаях встречена объемная полиэikonическая скульптура [Бродянский, 1998а, рис. 43]. В бойсманской культуре среднего неолита наряду с образцами плоской мелкой пластики найдены объемные скульптурные изображения, в том числе антропоморфные, а также фаллические. Представлена полиэikonическая антропоморфная скульптура в зайсановской позднеолитической культуре, но и в ней лидирующее место занимают такие художественные персонажи, как черепаха, рыба, птица, тюлень, змея [Бродянский, 1996, рис. 2, 8, 10; 1998а, рис. 5; 1998б, рис. 2, 4, 5, 8; Гарковик, 1998, рис. 1, 2 – 4].

Сказанное позволяет сделать вывод: антропоморфная, антропозооморфная и вообще вся круглая, объемная скульптура осиповской культуры является древнейшей не только в Приамурье, но и на всем юге Дальнего Востока России. Вне всяких сомнений, должны быть более ранние истоки этого вида изобразительного искусства, но они здесь либо отсутствуют, либо пока не зафиксированы.

Скульптурные изображения, в чем-то подобные осиповским, в Приморье появляются в руднинской культуре. Их сюжетный “репертуар” и стилистический облик свидетельствуют о несколько отличном от воззрений нижеамурцев художественном мире древних обитателей Приморья (во всяком случае, Южного). Это может быть обусловлено большей частью разными культурными традициями. Не исключено при этом, что отдельные сюжеты скульптурных изображений древних приморцев, близкие по своему характеру нижеамурским, восходят к осиповской художественной традиции.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Самого пристального внимания заслуживают явно выраженные характерные элементы осиповской культуры, которая представляет собой, несомненно, феномен, по крайней мере, дальневосточной первобытной цивилизации. Эти элементы – керамика (древнейшая в Северной Евразии), искусство (круглая скульптура, петроглифы), украшения (бусы, серьги), жилища-полуземлянки – просуществовали многие тысячелетия и практически в своих первоначальных формах (как функционально, так и по своему облику) в значительной степени сохранились до нашего времени.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с. + 62 табл.
- Бродянский Д.Л.** Искусство дальневосточного неолита: опыт предварительной систематизации находок в Приморье // Древнее искусство тихоокеанских культур. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – С. 109 – 120.
- Бродянский Д.Л.** Каменная черепаха из Синего Гая: новые ракурсы старых находок // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998а. – С. 34 – 48.
- Бродянский Д.Л.** Бойсманские фигурки // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998б. – С. 92 – 101.
- Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупянюк А.А.** Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 5 – 18.
- Гарковик А.В.** Предметы мелкой пластики как отражение некоторых сторон духовной жизни древних обществ // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 49 – 59.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон.** Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1986 – 1987 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 96 с.
- Деревянко А.П., Чо Ю Чон, Медведев В.Е., Юн Кын Ил, Хон Хён У, Чжун Сук Бэ, Крайнев В.А., Ласкин А.Р., Кан Ин Ук, Филатова И.В.** Исследования 1-й совместной Российско-Корейской экспедиции на Амуре в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6. – С. 105 – 111.
- Дьяков В.И.** Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.
- Дэвлет Е.Г.** Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 88 – 95.
- Елинек Я.** Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.
- Ефименко П.П.** Первобытное общество. – Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1938. – 636 с.
- Ивлев А.М., Левинтов М.Е., Окладников А.П., Сохина Э.Н.** Палеогеографические выводы, полученные при изучении многослойной стоянки Сакачи-Алян в Нижнем Приамурье // Изв. СО АН СССР. – 1974. – № 1: Сер. обществ. наук, вып. 1. – С. 96 – 100.
- Конonenko Н.А., Гарковик А.В., Кадзивара Х.** Исследование докерамической стоянки Устиновка-3 в Приморье. – Владивосток: Дальнаука, 1993. – 92 с.
- Лапшина З.С.** Древности озера Хумми. – Хабаровск: Приамур. геогр. об-во, 1999. – 207 с.

- Ларичев В.Е.** Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Наука, 1989. – 272 с.
- Ларичев В.Е.** Лунные миниатюры (пиктографический характер календарной записи эпохи мальтинской культуры) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 173 – 180.
- Ларичев В.Е.** Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и “блуждающие звезды”. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 320 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 208 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // Археологические открытия 1993 года. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177 – 178.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 56 – 68.
- Неолит Северной Евразии.** – М.: Наука, 1996. – 379 с. – (Археология с древнейших времен до средневековья: в 20 т.).
- Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота.** – М.: Наука, 1991. – 225 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1 – 2. – 412 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).
- Окладников А.П.** У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. – М.: Госкультпросветиздат, 1954. – С. 225 – 260.
- Окладников А.П.** Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // Сов. этнография. – 1959. – № 2. – С. 38 – 46.
- Окладников А.П.** Олень Золотые рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Л.; М.: Искусство, 1964. – 239 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Сакачи-Аляна // Вопросы истории советского Дальнего Востока: Тез. докл. на пленарном заседании IV дальневост. научн. конф. по вопросам истории, археологии, этнографии и антропологии. – Владивосток, 1965. – С. 15 – 21.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангара. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.
- Окладников А.П.** Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967. – 136 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971а. – 336 с.
- Окладников А.П.** Искусство неолитических племен Сибири // История искусства народов СССР. – М.: Изобраз. искусство, 1971б. – Т. 1. – С. 86 – 96.
- Окладников А.П.** Раскопки в Сакачи-Аляне // Археологические открытия 1970 г. – М.: Наука, 1971в. – С. 191 – 192.
- Окладников А.П.** Древнее поселение Кондон. – Новосибирск: Наука, 1983. – 160 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 288 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 255 с. – (Сер. “Памятники древнего искусства”).
- Разрез новейших отложений Нижнего Приамурья.** – М.: Наука, 1978. – 108 с.
- Савватеев Ю.А.** Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1: Петроглифы. – 444 с.
- Столяр А.Д.** Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 299 с.
- Фролов Б.А.** Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 240 с.
- Шевкомуд И.Я.** Об открытии древнейших погребений и некоторых проблемах осиповской культуры (Приамурье) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 253 – 256.
- Дзёмон-ни миру Тохокү-но Кокоро (Сердце Тохокү через призму культуры дзёмон) / Сэридзава Нагасукэ, Цукamoto Тэцүго, Ватанабэ Набуо, Ёноти Фумио.** – Сендай: Кахоку симпоса, 1994. – 260 с. (на яп. яз.).
- Мия Хироаки.** Сутампудзё досэйхин ни кансүру дзякан-но-мондай (Некоторые вопросы, касающиеся штамповидных глиняных изделий) // Археология Хоккайдо. – 1988. – Март. – С. 75 – 84 (на яп. яз.).
- Okladnikov A.** Ancient Art of the Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.

Материал поступил в редколлегию 26.03.2001 г.

УДК 903.27

В.Д. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su

СЮЖЕТЫ ОХОТЫ И ВОЙНЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ

*Любо посмотреть и на охоту, и на собак,
и на охотников. Заглядишься, скажу вам, на
великого хана, когда он и князя кругом его
скачут с кречетами по равнине, а собаки,
смотришь, гонят с той и с другой стороны
медведей, оленей и всяких зверей.*

Марко Поло

Введение

Алтай – самая высокогорная часть Центральной Азии (рис. 1) – до сегодняшнего дня остается малоизученным в археологическом отношении регионом. На его территории сосредоточены тысячи исторических памятников всех времен: от палеолитических стоянок до ламаистских храмов и буддийских святынь. Но самыми многочисленными в алтайских горах являются наскальные изображения – петроглифы (рис. 2), учет и картирование которых до сих пор не отвечают требованиям современной науки о древностях.

На протяжении последних десяти лет в Республике Алтай и в соседней Монголии работала небольшая международная экспедиция, в составе которой кроме монгольских ученых принимали участие российские и американские коллеги (рис. 3). Работы по реализации проекта “АЛТАЙ” были в основном сосредоточены на изучении петроглифов (рис. 4), датируемых от неолита до этнографического времени [Кубарев В.Д., Якобсон, Цэвээндорж, 2000, с. 64 – 72].

В полевой сезон 2000 г. проводились исследования неизвестного ранее памятника наскального искусства в одном из труднодоступных районов Баян-Ольгийского аймака Монголии. Древнее святилище находится у подножия священной горы Шивээт Хайрхан (рис. 5), явля-

ющейся водоразделом двух небольших горных рек – Цагаан-Салаа и Хар-Салаа, при слиянии дающих начало полноводной реке Цагаан-Гол (левый приток р. Кобдо). В этом пограничном с Россией высокогорном районе (координаты: 49° 05' с.ш. – 88° 15' в.д., высота над уровнем моря около 2 500 м) открыты и частично исследованы разнообразные и разновременные археологические памятники. Древние рисунки, курганы кочевников, стелы, оленные камни, тюркские оградки и каменные изваяния были обследованы здесь еще в 1996 г. [Кубарев В.Д., 1996; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999а; Цэвээндорж, Кубарев Г.В., 2000]. Но только в 2000 г. удалось в полном объеме провести работы по копированию наскальных изображений этой заповедной зоны.

Описание сцен и стилистический анализ персонажей

В одном из пунктов древнего святилища в долине р. Хар-Салаа (рис. 6), у северного подножия горы Шивээт Хайрхан, обнаружено редкое и компактное скопление (более 200 фигур) древнетюркских петроглифов. Рисунки выдержаны в одном стиле и выполнены в одной технике: тщательной мелкой выбивкой. Любопытно, что многие из них подновлены в позднее время не менее филигранной выбивкой и отчетливо видны на

Рис. 1. Горные вершины и ледники Табын-Богдо-Ула – самая высокогорная часть Монгольского Алтая.

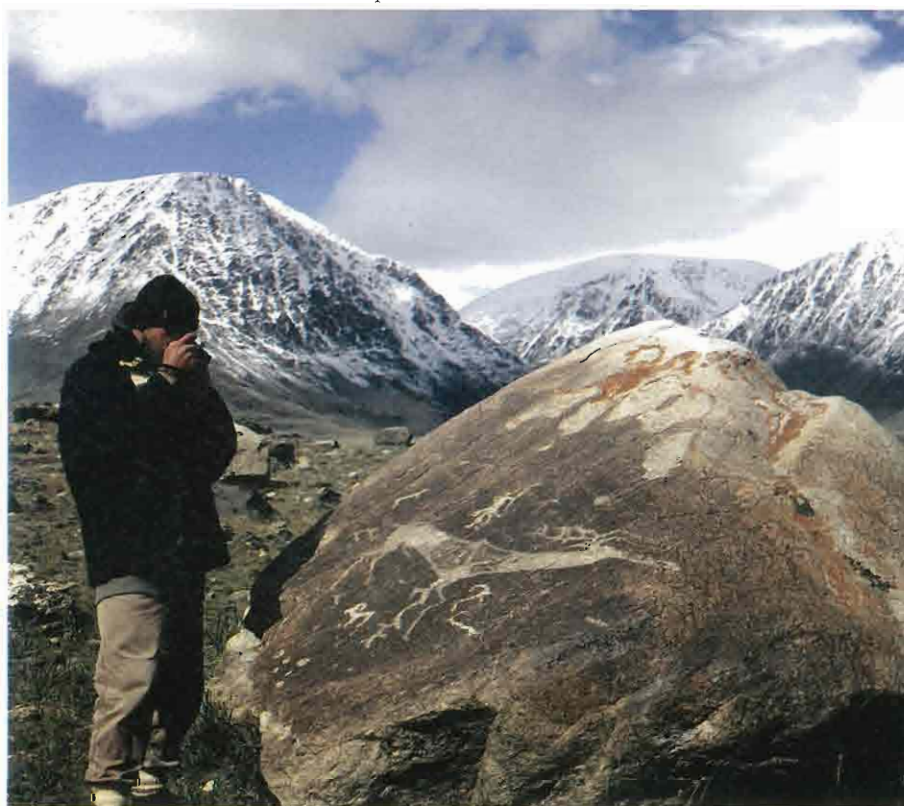

Рис. 2. Петроглифы в месте слияния рек Хар-Салаа и Цагаан-Салаа.

фоне скальной плоскости (рис. 7). В сюжетных сценах звучит извечная тема охоты, древний культ коня и единоборство “степных рыцарей”.

Облавная охота. Несколько композиций посвящено охоте на горных козлов. Особенно хороша и вы-

разительна миниатюра, включающая изображения пяти козрогов, пяти охотников, вооруженных луками, и изящной, тонконогой лошади (рис. 8, а). Сцена отличается продуманным и рациональным расположением фигур на каменной плоскости. В центре находятся

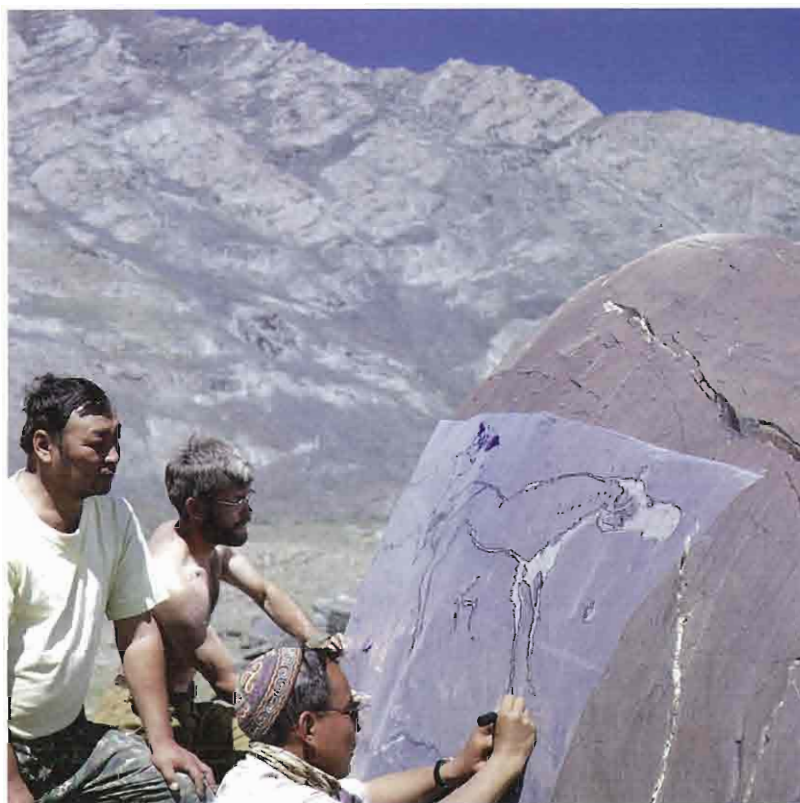

Рис. 3. Процесс копирования наскальных рисунков в долине р. Хар-Салаа.
Слева направо: Д. Цэвэндорж, И.Ю. Слюсаренко, Б. Гончинсүрэн.

Рис. 4. Петроглифы эпохи поздней бронзы. Левый берег р. Хар-Салаа.

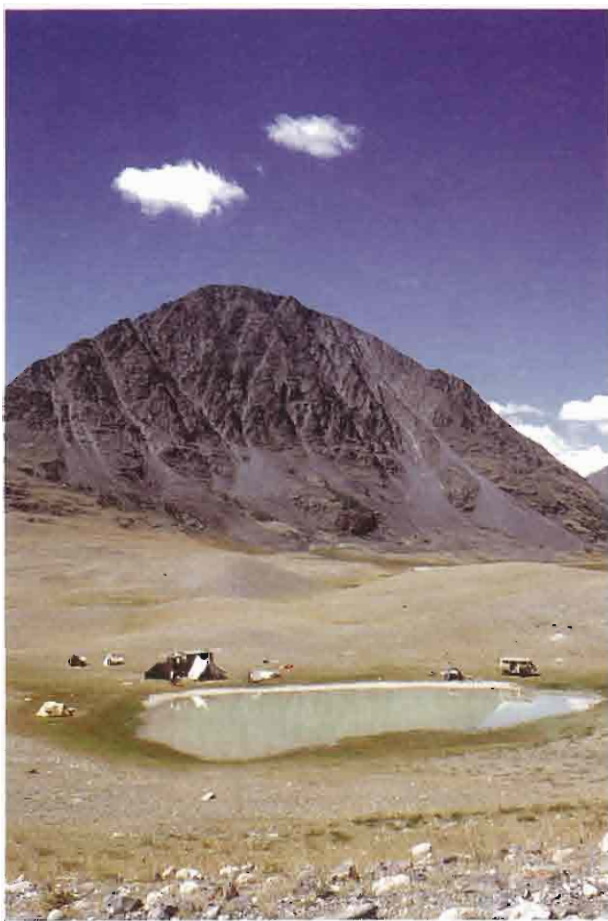

Рис. 5. Гора Шивээт Хайрхан – буддийская святыня.

козлы, стоящие в ряд и показанные в перспективе. Они ориентированы вправо и отделены от лучников глубокой трещиной и гранью камня, может быть, по замыслу древнего художника, символизирующими естественные преграды, за которыми укрываются загонщики и охотники в засаде. Возможно, сюжет передает самый кульминационный момент охоты: животные, вставшие как вкопанные перед неожиданно появившимися стрелками с натянутыми луками, слева загонщик во весь рост, преследующий козлов. В правой нижней части композиции спешившийся всадник (лук его находится еще в футляре, заседланная лошадь спутана?), бегущий на помощь охотникам, находящимся в засаде. Вторая сцена охоты практически дублирует первую, как по построению, так и по стилистике изображений. Но в ней присутствует вооруженный луком всадник, большее число (семь) фигур козлов, а лошадь, с повернутой назад головой, имеет повод, очевидно, привязанный к седлу (рис. 8, б).

Загонная охота. В других сценах, передающих основные способы верховой охоты (облава по кругу, загон с собаками, гон зверей на лошадях), объектом промысла также являются козлы, в одном случае – олени (рис. 9).

Соколиная охота. В одной сцене охоты любопытна фигура всадника, держащего в одной руке сокола или орла (?), в другой стек или небольшую булаву – престижные атрибуты знатного воина (рис. 9, а). Две хищные птицы присутствуют и в лаконичной сценке охоты на оленей (рис. 9, б). Сюжеты соколиной охоты, весьма сходные по композиционному построению,

Рис. 6. Долина р. Хар-Салаа. Вид с запада.

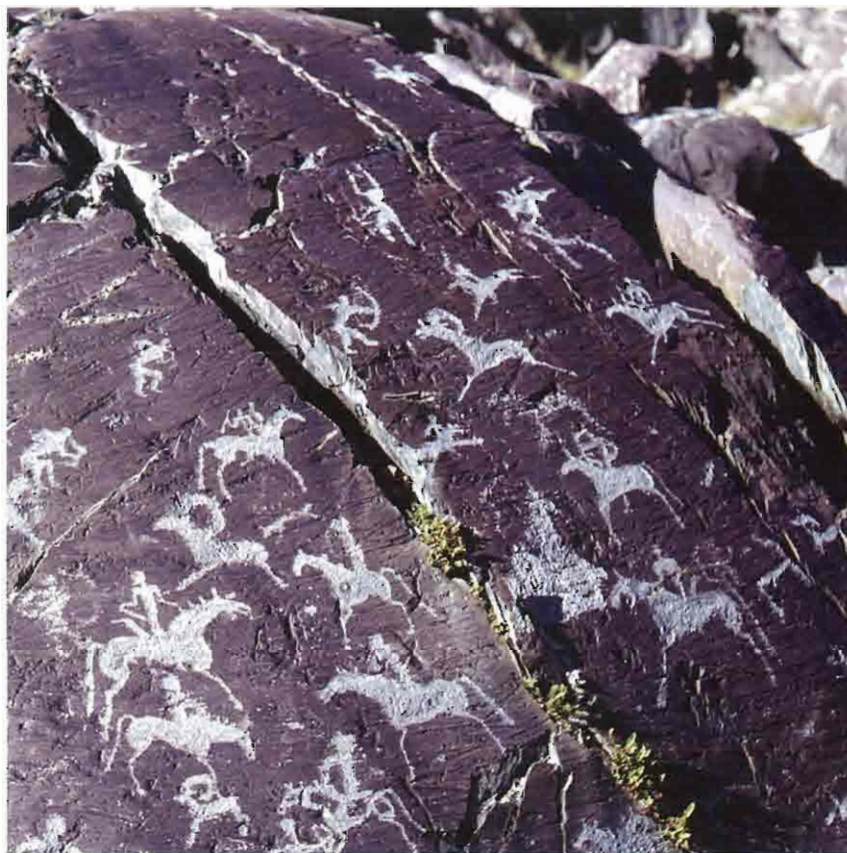

Рис. 7. Древнетюркские петроглифы VI – VIII вв. Левый берег р. Хар-Салаа.

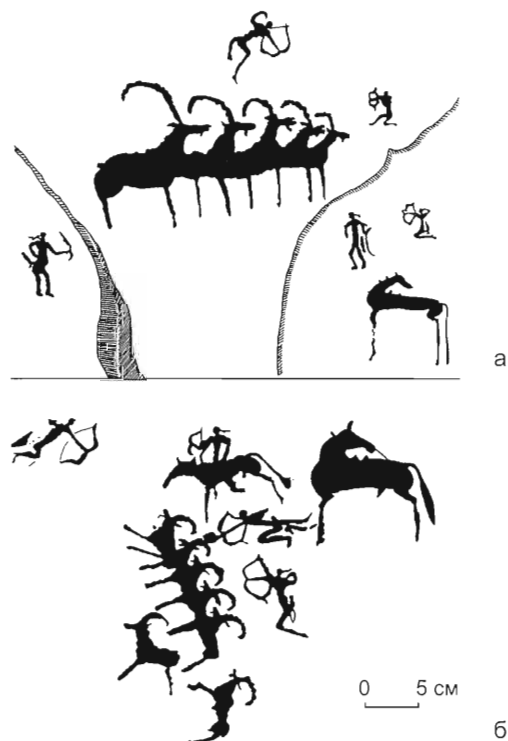

Рис. 8. Сцены облавной охоты на козлов. Левый берег р. Хар-Салаа.

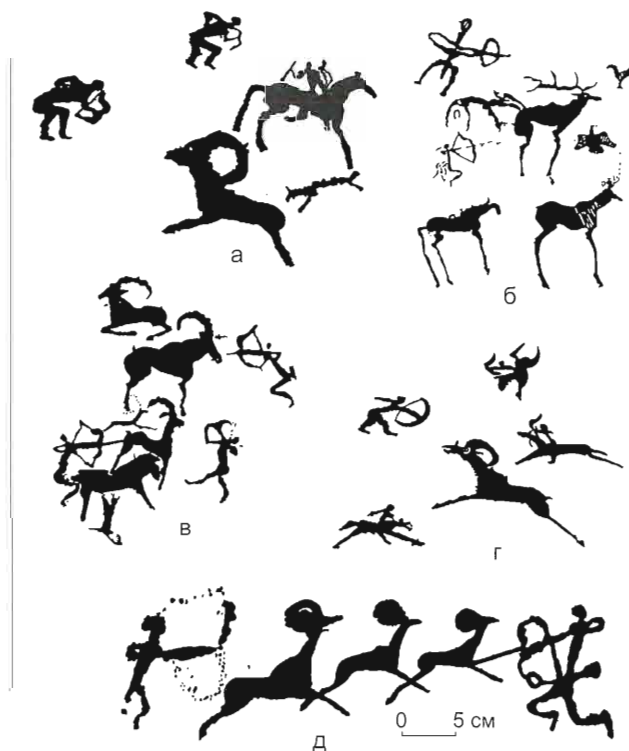

Рис. 9. Сцены загонной охоты на козлов и оленей. Левый берег р. Хар-Салаа.

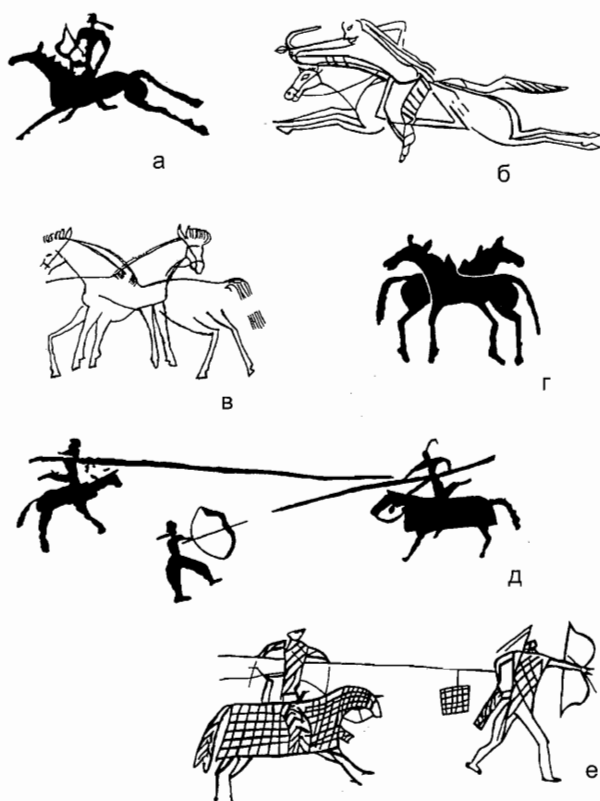

Рис. 10. Древнетюркские рисунки на скалах и предметах.
а, з, д – Хар-Салаа, б – Кудыргэ (Российский Алтай),
в – Ташеба (Хакасия), е – Жалгыз-Тобе (Российский Алтай).

встречаются также в наскальных рисунках Алтая, Казахстана [Молодин, 1992, с. 92; Елин, Некрасов, 1994, с. 283, рис. 1; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, ил. 80; Кляшторный, 2001, с. 214], и на отдельных предметах из Средней Азии [Манылов, 1979, с. 87, рис. 1; Древности Таджикистана, 1985, ил. 435]. Возможно, ловчая птица представлена и на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана. Как правило, она показана сидящей на правой руке [Шер, 1966, табл. XXIII, изв. 105 – 109; Ермоленко, 1999, с. 113, рис. 2, 1]*. Об орлах, специально обученных монголами XIII в. для охоты, сообщает венецианский путешественник Марко Поло: “Много у великого хана... орлов, приученных ловить волков, лисиц, анти-

лоп, ланей... У птиц великого хана, а также у птиц других князей, к ноге привязана серебряная бляха, а на ней написано имя того, чья птица и кто ее держит. У всякого есть свисток и колпачок (прикрывающий голову и глаза птицы. – В.К.), могут и призвать птицу, и держать ее...” [1955, с. 115 – 116]. Любопытно, что и в настоящее время на высокогорных летниках казахских чабанов Монголии рядом с юртой или даже в самой юрте можно увидеть прирученных орлов. Традиция охоты на мелкую дичь при помощи ловчих птиц, надо полагать, не прерывалась с глубокой древности.

Охотники-лучники. В наглядных, этнографически точных наскальных “картинах” коллективной охоты кочевников – вполне обычного сюжета тюркских граффити раннего средневековья Евразии – следует отметить экспрессивные позы пеших лучников, стреляющих с колена (см. рис. 7 – 9). Такой специфический прием стрельбы из лука запечатлен и в ряде памятников наскального искусства Российского Алтая, датируемых древнетюркским временем [Минорский, 1951, с. 187, рис. 56, 1; Окладникова, 1987, рис. 2, 21; Елин, Некрасов, 1994, с. 283, рис. 1, 3; Кубарев В.Д., 1995, с. 142, табл. I, а; Kubarev V.D., Jacobson, 1996, fig. 464; Горбунов, 1998, с. 112, рис. 1, 4; Миклашевич, 2000, с. 40, рис. 1, 8]. Стреляющие с колена лучники известны по граффити Сулека в Хакасии [Киселев, 1951, с. 629, табл. LX] и батальной сцене, выгравированной на костяной пластине, обнаруженной в одном из погребений западных тюрков (VII – VIII вв.) Центрального Тянь-Шаня. По мнению нашедших ее археологов, “многофигурные композиции на пластинах из Сутуу Булака могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпических героев...” [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 243]. Данная художественная особенность, как, впрочем, и другие характерные черты изобразительного творчества древних тюрков Алтая, находят параллели во многих памятниках средневекового искусства Среднего Востока и Западной Европы.

Лошади. Все они изображены в профиль и преимущественно в движении: шаг, рысь, иноходь и галоп (см. рис. 7; 8; 9, а, з; 10, а, д; 11 – 13). Редким исключением является статичная поза, когда лошади находятся без всадников, возможно, в состоянии отдыха или когда они спутаны (см. рис. 8; 9, б; 10, з). Судя по экстерьеру, пропорциям и половым признакам лошадей на рисунках, натурой в основном послужили высокопородистые боевые кони. Некоторые из них украшены подшейной кистью и султаном-начальником на голове, имеют седла с узорными чепраками или потниками. Многие кони изображены с тщательно выстриженной гривой, что передано выступающими над шеей двумя-тремя острыми зубцами, а выбитыми на туловище кружками, крупными точками и округлыми пятнами древний художник, очевидно, хотел передать масть животного (в яблоках). Исследователями неоднократно отмечалось,

* Явным недоразумением можно считать ссылку Л.Н. Ермоленко на изображение птицы, якобы выбитое на алтайском изваянии из урочища Ачик в Горном Алтае [1999, с. 86]. Исследователь повторяет ошибку Н.С. Модорова, который частично сколотое изображение сосуда принял за птицу [1972, с. 47]. Следует напомнить, что изваяние из Ачика было обработано более 20 лет назад и опубликовано в сводной монографии о древнетюркских изваяниях Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 190, изв. 78]. В пределах Алтая до сих пор неизвестно ни одного каменного изваяния с изображением птицы.

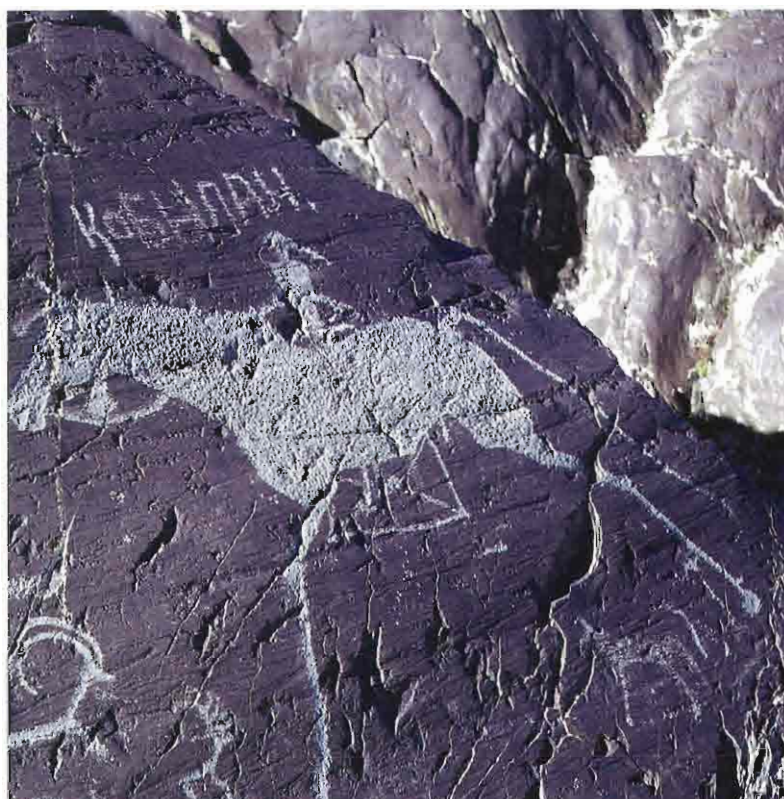

Рис. 11. Самая крупная (длина 170 см) фигура всадника из Хар-Салаа.

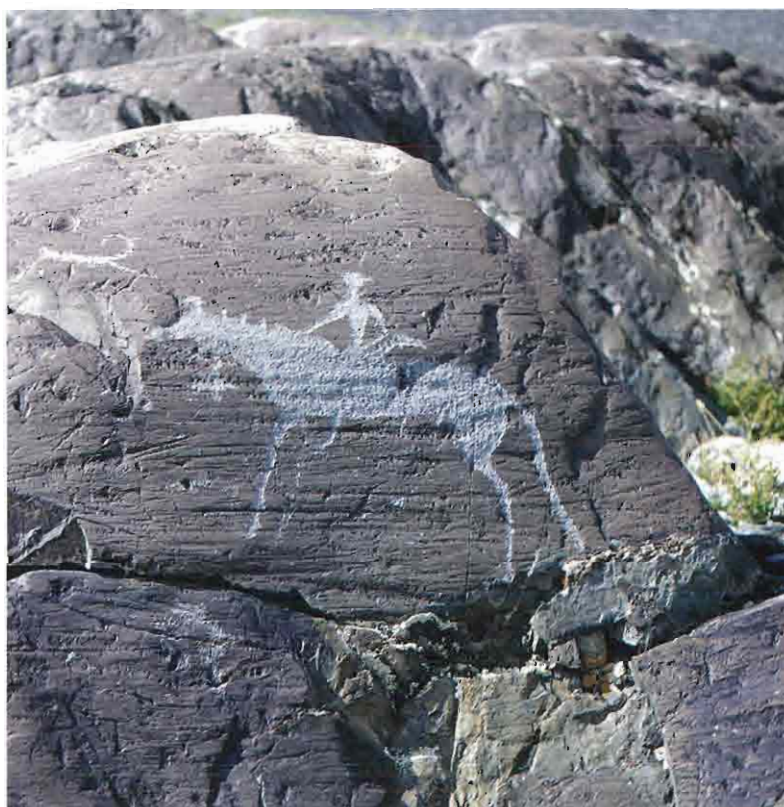

Рис. 12. Одиночное изображение древнетюркского всадника из Хар-Салаа.

Рис. 13. Парное изображение тюркских всадников. Левый берег р. Хар-Салаа.

Рис. 14. Поединок катафрактариев. Левый берег р. Хар-Салаа.

что на петроглифах древнетюркской эпохи особо тщательно и любовно выполнены боевые кони, а всадник часто показан схематично, иногда даже в виде короткого вертикального стержня.

Всадники. В репертуаре несомненно уникальной серии шедевров наскального искусства из Хар-Салаа главенствует образ всадника: воина и охотника. Изображение вооруженного героя на великолепном породистом скакуне только на одной плоскости скалы повторяется около 30 раз. Самая большая фигура всадника расположена на скалах верхнего яруса (см.

рис. 11) и хорошо заметна с конной тропы, проложенной в нескольких десятках метров на юг от петроглифов. До сих пор таких крупных изображений тюркских всадников в Центральной Азии не было известно.

Всадники из Хар-Салаа показаны уверенно сидящими в седлах со стременами (?), в разных позах: 1) с наклоненным назад туловищем, анфас (см. рис. 8, б; 9, а; 10, а; 11, 13); 2) с наклоненным вперед туловищем, в профиль (см. рис. 9, г; 10, д); 3) прямо, с развернутыми анфас плечами (см. рис. 12). Различия в посадке обусловлены прежде всего архаичной

тюрко-монгольской традицией выездки и тренинга лошадей, а также, возможно, наличием или отсутствием оружия в руках человека. Натянутый лук чаще всего изображался у “галопирующих”, сильно наклоненных вперед всадников. Такая же посадка характерна для тяжеловооруженных воинов с копьями. На рисунках, где кони двигаются рысью или иноходью, фигура человека чаще всего прямая и развернута в фас, а луки всегда зачехлены и помещены за спиной всадника. В таком же положении фиксируются чехлы-налучья (обтянутые шкурой тигра или барса) в настенных росписях Самарканда [Маршак, 1999, с. 279, табл. 35, 3, 4; Мотов, 1999, с. 63 – 64, рис. 6, 7] и на щите из замка Калаи Мут с изображением знатного согдийского воина [Древности Таджикистана, 1985, ил. 586]. Зачехленные луки и колчаны изображены рядом с воинами на знаменитых средневековых гравюрах из Кудыргэ, Хар-Ямы и на серебряном ковше из Хазарии [Кубарев Г.В., 1998, с. 195, рис. 3]. Аналогичной формы чехлы или футляры для хранения лука со спущенной тетивой были широко распространены в VIII – IX вв. у кочевников Саяно-Алтая [Кызласов Л.Р., 1969, с. 109, рис. 41; Дэвлет, 2001, с. 77, рис. 1], Китая и Средней Азии [Горелик, 1995, с. 376, табл. 46, 12 – 17]. На некоторых монгольских рисунках нижний конец мягкого чехла лука продолжен ниже линии живота коня и его можно принять за ногу всадника (см. рис. 8, б; 9, а; 10, а; 12). У большинства же тюркских всадников ноги не показаны (видимо, они подразумеваются: вдеты в стремяна (?) и размещены на туловище коня, выше нижней линии живота), в отличие, например, от изображений эпохи поздней бронзы и скифского времени, на которых у всех всадников ноги свисают почти до самой земли.

Этнографическим и, возможно, этническим признаком является прическа тюркских охотников в виде одной косы (см. рис. 8; 10, а; 11). Головной убор с рогами, наверное представляющий собой защитный шлем, отмечен только на одном изображении человека. У другого всадника детализированы черты лица – острый подбородок, большой нос, а также намечен глаз. Возможно, у него обрита голова.

Всадников на рассмотренных рисунках по указанным реалиям можно отнести к древнетюркской легковооруженной коннице. Но в петроглифах Хар-Салаа есть и редкая сцена поединка тяжеловооруженного воина-катафрактария с лучником и другим противостоящим всадником, также вооруженным длинным копьем, который выполнен менее тщательно (рис. 14).

Катафрактари. В силуэтном изображении всадника угадываются угловатые очертания шлема с плюмажем, длинный “бронированный” халат, на лошади защитная попона (см. рис. 10, д). Это все, что можно сказать о единственном на р. Хар-Салаа рисунке, представляющем алтайского “латника”. Очень близкое по

стилю силуэтное изображение средневекового рыцаря в доспехах и на коне найдено в местности Цагаан-Отог Сагил аймака [Цэвээндорж, 1999, с. 232, табл. 109, 16]. Четыре гравированных рисунка, представляющие тяжеловооруженных всадников, также открыты Э.А. Новгородовой и монгольским тюркологом М. Шинэхуу на скале Хар-Хад в Эрдэнэ-Бурэн сомоне Монгольского Алтая [Новгородова, 1984, с. 129, рис. 60]. Очевидно, одновременны им великолепные граффити с фигурами катафрактариев, выполненными на скальных выходах горы Жалгыз-Тобе (см. рис. 10, е), Кара-Оюка, Бичикту-Бомы и на плитах древнетюркских поминальных оград Юстыда на Российском Алтае [Кубарев В.Д., 1984, табл. XLVII, 2; Окладникова, 1988, с. 151, рис. 4, 4 – 6; Горбунов, 1998, с. 112 – 114, рис. 1 – 3]. Однако существует проблема идентификации изображений катафрактариев с реальными археологическими находками защитного вооружения и дальнейшей реконструкцией внешнего облика тяжеловооруженного всадника.

Всеми исследователями наличие пластинчатого панциря на человеке и защитной брони на коне, изображенных на петроглифах, определяется по штриховке фигур отдельными короткими черточками или параллельными и пересекающимися линиями, образующими ромбы и квадраты (см. рис. 10, е). На основании их формы (в сравнении с железными латными пластинами из погребений) и общих очертаний фигур человека и лошади произведены графические реконструкции катафрактариев и даже разработана подробная классификация воинских доспехов [Новгородова, Горелик, 1980, с. 101 – 112; Худяков, 1986, с. 158, рис. 69, с. 167, рис. 74; Николаев, 1991, с. 82, рис. 2; Соенов, Глебов, 1997, с. 153, рис. 1; Горбунов, 1998; и др.]. Следует согласиться с тем, что на отдельных рисунках действительно можно различить элементы защитного вооружения всадников, но схематичность и условность значительной части изображений не дает оснований для таких подробных и явно субъективных интерпретаций. Необходимо обратить внимание и на то, что в точно такой же технике (штриховка параллельными линиями, косая и прямая “сетка”) выполнены силуэты легковооруженных всадников и пеших лучников, головные уборы воинов, флаги, колчаны, чехлы для луков, чепраки седел, а также многочисленные фигуры различных животных. Видимо, это был широко распространенный и чисто художественный прием в наскальном искусстве древних тюрков, позволяющий более объемно и отчетливо передать отдельные изображения на каменной плоскости. Поэтому ряд реконструкций тяжеловооруженных воинов или даже отдельных элементов катафракты по наскальным рисункам носит сомнительный характер.

Достоверность петроглифов, перенесенных со скал на прозрачные полимерные материалы, а затем и на бумагу, напрямую зависит от профессионализма и

степени подготовленности исследователя к восприятию и дешифровке иногда очень сложных, палимпсестных композиций. К неверной интерпретации приводит и недобросовестность исследователей. Нередко ранее опубликованные иллюстрации, используемые для различных реконструкций, стилизуются или даже ненамеренно (?) искажаются при небрежном копировании с авторского оригинала [Худяков, 1986, с. 163, рис. 72; Худяков, Цэвээндорж, 1992, с. 124 – 125, рис. 1, 2; Цэвээндорж, 1999, с. 254, табл. 131]. Возможно, поэтому в компилированных рисунках появляются новые детали. Так, к примеру, на двух изображениях катафрактариев из Хар-Хада (Монгольский Алтай), опубликованных и многократно дублированных Э.А. Новгородовой [Novgorodova, 1980, p. 213, p. 217; Новгородова, 1984, с. 129, рис. 60; и др.], а затем воспроизведенных в работе Ю.С. Худякова [1987, с. 184, рис. 2, 2, 4], вдруг появилась “плоская петля” под животом бронированных коней. По мнению автора статьи, “это ступенька для посадки в седло тяжеловооруженного всадника, применявшаяся до изобретения стремян” [Там же, с. 183]. В данном случае комментарии излишни...

Хронология и интерпретация петроглифов по аналогиям и письменным источникам

Принадлежность рассмотренных петроглифов древним тюркам, более тысячи лет назад оставившим свои рисунки на скалах Хар-Салаа, подтверждается многочисленными аналогиями с одновременными наскальными изображениями, открытыми как на территории Алтая, так и в сопредельных странах. Уже накоплен достаточно большой фонд древнетюркских изобразительных материалов, и поэтому определение времени создания исследованных нами произведений наскального искусства представляется не очень сложной задачей. Тем не менее приведем самые принципиальные и бесспорные параллели. Так, некоторые всадники на петроглифах Хар-Салаа, летящие в галопе и вооруженные луками, по иконографии совершенно аналогичны гравированным изображениям всадников с роговой накладкой на луку седла из Кудыргэ (ср. рис. 10, а и б) [Гаврилова, 1965, табл. XVI, 1], а также бронзовым рельефам на передней луке седла из древнекыргызского погребения в Копенском чаатасе [Киселев, 1951, с. 605, табл. LVII, 1 – 4]. Объединяет их в один культурно-хронологический ряд и одинаковый по содержанию сюжет охоты на копытных животных (см. рис. 8, 9). В такой же экспрессивной манере изображены мчащиеся во весь опор и стреляющие из лука всадники в наскальных сценах облавной охоты на Алтае, в Хакасии, Казахстане, Киргизии и Таджикистане [Елин, Некрасов, 1994, с. 283, рис. 1, 3; Киселев, 1951, с. 629, табл. LX; Марьяшев, Горячев,

1998, с. 187, рис. 217; Шер и др., 1987, с. 76, рис. 8, 2; Древности Таджикистана, 1985, ил. 247, 432].

Яркой, определяющей особенностью раннетюркских изображений лошадей из Хар-Салаа является то, что на них несколькими, чаще тремя заостренными зубцами показана выстриженная грива (см. рис. 8, а; 10, а, з; 11 – 14). Стрижка гривы лошади в виде трех коротких прядей известна всем коневодческим народам Евразии. Но особенно широко подобное оформление гривы лошади распространилось в средневековую эпоху у тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии [Окладников, 1959, с. 121 – 127, рис. 69 – 73; Кызласов Л.Р., 1969, с. 109, рис. 41; Нестеров, 1990, с. 24 – 30, рис. V – IX; Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, с. 108, рис. 46; Кызласов И.Л., 1998, с. 161, рис. 15; Медоев, 1979, рис. 62; Шер и др., 1987, с. 76, рис. 8, 1, 3; Новгородова, 1984, с. 126 – 129, рис. 57 – 60; Кубарев В.Д., 1995, с. 142, табл. I, а; Кубарев Г.В., Цэвээндорж, 1999б, с. 165 – 167, рис. 3, 1; 4, 2; 5, 1, 4; и др.]. Эта характерная художественная особенность изображения гривы коня, по мнению И.Л. Кызласова, восходит к сасанидскому искусству IV – VI вв. [1998, с. 145]. На наш взгляд, данная традиция, возможно, зародилась в Центральноазиатском регионе. В Монголии, Казахстане и на Российском Алтае известны самые ранние изображения лошадей с зубчатой гривой, относящиеся к эпохе бронзы [Kubarev V.D., 1998, p. 235, fig. 24; Цэвээндорж, 1999, с. 312, табл. 189; Kubarev V.D., Jacobson, 1996, fig. 405; Марьяшев, Горячев, 1998, с. 90, рис. 32, 33, с. 136, рис. 117, с. 142, рис. 127, с. 152, рис. 151; и т.д.]. Зубчатые гривы представлены также на войлочном ковре из Пазырыка, где изображены боевые породистые кони, и на синхронных петроглифах Алтая [Кубарев В.Д., 1999, с. 87, табл. II, 1, 6, 9, 18], и на предметах с рисунками, воспроизводящими сакских и бактрийских всадников [Древности Таджикистана, 1985, ил. 219, 247]. А.П. Окладников посвятил несколько страниц своей книги происхождению традиции изображения грив курьканских лошадей в виде зубцов. Отмечая важное значение этой характерной детали, он привел широкий круг аналогий от Причерноморья до Китая, датируя наиболее древние изображения лошадей с такой гривой V – IV вв. до н.э., а самые поздние VIII в. н.э. [Окладников, 1959, с. 127].

В семантическом плане интересен сюжет с двумя противостоящими конями (рис. 10, з). В самом общем виде он напоминает композиции противоборства коней, расположенные на лицевой стороне бронзовых поясных пластин, датируемых хуннской эпохой [Кузьмина, 1978, с. 103], но полное сходство можно усмотреть при сравнении с рисунками на таштыкских деревянных планках, найденных в Ташеба и Тепсее (см. рис. 10, в). М.П. Грязнов выделяет в них три главных сюжета: охотничьи сцены или бег зверей, батальные сцены и угон военной

добычи, – вероятно, навеянных, по его мнению, фольклором таштыкских племен [1979, с. 145]. Э.Б. Вадецкая приводит уточненные прорисовки тепсейских и ташебинских планок, сделанные художником В. Войнером, полагая, что “рисунки людей на планках являются источником для изучения одежды, оружия и причесок таштыкской эпохи” [1999, с. 109]. Возможно, сюжет противопоставленных коней семантически связан и с таштыкскими бронзовыми бляшками в виде парных геральдических голов лошадей [Грязнов, 1979, с. 119, рис. 70, 1 – 5]. В наскальных изображениях этот художественный мотив появляется также в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют недавно опубликованные монгольские рисунки из местности Паалуу [Ким Чхон Бэ и др., 1998, с. 55, рис. 37, 38]. Популярность сюжета двух коней-близнецов в искусстве кочевников, может быть, связана с индоиранскими мифологическими представлениями об Ашвинах – сыновьях солнца и кобылицы Ашвини [Кубарев В.Д., 1980, с. 62] или объясняется каждодневными наблюдениями кочевников за жизнью животных.

Китайские и арабские письменные источники характеризуют тюрков как опытных коневодов, искусных в тренинге наездников, ловких охотников и храбрых воинов. Так, в послании ал-Джахиза, написанном в середине IX в., перечисляются достоинства тюркского всадника, который “превосходит (всех) обьежающих лошадей в приручении лошади... Он принимает ее при рождении, выращивает ее жеребенком. И она следует за ним, если он ее зовет, а если он скачет, то скачет за ним... Тюрки никогда не двигаются в войске, как другие люди, и никогда не двигаются по прямой. (Он) отделяется от войска вправо и влево, поднимается на вершины гор и старается проникнуть на дно долин в поисках дичи; и он при этом стреляет во все, что ползет, медленно передвигается, летит и падает. А если люди достигают реки и теснятся... на мосту через нее, он подтягивает подпруги, сообщает что-то своей лошади по секрету и побуждает ее спуститься (в воду), а затем появляется на той стороне” (цит. по: [Мандельштам, 1956, с. 230 – 231]). Арабского автора ал-Джахиза также поразило непревзойденное искусство стрельбы из лука на полном скаку лошади: “Тюрки... стреляет, гоня свою лошадь во весь опор назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз. Он выпускает десять стрел прежде, чем хариджит положит одну стрелу на тетиву. У тюрка четыре глаза: два на лице и два на затылке. А если он отступает, то (все равно) он (как) смертельный яд и неизбежная смерть, потому что поражает своей стрелой (стреляя) назад так же, как поражает ею (стреляя) вперед” (цит. по: [Там же, с. 230]). Приведенная характеристика, конечно, идеализирует образ благородного и непобедимого тюркского воина, но она вполне соответствует рассмотренным нами изображениям древнетюркских всадников, принимающих участие в охоте и рыцарских турнирах.

Возможно, отдельные охотничьи и военные сцены из Хар-Салаа передают в лаконичной форме изобразительных цитат фрагменты зародившегося на Алтае тюрко-монгольского героического эпоса, в котором главными персонажами были баатыр-воин-охотник и его боевой конь. Но эта тема требует специального исследования и уже достаточно подробно освещена учеными [Жирмунский, 1974; Липец, 1984; Суразаков, 1985; и др.].

Заключение

Итак, опираясь на письменные источники и новые изобразительные материалы из Хар-Салаа (датируемые по приведенным аналогиям VI – VIII вв.), можно сделать вывод, что охотничье и военное искусство тюркских всадников Алтая впитало в себя многовековой опыт и все достижения своих предков – древнейших скотоводов Центральной Азии. Использование лошади как тягловой силы и под седло, ее снаряжение и система тренинга были известны на Алтае уже в эпоху бронзы. Тюрки унаследовали и традиционное для древнего населения Монголии вооружение: лук, стрелы, дротики, палицы, копья, щит, панцирь, кольчугу и шлем. Они использовали в военных действиях древнейшую тактику всех кочевников – стремительную атаку и “бегство” с поля боя, в результате которого противник нес еще большие потери.

Таким образом, отдельные страницы истории коневодства в горах Алтая, насчитывающей не менее пяти тысячелетий, запечатлены и на скалах небольшой горной реки Хар-Салаа. Примечателен тот факт, что ее живописная долина, с обильным травостоем, богатым и разнообразным животным миром, окруженная высочайшими горами Алтая, находится на территории биосферного заповедника республиканского значения. Вполне возможно, она с древней поры служила заповедным местом – *куруком*, по древнетюркским письменным источникам [Кляшторный, 2001, с. 213], – где проходили всенародные праздники, состязания баатыров, облавные охоты и отработка приемов ведения войны – главного занятия древних и средневековых кочевников Центральной Азии.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 438 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Горбунов В.В. Тяжелооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном

веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 102 – 128.

Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 359 – 430.

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89 – 146.

Древности Таджикистана: Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.

Дэвлет М.А. Два наскальных изображения средневековых воинов из Тувы // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2001. – С. 76 – 78.

Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 116 – 122.

Ермоленко Л.Н. Древнетюркское изваяние с птицей из Восточного Казахстана // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. – С. 86 – 91.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 213 – 215.

Книга Марко Поло. – М.: Географгиз, 1955. – 376 с.

Кубарев В.Д. “Конь счастья” в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. – Новосибирск: ГПНТБ, 1980. – С. 58 – 70.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Новые петроглифы Алтая // Алтай – Космос – Микрокосм: Тез. 3-й Междунар. конф. – Барнаул: Аккем, 1995. – С. 141 – 145.

Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Монголии // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 136 – 139.

Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84 – 92.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.И. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 120 с.

Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвэндорж Д. Алтай – заповедная зона // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2000. – Т. 2. – С. 64 – 77.

Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или “стрелковом” поясе у древних тюрков Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – С. 190 – 197.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и оз. Даян (Монгольский Алтай) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999а. – № 4. – С. 169 – 183.

Кубарев Г.В., Цэвэндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999б. – С. 157 – 169.

Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 103 – 108.

Кызласов И.Л. Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдигей: (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI – VIII вв. в раннем средневековье) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 145 – 165.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 212 с.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 264 с.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 144 с.

Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в “Послании Фатху б. Хагану” ал-Джахиза // Тр. Института истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. – Т. 1: Археология. – С. 227 – 250.

Манылов Ю.П. Бронзовая накладка со сценой охоты из Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 86 – 88.

Маршак Б.И. Согд V – VIII вв.: Идеология по памятникам искусства // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 175 – 191.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: 21 век, 1998. – 206 с.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. – Алма-Ата: Жалын, 1979. – 173 с.

Миклашевич Е.А. Петроглифы долины реки Урсул // Обзорение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 38 – 42.

Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 184 – 188.

Модоров Н.С. Каменные изваяния и наскальные рисунки Горного Алтая // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1972. – С. 47 – 48.

Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 91 – 93.

Мотов Ю.А. Изображение мистерии праздника Михраган в настенных росписях Афрасиабского дворца // История и археология Семиречья. – Алматы: 21 век, 1999. – С. 57 – 81.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Николаев Н.Н. Защитное вооружение курыкан VI – X веков // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. – С. 77 – 86.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М.: Наука, 1980. – С. 101 – 112.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 211 с.

Окладникова Е.А. Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 170 – 180.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140 – 158. – (МАЭ; Вып. 42).

Соенов В.И., Глебов А.М. Средневековый алтайский шлем // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 152 – 154.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 269 с.

Худяков Ю.С. Образ воина в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150 – 167.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Сутуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 242 – 245.

Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Изображения воинов на петроглифах Хушот-Дурбэн-Уул-1 // Наскальные рисунки. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 123 – 130.

Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обозрение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 199 – 200.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 70 – 78.

Монголы Амгакхва (Петроглифы Монголии) / Под ред. Ким Чхон Бэ. – Сеул: Ёль хва дан, 1998. – 144 с. (на кор. яз.).

Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух (История древнего искусства Монголии). – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 317 с. (на монг. яз.).

Kubarev V.D. Rock art of Altai mountains // Korean Ancient Historical Society. – Seoul, 1998. – N 29, December. – P. 203 – 239.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Repertoire des petroglyphes d'asie centrale. – P.: Diffusion de Boccard, 1996. – T. V. 3, F. 3. – 45 p. + 665 fig.

Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 p.

Материал поступил в редколлегию 26.04.2001 г.

УДК 903'1.22

С.Н. Коробейников¹, Ю.С. Худяков²

¹Институт гидродинамики им. М.А. Лаврентьева СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 15, Новосибирск, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия
E-mail: alisa@bronze.archaeology.nsc.ru

АНАЛИЗ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СВОЙСТВ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ НОМАДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Введение

Важным фактором эволюции военного дела в кочевом мире в периоды древности и средневековья было появление и развитие защитного вооружения. Применение металлических защитных средств способствовало снижению потерь в живой силе, повышало агрессивность и уверенность воинов в своих силах в ходе боев [Горелик, 1993, с. 80].

Одними из первых универсальных средств защиты воинов были, вероятно, щиты из органических материалов. О возможности их применения представителями племен развитого бронзового века в западных районах Центральной Азии могут свидетельствовать бронзовые наконечники копий с длинным двухлопастным пером и крюком на шейке втулки. Такие копия могли использоваться не только для пробивания защитной преграды, панцирей из костяных пластин или плетеных щитов, но и для выдергивания щита у противника и лишения его возможности защищаться [Худяков, 1995, с. 83].

Появление металлических средств индивидуальной защиты воинов в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе относится к позднему бронзовому веку, отмеченному широким распространением боевых колесниц и тактики колесничного боя. Судя по изображениям на оленных камнях, основным ударным оружием ближнего боя воинов-колесничих были чеканы или клевцы с длинной рукояткой и втоком, а также кинжалы. Для защиты использовались пятиуголь-

ные щиты с умбонами и защитные пояса, в состав которых входили колесничные пряжки [Худяков, 1993, с. 70].

В позднем бронзовом и раннем железном веке для защиты от ударов чеканом у кочевников восточных районов Центральной Азии были бронзовые шлемы со сферическим куполом и наушами [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000, с. 144]. В скифское время центрально-азиатские кочевники имели на вооружении бронзовые шлемы, защитные пояса, составные щиты из кожи и деревянных деталей [Горелик, 1993, с. 113; Кочеев, 1998, с. 83 – 85]. Наиболее ранние железные панцирные пластины в Центральной Азии относятся к хуннскому времени. При раскопках хуннского Иволгинского городища в Забайкалье был обнаружен фрагмент чешуйчатого доспеха из четырех рядов коротких железных пластин с округлым нижним краем [Давыдова, 1985, с. 49]. В китайских источниках упоминаются хуннские латы, кожаные доспехи и деревянные щиты [Таскин, 1973, с. 129]. В комплексах культуры сяньби обнаружены железные пластины чешуйчатого панциря и шлема. Согласно реконструкции доспехов по находкам из могильника Лаохэшэнь, панцирь представлял собой жилет с оплечьями, а шлем – сферический купол из длинных пластин с навершием и бармицей [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 41]. Об использовании стальных лат жужанями сообщают китайские источники [Бичурин, 1950, с. 200]. Для кочевников Южной Сибири в хунно-сарматское время были характерны доспехи, изготовленные из органических материалов [Худяков, 1986, с. 103]. На рубеже периода древности и эпохи средневековья панцири из железных пластин появились у кочевников в Верхнем Приобье, древних тюрок в

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 01-06-80245.

Горном Алтае и у кыргызов на Енисее [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 151]. В эпоху раннего средневековья железные панцири, кольчуги и шлемы получили повсеместное распространение у кочевников Центральной Азии. Отряды панцирной кавалерии появились в войсках древних тюрков и кыргызов. Их участие в сражениях нередко приносило победу [Худяков, 1980, с. 134; 1986, с. 160]. В этот период были распространены железные панцири с чешуйчатой и ламеллярной системами крепления пластин разных типов и вариантов: нагрудники, жилеты или нагрудники с подолом, куяки с короткими рукавами и подолом [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 155]. Длиннопольными панцирями с оплечьями были характерны для киданей [Худяков, 1991а, с. 84]. В эпоху развитого средневековья наряду с ламеллярными стали использоваться пластинчатые панцири-куяки. Они получили распространение у кыргызов [Худяков, 1997, с. 51]. Пластинчатыми панцирями защищали себя и кочевники Забайкалья, Саяно-Алтая и Прииртышья [Бандура, 2000, с. 7; Герасимов, 2000, с. 17; Худяков, 1997, с. 51]. В период позднего средневековья для кыргызов были характерны пластинчатые куяки, нагрудники-бригандины и кольчуги [Худяков, 1991б, с. 89 – 95; Худяков, Соловьёв, 1987, с. 155]. Пластинчатые куяки и бригандины появились и на вооружении кыштымов [Худяков, Скобелев, 1984, с. 110; Худяков, Соловьёв, 1987, с. 155, 159]. Монголы и ойраты в период позднего средневековья пользовались ламеллярными панцирями, пластинчатыми куяками, кожаными доспехами и кольчугами [Бобров, 2000, с. 83 – 86].

Если вопросы эволюции панцирей в кочевом мире в хунно-сарматское время и в средние века в значительной степени решены, прослежены изменения в форме пластин и защитного покрытия у разных кочевых этносов на протяжении двух тысячелетий, то выяснение функциональных свойств видов средств индивидуальной металлической защиты и их отдельных элементов только начинается.

Характеристика эффективности и типология средств защиты

Исходя из данных письменных и изобразительных источников, понятно, что боевое наголовье служит для защиты головы и шеи воина, доспех – для предохранения корпуса, частично рук и ног, дополнительные детали, накладные щитки и зеркала – для усиления защиты наиболее уязвимых участков тела от поражения в ближнем и рукопашном бою, наручьи и поножи – для защиты рук от запястья до локтя и ног от голеностопа до колена, щит – для универсальной защиты головы, туловища, конечностей. Оценить эффективность применения разных типов доспехов можно, учитывая различия в форме и толщине панцирных пластин, способах их соединения в составе защитного

покрытия между собой или к мягкой подкладке, площади, защищаемой от поражения.

Эффективность защитных средств зависит не только от максимальной прочности деталей доспеха и защищаемой площади, но и от удобства их применения в ходе боя. Защитные приспособления должны соответствовать габаритам тела, не ограничивать подвижность, не быть слишком тяжелыми и громоздкими. Они призваны обеспечивать не только эффективную защиту, но и давать возможность воину вести активные наступательные действия в течение боя. Назначение защитных средств – предохранять воина от поражающих ударов разными видами наступательного оружия дистанционного, ближнего и рукопашного боя на протяжении длительных, многочасовых и даже многодневных сражений.

Превалирование какой-либо одной, прежде всего защитной, функции доспеха в ущерб удобству его ношения и подвижности ограничивало возможности эффективного действия воина в ходе боя, повышало его уязвимость. Как правило, подобные “гиперзащищенные” латники могли эффективно действовать в определенных условиях на ограниченной фазе боя. Например, тяжеловооруженные всадники, катафрактары могли успешно действовать на поле боя, атакуя построение противника в плотно сомкнутом строю [Хазанов, 1971, с. 74]. В случае неудачи такой таранной атаки, при падении с коня катафрактары становились легко уязвимыми для активных действий хорошо организованных и дисциплинированных вражеских отрядов.

Оценка эффективности различных видов средств защиты древних и средневековых воинов-кочевников Центрально-азиатского историко-культурного региона затруднено ввиду лаконичности и фрагментарности сведений письменных исторических источников. По сведениям китайских династийных исторических сочинений, кыргызские конные воины “прикрывают руки и ноги деревянными щитками; еще на плечи накладывают круглые щитки, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель” [Бичурин, 1950, с. 352]. В другом источнике говорится, что кыргызы “много пользуются щитами, луками и стрелами. Их лошади одеты в щиты от брюха до ног. Еще делают щиты и привязывают их к обоим плечам, можно с пользою применять их. Щиты, чтобы отражать стрелы, делают так: расколов дерево, соединяют поперечиной; стрелы не могут прорвать” [Кюнер, 1961, с. 60]. Согласно этим свидетельствам, деревянные накладные щитки-оплечья, щиты и попоны для боевых лошадей у кыргызов были достаточно эффективным средством от ударов сабель и поражения стрелами.

Очень подробно монгольские ламеллярные панцири из железных пластин и твердой кожи были описаны в сочинении Д. Дель Плано Карпини [Плано Карпини, 1997, с. 53 – 55]. По оценке М.В. Горелика,

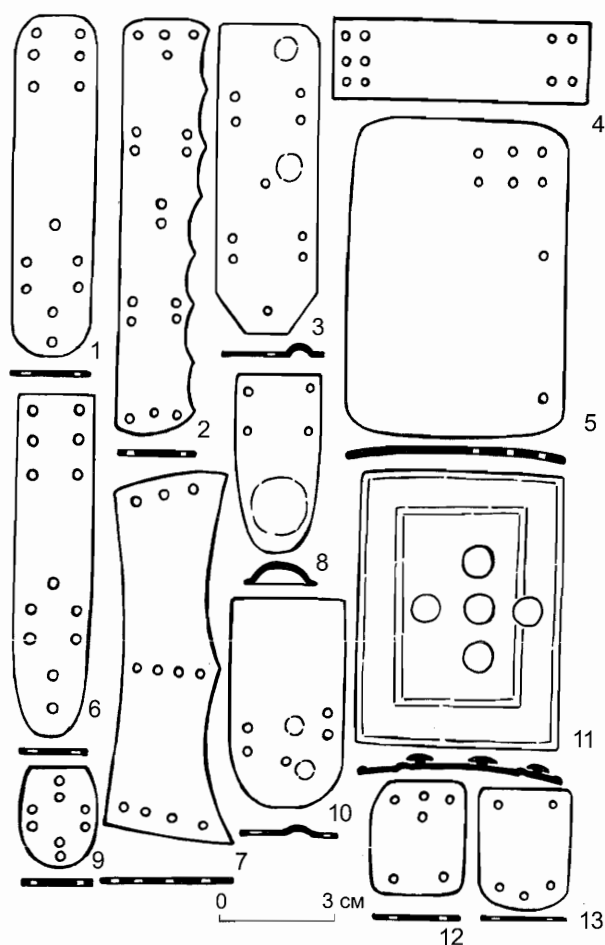

Рис. 1. Типы панцирных пластин.

- 1 – отдел II, группа I, тип 1; 2 – отдел II, группа I, тип 3;
3 – отдел IV, группа II, тип 2; 4 – отдел I, группа I, тип 1;
5 – отдел VI, группа I, тип 1; 6 – отдел II, группа I, тип 2;
7 – отдел II, группа I, тип 5; 8 – отдел IV, группа II, тип 1;
9 – отдел IV, группа I, тип 3; 10 – отдел V, группа I, тип 1;
11 – отдел VI, группа II, тип 1; 12 – отдел IV, группа I,
тип 2; 13 – отдел IV, группа I, тип 1.

монгольские панцири из многослойной твердой кожи были “почти непробиваемые”, “прочнее, чем из железа” [1987, с. 172 – 173]. Однако не все современники оценивали их достаточно высоко. Г. де Рубрук, посетивший, как и Д. Дель Плано Карпини, ставку монгольских ханов в Каракоруме в XIII в., упомянул монгольские “выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные” [1997, с. 186].

До проведения специальных экспериментов судить о том, что кожаный доспех прочнее металлического, довольно сложно. По наблюдениям Г. де Рубрука, кожаные панцири могут быть “выгнутыми”, “дурно сидящими” и “неудобными”, вероятно, это объясняется тем, что размокнувшая от дождя кожаная основа доспеха после высыхания могла деформироваться. Описание других видов защитного вооружения монголов имеется в со-

чинении Д. Дель Плано Карпини: “Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, – из кожи” [1997, с. 54]. Щиты изготавливали из ивовых или иных прутьев. По оценке наблюдателя щиты носили только стражи правителя и приближенные, причем преимущественно в ночное время [Там же, с. 55].

Анализ сведений письменных источников о защитном вооружении древних и средневековых кочевников Центральной Азии позволяет судить о применении номадами разных средств защиты (панцири, шлемы, щиты), покрое доспехов и конструкции их деталей. Значительно сложнее на основании этих данных составить представление о функциональных особенностях защитного вооружения и степени его эффективности.

Важным источником для изучения функциональных свойств защитного оружия являются панцири, кольчуги, шлемы и их детали, а также следы механического повреждения на них, которые характеризуют применявшиеся бронебойные средства. Материалы по защитному вооружению центральноазиатских nomadov сосредоточены во многих музеях России и центральноазиатских государств. Они различаются степенью полноты деталей и сохранности железа. Для настоящего анализа привлечены железные панцирные пластины различных форм, демонстрирующие способы их соединения между собой и крепления к подкладке или иной матерчатой основе. Классифицирование имеющегося материала учитывает следующие признаки металлических деталей панциря: материал изготовления, способ крепления и расположение пластин в составе панцирного набора, сечение и форма пластин. Все рассматриваемые здесь панцирные пластины относятся к классу железных. Определение состава металла и оценка его прочности на предмет механического воздействия не проводились. По расположению пластин и способам их крепления выделяется несколько отделов.

Отдел I. Пластины, горизонтально расположенные в составе панцирного набора, соединенные между собой ременной вязкой. Включает одну группу.

Группа I. Плоские пластины. Представлена одним типом.

Тип 1. Прямоугольные пластины с двумя и тремя парами отверстий на концах. Включает 15 экз. из памятника Акчий-Карасу на Тянь-Шане. Длина пластин 7 см, ширина 2,5 см. Прямоугольные пластины с шестью отверстиями в два ряда на одном и четыремя отверстиями на другом концах. Сохранилось несколько фрагментов панциря из трех-четырех пластин, соединенных между собой с наложением (от одной трети до половины) пластин одна на другую. На одной из пластин имеется отверстие в центральной части пластины [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 92] (рис. 1, 4; 2, 1).

Отдел II. Пластины, вертикально расположенные в составе панцирного набора, ламеллярно соединенные между собой ременной вязкой. Включает одну группу.

Группа I. Плоские пластины. Представлена пятью типами.

Тип 1. Прямоугольные пластины с округлыми краями. Включает 17 экз. из памятников в Западной Сибири; Казахстане; Аргаиз (Прииртышье); Сухая Ерба (Минусинская котловина); Балаганск (Прибайкалье); Дэрэстуйский Култук; Чиндант I, погр. 2; Дворцы II, погр. 2 (Забайкалье). Длина пластин 7 см, ширина 1,5 см. Прямоугольные пластины с округлыми краями и шестью-семью отверстиями по краям и одним в центре. Сохранилось несколько фрагментов из двух, трех и четырех пластин, соединенных между собой с наложением до одной трети пластины одна на другую [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 141] (см. рис. 1, 1; 2, 2, 3, 7).

Тип 2. Прямоугольные пластины с прямым и округлым краями. Включает 620 экз. пластин из памятников: Мурлинское городище (Прииртышье); Ближние Елбаны XIV, погр. 37 (Приобье); Бай-Тайга, кург. БТ-59-9; Монгун Тайга, кург. МТ-58-IV; Улуг-Хорум, погр. 2; Тора-Тал-Арты, кург. 4 (Тува); Терен-хол, кург. 3; Тербен-хол, кург. 5; Табат-Онгри-Чар, кург. 1; Подсинее, Минуса, Малиновый Лог (Минусинская котловина); Троицкое (Алтай); Кункур; Дворцы I, погр. 3, 5, 7, Сухая Падь, погр. 1; Бурхотуй, погр. 2; Сырая Сосновая, погр. 32; Могильная, погр. 61; Ульхова, погр. 3; Улан-Сар, погр. 5, 6; Онохтыча, погр. 5; Оловянная III, погр. 1; Ломы I, погр. 1; Толоча, погр. 1 (Забайкалье); Нахиугийн-Манхан, Цогт-Хиргист-Хоолой (Монголия); в Казахстане; Акчий-Карасу, кург. 3 (Тянь-Шань). Длина пластин 9 см, ширина 2 см. Прямоугольные пластины с прямым и округлым краями и шестью-семью отверстиями по краям и в центре. Сохранилось большое количество фрагментов из трех-четырех рядов пластин, связанных различными вариантами ремennого плетения. По краю ряда, составленного из прямых концов пластин, наложена ремennая окантовка, прошитая в отверстия на одну треть ширины таким образом, что ремennая вязка была видна только с внутренней стороны [Там же, 1987, с. 141; Худяков, Баяр, 1992, с. 38 – 40] (см. рис. 1, 6; 3).

Тип 3. Прямоугольные пластины с зубчатым краем. Включает 3 экз. из памятников: Релка, кург. 7, мог. 1 (Приобье); Окунево (Прииртышье); Средне-Шайкино (Забайкалье). Длина пластин 8 см, ширина 2 см. Пластины прямоугольной формы с одним зубчатым краем, тремя-четырьмя отверстиями по краям и четырьмя-пятью парами отверстий в центре [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 146; Худяков, 1991, с. 82] (см. рис. 1, 2).

Тип 4. Прямоугольные пластины. Включает 34 экз. из памятников в Западной Сибири; Басандайка (Притомье); Кудыргэ, оградка XIII (Алтай); Бай-Булун, кург. 21, Тора-Тал-Арты, кург. 19 (Тува); Дворцы II, погр. 2 (Забайкалье); Ршаан-Хад (Монголия). Длина пластин 1 см, ширина 2 см. Прямоугольные пластины с четырьмя парами отверстий по краям и в центре. Сохранились

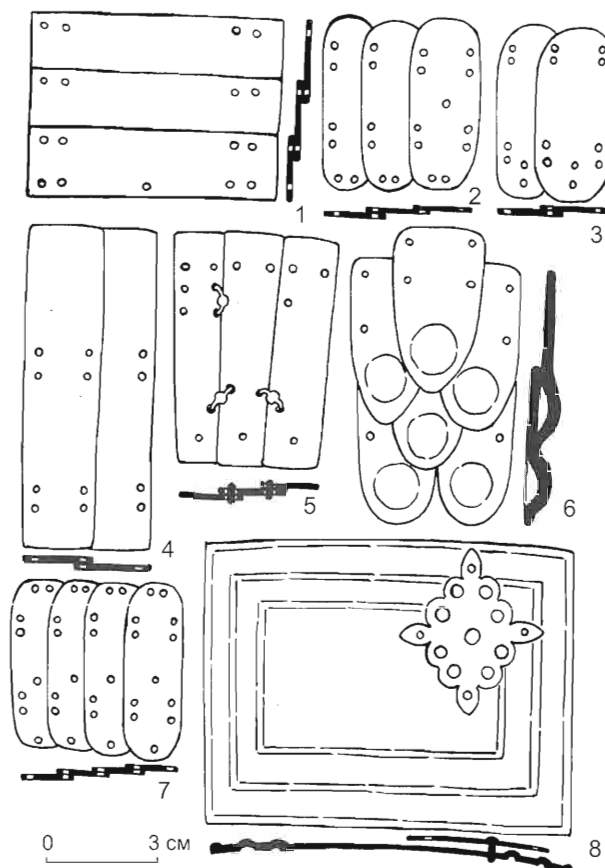

Рис. 2. Пластины и способы соединения пластин: 1 – отдел I, группа I, тип 1; 2, 3, 7 – отдел II, группа I, тип 1; 4 – отдел II, группа I, тип 4; 5 – отдел III, группа I, тип 1; 6 – отдел IV, группа II, тип 1; 8 – отдел VI, группа II, тип 2.

Рис. 3. Пластины от ламеллярных и чешуйчатых панцирей.

Рис. 4. Пластины от чешуйчатых панцирей.

фрагменты с соединенными на одну четверть ширины пластинами [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 146] (см. рис. 2, 4).

Тип 5. Трапецевидные пластины с зубчатым краем. Включает 5 экз. из памятника Сары-Джон на Тянь-Шане. Длина пластин 9 см, ширина 3 см. Пластины трапецевидной формы со скошенными краями, прямой и зубчатой сторонами, тремя-четырьмя отверстиями по краям и в центре. Сохранился фрагмент из четырех пластин, перекрывающих друг друга по вертикали на одну треть ширины [Кожомбердиев, Худяков, 1990, с. 48] (см. рис. 1, 7).

Отдел III. Пластины, вертикально расположенные в составе панцирного набора, ламеллярно соединенные между собой с помощью колец из железа. Включает одну группу.

Группа I. Плоские пластины. Представлена одним типом.

Тип 1. Прямоугольные пластины. Включает 3 экз. из Западной Сибири. Длина пластин 7 см, ширина 2 см. Прямоугольные пластины с отверстиями по краям. Соединены между собой внахлест на одну треть ширины с помощью железных колец, имеющих расширение с наружной стороны [Соловьёв, 1987, табл. X, 2] (см. рис. 2, 5).

Отдел IV. Пластины, вертикально расположенные в составе панцирного набора, чешуйчато соединенные между собой с помощью ременной вязки. Включает две группы.

Группа I. Плоские пластины. Представлена тремя типами.

Тип 1. Прямоугольные пластины с округлым краем. Включает 25 экз. из памятников: Конгурэ (Минусинская котловина); Иволгинское городище (Забайкалье); Акчий-Карасу, кург. 3 (Тянь-Шань). Длина пластин 5 см, ширина 3 см. Прямоугольные пластины с

округлым краем и двумя – четырьмя отверстиями по краям (см. рис. 1, 13; 4).

Тип 2. Прямоугольные пластины. Включает 1 экз. из памятника Акчий-Карасу, кург. 3 (Тянь-Шань). Длина пластины 3 см, ширина 2,5 см. Прямоугольная пластина с двумя и четырьмя отверстиями по краям (см. рис. 1, 12).

Тип 3. Овальные пластины с прямым краем. Включает 1 экз. из памятника Белый Яр (Минусинская котловина). Длина пластины 2,5 см, ширина 2 см. Пластина овальной формы с прямым краем и шестью отверстиями по краям (см. рис. 1, 9).

Группа II. Плоские пластины со сферическими выступами. Включает два типа.

Тип 1. Прямоугольные пластины с округлым краем и сферическим выступом. Включает 18 экз. из памятника Акчий-Карасу, кург. 3 (Тянь-Шань). Длина пластин 4,5 см, ширина 2 см. Пластины прямоугольной формы с округлым краем, сферическим выступом, четырьмя отверстиями. Сохранились фрагменты с чешуйчатым соединением пластин [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 95] (см. рис. 1, 8; 2, 6).

Тип 2. Прямоугольные пластины со скошенными углами и двумя сферическими выступами. Включает 1 экз. из Казахстана. Длина пластины 8 см, ширина 2,5 см. Прямоугольная пластина со скошенными углами, двумя выступами и десятью отверстиями (см. рис. 1, 3).

Отдел V. Пластины, вертикально расположенные в составе набора, изогнутые, крепившиеся к подкладке. Включает одну группу.

Группа I. Изогнутые пластины со сферическими выступами. Представлена одним типом.

Тип 1. Прямоугольные пластины с округлым краем и двумя сферическими выступами. Включает 2 экз. из памятника Акчий-Карасу, кург. 3 (Тянь-Шань). Длина пластин 5 см, ширина 3 см. Пластины прямоугольной формы, изогнутые по длине, с округлым краем, двумя сферическими выступами и пятью отверстиями (см. рис. 1, 10).

Отдел VI. Пластины вертикального расположения, крепившиеся к подкладке. Включает две группы.

Группа I. Плоские. Представлена одним типом.

Тип 1. Прямоугольные пластины с округлыми углами. Включает 80 экз. из памятников: Абаза, Белый Яр, Верхняя Биджа, Ортызы-Оба, кург. 2 (Минусинская котловина); Покровский (Ачинско-Мириинская лесостепь). Длина пластин 7 см, ширина 5,5 см. Пластины прямоугольной формы со скругленными углами, шестью отверстиями по верхнему краю и двумя отверстиями вдоль вертикальной стороны (см. рис. 1, 5).

Группа II. Пластины с ребристой поверхностью. Представлена двумя типами.

Тип 1. Прямоугольные пластины с двойной окантовкой. Включает 1 экз. из памятника Чердат в Причулымье.

Длина пластины 9 см, ширина 7 см. Пластина прямоугольной формы с двойной окантовкой и пятью сферическими заклепками [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 150] (см. рис. 1, 11).

Тип 2. Прямоугольные пластины с тройной окантовкой. Включает 1 экз. из Минусинской котловины. Длина пластины 8 см, ширина 10 см. Пластина прямоугольной формы с тройной окантовкой и фигурной заклепкой [Там же, с. 151] (см. рис. 2, 8).

Пластины разных форм входили в состав разнотипных панцирей. Пластины горизонтального расположения использовались при изготовлении нагрудных панцирей, панцирей-жилетов с оплечьями и четырехчастным подолом. Пластины вертикального расположения входили в состав ламеллярных и чешуйчатых нагрудников или жилетов с оплечьями и подолом и куяков. Нашивные крупные пластины включались в наборы пластинчатых куяков и нагрудников-бригандин. Пластинчатые куяки и бригандины имели помимо подкладки матерчатое покрытие, к которому пластины крепились изнутри с помощью заклепок [Там же, с. 155].

Различия в форме, сечении и способах соединения пластин в составе панцирных наборов обусловлены особенностями технологии производства и функциональными свойствами защитных доспехов и их отдельных деталей.

Перспективы применения математического моделирования для анализа функциональных свойств защитного вооружения

Представленная выше классификация показывает эволюцию защитного вооружения во времени – изменение как формы, так и способа соединения панцирных пластин. Возникает вопрос, можно ли с помощью математического моделирования показать, что эта эволюция приводила к качественному улучшению свойств защитного вооружения? Изучению этого вопроса авторы планируют посвятить цикл исследований. Для анализа функциональных особенностей исходных форм пластин, их деформативных и прочностных свойств, а также средств воздействия оружия (стрел и копий) на эти пластины предполагается использовать математический аппарат механики деформируемого твердого тела [Коробейников, 2000] к определению напряженно-деформированного состояния как отдельных пластин, так и панцирей, составленных из них.

Воздействие оружия на защитное вооружение планируется моделировать сосредоточенной силой. Поскольку геометрия пластин вооружения довольно сложная (изогнутые пластины произвольной формы со сферическими выступами и ребристой поверхностью), то для определения их напряженно-деформи-

рованного состояния предполагается использовать метод конечных элементов [Там же]. Он является доминирующим среди численных методов решения задач математической физики в силу своей гибкости при описании сложных физических и геометрических свойств исследуемых объектов. Для этого необходимо адаптировать многоцелевую вычислительную программу PIONER [Korobeinikov et al., 1989], основанную на методе конечных элементов.

Предлагается следующая иерархия процедур математического моделирования (моделирование в каждом последующем пункте является более сложным по сравнению с предыдущим):

1. Исследования осуществляются в рамках решения статических задач линейной теории упругости. Зоны начального разрушения определяются по превышению максимальным главным напряжением предела прочности.

2. Проводится динамический анализ поведения пластин в рамках линейной теории упругости. Выявляется возможность разрушения пластин при отражении волн напряжений от границ, когда область сжатия материала меняется на более опасную область растяжения.

3. Анализируется квазистатическое деформирование пластин. Возникновение и развитие зон разрушения моделируется физически нелинейной моделью материала, учитывающей изменения свойств материала при разрушении. При превышении максимальным главным напряжением предела прочности предполагается, что в материале появляется трещина с разрезом, ортогональным главному направлению. При дальнейшем увеличении нагрузки зона растрескивания растет.

4. Задача о динамическом разрушении пластин решается пошаговым интегрированием уравнений движения с физически нелинейной моделью материала, описанной в п. 3. Такая модель разрушения успешно использована [Korobeinikov, Alyokhin, Bondarenko, 1994, p. 174] для математического моделирования процесса разрушения заднего бампера автомобиля при столкновении его с препятствием.

Описанный выше комплексный анализ в математическом моделировании позволит ответить на вопрос о том, какие силы следует приложить к пластинам защитного вооружения для их разрушения. Обработка этой информации даст возможность найти ответ на главный вопрос: насколько более эффективным становилось защитное вооружение в процессе его эволюции во времени.

Заключение

Как показал анализ имеющихся материалов, средства индивидуальной металлической защиты у кочевников Центральной Азии в эпохи древности и средневековья

неуклонно развивались и совершенствовались. Трансформации в конструкции и площади защитного покрытия, форме и способах крепления отдельных деталей были подчинены одной цели – повышению эффективности средств защиты, но обусловлены разными факторами – развитием технологии оружейного производства, эволюцией наступательного оружия дистанционного и ближнего боя, совершенствованием его поражающих возможностей, изменениями в составе войск кочевых государств и появлением отрядов панцирной кавалерии, возникновением новых тактических приемов ведения конного боя. За время от появления первых железных панцирей у хуннов до появления панцирей-куяков и бригадин, использовавшихся монголами и кыргызами в завершающий период позднего средневековья, защитное вооружение центральноазиатских nomadов прошло несколько фаз в своем развитии.

Первые типы доспехов были ориентированы на защиту наиболее уязвимой части тела при фронтальном столкновении в ближнем бою. Их представляли нагрудники или жилеты, изредка с оплечьями. По конструкции и системе расположения пластин панцири населения разных районов Центральной Азии были различные. Хунны и сяньби использовали панцири с вертикальным расположением пластин ламеллярного и чешуйчатого принципа соединения, кочевники Саяно-Алтая – нагрудные панцири, составленные из горизонтальных пластин. Вероятно, эти различия связаны с особенностями этнокультурного окружения и боевого опыта.

В эпоху раннего средневековья на территории Центральной Азии происходит постепенная унификация доспехов, объясняемая военным господством древних тюрков и кыргызов, у которых получили распространение ламеллярные и чешуйчатые панцири, нагрудники и жилеты с подолом и оплечьями, кюяки. В эпоху развитого средневековья наряду с традиционными типами панцирей широко известны пластинчатые кюяки. Их внедрение связано с военными успехами монголов и интенсификацией конного боя [Худяков, 1980, с. 128, 149; 1997, с. 133]. В эпоху позднего средневековья кочевники Центральной Азии наряду с пластинчатыми кюяками стали использовать бригадины. Эти изменения можно объяснить повышением прочности защитных средств, прикрывающих наиболее уязвимые участки тела воина, за счет сокращения площади защитного покрытия. На рубеже периодов средневековья и нового времени самостоятельная линия эволюции защитного доспеха в кочевом мире Центральной Азии оборвалась [Худяков, Соловьёв, 1987, с. 159]. Это связано с развитием огнестрельного оружия и включением территории государственных образований центральноазиатских кочевников в состав Российской и Маньчжурской империй, в армиях кото-

рых военные отряды nomadов привлекались в качестве иррегулярных войск.

Список литературы

- Бандура Е.М.** Проблемы реставрации и консервации бакинских доспехов // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й Региональной археол.-этногр. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 2. – С. 6 – 7.
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 381 с.
- Бобров Л.А.** Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й Региональной археол.-этногр. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 3. – С. 80 – 88.
- Герасимов Ю.В.** Погребения с вооружением в позднесредневековом комплексе могильника Окунево VII на Татарском Увале // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й Региональной археол.-этногр. конф. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Т. 2. – С. 16 – 18.
- Горелик М.В.** Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163 – 208.
- Горелик М.В.** Оружие древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. – М.: Наука, 1993. – 349 с.
- Давыдова А.В.** Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.** Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 74 – 106.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.** Реконструкция древнетюркского панциря из памятника Сары-Джон // Информационный бюллетень Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М.: Наука, 1990. – Вып. 17. – С. 48 – 52.
- Коробейников С.Н.** Нелинейное деформирование твердых тел. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 262 с.
- Кочеев В.А.** К вопросу о защитном вооружении кочевников Горного Алтая в скифское время // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – С. 83 – 88. – (Изв. лаборатории археологии; № 3).
- Кюннер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. – 392 с.
- Плано Карпини Д.** История Монгалов. – М.: Мысль, 1998. – С. 30 – 85.
- Рубрук Г.** Путешествие в Восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 88 – 189.
- Соловьёв А.И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.
- Таскин В.С.** Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1973. – Вып. 2. – 171 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 171 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991а. – 189 с.

Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991б. – С. 87 – 100.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 65 – 73.

Худяков Ю.С. Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 98 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 159 с.

Худяков Ю.С., Баяр Д. Средневековый памятник в местности Нахийугийн-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 36 – 44.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г. Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 105 – 119.

Худяков Ю.С., Соловьёв А.И. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 135 – 163.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – С. 37 – 48. – (Изв. лаборатории археологии; № 5).

Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. – 2000. – № 2. – С. 140 – 148.

Korobeinikov S.N., Agapov V.P., Bondarenko M.I., Soldatkin A.N. The general purpose nonlinear finite element structural analysis program PIONER // Proc. of the Intern. Conf. on Numerical Methods and Applications / Eds. B. Sendov et al. – Sofia: Publ. House of the Bulgarian Acad. of Sci., 1989. – P. 228 – 233.

Korobeinikov S.N., Alyokhin V.V., Bondarenko M.I. Application of a finite element method for the solution of three dimensional contact problems // Advances in Simulation and Interaction Techniques: Proc. of the 2nd Conf. On Computational Structures Technology / Eds. M. Papadrakakis, B.H.V. Topping. – Edinburgh: Civil-Comp Press, 1994. – P. 165 – 175.

Материал поступил в редколлегию 19.04.2001 г.

УДК 903.3.53

С.Н. Леонтьев

*Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова
ул. Ленина, 20, Минусинск, 662800, Россия
Тел. (8-391320) 2-13-14*

ПАМЯТНИК ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУРГАН ЧЕРНОВАЯ XI

Введение

На правом берегу речки Черновой (Боградский р-н Хакасии), недалеко от ее устья, сосредоточено несколько погребальных памятников эпохи ранней бронзы: могильник Черновая VIII, курганы 13 и 14, отстоящие от этого могильника на 0,5 км, но включенные Г.А. Максименковым в его состав, и одиночный курган Черновая IV. (Их материалы легли в основу выделения окуневской культуры [Максименков, 1980].) В 1999 г. археологической экспедицией Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова под руководством автора здесь был исследован новый памятник этой эпохи – курган Черновая XI.

Описание памятника

Курган находится в 0,5 км к ЗЮЗ от могильника Черновая VIII на пологом склоне правого берега залива Черная Речка Красноярского водохранилища. До раскопок на дневной поверхности он прослеживался по полностью обнаженному развалу каменной ограды. Возможное земляное сооружение и весь почвенный слой были полностью смыты, а погребенная почва и верхний слой материка переработаны водохранилищем. Внутреннее пространство ограды заполняли беспорядочные скопления битого плитняка и современного бытового мусора, среди которых в 1998 г. были найдены и вывезены в Минусинский музей две перемещенные покровные плиты песчаника с выбитыми на них изображениями антропоморфных личин и быков [Леонтьев Н.В., 1998, с. 15]. Здесь же прослеживались торцы плит пяти погребальных ящиков, один из которых частично перекрывался массивной расслоившейся плитой. Остальные носили следы недавних хищнических раскопок.

За пределами ограды в 0,8 м от середины ее восточной стенки в 1998 г. найдено и вывезено в Минусинский музей поваленное монументальное изваяние хищного зверя [Там же]. Оно выполнено из цельной глыбы песчаника, контуры которой были лишь слегка подправлены выбивкой. Остальные детали образа переданы желобчатыми линиями (рис. 1, 1). Часть глыбы с изображением головы зверя оказалась отбитой еще в древности. Судя по сильной выветренности поверхности камня, изваяние изначально, возможно, было вкопано рядом с курганом.

После разбора наброски плитняка и снятия слоя переотложенной почвы была выявлена каменная ограда неправильной прямоугольной формы размерами 8,6 × 5,9 м, ориентированная длинными сторонами по линии ССЗ – ЮЮВ (рис. 2). Плиты песчаника, установленные на ребро, сохранили первоначальное положение лишь южной стенки ограды, остальные представляли собой плитняковые развалы. По углам в грунтовых ямах без забутовки стояли менгиры, они возвышались над уровнем раскопа на 40 – 60 см. Северо-западный и северо-восточный менгиры были изготовлены из песчаника серо-зеленого цвета, юго-западный и юго-восточный – из коричневатого-красного.

В ограде находились пять могил.

Могила 1 – ориентированный по линии ЗСЗ – ВЮВ, частично разрушенный погребальный ящик размерами 147 × 88 × 44 см с земляным полом и стенками, укрепленными плитами коричневатого-красного песчаника. Он находился в 45 см к С от геометрического центра ограды. Изначально могила была перекрыта двумя массивными покровными плитами, перемещенными грабителями в 1997 г. Одна из них, из серого песчаника размерами 135 × 90 × 8 см, частично перекрывала северную часть ящика. На ее лицевой

стороне точечной выбивкой с последующей шлифовкой была изображена антропоморфная личина сложного нереалистического типа (по классификации Э.Б. Вадецкой [1980, с. 87]). В нижней части изображение перекрыто выбитыми позднее кружками и неполными фигурами “тощей” коровы и быка (см. рис. 1, 2). Другая плита коричневатого-красного песчаника размерами 125 × 93 × 9 см находилась к ЗЮЗ от могилы. На ней в той же технике изображена схематичная неоконтурная личина “трехдужного” типа, поверх которой позднее были нанесены фигуры четырех “тощих” коров (см. рис. 1, 3).

Погребение полностью разрушено. На земляном полу могилы и в ее заполнении встречены разрозненные кости скелетов женщины 30–35 лет* и ребенка в возрасте до года. Из сопроводительного инвентаря сохранились черенная нижняя челюсть сурка, подвеска из клыка марала и 16 астрагалов барана или косули (пять из них со следами окрашивания в черный и красный цвет, два – в черный и два – в красный). В двух астрагалах по бокам просверлены круглые отверстия, на одном тонкими линиями процарапан крест, на другом – треугольник.

Могилы 2 – ориентированный по линии ЗСЗ – ВЮВ частично разрушенный погребальный ящик размерами 166 × 94 × 44 см с земляным полом и стенками, укрепленными плитами серовато-зеленого песчаника. Он зафиксирован в 47 см к югу от геометрического центра ограды. Ящик частично перекрыт массивной расщепленной плитой, разбитой в древности. Могилы неоднократно подвергались хищническим раскопкам. На ее земляном дне находилось нарушенное погребение женщины 50–60 лет, подзахороненной в тагарское время. В заполнении встречены разрозненные кости скелетов взрослого человека и ребенка 1,5–2 лет. Из сопроводительного инвентаря сохранились тагарский керамический сосуд баночной формы и 24 астрагала барана или косули, девять из которых со следами окрашивания в красный цвет, шесть – в черный и еще шесть – в черный и красный. В двух астрагалах по бокам просверлены круглые отверстия, на поверхности еще двух процарапаны косые линии. Здесь же в заполнении были обнаружены мелкие обломки красновато-коричневой песчаниковой плиты с фрагментарно сохранившимися гравированными изображениями “тощих” коров и “хоругви”

* Антропологические определения сделаны автором и носят предварительный характер.

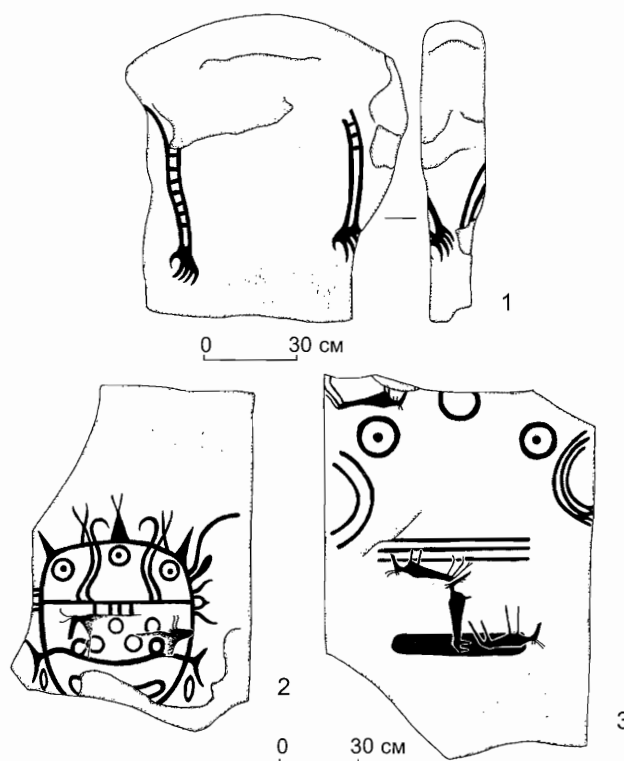

Рис. 1. Каменные плиты с изображениями, относящимися к окуневской культуре.

1 – за пределами ограды кург. 1;
2, 3 – плиты перекрытия. Песчаник.

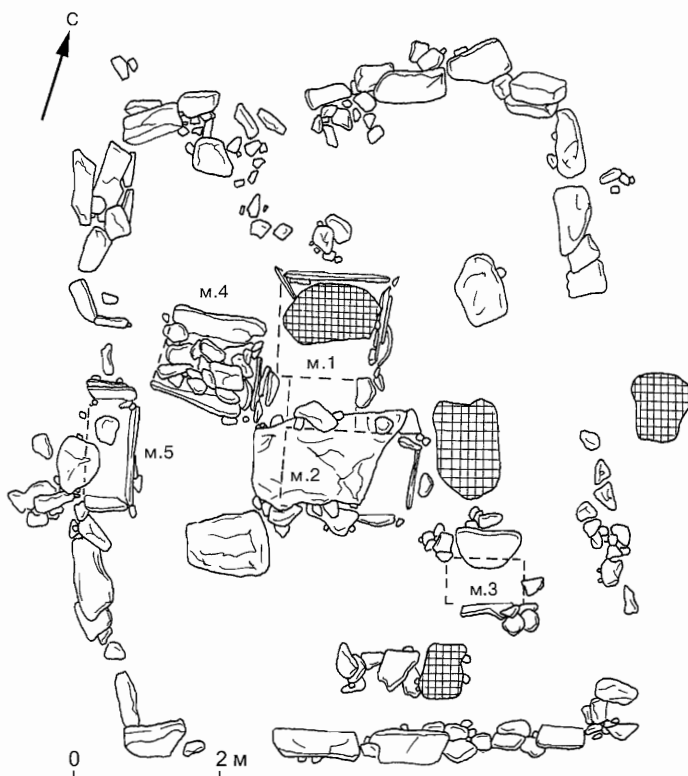

Рис. 2. Ограда кург. 1 могильника Черновая XI после зачистки.

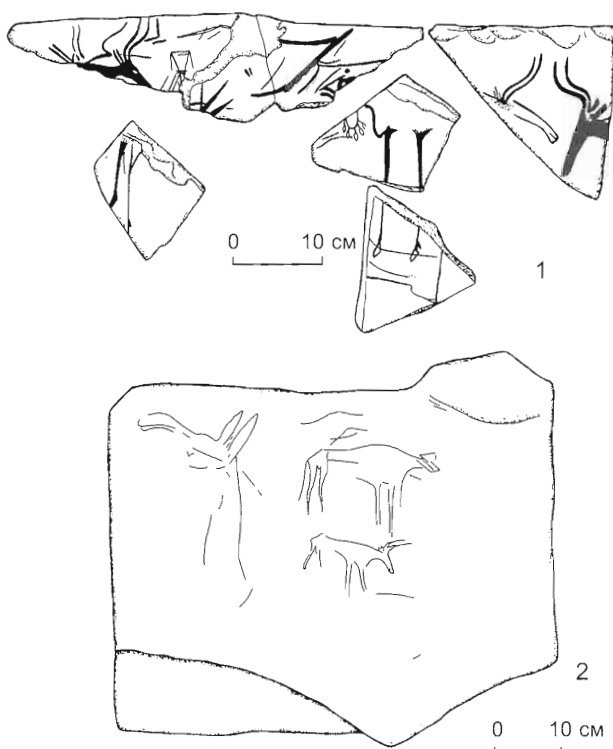

Рис. 3. Каменные плиты с изображениями, относящимися к окуневской культуре. Песчаник.

(рис. 3, 1). Изначально плита служила южной стенкой погребального ящика мог. 1 и была разбита при ее разграблении.

Грабители прорыли между могилами 1 и 2 лаз. В его заполнении сохранились фрагмент костяной пластинки с гравированным изображением женского лика (рис. 4) и два астрагала (один из них со следами окрашивания в красный цвет, на его тыльной стороне было отшлифовано изображение стилизованной антропоморфной (?) фигуры).

Могилка 3 – ориентированный по линии СВ – ЮЗ почти полностью разрушенный погребальный ящик размерами $106 \times 61 \times 10$ см, от которого сохранились лишь южная стенка и пол, укрепленные плитами песчаника серовато-зеленого цвета. Ящик находился в 0,8 м к ВЮВ от мог. 2. Первоначально он был перекрыт массивной плитой серо-зеленого песчаника размерами $56 \times 70 \times 9,5$ см, на одной стороне которой прослеживались процарапанные изображения двух “тощих” коров и головы лося (см. рис. 3, 2). Погребение полностью разрушено. В его заполнении были разрозненные кости скелета ребенка 1,5 – 2 лет, черенный астрагал барана или косули, подвеска из подъязычной кости животного, три бронзовые бусины и кольцо из бледно-зеленого нефрита (рис. 5).

Могилка 4 – ориентированный по линии 3 – В погребальный ящик размерами $131 \times 106 \times 46$ см расположен в 0,3 м к ЗЮЗ от мог. 1. Он был сооружен из

Рис. 4. Фрагмент костяной пластинки с изображением женского лика.

Рис. 5. Нефритовое кольцо.

плит серо-зеленого песчаника и почти полностью разрушен грабителями. Могилка была заполнена осколками плитняка, среди которых находились обломки стелы из серо-зеленого песчаника, на лицевой стороне которой мелкоточечной выбивкой с дальнейшей шлифовкой изображена схематичная неоконтурная личина “трехдужного” типа с “солярным” знаком под ней (рис. 6, 1), и два куса плиты с изображениями “солярного” знака и быка (рис. 6, 2). В заполнении ящика встречены ломаные кости скелетов двух женщин 16 – 20 и 20 – 25 лет и двух детей в возрасте до 2 лет, а также четыре астрагала, два из которых сохранили следы окрашивания в красный цвет.

Могилка 5 – ориентированный по линии ССЗ – ЮЮВ погребальный ящик размерами $148 \times 68 \times 23$ см, стенки и пол которого были сделаны из тонких плит серовато-зеленого песчаника. Он находился в 25 см

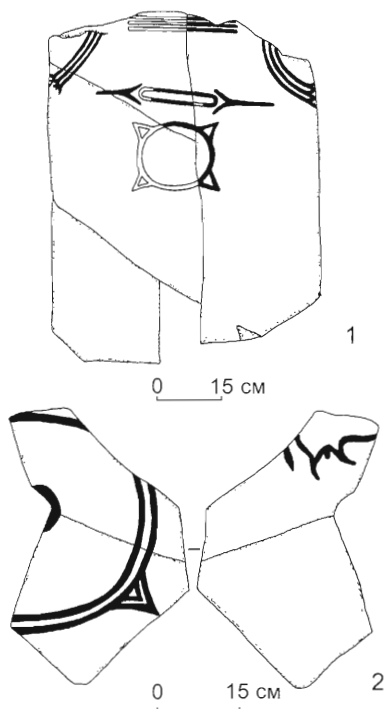

Рис. 6. Фрагменты каменных стел с изображениями, относящимися к окуневской культуре.

Рис. 7. Фрагмент деревянного черпачка.

к ЮЗ от мог. 4 и был почти полностью разрушен грабителями. В заполнении могилы находились разрозненные кости скелетов мужчины 30 – 40 лет и ребенка в возрасте до 2 лет, керамический сосуд баночной формы, внутрь которого был вложен частично сохранившийся деревянный черпачок (рис. 7), четыре бусины из позвонков крупной рыбы и шесть астрагалов барана или косули, один из которых сохранил следы окрашивания в черный и красный цвет. Здесь же обнаружены костяная пластинка с резным изображением женского лика (рис. 8), стеатитовый стерженек со скульптурной головкой человека (рис. 9) и галечная антропоморфная фигурка (рис. 10). Все они находились в перемешанном состоянии.

Обсуждение

На протяжении своего существования курган Черновая XI неоднократно подвергался разграблению: в тагарское время, когда был прорыт шурф между могилами 1 и 2 и совершено впускное захоронение женщины, позже, когда было проломлено перекрытие мог. 2 и разрушено погребение под ним, и в 1997 г. Несмотря на это, проведенные исследования позволили получить достаточно интересный материал.

Ввиду полного отсутствия земляной насыпи и слоя погребенной почвы последовательность совершения захоронений определяется лишь условно. Очевидно, первыми были сооружены центральные могилы 1 и 2.

Рис. 8. Костяная пластинка с изображением женского лика.

Рис. 9. Стеатитовый стержень со скульптурной головкой человека.

Рис. 10. Антропоморфная фигурка из гальки.

При этом лишь каменная конструкция мог. 1 была сложена из коричневато-красных плит, остальные – из серовато-зеленого песчаника, что, видимо, подчеркивало их более низкий статус. Все скелеты потревожены и сохранились лишь частично. Их первоначальные положение и ориентировку установить невозможно. Всего в кургане было погребено не менее 12 чел.: три женщины в возрасте от 16 до 35 лет, мужчина 30 – 40 лет, шестеро детей в возрасте до 3 лет, один взрослый неопределенного пола и возраста и женщина 50 – 60 лет, подзахороненная в тагарское время. Останки детей присутствовали во всех погребениях.

Самой многочисленной категорией сохранившегося погребального инвентаря являются астрагалы барана или косули. Эти астрагалы в отличие от всех, встречавшихся ранее в памятниках окуневской культуры, сохранили следы окрашивания: девять из 53 образцов были выкрашены в черный цвет, 15 – в красный и 12 – в черный и красный, еще 17 или не сохранили следов краски, или не были окрашены вовсе и изначально имели естественный белый цвет. Эта трехцветная гамма (белый, черный, красный) находит прямые аналогии в полихромных росписях плит погребальных ящиков в памятниках Каракола [Сузаков, Ларин, 1994, с. 35] и в кург. 2 могильника Верхний Аскиз I [Ковалёв, 1997, с. 87, 89]. Создатели Черновой XI заведомо придавали раскраске астрагалов оп-

ределенное семантическое значение. С этим же, вероятно, связано и оформление некоторых астрагалов (прочерченные косые линии, треугольник, прямой крест и антропоморфная (?) фигура).

Наиболее интересная категория находок – предметы мелкой пластики. Все они выполнены в одной художественной манере и несколько отличаются от уже известных.

Костяные пластинки с изображением женского лица и стеатитовые стерженьки со скульптурной головкой человека неоднократно встречались в погребениях окуневской культуры. Они, как правило, сопровождали захоронения женщин или девочек и лишь в кургане Разлив X, как и в Черновой XI, находились при мужчине, погребенном вместе с младенцем [Пшеницина, Пяткин, 1993]. Художественная трактовка образа женщины на костяных пластинках из мог. 5 и грабительского шурфа несколько отличается от традиционной и тяготеет к стилю антропоморфных гравировок на гальках с карасук-лугавского поселения Торгажак [Савинов, 1996, с. 40; Леонтьев С.Н., 2001, с. 122].

Вырезанная из гальки серпентинита антропоморфная фигурка из мог. 5 в настоящий момент близких аналогов себе не находит, что затрудняет определение даже пола ее персонажа. По выделенным округлым грудям фигурку можно причислить к серии женских изображений, но такие иконографические особенности, как

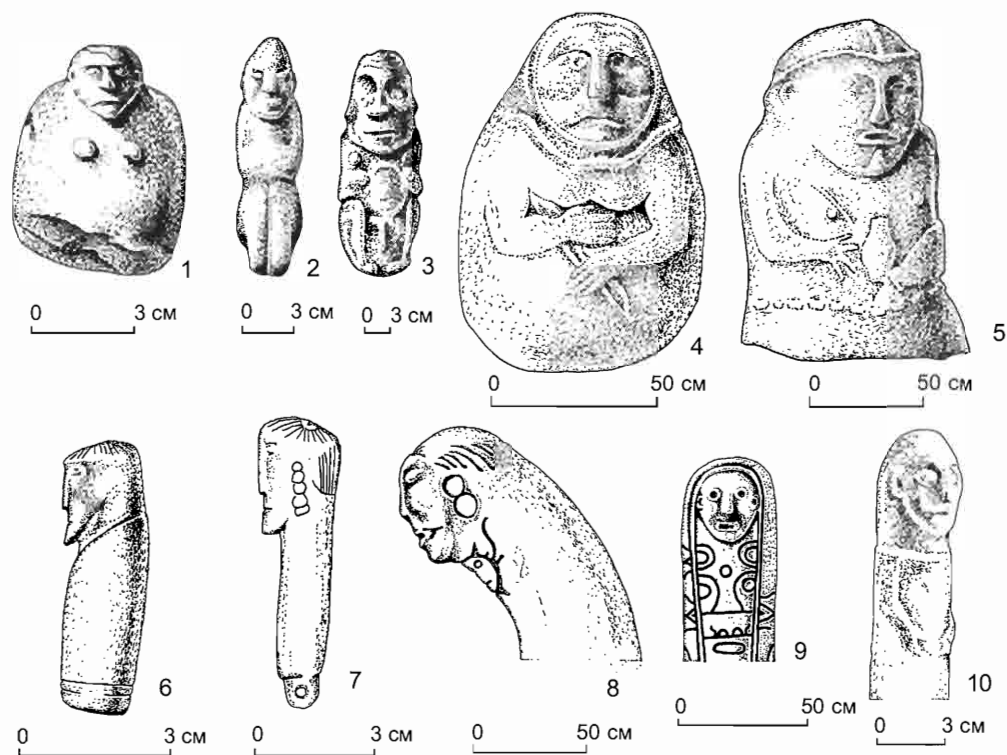

Рис. 11. Изображение андрогинов эпохи энеолита – средневековья.

отсутствие волос и высоко поднятые округлые уши, сближают ее с изображениями мужского божества на окуневских монументальных изваяниях [Вадецкая, 1980, табл. XXXIV, 23; XXXVI, 37; XLVIII, 96; XLIX, 103; L, 106, 107; Кызласов Л.Р., 1986, рис. 28, 96]. В связи с этим следует отметить, что среди мелкой пластики предандроновского времени с сопредельных территорий имеются скульптурки с чертами андрогинов. Из них наиболее показательна атбасарская фигурка сидящего мужчины с рельефно выделенным фаллосом и подчеркнутыми женскими грудями (рис. 11, 3) [Ченченкова, 2000, рис. 1, а]. Подобный же персонаж, но без выделенных половых признаков, украшал навершие фигурного жезла окуневской культуры из д. Калы (рис. 11, 2) [Кызласов Л.Р., 1992, рис. 5; Леонтьев Н.В., 1997, рис. 26, с. 235]. Образ “женоподобного” мужчины известен в монументальном искусстве Северо-Западного Китая эпох энеолита и ранней бронзы (рис. 11, 4) [Kovalev, 1999, Abb. 8], а в Центральной Азии он “доживает” до средневековья (рис. 11, 5) [Евтюхова, 1952, рис. 21 – 23, 32]. Все это позволяет предположить, что рассматриваемая скульптура из Черновой XI демонстрирует мужское божество, наделенное женскими признаками.

Персонаж миниатюрных скульптурок, аналогичных стеатитовой фигурки из мог. 5, всегда показан коротко остриженным (рис. 11, 6, 7) или даже без волос [Вадецкая, 1986, рис. 4; Пшеницина, Пяткин, 1993,

рис. 3, 1]. Он находит достаточно точное внешнее и структурное соответствие в реалистически трактованных барельефных ликах, маркирующих вершины окуневских монументальных изваяний (рис. 11, 8, 9) [Леонтьев С.Н., 2001, с. 123 – 124] и запечатлевших мужское божество [Леонтьев Н.В., 1997, с. 235 – 236]. Это не позволяет считать подобные предметы изображениями женского персонажа, как это делалось до сих пор [Вадецкая, 1967, с. 20; Кызласов Л.Р., 1986, с. 268; Подольский, 1997, с. 178]. Представляется более вероятным, что они воспроизводят мужской образ. Фигурные стерженьки и “жезлы”, навершия которых трактованы в форме мужской головы или бюста, в эпоху бронзы были известны на широком пространстве от Байкала [Окладников, 1955] до Синцзяня (рис. 11, 10) [Kovalev, 1999, Abb. 16], от юга Средней Азии [Сарианиди, 1970, с. 31] до Урала [Петрин, Шорин, 1980, рис. 1]. Таким образом, каменные стерженьки вместе с костяными пластинками в окуневском искусстве могут являться вотивным аналогом монументальных мужских и женских изображений, отражающих дуальную организацию мироздания.

Искусство окуневской культуры в материалах Черновой XI представлено также обломками стел с изображениями личин, перекрытых фигурами “тощих” коров. Вопросы семантики этих образов пока остаются дискуссионными. В отношении их основного антропоморфного персонажа сегодня сложилось несколько

достаточно близких друг другу точек зрения. Так, М.Л. Подольский интерпретирует его как божество, семантически и функционально тождественное ведическому Пуруше [1997, с. 182]. И.Л. Кызласов тот же персонаж считает антропоморфным “Ликом Вселенной”, чья зональная маркировка отражает вертикальную стратификацию мироздания [Кызласов И.Л., 1987, 1989]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н.В. Леонтьев, именующий данный персонаж “матерью – прародительницей” [1997, с. 231 – 233; 2000, с. 30].

Не ясна семантика и такого популярного персонажа окуневского искусства, как корова. Раньше в этом образе видели лишь посвящаемое духам священное животное [Кызласов Л.Р., 1986, с. 251 – 253]. Сейчас мнения некоторых исследователей претерпели существенные изменения. Так, Н.В. Леонтьев считает, что в фигуре “тощей” коровы воплощено основное женское божество окуневского пантеона, являющееся одновременно и изоморфом Мировой Горы. Ее изображения наносили на изваяния и стелы позже основных для того, чтобы продлить срок их действия в обрядовой практике [Леонтьев Н.В., 2000, с. 34].

Остальной материал, полученный в ходе исследования кургана Черновая XI, представлен, как отмечалось, традиционным керамическим сосудом, внутрь которого был вложен деревянный черпачок, и немногочисленными уцелевшими после многократных разграблений деталями украшений. Интерес представляет только черпачок, но лишь потому, что деревянные изделия в погребениях эпохи бронзы на среднем Енисее, как правило, не сохраняются. Уникальным же является найденное в мог. 3 нефритовое кольцо. По своему материалу, форме и технике изготовления оно тождественно предметам из сейминско-турбинских и глазковских памятников.

Заключение

В настоящее время в развитии окуневской культуры выделяют два последовательных этапа – уйбатский, датируемый рубежом III – II тыс. до н.э., и черновской, относящийся к XV – XIII вв. до н.э. [Лазаретов, 1997, с. 40 – 41]. Каждый из них характеризуется определенными устойчивыми признаками в погребальном обряде. Так, на уйбатском этапе господствует традиция одиночных захоронений в грунтовых ямах, катакомбах или каменных ящиках со строгой планиграфией их внутри прямоугольных или квадратных оград-кладбищ [Там же, с. 36 – 37]. На черновском этапе одиночные и коллективные погребения совершались преимущественно в укороченных каменных ящиках под индивидуальными надмогильными сооружениями и без четкой системы их размещения в пределах оград-кладбища [Максименков, 1980, с. 14]. Есть различия и в изобразительных традициях: для ранних памятников

характерны простейшие личины, в комплексах черновского периода, напротив, преобладают сложные антропоморфные изображения разных типов.

Курган Черновая XI, судя по однородности погребальных и изобразительных традиций, синхронен расположенным недалеке от него памятникам Черновая IV и VIII. Наличие одиночных окуневских курганов вблизи от одновременных им могильников отмечено и в долине р. Уйбат [Лазаретов, 1997, с. 19; Леонтьев Н.В., 1995, с. 28]. Чем обусловлена такая ситуация – сейчас сказать сложно. Курган Черновая XI, вероятно, как Туимский кромлех [Кызласов И.Л., 1989, с. 208 – 209] и памятники Карасук II и VIII [Комарова, 1980], являлся элитарным. На это указывает, в частности, то, что ограда Черновой XI (как и Туимского кромлеха) имела не традиционные для рядовых погребальных сооружений окуневской культуры угловые менгиры.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Древние идолы Енисея. – Л.: Наука, 1967. – 78 с.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 73 – 87.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 175 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 72 – 120. – (МИА; № 24).
- Ковалёв А.А.** Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80 – 112.
- Комарова М.Н.** Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 76 – 90.
- Кызласов И.Л.** Лик Вселенной (к семантике древних каменных изваяний Енисея) // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1987. – С. 127 – 130.
- Кызласов И.Л.** Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. – М.: Наука, 1989. – Вып. 21. – С. 193 – 212.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 295 с.
- Кызласов Л.Р.** Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1992. – 224 с.
- Лазаретов И.П.** Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19 – 64.
- Леонтьев Н.В.** Два окуневских кургана долины реки Уйбат // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. конф. – СПб., 1995. – С. 26 – 28.
- Леонтьев Н.В.** Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222 – 236.

Леонтьев Н.В. Новые окуневские стелы с речки Черновой // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – 1998. – Вып. 1. – С. 15.

Леонтьев Н.В. Образ мировой горы в памятниках искусства окуневской культуры // Гум. науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 30 – 35.

Леонтьев С.Н. Новый памятник окуневской культуры на речке Черновой // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан: Изд-во ХакГУ, 2001. – Вып. 5. – С. 121 – 125.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3 – 26.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3. – 373 с. – (МИА; № 43).

Петрин В.Т., Шорин А.Ф. Антропоморфная скульптура эпохи бронзы Южного Урала // СА. – 1980. – № 2 – С. 226 – 228.

Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Оку-

невский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 169 – 201.

Пшеницина М.Н., Пяткин Б.Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. – 1993. – Вып. 209. – С. 58 – 67.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – 112 с.

Сарианиди В.И. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА. – 1970. – № 4. – С. 19 – 32.

Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во АГУ, 1994. – С. 31 – 37.

Ченченкова О.П. Западносибирская скульптура: вещь, знак, символ // Мировоззрение: Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Петро-РИФ, 2000. – С. 194 – 212.

Kovalev A. Die ältesten Stele am Ertix (Das Kulturphänomen Xemirxek) // Eurasia Antiqua. – Berlin, 1999. – Bd 5. – S. 135 – 178.

Материал поступил в редколлегию 13.06.2001 г.

Г.М. Буров

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
ул. Ялтинская, 4, Симферополь, 95036, Украина
E-mail: burov@ccssu.crimea.ua

ДЕРЕВЯННЫЕ ОРУДИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС II В БАСЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ (середина I тыс. н.э.)

Введение

Вис II – многослойный и разновременный памятник с инвентарем от мезолита до раннего средневековья, расположенный в районе оз. Синдорского (Россия, Республика Коми). Самый поздний его комплекс принадлежит к ванвиздинской культуре и резко превосходит по количеству вещественного материала другие поселения этой культуры. Научная ценность этого комплекса обусловлена тем, что ванвиздинский культурный слой почти в чистом виде обнаружен в старичных отложениях, обладающих консервирующим свойством по отношению к артефактам из дерева, коры и травы: в небольшом подковообразном озере, оставленное рекой у песчаного террасного останца, который занят Висом II, сбрасывались и попадали случайно культурные остатки. В 1962 – 1966 гг. здесь при раскопках обнаружены предметы из растительного сырья, керамика, изделия из рога и кости, кремневые скребки и бусины из стекла [Буров, 1964, 1966а, б, 1967а, б, 1968а, б, 1981, 1983, 1984, 1989, 1993, 1995; Буров, 1996].

Огромное количество глиняной посуды принадлежит к раннему этапу ванвиздинской культуры (V в. н.э.), а к непосредственно предшествовавшему позднегляденскому времени (IV в.) относится лишь 3% керамики. Полагая, что в подобном соотношении представлен и деревянный инвентарь, все деревянные изделия памятника можно рассматривать как ранневанвиздинские.

Найденные в Висе II уникальные изделия из дерева, коры и травы (228 экз.) делятся на предметы вооружения (40,4%), приспособления для рыболовства (7,9%), бытовые и культовые вещи (6,1%), фрагменты средств перевозки и передвижения (4,9%), инструменты для земляных работ (0,9%), орудия ремесла

(15,3%) и неопределенные изделия (24,5%). В эту статистику [Буров, 1993, табл. 1] не включены многочисленные остатки рыболовных сооружений и трудноидентифицируемые фрагменты деревянных изделий.

Описание орудий

Орудия деревообрабатывающего производства и их элементы (чекмарь, рукоятки тесел с трапециевидным пазом и кельтов с конической втулкой) охарактеризованы в специальной статье [Там же]. Настоящая работа касается 29 предметов ремесленного производства, предназначенных для обработки шкур, сухожилий, волокнистых веществ и глины. Этот материал в основном не опубликован. Описанные орудия, кроме одного (рис. 1, 4), изготовлены из древесины хвойных пород, преимущественно сосны [Там же, табл. 2]. Это двуручные скребки, Т-образные кнопки, размягчитель ремней, гребни, пряслица, лопаточки, гребенчатый штамп, заостренные палочки.

Двуручные скребки. Для обработки шкур, удаления подкожной клетчатки и обрезков мяса в ванвиздинское время использовались главным образом массивные орудия из низкокачественного кремня. Они найдены почти на всех поселениях с ванвиздинской керамикой [Буров, 1967б, с. 152 – 153]. Имеются также деревянные скребки, в качестве которых можно рассматривать четыре орудия в виде дощечки, у которой два угла с одного края закруглены (рис. 1, 1 – 4). В поперечнике они с одного края закруглены, а с другого круто заострены (в половине случаев асимметрично, как у кремневых скребков) (рис. 1, 1, 3). Поверхность орудий закалена огнем [Семёнов, 1968, с. 117]. Уже после обжига у одного образца обновлена острая кромка (см. рис. 1, 3). Ширина

скребков 2,0 – 3,2 см, толщина 0,5 – 0,8 см, длина (установленная в двух случаях) 17,2 – 17,3 см.

Следует предполагать, что перед нами – двуручные инструменты для скобления. Они могут быть сопоставлены со стругами из ребер оленей, лосей и быков. Такие орудия, весьма распространенные у разных современных народов и в археологических памятниках, имеют заостренный край, служащий для мездрения толстых кож [Там же, с. 160 – 161]. Близки к висским D-образным инструментам и нганасанские скребки в виде “ножной кости оленя, срезанной с одной стороны” и служащей для соскабливания шерсти со шкуры [Попов, 1948, с. 76, 78]. Для той же цели предназначались, по мнению Д. Дж. Стенфорда, такие же двуручные орудия из метаподий карибу, известные у эскимосов Аляски [Stanford, 1976, p. 55].

Т-образные кнопки. К кожевенно-меховому производству, вероятно, имеют отношение также восемь Т-образных деревянных поделок, представляющих собой фрагменты наружной части ствола или ветки с отходящим заостренным сучком (табл. 1). Со стороны сучка они всегда плоские, а с противоположной выпуклые. Это оригинальные изделия с низкой, довольно длинной поперечной головкой подтреугольного профиля. Ее концы в плане закруглены или заострены, сечение преимущественно пятиугольное (рис. 2, 1, 2, 5, 7, 8), и только у трех образцов оно полуовальное. Стержни, которые примерно втрое короче головки, в поперечном разрезе различной формы (рис. 2, 2, 5). Угол между стержнем и нижней поверхностью головки прямой или приближается к нему. Длина головки примерно 8,5 – 14,7 см, ширина 0,9 – 1,5 см, высота 0,9 – 1,7 см. Длина стержня 4,3 – 4,5 см, толщина у основания 0,5 – 0,8 см.

Описанные предметы напоминают шилья, но, судя по резко выраженным ребрам и острым концам головок, поделки не предназначались для обхвата их рукой. Специфическая форма обусловлена иной их функцией. У воткнутой в почву булавки головка всей своей ровной нижней поверхностью плотно прилегала к земле. Верхняя часть шляпки была немного выпуклая. Очевидно, мастер заботился о том, чтобы предмет

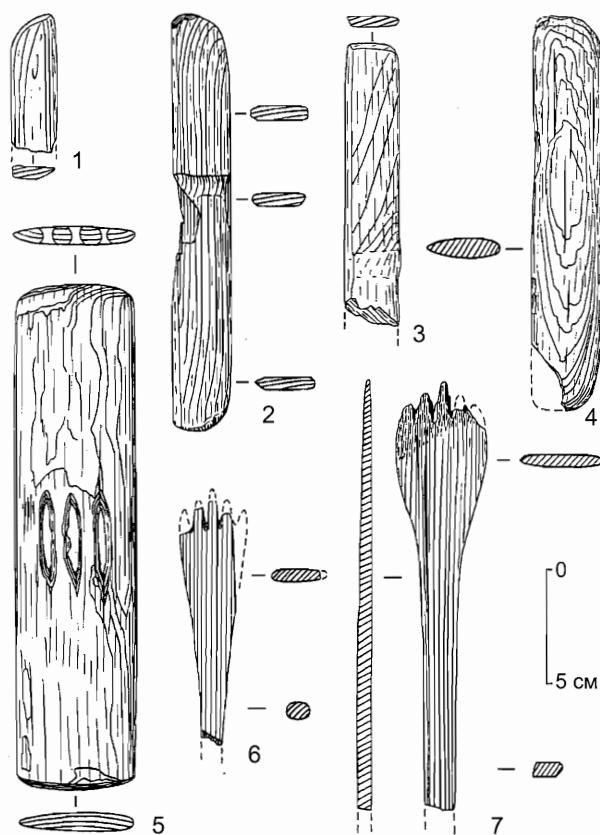

Рис. 1. Деревянные орудия для обработки сырья животного происхождения. Вис II.

1 – 4 – скребки; 5 – дощечка для размягчения ремней; 6, 7 – гребни для расщепления сухожилий.

нельзя было выбить из гнезда случайным движением, чтобы он не мог поранить человека и не мешал работать. Вместе с тем вещь легко можно было извлечь, ухватившись пальцами за среднюю часть головки или подковырнув ее ножом. Поделка была съемной. Если бы она забивалась раз и навсегда, головка (тем более большая) была бы излишней.

Решая вопрос о назначении Т-образных изделий, отметим, что со снятой с животного шкуры сначала

Таблица 1. Характеристика деревянных Т-образных кнопок с поселения Вис II

Позиция на рис. 2	Концы	Сечение стержня	Угол между головкой и стержнем	Головка			Стержень	
				длина, см	ширина, см	высота, см	длина, см	толщина у основания, см
5	Острые	Квадратное	Почти прямой	Около 14,7	1,3	1,5	4,3	0,8
7	»	Нет св.	Нет св.	Около 13,7	1,6	1,4	Нет св.	Нет св.
1	Закругленные	»	»	Около 11,3	1,2	1,2	»	0,6
2	»	Бочонковидное	Острый	10,3	1,2	1,3	3,5	0,6
8	»	Круглое	Почти прямой	9,1	1,0	1,0	Нет св.	0,6
4	»	Полигональное	»	12,3	1,4	1,2	4,5	0,7
3	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Около 11,2	0,9	0,9	Нет св.	Нет св.
6	»	Круглое	Прямой	Около 8,5	1,3	1,1	»	0,5

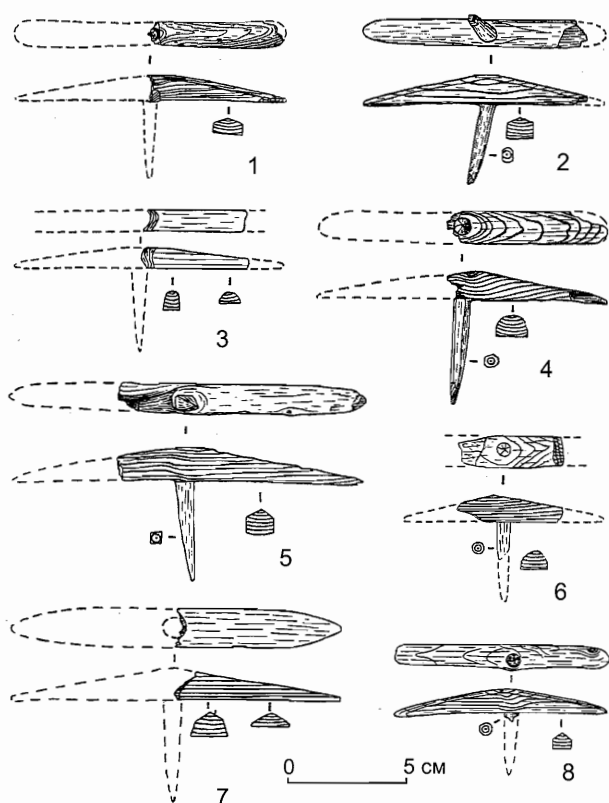

Рис. 2. Деревянные кнопки. Вис II.

удаляли пленку подкожной клетчатки – мездру. Затем производили просушку, дубление, размягчение и в некоторых случаях волососгонку [Семёнов, 1957, с. 107 – 116; 1968, с. 156 – 164]. Мездрение у нгансанов производилось на специальной скобильной доске [Попов, 1948, с. 77], а у алтайцев – просто на земле [Потапов, 1956а, с. 337, рисунок, 1]. Чтобы сушка, химическая обработка или размягчение проходили более качественно, шкуры фиксировали в растянутом положении. Чукчи сушили моржовые и медвежьи шкуры растянутыми на деревянных рамах, внутри которых они держались на ременных тяжах, а тюленьи – закрепленными на земле при помощи вбитых по краям деревянных кольшков [Антропова, Кузнецова, 1956, с. 905, рисунок, 1 – 3]. Второй способ использовался тувинцами при дублении шкуры: с изнанки ее на сутки намазывали кашицей из размельченных и разведенных в воде или молоке гнилушек хвойного дерева [Потапов, 1956б, с. 336]. По рельефам в гробницах Анхматора и Тиш известно, что в Египте Древнего царства шкуры или кожи для придания эластичности натягивали на специальные козлы [Савельева Т.Н., 1971, с. 32]. У закрепленной таким же образом кожи современной кустарь пушит бахтарму – выдубленную нижнюю поверхность; твердая подкладка, необходимая при мездрении, при этом не нужна [Семёнов, 1957, с. 115 – 116].

Из приведенных материалов следует, что Т-образные поделки могли использоваться в качестве кнопок для растягивания шкуры на земле во время сушки, хотя для этого были пригодны и простые кольшки. Кнопки были необходимы прежде всего для фиксации шкуры перед ее тщательной обработкой дубильными веществами. Вероятно, шкуры прикалывали также для мездрения и волососгонки. Нельзя также исключить, что Т-образные кнопки вводили в отверстия специальных рам или козел, служивших для растягивания шкур и пушения бахтармы.

Планка с прорезями. При шитье кожаной одежды и обуви пользовались железными ножами, костяными и железными шильями. Часть полученной кожи резали на ремни, к обработке которых имеет прямое отношение специальная планка со слабо выпуклыми концами и тремя продольными прорезями в средней части, размещенными в поперечный ряд (см. рис. 1, 5). Размеры планки $22,0 \times 5,1 \times 0,7$ см, длина отверстий – 2,8 см, ширина до 0,3 – 0,5 см. Вещь находит параллель среди находок со Старой Ладogi (отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, оп. 84), однако там орудие этой категории лишь с двумя отверстиями. Известны они и в материальной культуре хантов [Manninen, 1932, Abb. 229; Попов, 1955, с. 62, табл. V], хотя староладогский и хантыйский варианты этого орудия имеют сужения на концах, удобные для захвата рукой. Ханты и другие сибирские народы пользовались подобными планками для размягчения склонных к затвердению ремней: длинную полоску кожи волнообразно пропускали через все три прорези и закрепляли в горизонтальном положении, после чего два человека брали инструмент за рукоятки и продвигали его от одного конца полоски к другому, периодически смачивая ремень рыбьим жиром. Характерный износ висского орудия (выемки по краям прорезей) подтверждает правильность проводимой аналогии, но небольшие его размеры и отсутствие рукоятей говорят в пользу того, что размягчитель предназначался для работы в одиночку.

Гребни. Сухожилия – еще одно ценное сырье животного происхождения, тоже затвердевает при высушивании. Чтобы изготовленные из них веревки и жгуты оставались мягкими, сухожилия тщательно обрабатывали специальными гребнями, функцию которых, по-видимому, выполняли два деревянных орудия в виде мелкой лопаточки с пятью короткими зубцами на конце и заостренными промежутками между ними (см. рис. 1, 6, 7).

Хорошо сохранившийся образец имеет лопасть, приближающуюся по очертаниям к овалу, и длинную подпрямоугольную в разрезе ручку (см. рис. 1, 7). Его зубья заострены, весь рабочий конец обожжен. Длина среднего зуба 1,3 см, крайних – 0,3, остальных – 0,7 см. Линия, соединяющая кончики зубьев, образует

Таблица 2. Характеристика деревянных пряслиц с поселения Вис II

Позиция на рис. 3	Форма	Состояние	Диаметр, см	Высота, см	Диаметр отверстия, см	Примечания
1 3	Усеченно-коническая »	Целое Полуфабрикат	5,6 6,5	3,0 2,5	0,5 –	Тонкой работы На конической поверхности 12 радиальных ребер; на основании – свыше 15 фасеток
5	Дисковидная	Сохранилась половинка	6,8	0,6 – 0,9	0,4	Изделие утолщается к середине; линия скола прошла через отверстие
6 4	» »	» Полуфабрикат	4,9 –	0,3 – 0,7 1,5	0,7 0,4	То же Представляет собой просверленный отрезок дощечки с V-образными концами
7	»	»	3,3	0,4 – 0,6	–	Середина утолщена

угол 110°. Ширина лопасти 3,9 см, длина предмета (без обломанного конца) 18,5 см. Второй гребень пострадал сильнее, чем первый: у него почти полностью обломана ручка и повреждены все зубья. От первого он отличается плавным переходом от лопасти к ручке, ее эллипсоидной в сечении, отсутствием следов обжига и несколько меньшей шириной (2,7 см).

Гребни составляют распространенную категорию древних предметов из кости, металла и дерева. Как правило, это вещи для расчесывания волос, выделяющиеся значительной длиной зубьев, размещением их концов по одной прямой линии и отсутствием высокой ручки [Winter, 1906]. Кроме этих гребней, выполнявших гигиенические функции, имеются сходные изделия с вертикальной, обычно большой ручкой. Такие гребни, представленные в Новгороде [Колчин, 1968, с. 66, табл. 63, 1 – 5], в памятниках античной и скифской эпох в Северном Причерноморье [Сокольский, 1971, с. 146, табл. XVI, 18; Смирнова, 1978, рис. 3, 1], а также железного века в Шотландии [Кларк, 1953, табл. III, 5], предназначались, по мнению Б.А. Колчина и Н.И. Сокольского, для обработки шерсти или льна. На эту мысль наводят как этнографические материалы [Лебедева, 1956, рис. 2], так и археологические находки из Новгорода, включающие наряду с подобными ручными стационарный гребень, рукоять которого служила явно вертикальной стойкой. По своему назначению с прямыми изделиями сходны высокие гребни, которыми кеты расчесывали сено, закладываявшие в сапоги [Donner, 1933, p. 30, Pict. 12].

Гребни Виса II близки к прямым инструментам, но отличаются от них двумя существенными чертами: у них короткие зубцы, кончики которых образуют угол. Первая особенность может быть объяснена тем, что мастер имел дело с сырьем, обрабатывая которое он прикладывал усилие, способное обломать длинные зубья из такого сравнительно непрочного

материала, как дерево. Вторая черта обусловлена, очевидно, тем, что гребень был рассчитан не только на расчесывание, но и на расщепление волокнистого материала: прокалывать его вначале выступающим средним, а затем парой прилегающих зубов было гораздо легче, чем всеми пятью зубьями одновременно. Отмеченные детали позволяют усматривать в висских гребнях орудия для обработки сухожилий, использовавшихся, в частности, при изготовлении луков. Чтобы сохранить мягкость, сухожилия бьют колотушками, палками, молотами или топорами, а затем расщепляют заостренными костяными пластинками (ханты и манси) либо специальными гребнями из моржовой кости (чукчи). У последних, как и у висских орудий, средние зубья спущены ниже и несколько длиннее, чем крайние [Прыткова, 1953, с. 134; Попов, 1955, с. 72, табл. IX, жс]. Весьма сходны с висскими два недатированных семизубых орудия (костяное и роговое) из Шотландии: кончики зубцов размещены по сторонам тупого угла [Winter, 1906, Taf. 30, № 94, 95]. Еще ближе к висским находкам костяной гребень из могильника медно-бронзового века на о-ве Оленьем в Баренцевом море, снабженный V-образным рабочим концом и короткими зубьями [Шмидт, 1930, табл. V, 8]. Не менее интересны две костяные пластинки того же времени с зубцами по выпуклому концу, найденные на поселении Кирова в Крыму [Лесков, 1970, рис. 36, 23, 24].

Праслица. Ванвиздинцы использовали, кроме глиняных и каменных [Буров, 1967б, табл. XXX, 16, 19, 21; Савельева Э.А., 1971, табл. 43, 1, 3, 5, 7], деревянные пряслица, которые делятся на усеченно-конические (с фаской по краю основания) и дисковидные (табл. 2). С учетом незаконченных образцов первых – два (рис. 3, 1, 3), а вторых – четыре (рис. 3, 4 – 7).

Полуфабрикаты показывают, каким образом выделывали деревянные пряслица. Заготовкой усеченно-конического изделия служил кружок, который

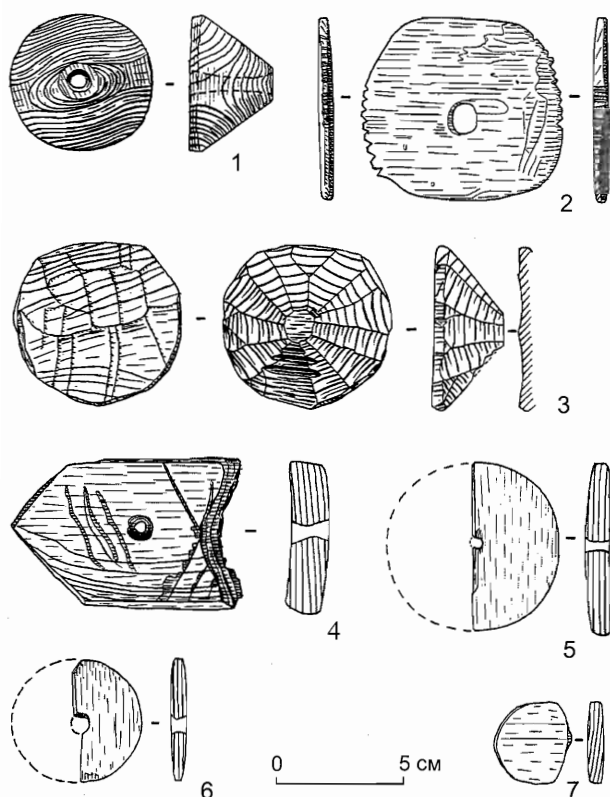

Рис 3. Деревянные пряслица (1, 3 – 7) и гребенчатый штамп (2). Вис II.

обрабатывали радиальными срезами (рис. 3, 3), после чего могло быть просверлено отверстие и поверхность тщательно выравнивалась. При выделке дисковидных пряслиц доску соответствующей ширины и толщины членили косыми надрезами или зарубками на шестиугольные отрезки (рис. 3, 4), которым придавали затем круглую форму.

Диаметр деревянных пряслиц 3,0 – 6,8 см. Высота конусовидных экземпляров 2,5 – 3,0 см, дисковидных – 0,3 – 1,5 см; к центру они утолщаются, диаметр отверстия 0,4 – 0,7 см. По форме и размерам эти поделки в основном близки к глиняным пряслицам, что и позволяет рассматривать первые как маховички веретен. Характерное для них точно центрованное отверстие необходимо для вращающегося предмета и совершенно

излишне для поплавок. Веретена с деревянными дисковидными и конусовидными пряслицами найдены в памятниках II тыс. до н.э. в Египте [Crowfoot, 1958, Fig. 237, h, k, l]. Деревянные дисковидные пряслица известны у шорцев [Попов, 1955, рис. XIV, б, в, д, е], коми (Коми республиканский историко-краеведческий музей, № 429, 650, 2258:4), латышей [Bielenstein, 1918, S. 376, Fig. 372, 379] и других народов.

Возможно, веретено использовали не только для изготовления тонких нитей для выработки тканей, но и для скручивания прядей, из которых вили веревочки (шнуры). Многочисленные отпечатки таких прядей повсеместно встречаются на глиняных сосудах. В торфянике Виса II обнаружен и отрезок двупрядной веревочки, изготовленной (по определению проф. С.Н. Тюремнова) из волокон осоки и вейника и оказавшейся в рыхлом комке глины.

Шнур находил очень широкое применение. Он был необходим, например, при вязке рыболовных сетей с использованием специальных ячежных мерок, которые представлены в Висе II прямоугольным экземпляром длиной 18,3, шириной 3,1 и толщиной 0,7 см [Буров, 1984, с. 155, рис. 5, 2]. Без шнура, вероятно, не обходились при починке глиняной посуды. Для ремонта ванвиздинской керамики, как и более ранней, в сосуде близ трещин высверливали отверстия, в которые иногда вставляли металлические скобки [Буров, 1965, с. 156]. Парные растительные жгуты в просверленных каналах на ванвиздинских черепках из торфяника в Висе II указывают на возможное применение в подобных случаях и веревочек. Для устранения трещин в ванвиздинское время, как и в ананьинское [Буров, 1967б, табл. XXVII, 1], их замазывали сырой глиной, а затем сосуд обжигали повторно.

Лопаточки. Орудиями керамического производства были четыре небольшие деревянные лопаточки, чрезвычайно сходные между собой и различающиеся только деталями (табл. 3). Лопасть с заостренной фасками рабочей кромкой – в трех случаях слабовыпуклой (рис. 4, 1, 2), а в одном – полукруглой (рис. 4, 3) – сильно вытянута и незаметно переходит в рукоять овального сечения. В поперечнике лопасть чечевицеобразная. Две лопаточки несут следы обжига на ручках (рис. 4, 1, 3), концы которых во всех случаях

Таблица 3. Характеристика деревянных лопаточек с поселения Вис II

Позиция на рис. 4	Лопасть		Ручка		Длина сохранившейся части, см	Примечания
	ширина, см	толщина, см	ширина, см	толщина, см		
3	5,8	0,8	2,0	0,8	38,8	При переходе от лопасти к ручке имеется утолщение до 1,0 см
1	5,8	1,0	2,3	0,9	38,7	Часть лопасти откололась
2	4,3	0,5	1,7	0,6	29,7	–
	3,1	0,7	Нет св.	Нет св.	11,3	Сохранилась только основная часть лопасти

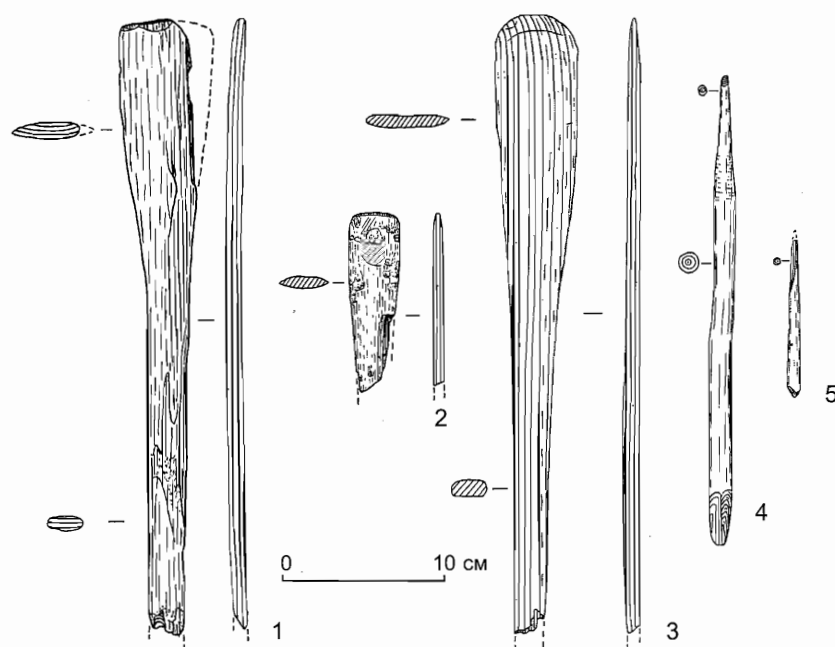

Рис 4. Деревянные лопаточки, применявшиеся в керамическом производстве (1 – 3), и заостренные палочки (4, 5). Вис II.

обломаны. Ширина лопасти колеблется от 3,1 до 5,8 см, толщина – от 0,7 до 1,0 см. Две лопаточки, длина которых превышала 40 см, по-видимому, были рассчитаны на работу двумя руками.

Одна лопаточка грубой выделки, возможно, не закончена. Остальные три (рис. 4, 1 – 3) сохранили на лопастях следы глины. Это раскрывает функцию лопаточек: они могли служить для добывания глины и приготовления керамического теста. Лопаточки с аналогичной лопастью, но крупнее (длина до 78 см) обнаружены в нижнем и среднем слоях Старой Ладogi [Гроздилов, Третьяков, 1948, с. 98, табл. VII, 16 – 18], а “веселка” с укороченной лопастью (9,5 × 7,0 см) известна по раскопкам на неолитической стоянке Модлона в Восточном Прионежье [Брюсов, 1951, с. 39, рис. 11, 2]. Возможно, эти предметы использовались для тех же целей, что и висские. Встречаются также лопатки, длина которых 20 см и гораздо меньше. Такие изделия с поселения VI – VIII вв. н.э. Лоч-Глейшен в Шотландии, по мнению К. Эрвуд, были предназначены для работ как с пищевыми, так и с непищевыми продуктами [Earwood, 1990, p. 86 – 87].

Гребенчатый штамп. Для орнаментации керамики, вероятно, использовался колесикообразный штамп длиной 8,0 см, шириной 7,3 и толщиной 0,6 см (см. рис. 3, 2). У него овальное отверстие, сделанное поперек волокон ближе к одному краю. На торцах диска асимметрично, но друг против друга расположены участки с мелкими трапециевидными и треугольными зубцами высотой 0,10 – 0,25 см. Часть зубцов ук-

реплена обжигом. Отпечатки штампа вполне отвечают оттискам, которые встречаются на глиняных сосудах. Изделие напоминает каменный штамп с Федоровского поселения в Костромском Поволжье [Гаврилова, 1973, табл. 25, 28]. Очень многие сосуды украшались с помощью веревочки, причем в керамическом производстве, по-видимому, использовался ее фрагмент, обнаруженный на поселении Вис II внутри глиняного комка. Для нанесения же ямочного орнамента, возможно, пользовались заостренными палочками (рис. 4, 4, 5).

Рассмотренные предметы из дерева характеризуют совершенно неизвестные ранее типы и категории изделий V в. и представляют в связи с этим большой научный интерес.

Список литературы

- Антропова В.В., Кузнецова В.Г. Чукчи // Народы Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 896 – 933.
- Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. – 1951. – № 20. – С. 7 – 76.
- Буров Г.М. Торфяники речных стариц как места археологических находок // Изв. Коми филиала Всесоюз. Геогр. об-ва. – 1964. – № 9. – С. 99 – 103.
- Буров Г.М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. – 1965. – Вып. 3. – С. 139 – 159.

Буров Г.М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. – 1966а. – № 1. – С. 155 – 173.

Буров Г.М. Найдено в вычегдских торфяниках // Природа. – 1966б. – № 9. – С. 74 – 79.

Буров Г.М. Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне // АО 1966 года. – М.: Наука, 1967а. – С. 6 – 7.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). – М.: Наука, 1967б. – 220 с.

Буров Г.М. В гостях у далеких предков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1968а. – 80 с.

Буров Г.М. Результаты раскопок Висских торфяников в 1963 – 1964 гг. // Учен. зап. Перм. ун-та. – 1968б. – Вып. 191. – С. 194 – 209.

Буров Г.М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и II (I тысячелетие н.э.) // СА. – 1981. – № 2. – С. 117 – 131.

Буров Г.М. Луки и деревянные стрелы V – VI вв. н.э. с поселения Вис II в Привычегдье // КСИА АН СССР. – 1983. – Вып. 175. – С. 55 – 62.

Буров Г.М. К изучению рыболовства на Европейском Северо-Востоке в середине I тысячелетия н.э. // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск: Петрозавод. ун-т, 1984. – С. 147 – 165.

Буров Г.М. Железный век Крайнего Европейского Северо-Востока (от начала до VI столетия н.э.). – Симферополь, 1989. – 48 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР, № 33230.

Буров Г.М. Обработка дерева и бересты у племен ванвиздинской культуры // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск: Петрозавод. ун-т, 1993. – С. 129 – 144.

Буров Г.М. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды // РА. – 1995. – № 3. – С. 184 – 192.

Гаврилова И.В. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. – 1973. – № 172. – С. 130 – 137.

Гроздилов Г.П., Третьяков П.Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладогге, произведенных Н.И. Репниковым в 1909 – 1913 гг. // Старая Ладога. – Л.: Гос. музей этнографии, 1948. – С. 71 – 139.

Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа. – М.: Изд-во иностр. лит., 1953. – 330 с.

Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. – 1968. – Е 1-55. – 184 с.

Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян // ТИЭ. Нов. сер. – 1956. – Вып. 31. – С. 459 – 540.

Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. – Киев: Наук. думка, 1970. – С. 7 – 59.

Попов А.А. Нганасаны. Материальная культура. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 122 с.

Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сб. МАЭ. – 1955. – Вып. 16. – С. 41 – 146.

Потапов Л.П. Алтайцы // Народы Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956а. – С. 329 – 375.

Потапов Л.П. Тувинцы // Народы Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956б. – С. 420 – 472.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. – 1953. – Вып. 15. – С. 123 – 238.

Савельева Т.Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. – М.: Наука, 1971. – 119 с.

Савельева Э.А. Пермь вычегдская. – М.: Наука, 1971. – 224 с.

Семёнов С.А. Первобытная техника. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с.

Семёнов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 363 с.

Смирнова Г.И. Новое в изучении археологических памятников Северо-Западной Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 115 – 130.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1971. – 290 с.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Материалы комиссии экспедиционных исследований. – 1930. – Вып. 23. – С. 119 – 162.

Bielenstein A. Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten. – Petrograd: O.O., 1918. – 839 S.

Burov G.M. Wooden Objects and Constructions of the Fifth Century AD at the Site of Vis II, North East European Russia // NewsWARP: the Newsletter of the Wetland Archaeology Research Project. – 1996. – N 20. – P. 27 – 31.

Crowfoot G.M. Textiles, Basketry, and Mats // History of Technology. – 1958. – Vol. 1. – P. 413 – 455.

Donner K. Ethnological Notes about the Yenisey-Ostyak (in the Turukhansk Region). – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1933. – 104 p.

Earwood C. The Wooden Artefacts from Loch Glashan Crannog, Mid Argyll // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. – 1999. – 120. – P. 79 – 94.

Manninen I. Die finnisch-ugrischen Völker. – Leipzig: Harrassowitz, 1932. – 275 S.

Stanford D.J. The Walakpa Site, Alaska, Its Place in the Birnic and Thule Culture. – Wash.: Smithsonian Institution Press, 1976. – 266 p.

Winter F. Die Kämme aller Zeiten von Steinzeit bis zum Gegenwart. – Leipzig: O.O., 1906. – 12 S.

Материал поступил в редколлегию 09.01.2001 г.

УДК 903'16

С.В. Баштанник¹, К.М. Байпаков², Н.М. Зиняков¹¹Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: abai@yandex.ru²Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан
пр. Достык, 44, Алматы, 480100, Казахстан
E-mail: kbaipakov@nursat.kz

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕМИРЕЧЬЯ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАХОДКАМ

Введение

Изучение растительных остатков, находимых на археологических памятниках, углубляет знания о хозяйстве и быте человека, его взаимодействии с окружающей средой. Такие исследования начались в 1930-х гг. во Всесоюзном институте растениеводства. Они представляли собой описания зернового материала из различных памятников и носили ограниченный характер. С 1960-х гг. в Ботаническом саду АН Молдавской ССР под руководством З.В. Янушевич исследовались растительные остатки и их отпечатки на керамике с трипольских памятников. Были установлены состав культурной флоры, пути ее проникновения из очагов первичной доместики и изменения под влиянием новых экологических условий. Эти работы носили историко-ботанический характер [Янушевич, 1976, 1986].

В Институте археологии АН СССР разрабатывалось несколько тем из истории земледелия. Г.Н. Лисицыной удалось установить конкретные особенности неолитической революции в Туркмении – состав культурной флоры, размеры посевных площадей и численность населения. С привлечением материалов по урожайности сельхозкультур в регионе на рубеже XIX – XX вв. были рассчитаны нормы питания, которые со временем увеличивались [Лисицына, 1978].

В.А. Кирьянов на основе изучения зернового материала из средневековых русских городищ реконструировал системы земледелия, состав культурной и сорной растительности и его изменения с течением

времени [1959]. Работы этого исследователя имеют историко-агрономический характер.

Западная археология обращается к карпологическим материалам для выявления особенностей питания различных этно- и социальных групп, изучения торговли зерном, выяснения воздействия земледелия на природную среду.

Объектом изучения отечественных археоботаников долгое время были крупные скопления зерна, обнаруживаемые в ходе полевых работ. За рубежом в практику давно вошла флотация культурного слоя для выделения растительных остатков, которые остаются незамеченными в процессе раскопок. Это позволяет более системно подойти к изучению археоботанического материала. Флотационная методика впервые в СССР применена Г.Н. Лисицыной и продолжает использоваться Н.А. Кренке на Дьяковском городище, где собрана богатая коллекция зерна, принципиально изменившая представление о хозяйстве дьяковских племен второй половины I тыс. до н.э. [Гунова и др., 1996].

К настоящему времени изученными в археоботаническом аспекте являются Туркмения и Закавказье, Буго-Днестровский регион, Прибалтика, север и центр России и Поволжье. Данная статья – попытка заполнить лауну в отношении Южного Казахстана и Семиречья средневекового периода.

Природно-географические условия

В плане естественно-географическом регион исследования делится на два субрегиона: предгорные районы

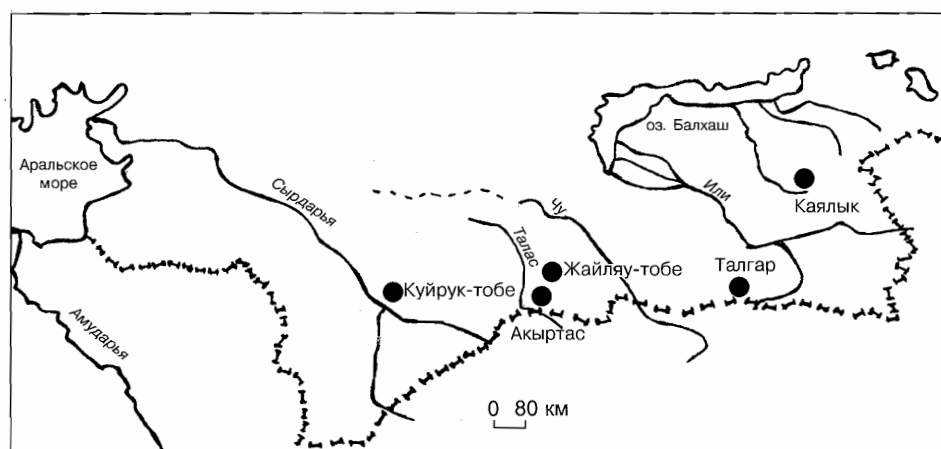

Рис. 1. Расположение средневековых городищ на территории Казахстана, исследовавшихся в археоботаническом отношении.

северных склонов Тянь-Шаня и оазисы долины Сырдарьи.

Климат предгорных районов, наиболее благоприятных для земледелия, резко континентальный, с увлажняющим воздействием гор. Среднегодовой уровень осадков около 650 мм, что позволяет развивать неорошаемое земледелие. Температура воздуха в июне – июле достигает 35 – 40 °С, на поверхности почвы – до 50 – 55 °С. Относительная влажность воздуха 12 – 20%. Безморозный период 220 дней в году.

В Сырдарьинском регионе температуры выше и безморозный период длиннее, но количество осадков до 200 мм в год.

В этих климатических условиях в предгорьях на высотах до 1000 м сформировались малокарбонатные темные и светло-каштановые сероземы. Естественная растительность представлена разнотравно-пырейными сообществами с крупными зонтичными сложноцветными и эфемероидными – типчаком, полынью, мятликом луговым, ковылем тырсой и эбелеком. Содержание гумуса в почве 2 – 3%. В оазисах почвы мелкодисперсные аллювиальные и очень засолены вследствие многовекового искусственного орошения. Совокупность этих условий благоприятствует выращиванию злаковых, бахчевых и садовых культур. Современные посевы располагаются по долинам рек, используется как искусственное, так и богарное орошение [Природные условия... 1963, с. 211, 373 – 379].

Методика работ

Основным источником, по которому установлен видовой состав и сортовое разнообразие культурных растений этого региона, был археоботанический материал, полученный в 1998 – 2000 гг. на средневековых городищах Каялык (XII – XIV вв., Джунгарский Алатау), Талгар (слои X – XIII вв., предгорья Заилийско-

го Алатау), Акыртас (XII – XIII вв., предгорья Киргизского Алатау) и Куйрук-тобе (слои IX – XI и XIII – XIV вв. Отрарский оазис в среднем течении Сырдарьи). Размещение памятников показано на рис. 1.

Материал отбирался в ходе флотации культурного слоя (заполнение хозяйственных ям, бадрабов, напольных слоев) через сита с различным диаметром ячеек, в соответствии с чем для удобства лабораторной обработки материал делился на крупную (более 2 × 2 мм) и мелкую (менее 2 × 2 мм) фракции. Лабораторная обработка проводилась с помощью бинокулярного микроскопа. Описывались некоторые морфологические особенности органов растений и проводились промеры. Типичные экземпляры фотографировались. Видовое определение заключалось в сравнении с современными эталонными экземплярами и данными определителей.

Находки представлены обугленным зерном. Обугливание (карбонизация) происходила при пожарах, в результате перегрева зерна у очагов, при неполном сгорании отходов обмолота колосьев в очагах, т.е. при воздействии на зерно непосредственно огня или высокой температуры (в последнем случае, если она была не очень высока, зерно только подсушивалось). Зерновки злаковых, плоды и семена других растений при обугливании претерпевают некоторые изменения, характер которых специфичен для каждого вида. На это также влияют условия карбонизации и состояние самого материала (зрелость, длительность хранения, степень влажности). Для злаковых характерно уменьшение длины зерновки на 10 – 25% при несколько меньшем уменьшении ширины и толщины.

Злаки

На первом месте стоит метельчатое просо *Panicum milliaceum*, обнаруженное во всех пробах на всех изученных памятниках. Исследовано более 200 зерновок,

некоторые из них сохранили чешуи. Размеры зерновок $2,3 \times 1,7$, $1,5 \times 1,5$, $1,8 \times 2$ мм (рис. 2, 1). С учетом уменьшения зерна при карбонизации его размеры можно восстановить как $1,7 - 1,9 \times 2,1 - 2,4$ мм, каковыми характеризуется современное метельчатое просо. Некоторые зерновки деформированы – у них утерян зародыш, на месте которого осталась впадина (рис. 2, 1а).

Просо абсолютно доминировало на Куйрук-тобе, где в слое IX – XI вв. обнаружено несколько десятков его зерновок против одной пшеничной. Имеются сообщения о наличии проса (без видового определения) на городищах Лавар, Чилик и Жаксылык в предгорьях Заилийского Алатау [Савельева, 1994, с. 135]. В Чуйской долине оно обнаружено в одной из построек караханидской эпохи (X – XIII вв.). В Таласской долине на тобе у с. Лугового найдены сосуды со следами подсыпки пшеницы при их изготовлении [Бернштам, 1941, с. 14]. Это имело технологическое значение – препятствовало прилипанию сосуда к гончарному кругу или подставке при обжиге.

В 1998 г. в ходе работ на городище Антоновка, отождествляемом со средневековым городом Каялык, обнаружены большие запасы проса, оставленного в хуме. По сохранившимся веточкам соцветия и морфологии колосков с характерным блеском чешуй и продольной нервацией находку можно определить как просо метельчатое (развесистое). Зерновки внутри колосковых чешуй истлели (рис. 2, 2). Имеется незначительная примесь семян одного растения мари городской, которые имеют вид темно-бурых или грязно-серых орешков округло-сдавленной формы диаметром $0,7 - 1$ мм и толщиной $0,5$ мм. Марь может произвести 940 000 семян и их потенциальный запас в перелогам и залежах светло-каштановых и бурых почв, которые она предпочитает, очень велик. Поэтому старопашотные земли часто засорены ею. Просо на ранних стадиях роста имеет замедленные темпы развития и боится сорняков, поэтому надо пропалывать посевы или использовать чистые, незасоренные земли – целину либо залежь [Растениеводство, 1967, с. 79]. В округе такого большого города, как Каялык, велось интенсивное земледелие на старопашотных землях, для восстановления плодородия которых необходимо было оставлять участки под залежь.

Вегетационный период проса 50 – 80 дней для скороспелых сортов и 100 – 200 для позднеспелых. По анатомическому строению корневой системы просо – типичное ксерофитное растение. Его усваивающая способность лучше, чем у ячменя и пшеницы. Даже при близком к мертвому запасу содержания в почве воды корни проса способны ее извлекать. Это одно из самых малотребовательных к влаге растений и может переносить сильное обезвоживание тканей. Тем не менее оно отзывчиво на влагу [Растениеводство, 1964, с. 79]. Только почти полное отсутствие осадков во второй половине лета мешало снимать два урожая проса на неполивных землях. Сред-

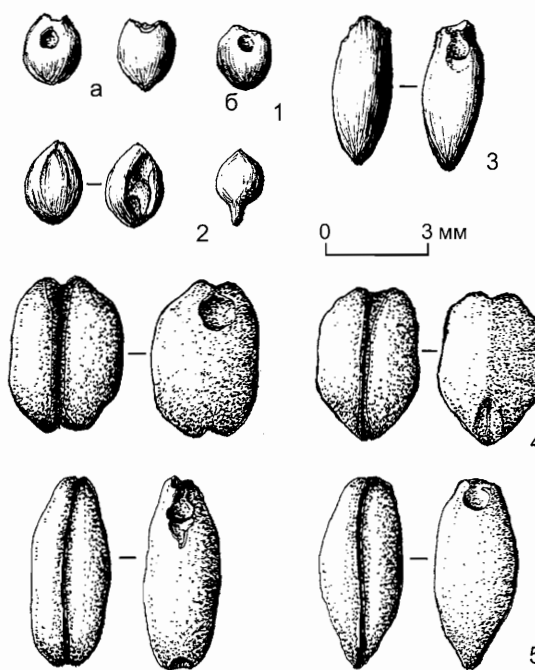

Рис. 2. Злаки.

1 – метельчатое просо: а – зерновка без зародыша, б – обухленный колосок; 2 – колоски метельчатого проса из Каялыка; 3 – двурядный пленчатый ячмень; 4 – карликовая пшеница; 5 – голозерный многорядный ячмень.

ней урожайностью считается 20 – 25 ц с гектара. Все это делало просо одним из самых удобных для возделывания злаков в условиях аридных степей и полупустынь.

О культуре проса в Южноказахстанско-Семиреченском регионе есть сообщения средневековых арабоязычных и европейских информаторов. Иакуби отмечает, что “в Туркестане нет земледельцев, кроме сеющих просо” [Материалы..., 1939, с. 149]. Ал-Омари пишет о кыпчаках, проживающих по Сырдарье и в предгорьях Каратау: “...посевов у них мало, и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего у них встречается просо, им они питаются и по части произведений земли в нем заключается главная еда их” [Тизенгаузен, 1884, с. 233]. Плано Карпини пишет, что среднеазиатские кочевые племена “варят просо с водой” [Путешествия..., 1993, с. 32]. Русский посол В. Кобяков, ездивший в 1695 г. в г. Туркестан – ставку хана Тауке, сообщает уже о более разнообразном наборе злаков в районе г. Туркестана на Сырдарье: “Хлеба у Тевке-хана родится многое число, пшеница, и ячмень, и просо, и хлеба сеют озимые и яровые” [История..., 1957, с. 141].

По свидетельству русского путешественника А.М. Левшина (первая треть XIX в.), просо считалось главным зерновым растением казаха-земледельца [Левшин, 1832, с. 205].

Ячмень по количеству карбонизированных зерновок (113) стоит на втором месте. Наиболее распространенным

Таблица 1. Параметры зерновок ячменя

Длина L	Ширина B	Толщина T	L:B	$\frac{B \cdot 100}{L}$	$\frac{T \cdot 100}{L}$	$\frac{T \cdot 100}{B}$
Талгар						
6	3	2,5	2	50	42	83
5	3	2,5	1,7	60	50	83
5	2,5	2	2	50	40	80
4,5	2,5	2	1,8	56	44	80
3,5	2,5	2	1,4	71	57	80
Акыртас						
7,5	4	2,5	1,9	53,3	33	62,5
7	2,5	2,5	2,8	36	36	100
6	2,5	2,8	2,4	41	47	112
6	3	3	2	50	56	100
6	3,8	3	1,6	63	50	79
5	3	2,7	1,6	60	54	90
5	4	3,5	1,25	80	70	87,5
Современный ячмень						
8	3,5	2	2,3	44	25	57
8	3	2	2,7	37,5	25	67

Таблица 2. Параметры зерновок пшеницы

Длина L	Ширина B	Толщина T	L:B	$\frac{B \cdot 100}{L}$	$\frac{T \cdot 100}{L}$	$\frac{T \cdot 100}{B}$
Талгар						
4,5	3	3	1,5	66,6	66,6	100
3	2,8	2,5	1,1	93	83	90
Акыртас						
4	3	2,5	1,3	75	62,5	83
3,9	2,7	2,2	1,4	70	56	81
4	2,5	2,1	1,6	62,5	52,5	84
4	2	2	2	50	50	100

в ячменных посевах был двурядный пленчатый ячмень с симметричными зерновками. Некоторые из них сохранили цветковые чешуи и расширяющиеся к вершине зерновки неглубокие бороздки (рис. 2, 3). В современной классификации этот подвид именуется *Hordeum vulgare subsp. distichum* [Zohary, Hopf, 1994, p. 58]. Он составлял 55% всех найденных зерен ячменя в Талгаре и 60% – в Акыртасе.

Пленчатые шестирядные разновидности *H. vulgare subsp. vulgare* с симметричными зерновками, которые развивались на боковых колосках-триплетов, составляют 20%. В Талгаре таких зерновок не обнаружено.

Голозерному двурядному ячменю принадлежит 18% зерновок, причем в Талгаре их доля 40%, а в Акыртасе 10%.

Менее всего представлен голозерный многорядный ячмень (рис. 2, 5) – 7%, в Акыртасе обнаружено пять его зерновок, а в Талгаре – одна.

Даже после внесения соответствующих поправок с учетом уменьшения размеров зерновок при обугливания найденные зерновки будут меньше, чем у со-

временного ячменя (табл. 1). Культивировались мелкозерные сорта, что связано с засушливым климатом и бедностью почв. Особенно это касается Талгара, где встречаются некрупные укороченные зерновки с отношением длины к ширине 1,6. Короткие, нередко асимметричные зерновки характерны для плотноколосых форм. В Акыртасе возделывались и рыхлоколосые сорта с удлиненными зерновками, у которых отношение длины к ширине в пределах 1,7 – 2,2.

Более половины всех ячменных зерен принадлежит к двурядным голозерным и пленчатым формам со стерильными боковыми цветками в колосе. К закладке большого числа бесплодных колосков может привести недостаток влаги в период выхода в трубку – формирования колоса [Растениеводство, 1967, с. 52]. Мутации в сторону их фертильности некоторые исследователи связывают с искусственным или естественным (половодье) орошением [Янушевич, 1976, с. 105]. Д. Зохари считает, что многорядные ячмени появились только после одомашнивания [Zohary, Hopf, 1994, p. 55]. Индикатором многорядности колоса являются асимметричные

зерновки, развивающиеся из двух боковых цветков триплета. Из среднего цветка развивается симметричная зерновка, т.е. соотношение асимметричных и симметричных зерновок в колосе многорядного ячменя будет 2:1. Асимметричные пленчатые и голозерные зерновки суммарно составляют 27% от общего числа обнаруженных зерен ячменя. Можно ли предположить, что такая же доля земель, занятых ячменем, орошалась, и там происходили указанные мутации?

Даже если различные разновидности зерна откладывались в культурном слое пропорционально своей доле в урожае, то это еще не значит, что таково было и их соотношение в посевах. Колос шестирядного ячменя давал в 3 раза больше зерна, чем двурядного, как раз благодаря асимметричным боковым зерновкам. С одинаковой площади урожай шестирядного ячменя был в 3 раза больше, чем двурядного. Иными словами, соотношение между различными морфологическими типами зерновок ячменя в коллекции может отражать то же соотношение в урожае, но не в посевных площадях. Доля земель, занятых шестирядным ячменем, должна быть в 3 раза меньше доли его зерновок в коллекции, или 9%. Только на этой части земельного клина, занятого ячменем, велось интенсивное орошаемое земледелие, обеспечившее возможность мутаций в сторону фертильности боковых цветков и шестирядности. Это, впрочем, не было жестко закреплено: З.В. Янушевич отмечает, что под влиянием сухости климата могла происходить редукция боковых колосков и ячмень возвращался к двурядной форме [1976, с. 205].

Ячмень требует влаги несколько больше, чем просо, но меньше пшеницы. Вследствие раннего посева (не требователен к теплу) и скороспелости (80 – 100 дней) он использует весенние запасы влаги и уходит от летней засухи и суховея, что определяет более высокую урожайность ячменя в южных районах по сравнению с пшеницей [Растениеводство, 1967, с. 52]. Его удобно выращивать на неорошаемых землях.

На третьем месте с большим отрывом от проса и ячменя стоит пшеница: 14 зерновок из Акыртаса составляют только 6,5% всех обнаруженных там злаков, семь из Талгара дают значительно больший процент – 41. Из Куйрук-тобе только одна зерновка. Имеется упоминание без видового определения об обгоревших зернах пшеницы, найденных на городище Торткуль (XI – начало XIII в.) на западной окраине г. Тараз [Байпаков, 1998, с. 88]. Изученные нами зерновки (рис. 2, 4, табл. 2) по отношению длины к ширине могут быть разделены на две группы:

1) девять зерновок, у которых этот показатель от 1,6 до 2, что присуще мягкой пшенице *Triticum aestivum*.

2) 13 с индексом от 1,1 до 1,5, что характерно для карликовой пшеницы *Tr. compactum*. У современных зерновок этого вида он несколько больше. Различие объясняется тем, что при обугливания зерновка ук-

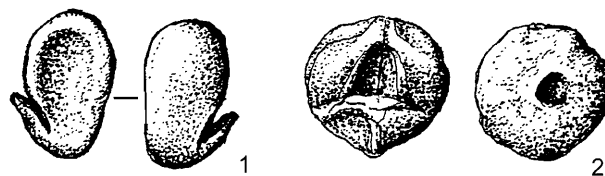

Рис. 3. Бобовые.

1 – чечевица столовая, 2 – посевной горох.

рачивается и расширяется. Карликовая пшеница имеет короткий и плотный колос и, соответственно, мелкие, короткие и широкие зерна, иногда приближающиеся к округлым. Такое зерно при помоле дает меньше отрубей, так как поверхность шара наименьшая по сравнению с поверхностями других тел такого же объема. Карликовая пшеница отличается от мягкой короткой и устойчивой к полеганию соломиной, что давало ей преимущества на высокоплодородных почвах – на целинных и вновь осваиваемых залежных землях. Также она обладает скороспелостью, засухоустойчивостью и неприхотлива. По сравнению с мягкой пшеницей ее урожай меньше, но устойчивей по годам.

Изученные зерновки карликовой и мягкой пшеницы мелки и сходны по размерам с наиболее мелкозерными сортами современных пшениц этих видов. Они отражают существование смешанных посевов *Triticum aestivum* и *compactum*, где шла их спонтанная гибридизация, на что указывает наличие переходных форм зерновок – с индексом 1,5. Растения смешанных популяций должны обладать одинаковыми биологическими свойствами, прежде всего это касается одновременности созревания, что важно при уборке урожая. С генетической точки зрения оба вида пшеницы обладают гексаплоидным набором хромосом и геномом AABBDD. Ряд исследователей рассматривают карликовую пшеницу как один из подвидов (*Tr. aestivum* subsp. *compactum*) мягкой – *Tr. aestivum* [Zohary, Hopf, 1994, p. 47]. Интересно, что смешанные посевы этих видов существовали в средневековье и на других, часто удаленных от Среднеазиатско-Казахстанского региона, территориях: в Германии, Польше, Новгороде, в Приднестровье [Янушевич, 1976, с. 87 – 92].

Подводя итог по злакам, надо отметить, что доминировали те, которые характеризуются скороспелостью, засухоустойчивостью и неприхотливостью – качествами, весьма ценными для неорошаемого богарного земледелия. Просо – хороший предшественник для ячменя, и эти две культуры могли составлять севооборот.

Бобовые

Мелкосеменная (4,3 × 2,8 мм) чечевица *Lens culinaris* обнаружена в Акыртасе. Под воздействием температуры семена несколько вытянулись (рис. 3, 1). В диком состоянии это растение не известно. Вначале

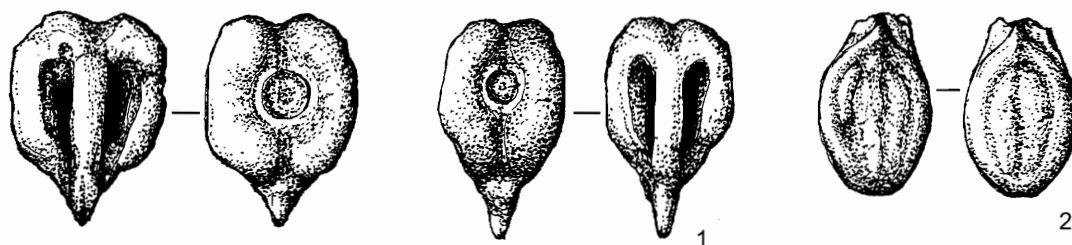

Рис. 4. Сочноплодовые и тыквенные.

1 – семена винограда, 2 – семена арбуза.

чечевица развивается медленно и отзывчива на увлажнение, в дальнейшем становится жаро- и засухоустойчивой, имеет короткий вегетационный период. Хороший предшественник для проса.

Горох посевной *Pisum sativum* обнаружен в слое IX – XI вв. на Куйрук-тобе. Семена карбонизированы, лишены оболочки, многие без корешка и имеют неправильную шарообразную форму (рис. 3, 2). Это указывает на то, что под действие огня попали горошины, не полностью созревшие и подсушенные, а еще сохранившие некоторое количество влаги. Их диаметр 3,5 – 4 мм, до обугливания он мог быть 4,2 – 5 мм. Размеры семян современного гороха в пределах 3,5 – 10 мм, следовательно изученные образцы принадлежали к мелкосеменному подвиду *asiaticum*, возделывавшемуся в Передней и Центральной Азии [Жуковский, 1964, с. 333]. Горох предъявляет повышенные требования к влаге: для прорастания семян необходимо 100 – 150% воды от веса семян; наиболее высокие урожаи снимают, когда влажность почвы близка к оптимальной – 80% от полевой влагоемкости [Растениеводство, 1967, с. 105]. Поэтому в Отрарском оазисе он мог выращиваться только на основе искусственного орошения. Горох является хорошим предшественником многих культур, так как синтезирует азот воздуха, а его корневая система растворяет труднодоступные фосфаты, что могло использоваться средневековыми земледельцами для восстановления плодородия почвы после злаковых.

Сочноплодовые и тыквенные

Семена этих растений обнаружены при промывке заполнения бадраба IX – XI вв. на шахристане Куйрук-тобе. Основную массу находок составили семена культурного винограда *Vitis vinifera* L. длиной 5 – 6 и шириной 3 – 4 мм, длина “клювика” 0,7 – 0,8 мм, халаза округлая и расположена в верхней половине семени (рис. 4, 1), что позволяет отнести их к винным сортам. Некоторые семена достигают размеров 8 × 4,5 мм, свойственных столовым сортам, но их очень мало. П.М. Жуковский считает, что в Средней Азии винных сортов очень мало и вино делают из кишмишного и

столового винограда [1964, с. 567], но в то же время в Западном Тянь-Шане есть одичалый виноград, по типу винный. Исчезновение винных сортов можно связать с распространением ислама, запрещающего употреблять вино. С тех пор селекция направлялась на получение сортов, предназначенных для приготовления изюма, и столовых. Виноград использовали как источник сахара, глюкозы. Но это произошло позже. В IX – XI вв. исламизация в Южном Казахстане только начиналась и наряду с новой религией существовали и зороастрийские верования. Так, в Отраре в слое XII в. обнаружены вмазанные в пол алтари – очаги для возжигания огня [Байпаков, 1998, с. 36].

Культурный виноград не был импортирован в Отрарский оазис извне и происходит от дикого винограда *V. silvestris*, северной границей распространения которого являются близлежащие горы Каратау, где обнаружены и древние поселения [Жуковский, 1964, с. 568]. Здесь и происходило его введение в культуру.

Столовый арбуз *Citrullus lanatus* представлен несколькими белыми семенами размером 10 × 6,5 мм (рис. 4, 2). Его давним ареалом является Калахари и суданский Кордофан, где и сейчас он встречается в диком состоянии. Арбуз уже возделывался в Египте при XII династии (XX – XVIII вв. до н.э.), много семян найдено в гробнице Тутанхамона (1325 г. до н.э.). Более поздние находки происходят из храма XVIII династии около Семна в Нубии [Zohary, Norf, 1994, р. 182], самые ранние в Закавказье относятся к VII в. до н.э. – цитадель Кармир-Блур. В IX – XI вв. н.э. арбуз возделывался в Орен-кала [Лисицына, Прищипенко, 1977, с. 83], в X в. он проникает в Китай [Жуковский, 1964, с. 661]. Находки 2000 г. позволили нанести на карту путей его распространения еще один пункт – Куйрук-тобе. В Отрарском оазисе арбуз выращивали в позднесредневековый период, судя по семенам из верхних слоев Отрар-тобе [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1981, с. 186].

Обнаружено несколько семян дыни *Cucumis melo*. Плоды ценились за богатство сахаром, причем преобладает сахароза (до 13%); фруктоза и глюкоза представлены в меньших количествах. Некоторые сорта способны храниться в течение всей зимы.

Лох (джида) *Elaeagnus orientalis* L. является результатом многовековой селекции. Найдено несколько длинных продолговатых косточек. В эпоху караванных сообщений между оазисами лох был ценным путевым продовольствием. Его плоды содержат сахар, они сухие, сладкие и питательные, их легко перевозить. Традиция обсаживать лохом селения в пустынях сохранилась с древности до наших дней.

Заключение

В полевой культуре средневекового Южного Казахстана и Семиречья преобладали засухоустойчивые просо, ячмень, чечевица, наиболее ответственные периоды вегетации которых совпадали с максимумом осадков или весенней влажностью почв, что позволяло развивать богарное (неорошаемое) земледелие. Все растения имеют короткий вегетационный период, но выращивание второго урожая исключается засухой с середины лета. Существовали и орошаемые земли, о чем свидетельствует наличие зерновок мягкой пшеницы, многорядного ячменя и семян гороха. В Акыртасе обнаружено одно семя льна, Г.Н. Лисицына вслед за датским археоботаником Г. Хельбеком считает, что триада пшеница – ячмень – лен закономерна для ирригационного земледелия [Лисицына, Прищипенко, 1977, с. 34]. Впрочем, орошалось около 9 – 10% посевных площадей.

Для средневекового Семиречья и Южного Казахстана характерен не очень богатый состав культурной флоры, что контрастирует с данными по энеолиту и бронзе сопредельных районов Средней Азии и с материалами средневековых памятников удаленных областей – Закавказья, Буго-Днестровского региона, Руси. Этому могут быть следующие объяснения:

1. Регион лежит вне очагов первичной domestikации растений, для которых характерно наибольшее видовое внутри рода и сортовое внутри вида разнообразие флоры. Влияние этого фактора на состав растительности прослеживается и в наши дни, что легло в основу гипотезы Н.И. Вавилова о выделении очагов первичной domestikации растений. В регион попадали уже окультуренные виды. К тому же сопредельный среднеазиатский очаг (Северо-Западная Индия, Афганистан, Таджикистан, Западный Тянь-Шань) значительно уступает другим по разнообразию исходного материала для окультуривания (диких видов) и по числу одомашненных растений [Там же, с. 20].

2. За несколько тысячелетий произошел искусственный отбор и предпочтение стали отдавать тем культурам, которые дают наибольший урожай при наименьших трудовых затратах на возделывание в данной природно-экологической обстановке.

Список литературы

- Акишев К.Л., Байпаков К.М., Ермаков Л.Б. Позднесредневековый Отрар. – Алма-Ата: Гылым, 1981. – 451 с.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Гылым, 1998. – 216 с.
- Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. – Алма-Ата, 1941. – 205 с.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.Д., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова В.А. Земледелие и системы земледельческого использования в долине Москвы-реки // СА. – 1996. – № 4.
- Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. – Л.: Колос, 1964. – 792 с.
- История Казахской ССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. – 610 с.
- Кирьянов А.В. История земледелия Новгородской земли X – XV вв. // МИА. – 1959. – Вып. 65. – С. 306 – 363.
- Левшин А.М. Описание киргиз-казачьих, или кигиз-кайсацких орд и степей. – СПб., 1832. – Ч. 2. – 190 с.
- Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. – М.: Наука, 1978. – 299 с.
- Лисицына Г.Н., Прищипенко Л.В. Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. – М.: Наука, 1977. – 283 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.; Л., 1939. – Т. 1. – 348 с.
- Природные условия и естественные ресурсы СССР: Казахстан. – М., 1963. – 462 с.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы: Гылым, 1993. – 248 с.
- Растениеводство. – М.: Просвещение, 1967. – 559 с.
- Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII – XIII вв. – Алматы: Гылым, 1994. – 216 с.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, касающихся истории Золотой Орды. – СПб.: Б.и., 1884. – 254 с.
- Янушевич З.В. Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. – Кишинев: Штиинца, 1976. – 210 с.
- Янушевич З.В. Культурные растения Северного Причерноморья: Палеоботанические исследования. – Кишинев: Штиинца, 1986. – 90 с.
- Zohary D., Hopf M. Domestication of Plants in the Old World. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – 279 p.

Материал поступил в редколлегию 29.01.2001 г.

УДК 904:726.1

М. Олдендерфер

*Отдел антропологии, Университет Калифорнии, США
Department of Anthropology, University of California,
Santa Barbara, CA 93106, USA
E-mail: aldender@sscf.ucsb.edu*

ПИЯН (ПИЯНГ): ТИБЕТСКИЙ БУДДИЙСКИЙ ХРАМ И МОНАСТЫРСКИЙ КОМПЛЕКС X – XI веков В ЗАПАДНОМ ТИБЕТЕ

Введение

В конце X – начале XI в. н.э. Западный Тибет переживал *phyi.dar* – процесс восстановления буддизма (далее – “Восстановление”). Он осуществлялся светскими правителями и знатью Гугэ и Пуранга – двух наиболее важных светских государственных образований в регионе того времени, вместе с буддийскими монахами, священниками и мирянами. Одной из наиболее важных фигур “Восстановления” был Ешей-Од (Йешес-од), который в 985 г. отрекся от трона Пуранга в пользу своего брата и стал буддийским монахом. Используя свое высокое положение, он с помощью брата и представителей знати попытался восстановить в княжестве более чистую форму буддизма. Реформы Ешей-Ода предполагали, в частности, принятие законов, которые определяли принципы культовой практики буддизма и способы участия в ней знати и простого люда, а также создавали основу для образования монашеских общин. Реформы, в основе которых лежали религиозные мотивы, были направлены на достижение политических целей в Гугэ – Пуранге.

Материальным выражением “Восстановления” были храмы, часовни, монастыри и другие культовые сооружения, появившиеся по всему региону. 996-й письменные источники выделяют как год основания главного храма Тхолинг, который стал важнейшим центром буддийского учения в Западном Тибете в последующие 500 лет [Vitali, 1999]. Полагают, что тогда же были заложены и многие другие культовые сооружения в регионе. Таким образом, определение и подтверждение дат основания, а также изучение роста и

территориального распространения этих памятников является важной частью археологического и исторического исследований в Западном Тибете и в области за отрогами Гималаев.

Данная статья посвящена раскопкам, предпринятым в Пияне (рис. 1) в 1997 и 1999 гг. группой археологов Сычуаньского объединенного университета (Чэнду, КНР) и Калифорнийского университета (Санта-Барбара). В XIX – XX вв. Пиян могли посещать такие европейские исследователи, как братья Шлагинтвэйт и Джузеппе Туччи [Vitali, 1996, p. 275], но систематические работы на памятнике начались в 1992 г. и были продолжены в 1994 г. [Хо Вэй, Ли Юнсянь, 1997]. Тогда было проведено обследование памятника, описаны остатки сооружения и образцов искусства, найденных в многочисленных пещерах и гротах. В 1997 и 1999 гг. велись раскопки памятника, составлялись карты и были сделаны многочисленные фотографии сооружений и сохранившихся в них образцов искусства.

Проект по изучению Пияна имеет широкий спектр исследовательских задач. Предполагается провести детальный анализ иконографии стенных росписей и определить их значение в контексте преобразований, а также реконструировать экономический контекст храмовой и монастырской деятельности в Пияне. В данной статье рассматриваются два узких, но важных вопроса: 1) можно ли соотнести какие-либо остатки сооружений в Пияне с ранними стадиями “Восстановления” и, если да, то каковы даты их сооружения и перестройки; 2) какие существуют свидетельства для датировки основания Пиянского монастыря как общины монахов?

Исторический контекст

Среди многочисленных исторических документов, касающихся строительной кампании 996 г. на ранних стадиях “Восстановления”, выделяются три: “Биография Ринчен Зангпо” [Shellgrove, Skorupski, 1980], “История Гугэ и Пуранга” под названием “mNga’ris rgyal.rabs” [Vitali, 1996] и “История правителей Западного Тибета” – “Nyang.ral chos’byung”. Эти истории были написаны после 1000 г. и различаются по количеству исторических деталей. Поскольку их авторы пользовались разными первичным и вторичным источниками, сравнивать эти сочинения между собой трудно. Каждое из них содержит важную информацию о храмах и других культовых сооружениях, которые авторы связывают со строительной кампанией 996 г.

Наиболее спорной является “Биография Ринчен Зангпо”, который известен как великий переводчик санскритских текстов индийского буддизма на тибетский язык, а также как инициатор строительной кампании Ешей-Ода. Как сказано в “Биографии...”, Ринчен Зангпо поклялся соорудить 108 часовен [Petch, 1997, р. 234], в соответствии со священным числом буддийской веры. Ринчен Зангпо был ответственным за сооружение трех основных центров буддизма в регионе – главных храмов в Тхолинге и Хачаре и монастыря в Ньярме. В биографии названо 21 основанное им “менее значительное сооружение”, и Пиан не фигурирует среди них [Petch, 1997, р. 235; Tucci, 1988, р. 71 – 72]. Очень важно, что эти культовые сооружения традиционно относят к кампании 996 г., следовательно, можно предположить, что Пиан не входил в эту группу.

В “mNga’ris rgyal.rab” Пиан (называемый в тексте источника Пиван и Пийван) указан в числе восьми основных храмов (наряду с Тхолингом, Хачаром, Ньярмой, Табо, Канамом и Монагом), построенных Ешей-Одом и Ринчен Зангпо [Vitali, 1996, р. 269], однако в “Nyang.ral chos’byung” приведен немного другой список ранних храмов (Хачар, Табо, Ньярма, Шалинг и Тхолинг), в который не включен Пиан [Ibid, р. 269 – 270].

Таким образом, сведения письменных источников противоречивы, и, опираясь только на них, трудно определить, был ли Пиан сооружен в 996 г.

Вторая сформулированная нами проблема касается даты основания Пианского монастыря. Согласно “mNga’ris rgyal.rab”, община монахов (chos-sde) была основана в Пиане правителем Гугэ Дебарадза в год его смерти, что могло произойти между 996 и 1023 г. [Ibid, р. 272]. Из этого следует ряд важных выводов: если в Пиане в 996 г. действительно велось строительство и если письменные источники точны, то там был храм (lag.khang). Создание общины монахов предполагает расширение lag.khang за счет пристройки du.khang, или зала собраний, который использовался монахами для богослужений и повседневной деятельности общины.

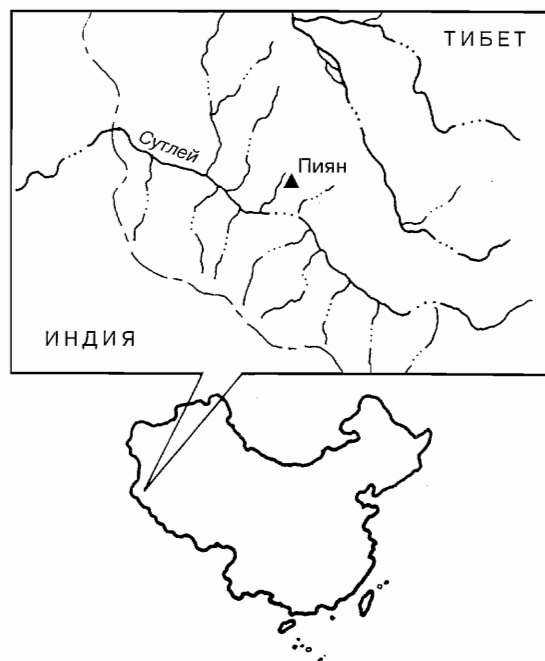

Рис. 1. Карта-схема расположения Пиана.

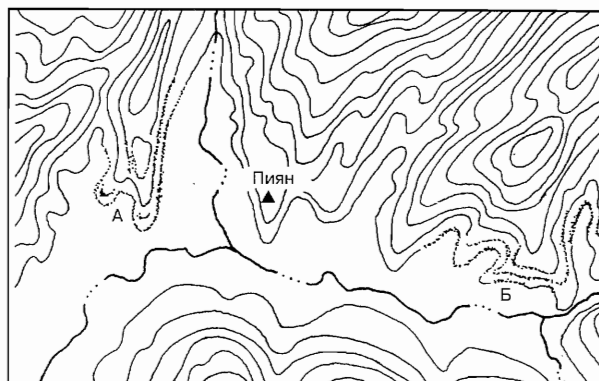

Рис. 2. Карта-схема окрестностей Пиана.

А – мирской, храмовый и монастырский комплексы позднего периода Пиана; Б – памятник Дунга.

Du.khang – особенность храмов, при которых есть монастыри, хотя, конечно, храмы могли быть и без du.khang. К тому же, слово, которое используется в “mNga’ris rgyal.rab”, может переводиться как “усадьба” или “жилище для монахов”. Неясно, где находились эти жилища, но, судя по Тхолингу и другим монастырям [Vitali, 1999, р. 102 – 103], они могли размещаться на территории храма. Есть версия, что монахи обитали в искусственных пещерах, вырытых в мягкой породе холмов, окружающих предполагаемые остатки храма. В Пиане известно более 1 тыс. пещер, которые служили убежищами, жилищами, складами, усыпальницами и часовнями [Хо Вэй, Ли Юнсянь, 1997, р. 22]. Если верить письменным источникам, то зал собраний и жилища монахов были сооружены после 996 г. или в начале XI в.

Рис. 3. Плато. Вид на северо-запад от Пияна.
Слева – “Старый храм”, справа – главный чортен.

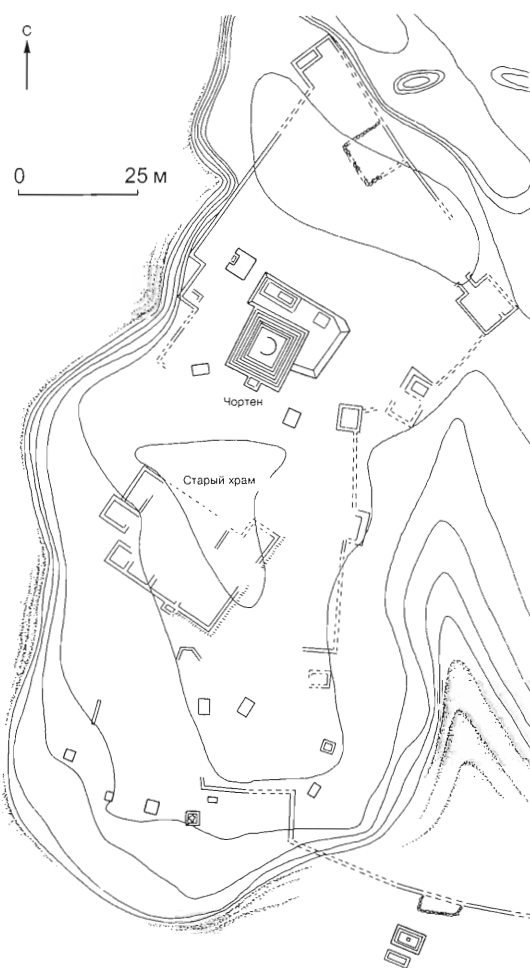

Рис. 4. План западной части плато Пиян
с указанием сохранившихся главных архитектурных
особенностей памятника.

Описание памятника

Пиян расположен на высоте 4,1 тыс. м над ур.м. в месте с координатами $31^{\circ}41'$ с.ш. и $79^{\circ}48'$ в.д. на небольшом плато у слияния двух ручьев, впадающих в р. Сутлей (рис. 2, 3). Плато довольно плоское, занимает площадь приблизительно 1,3 га, возвышается на 40 м над основанием долины и охватывает ее с южной, восточной и западной сторон. На севере плато ограничено ущельем шириной 10 м и глубиной 15 м. Само плато разделено на восточную и западную части некрутым оврагом, ориентированным с севера на юг.

Современная д. Пиян, как и основная часть пещер, а также более поздних сооружений (монастырских, появившихся по мере роста общины, и мирских) находится к западу от долины [Ibid]. Важный по значению памятник Дунга расположен в 2 км восточнее плато вверх по течению реки.

В настоящее время памятник разрушен. Ни одно из оставшихся более крупных сооружений, кроме нескольких чорتنенов, не сохранило крышу, вследствие чего многие стены обрушились. Территория памятника покрыта битым сырцовым кирпичом, строительным камнем, немногочисленными керамическими плитками и черепками. Состояние более мелких построек, которые сложены из необожженного кирпича, разрушившегося со временем, затрудняет определение их назначения.

Сегодня памятник представляют стены и их фрагменты, окружающие его по периметру, а также стены или фундаменты построек, чортены разных размеров, а также каменные и кирпичные площадки, в основном маленькие, квадратной или прямоугольной формы,

Рис. 5. “Старый храм”. Вид с юга. Северная стена сооружения обрушилась.

служившие, по всей вероятности, основаниями для не построенных или незаконченных чортегов (рис. 4).

Все сооружения памятника, кроме единственной постройки со стенами, вырубленными в скале, сложены из камней и сырцового кирпича. Речные булыжники или большие плоские камни прямоугольной формы использовались преимущественно в качестве фундамента для стен из сырцового кирпича. Кирпичи представляют собой, как правило, большой прямоугольник длиной 60 см, шириной 40 см, толщиной 36 см (в среднем). Длина больших кирпичей 55 см – 1,7 м, ширина 40 – 50 см, толщина 30 – 40 см. Кирпичи из необожженной глины очень грубые и шероховатые, с многочисленными включениями щебня. Кирпичи, сделанные из теста с меньшим количеством щебня, имеют более гладкую поверхность. Они, как правило, меньше, чем другие, по размеру, часто использовались для отделки зданий, особенно чортегов. Органический наполнитель в больших кирпичах явно отсутствует, поэтому отбор образцов для радиоуглеродного датирования затруднен. Хотя нам и не удалось взвесить эти кирпичи, мы оцениваем их вес в 50 – 60 кг. При строительстве кирпичи укладывали друг за другом и соединяли вместе раствором песка и глины, толщиной 1 – 2 см. Меньшие по размеру необожженные прямоугольные кирпичи, часто с достаточно высоким содержанием органического наполнителя, использовали для создания

меньших по размеру конструктивных элементов или особых архитектурных деталей.

Во время первоначального осмотра памятника было установлено, что дата застройки восточной части плато относительно более поздняя. По стилистическим особенностям чортегов в юго-восточном углу памятника можно отнести к XVI, XVII вв. Но, исходя из плана, ни в одном законченном сооружении нельзя увидеть храмовые черты. В данной части памятника привлекает внимание большой, но незаконченный фундамент, который мог быть основанием храма неизвестного времени. В западной части плато находится несколько интересных архитектурных объектов, в частности, очень большое сооружение, названное нами “Старый храм”, и большой чортен на севере. Хотя ни остатки на поверхности, ни архитектурные детали не указывают на время постройки, но их размер и расположение позволяют с большой вероятностью отнести их к ранним этапам “Восстановления”.

“Старый храм”

Это большое прямоугольное сооружение со стенами из грубых сырцовых кирпичей, возвышающимися более чем на 6 м над уровнем современной поверхности (рис. 5). Максимальная длина сооружения с востока на юг 32,8 м, максимальная ширина в центре 21,8 м, в восточной части – 25 м. Стены сложены из одного

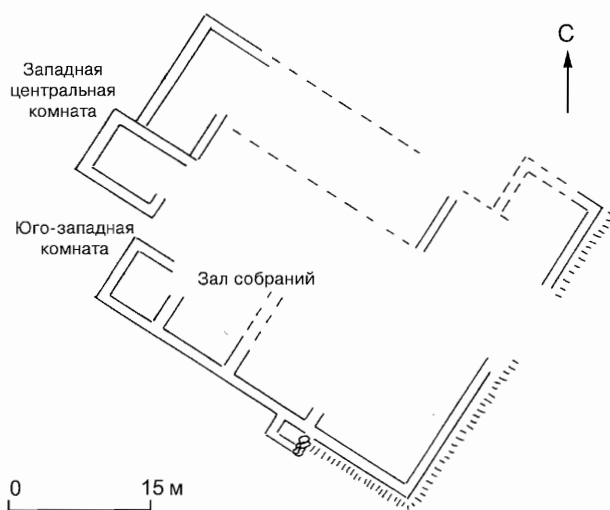

Рис. 6. План «Старого храма» с архитектурными деталями.

ряда кирпичей, положенных на каменный фундамент. Кирпичи стен примыкают друг к другу, но не соединяются. Такая кладка типична для всех конструкций памятника и не является свидетельством более поздней пристройки. Фасад сооружения укреплен характерными для тибетской архитектуры каменными и глиняными конструкциями с основаниями со скосами наружу. Другая архитектурная особенность тибетских построек – расположение балок крыши заметно ниже верхнего уровня стен, благодаря чему создается заглубленная крыша. Хотя деревянные части конструкции давно исчезли, отверстия, в которых они держались, сохранились в некоторых частях сооружения.

Несмотря на плохое состояние памятника (большая часть северных стен давно разрушилась), можно предположить, что в восточной стене некогда был вход. Длинная ось сооружения проходит примерно по линии восток – запад, что типично для многих тибетских храмов (рис. 6). Имеется еще один вход в районе юго-западного угла сооружения. В ходе долгого поиска нам так и не удалось обнаружить фрагменты, которые могли бы заполнять этот вход. Поэтому можно предполагать, что он был сделан преднамеренно.

Если представить сооружение в горизонтальной проекции, то внутри можно различить минимум пять небольших помещений. Они располагались в западном конце и вдоль южной стены. Два других помещения могли находиться вдоль восточной стены и в юго-восточном углу, но фрагменты обрушившихся стен не позволяют судить об этом с уверенностью. Продолжив линию фрагментарно сохранившихся стен до взаимного пересечения, мы можем предположить, что примерно в центре сооружения было помещение подквадратной (16,1 м (по линии восток – запад) × 15,6 м (по линии север – юг)) формы.

Большая часть поверхности внутренних стен разрушена, но в некоторых местах сохранилась грубая штукатурка красновато-коричневого цвета. На этих фрагментах нет ни росписи, ни узоров. Более того, на этих стенах отсутствуют какие-либо архитектурные украшения, которые помогли бы определить время создания сооружения.

Раскопки проводились в трех комнатах – юго-западной угловой, западной центральной и расположенной к востоку от нее, почти квадратной. Помещения заполнены смесью из обломков стен и крыши, бытового мусора, скорее всего, недавнего происхождения и артефактов, ассоциирующихся с тибетской буддийской религиозной практикой, например, целые и разбитые tshas-tsha, страницы тибетских манускриптов, фрагменты бронзовых светильников и декоративной плитки, а также современного мусора. Эти материалы были сильно перемешаны, поэтому определить по ним время создания сооружения трудно.

В ходе раскопок в западной центральной комнате (рис. 7) найдены почти полностью уцелевший трон или платформа в виде лотоса (рис. 8) и остатки настенной декоративной росписи (на южной и западной стенах комнаты и ниже уровня земляной поверхности) (рис. 9). Платформа из очень твердого необожженного кирпича с высоким содержанием органики, выкрашена: на слое белой краски имеются небольшие пятна красной и голубой краски. Два кирпича были нами расколоты, и наполнитель взят для радиоуглеродного анализа. Артефактов, непосредственно связанных с платформой, найти не удалось. Хотя сама платформа типично тибетская (см., напр., изображения подобных платформ в Табо [Klimburg-Salter, 1997, рис. 186, 191]), без стилистических деталей, указывающих на определенную художественную традицию.

Вдоль основания стены – декоративная настенная роспись: белые цветы с вьющейся лозой или ветками на черном фоне. Большие красные полосы разделены более узкими белыми полосами. Вверху слева обнаружено пятно голубого цвета. Один из фрагментов цветочного узора покрыт желтым пигментом. Это, возможно, позднейшая модификация или следствие разрушения поверхности стены. Образцы черной краски были взяты для радиоуглеродного анализа.

О функции помещений можно судить по характеру ниш и отверстий в стенах (см. рис. 7). Верхний ряд ниш тянется вдоль всех четырех стен и имеет отношение к балкам крыши, а расположенные ниже разные по размерам ниши почти наверняка связаны с деревянными стойками для медальонов и статуй, характерных для тибетских буддийских храмов. Эти медальоны и статуи, которые обычно делали из глины, дерева, но иногда из бронзы, представляли фигуры Будды, Бодхисаттв и других божеств. В заполнении помещений, к сожалению, не было найдено ни одного фрагмента таких

Рис. 7. Западная часть “Старого храма”. Слева юго-западная стена угловой комнаты, справа остатки стен западной центральной комнаты. В стенах западной центральной комнаты видны опоры крыши.

Рис. 8. Платформа в виде лотоса, обнаруженная у западной стены западной центральной комнаты.

Рис. 9. Фрагмент декоративной настенной росписи на основании южной внутренней стены западной центральной комнаты “Старого храма”.

Результаты радиоуглеродного датирования образцов* из Пияна

Образец	Характеристика образца	Датируемый материал	Дата по ^{14}C , л.н.	Калиброванная дата
Бета – 112716	Декоративная настенная роспись, западная центральная комната	Кирпич (органика)	860 ± 40	cal AD 1192 – 1208 (cal AD 884 – 1046, 2σ)
AA – 34860	Сырцовый кирпич из платформы в виде лотоса, западная центральная комната	Кирпич (органика)	860 ± 40	cal AD 1192 – 1208 (cal AD 1151 – 1265, 2σ)
AA – 36806	Настенная штукатурка, западная центральная комната	Штукатурка (органика)	70 ± 539	cal AD 1288 (cal AD 1260 – 1304, 2σ)
AA – 36805	Сырцовый кирпич из внутренней кладки главного чортена	Кирпич (органика)	561 ± 43	cal AD 1403 (cal AD 1301 – 1437, 2σ)
AA – 36803	Настенная штукатурка, чортен 5	Штукатурка (органика)	496 ± 39	cal AD 1427 (cal AD 1394 – 1466, 2σ)
AA – 36804	Необожженный кирпич из внутренней кладки, чортен 2	Кирпич (органика)	457 ± 39	cal AD 1439 (cal AD 1409 – 1484, 2σ)

* Все образцы были обработаны по методу AMS и калиброваны с использованием подключенной версии Calib 4.2 (<http://depts.washington.edu/qil/calib/>).

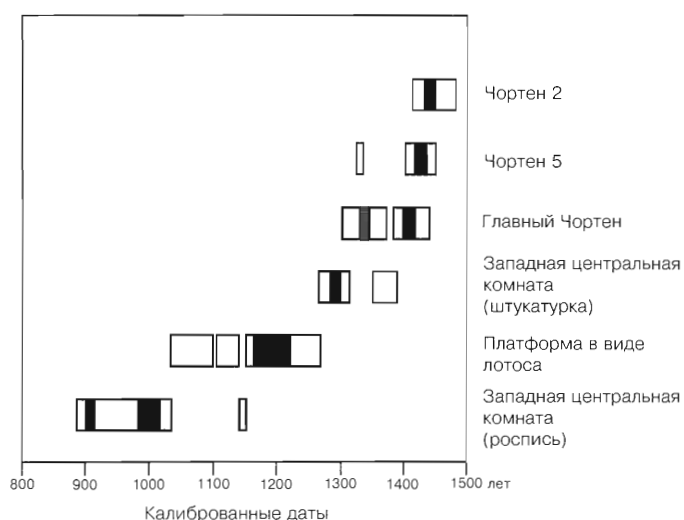

Рис. 10. Диаграмма радиоуглеродной оценки образцов из Пияна. Сплошной черный блок указывает одну сигму.

Рис. 11. Главный чортен в Пияне. Вид на северо-запад.

скульптур. Можно предположить, что они разрушились или были украдены в далеком прошлом.

Еще одна важная архитектурная деталь, встреченная при раскопках, — ряд вделанных в пол квадратного помещения плоских прямоугольных камней, ориентированный строго к востоку от западной центральной комнаты. Найдено два таких камня, вероятнее всего, это опоры для колонн. По расположению они похожи на детали на полу зала собраний (du.khang) в Табо [Ibid, план 2].

Юго-западная угловая комната не имела архитектурных украшений или настенных росписей, в ней зафиксировано лишь несколько небольших стенных ниш. Тем не менее можно предположить, что эта комната была двухуровневой, поскольку в ее стенах отмечено два ряда ниш. Назначение комнаты, однако, неизвестно.

Для анализа были взяты три образца органического материала из живописных и архитектурных фрагментов в западной центральной комнате (см. таблицу; рис. 10). Дата, полученная по одному из них (997 г., с калибровкой), связывает роспись комнаты с самыми ранними стадиями “Восстановления” в этой части Западного Тибета. Можно предположить, что роспись сделана в ходе кампании 996 г., поэтому все сооружение датируется этим периодом. Две другие даты более поздние и, скорее всего, соответствуют времени реконструкции данного помещения.

Главный чортен

Главный чортен обнаружен приблизительно в 25 м к северу от “Старого храма”. Это массивное сооружение, часть которого находится над большим камнем и платформой из необожженного кирпича, окружено пятью меньшими по размеру чортенами (рис. 11). Главный чортен представляет собой квадрат размерами 13 × 13 м в основании. Его пять пьедесталов окружены остатками круглой пентолы. Сооружение почти не разрушено, но в его стенах грабителями проделано множество ходов и отверстий. Маленькие ниши имеют большое количество tshas-tsha. На поверхности стен сохранились куски красноватой штукатурки, большая часть которой подверглась сильной эрозии. Облицовочные кирпичи в некоторых местах обрушились и обнажили структурные элементы и внутреннюю кирпичную кладку.

Один из кирпичей внутренней кладки был расколот, и его фрагмент взяли в качестве образца для радиоуглеродного датирования.

По сравнению с главным чортеом окружающие его меньшие чортены очень плохой сохранности: их стены разрушились или оплыли. Для анализа нами были взяты образцы органического наполнителя из кусков штукатурки чортена 5 и из ряда сырцовых кирпичей внутренней части чортена 2. Согласно результатам датирования (см. таблицу), главный и окружающие его чортены были построены в начале XV в., гораздо позже периода, соответствовавшего ранним стадиям “Восстановления”. Таким образом, их нельзя назвать синхронными датированным частям “Старого храма”. Хочется связать сооружение этого комплекса чортеов с коронацией и бракосочетанием

светского правителя Гугэ Nam.mkha'1 dbang.po phun.tshogs.lde в 1424 г. в Пияне [Vitali, 1996, p. 505]. Чортены, которые использовались как хранилища священных реликвий (часто мощей лам), иногда строили к тому или иному событию, чтобы почтить память известных лам или других религиозных деятелей.

Дискуссия

Располагая археологическими и архитектурными данными, вернемся к обсуждению вопросов исторического характера, поставленных выше.

Кажется очевидным, что западная центральная комната “Старого храма” могла быть построена на ранних стадиях “Восстановления”. Сама комната имеет все особенности небольшого и простого храма (lag.khang) – декоративную роспись, платформу в виде лотоса и, возможно, опоры для медальонов и статуй. Если это действительно так, то автор “mNga'ris rgyal.rab” совершенно правильно включил Пиян в список сооружений, возведенных в ходе строительной кампании 996 г. Неясно, однако, сколько остатков архитектурных деталей “Старого храма” принадлежит этому периоду и существует ли косвенное свидетельство, указывающее на то, что du.khang и другие небольшие помещения могли быть пристроены к lag.khang позже.

Исходя из письменных свидетельств “mNga'ris rgyal.rab”, lag.khang был выстроен в Пияне в 996 г. Согласно Витали [1996, p. 272], chos-sde (монашеская община) была основана в Пияне 30 годами позже. Если это верно, то большую часть того, что называется “Старым храмом”, нельзя датировать 996 г. Судя по строительным планам таких воздвигнутых в 996 г. храмов, как Табо [Klimburg-Salter, 1997, план 2], Тхолинг [Vitali, 1999, Pt. 5], а также других храмов в Центральной Азии конца X – начала XI в. [Chayet, 1994, p. 123 – 127], храмовые сооружения включали зал собраний (du.khang), галерею-проход (skor.lam) и святилище (dri.gtsang.khang). Комплекс в Пияне не имеет явной галереи-прохода, но у него есть вход в западной стене, и это требует объяснения. В ходе предварительного осмотра комплекса в 1997 г. было высказано предположение, что этот вход представляет собой один из концов прохода. Замечен также вход (более узкий) в стене к северу от центрального западного помещения (см. рис. 7). Таким образом, установлены две из трех составляющих прохода. Однако в 1999 г. после тщательного изучения архитектурных особенностей, детального картирования и создания реконструкции в выводы были внесены коррективы: северный т.н. вход – след отделения опоры от стены, реально никакого входа в этом месте не существовало. Не обнаружены следы стен или их фундаменты на линии, параллельной внешней западной стене западного центрального помещения. Следовательно, в Пияне не существовало галереи-прохода.

Наличие входа в южной части западной центральной комнаты, однако, остается необъясненным. Эта особенность, не типичная для буддийских храмов Тибета, заставляет думать, что архитектурный комплекс “Старый храм” не был единым сооружением, поскольку в его плане есть отступления от архитектурных канонов. Это, в свою очередь, предполагает, но не доказывает, что основная часть сооружения была возведена после 996 г. Попытки найти в грубой кирпичной кладке стен пригодный для радиоуглеродного исследования материал, к нашему удивлению, успеха не имели.

Требуется некоторых пояснений датировка платформы в виде лотоса. В том виде, в каком ее обнаружили, она не относится к 996 г. Взятый для анализа кирпич был из внешней кладки; возможно, он связан с позднейшей перестройкой существующей платформы. Тем не менее полученную дату можно считать доказательством более позднего, ближе к концу XII в., сооружения платформы с целью превратить чрезвычайно спартанский и простой lag.khang в святилище. Эти изменения объясняются все возрастающим в Западном Тибете статусом Пияна как в мирских, так и в религиозных делах. К сожалению, без письменных свидетельств в пользу такого предположения или без более полной археологической информации оценить важность данной гипотезы сложно.

Выводы

Итак, мы пришли к следующим выводам: западная центральная комната построена в 996 г. и, возможно, была первым lag.khang, сооруженным в Пияне. Через некоторое время здесь были достроены остальные части “Старого храма”, в комплекс которого вошел существующий lag.khang. Строительство могло быть закончено до 1023 г., но сегодня это невозможно доказать. Однако мы уверены, что к моменту появления lag.khang (996 г.) chos-sde еще не была основана.

Имеющиеся данные позволяют выдвинуть несколько версий развития памятника. Начнем с возведения в 996 г. lag.khang, который, кажется, был (в то время) единственным сооружением. Между 996 и 1023 г., если верить письменным источникам, появилась остальная часть “Старого храма”. Возможно, тогда же для защиты священной земли вдоль западной границы воздвигли стену – типичный элемент храмовых и монастырских комплексов. Следующий важный этап строительства связан с основанием в начале XV в. главного чортена, его платформы и по меньшей мере двух менее крупных чорتنенов. Чортены в юго-восточной части памятника, как и фундамент храма, который так и не был создан в восточной части плато, скорее всего, появились в XVI – XVII вв., завершив, таким образом, основную архитектурную композицию памятника.

Целью будущих исследований памятника должно стать уточнение датировок как можно большего количества сооружений, чтобы лучше понять последовательность их возведения. Необходимо также провести масштабное исследование жилой зоны монастырского комплекса. Основываясь на результатах датирования, можно предположить, что монахи Пияна, в отличие от представителей многих монастырских общин Западного Тибета, не проживали в пределах священной территории – на плато не обнаружены какие-либо домашние или кухонные остатки. Такие остатки могут быть найдены, вероятно, в комплексе пещер, расположенных к северу от плато. До сих пор не ясно, однако, кто проживал в этих пещерах – монахи или миряне.

Благодарности

Мы приносим особую благодарность за финансовую и моральную поддержку Томасу Притцкеру, а также декану Калифорнийского университета (Санта-Барбара) Эду Доннерштейну. Мы также признательны Хо Вэй и Ли Юнсянь (Сычуаньский объединенный университет) за их помощь, поддержку и консультации по вопросам истории и археологии Тибета. Все ошибки просим отнести за наш счет.

Список литературы

Хо Вэй, Ли Юнсянь. Краткий отчет об археологическом обследовании пещер в Дунга и Пиян, на плато Али (Тибет) // Вэньбу. – 1997. – № 9. – С. 6 – 22.

Chayet A. Art et Archéologie du Tibet. – P.: Picard, 1994.

Klimburg-Salter D. Tabo: A Lamp for the Kingdom. – L.: Thames and Hudson, 1997.

Petech L. Western Tibet: Historical Introduction // Tabo: A Lamp for the Kingdom. – L.: Thames and Hudson, 1997. – P. 229 – 256.

Shellgrove D., Skorupski T. The Cultural Heritage of Ladakh. – Warminster, 1980. – Vol. 2: Zangskar and the Cave Temples of Ladakh.

Tucci G. Rin-chen-bzan-po and the Renaissance of Buddhism in Tibet Around the Millenium // Indo-Tibetica / Ed. Lokesh Chandra. – New Delhi: Aditya Prakashan, 1988. – Vol. 2 (English version).

Vitali R. The Kingdoms of Guge Puhrang (Tho-lin dpal dpe med lhun gyis grub pa'i gtsug lag khan lo 1000 'khor ba'i rjes dran mdzad sgo'i go sgrig tshogs chun gis dpar skrun zus). – Dharamasala, 1996.

Vitali R. Records of Tholing; A Literary and Visual Reconstruction of the "Mother" Monastery in-Guge. – Dharamshala: Amnye Machen Institute, 1999.

Материал поступил в редколлегию 11.07.2000 г.

КУЛЬТ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (по полевым материалам)*

Старые культы рушатся с приходом новых религий, и лишь осколки сохраняются в виде пережитков, переосмысленных в духе возобладавшего вероучения [Религиозные верования, 1993, с. 114]. Вместе с тем эти пережитки оказываются жизнеспособнее целой религиозной системы. Так сложилось, что имена христианских святых в народной культуре связываются с древними календарными обычаями и обрядами, включены в обрядовый фольклор, стали составной частью примет и поверий. В этом отношении весьма показательно восприятие крестьянами ряда святых, память которых отмечалась православной церковью в течение года. Почитание христианских святых в традиционно-бытовой культуре восточнославянских народов изучено этнографами, краеведами, фольклористами, на наш взгляд, недостаточно, что объясняется, в частности, отсутствием соответствующих материалов в собраниях Архива Всесоюзного географического общества (г. Санкт-Петербург), Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области, Центра хранения архивного фонда Алтайского края и других архивов, а также сосредоточением внимания исследователей на более значимых народных праздниках – Рождестве, Масленице и пр. В обобщающих трудах, посвященных восточнославянскому календарю, Николиным дням отводится несколько строчек либо о них только упоминается, а в ряде этнографических работ этот вопрос не затронут вовсе [Соколова, 1979; Руднев, 1989, с. 116; Зеленин, 1991; Громыко, 1991, с. 370;

Русские, 1997, с. 633; Максимов, 1991, с. 107, 148; Бондаренко, 1998, с. 161; и др.]. Два Николиных дня – Николя “вешнего” (весеннего) и “зимнего” – были описаны одним из патриархов народоведения России С.В. Максимовым в 1903 г. по материалам “этнографического бюро” В.Н. Тенишева [Максимов, 1991, с. 107, 148]. По данным автора, эти праздники считались мужскими, поскольку на “Николу вешнего” (22 мая) деревенские парни первый раз выезжали в ночное, а в день “зимнего” (19 декабря) главы семейств делали в складчину веселую пирушку. К св. Николаю обращались с просьбами уберечь скот и урожай, поскольку он считался самым старшим и близким к Богу угодником. Автор вышедшего в 1913 г. “Сибирского народного календаря” А.А. Макаренко привел данные о приуроченности к “Николе вёшнему” сроков некоторых земледельческих работ (высадка рассады, окончание раннего сева яровых и т.д.) [1993, с. 61]. В.А. Руднев писал о святом как о “крестьянском божестве”, о котором на Украине в старину говорили: “Никола богом буде, як Бог умре”. Автор приводит в качестве доказательств деяний св. Николая народные сказания, основанные на известных сюжетах житийной литературы [Руднев, 1989, с. 117]. Анализируя народный календарь русских старообрядцев Забайкалья, этнограф Ф.Ф. Болонев пришел к выводу о распространенности здесь культа Николая (“хранителя обиженных и спасателя на воде”), не сопровождавшегося, однако, исполнением каких-либо обрядовых действий [1978, с. 79]. А. Невский высказал гипотезу о истоках популярности святого, увидев в нем заместителя связанного с плодородием славянского бога Рода, что доказать

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 00-01-00338.

весьма проблематично, так как его имя было забыто уже к XVI – XVII вв. [1972, с. 66].

Значимость Николая Угодника как одного из самых почитаемых святых подчеркивала исследовательница Л.А. Тульцева: “Никола Угодник – древний старец в белых одеждах, тихонько шествующий по дорогам святой Руси. Он – скорый помощник трудовому люду, ему подчиняются и силы природы” [Русские, 1997, с. 633]. В последние годы этнографические материалы, касающиеся культа св. Николая, дополнены новыми реалиями. Русские старожилы Тоболо-Иртышского региона связывали с “вешним Николой” обряд закликания весны, каковым являлось обращение к Христу с просьбой помочь Иртышу освободиться ото льда [Золотова, 2000, с. 53].

Несомненно, лучше обычаи и обряды, приуроченные ко дню св. Николая, изучены в европейской, особенно южно- и западнославянской традиции. В польских деревнях имела хождение легенда о том, что “Миколай” является защитником скота от волков, а также опекуном девушек на выданье и детей, спасателем утопающих; у чехов и поляков в его день выступали зооморфные и антропоморфные ряженые. У многих народов Европы день святого превратился в веселый детский праздник, связанный с обычаем делать подарки от его имени [Календарные обычаи..., 1973, с. 85, 206].

Вместе с тем полученные в Верхнем Приобье полевые этнографические данные свидетельствуют, что культ св. Николая в среде восточнославянского населения был распространен не только в конце XIX в., но и в первой трети XX в., да и позднее, а дни, посвященные памяти чудотворца, почитались и сопровождалась многими обычаями и обрядами. Еще на памяти современных пожилых людей бывшей Шубинской волости Бийского уезда (здесь и далее Томской губернии) крестьяне, как сибиряки, так и вновь прибывшие в начале XX в. российские переселенцы, совершали крестные ходы “на Миколу”. Приведем сообщение переселенки из Рязанской губернии Татьяны Ивановны Шадринной 1910 г.р.: “Весной на Миколу стаит снех, брали иконы и круг степе ходили. Мы по своей степе, чамровские по сваёй. Служили перед пасевом, брызгали святой вадой”. Из уст в уста здесь передавался рассказ о наказании за отказ от проведения крестных ходов крестьян будто бы одной из южнорусских губерний России: “Один год вроде показалось им, что пасмурно, грязно и не пойдем круг степе. Давайте, говорят, пойдем круг церкви, а в степь не пойдем. И напал снех два метра и два года лежал и не таял...” Подобные притчи свидетельствуют о страхе перед строгим святым, не терпящим нарушений установленных испокон веков законов. Белорусы верховьев р. Тары и ее притоков весенний праздник святителя Николая или, как его называли, Миколы отмечали особым ритуалом. С вос-

ходом солнца женщины и девушки уходили в березовую рощу и устраивали совместную трапезу, основным угощением которой была яичница. Приведем рассказ Прасковьи Ивановны Бондаревой 1923 г.р. из д. Колбасы на р. Чёке, родители которой приехали в Сибирь из Могилевской губернии в начале XX в.: “А на Миколу ходят в лес и кумятся девки. Придем в рощу, костер разведем. Сквородку на камни поставим. Под сквородку каких-нибудь прутиков насобираем и жарим яичню”. Пожилые женщины вспоминают, что в 1920 – 1930-х гг. к меню участниц коллективной трапезы добавились спиртные напитки. Ритуал напоминал известные троюлочные “кумления”, однако в отличие от последних здесь принимали участие не только девушки, но и женщины разного возраста [Фурсова, 2000, с. 114]. Заметим, что аналогичный обычай был зафиксирован Е.И. Лутовиновой в Чебулинском районе Кемеровской области [1998, с. 54].

К дням святого были приурочены также кое-где некоторые очистительно-предохранительные обряды. В алтайском с. Крутиха потомок старообрядцев (“двоеданов”) Моисей Данилович Ощепков 1920 г.р. вспоминал, что в ночь на “Николу зимнего” крестьяне открывали ставни и бросали на улицу “хлеб, пшено, чтобы не забывал дом, чтобы беды обходили стороной, чтобы домовый не проказничал...” По мнению информатора, так отводили беды, приносимые “Касьяном Кривым” (преп. Касияном).

В семейных иконостахах, полученных от предшествующих поколений и бытующих у населения в настоящее время, образа св. Николая занимают в количественном отношении второе место после Божьей Матери (рис. 1 – 5). Иногда в сельской местности встречаются изображения святого, выполненные местными мастерами-самоучками в стиле примитивизма (рис. 6). Экспедиционная практика показывает взаимозамещаемость образов Иисуса Христа и св. Николая, что обусловлено, по всей вероятности, незнанием христианской иконографии. Так, в с. Крутиха Пелагея Петровна Самодубцева 1910 г.р. Иисуса Христа на иконе принимала за Николу Чудотворца. О незнании православной догматики свидетельствует и используемая лексика. Например, крестьянка-старообрядка с. Бергуль (Северный р-н Новосибирской обл.) Евдокия Карповна Прокофьева 1914 г.р. жаловалась, что “ее мать отдала бога Николу внуку”, а она хотела бы взять обратно и что “всех богов” у нее “позабрали”; среди пожилых верующих ходят слухи о “высуживании своих богов у государства” отдельными лицами (соседями, знакомыми и пр.), иными словами, речь идет о возвращении в семьи отнятых при раскулачивании икон. Потомки белорусских переселенцев до сих пор молятся Миколе при любых жизненных обстоятельствах, как это видно из рассказа Х.С. Ермошкиной: “Сестре дали благословение,

Рис. 1. “Святой Николай Чудотворец”. Ковчег, левкас, темпера, сусальное золото. XIX в. 35,5 × 30,6 × 2,7 см.
Новосибирская область, старообрядцы.
В центре Николай Чудотворец с книгой, вверху слева
Иисус Христос, справа Божья Мать.

и сыну, и дочк'е – семь икон везли из России и все раздали. Мне достался Микола. Як помогал Микола? О, святой... святой...”

Среди многих образов русских христианских святых Николай Чудотворец выделяется своей “русской” внешностью (рис. 7 – 9). У него этнически русское лицо с небольшой волнистой бородкой и высоким, с залысинами, лбом, открытым взглядом. Может быть, именно особое отношение к этому святому как заступнику крестьян/христиан проявилось в сложении такого иконографического образа [Фурсова, Голомянов, 1998, с. 202]. Некоторые исследователи не случайно называли св. Николая крестьянским богом: он был будто бы ориентирован именно на основную, бедную в имущественном отношении массу крестьянства. Его слова передавались так: “Я не дам избранным богато жить! И бедно не дам! Господь на земле с бедными, а не с богатыми!” (с. Шубинка, Т.И. Шадрина 1910 г.р.). Ориентиром для крестьян служил также жест святого. Так, среди коренных сибиряков Венгеровского района Новосибирской области бытует мнение, что молиться необходимо так, как показывает Микола Милостивый, – двумя перстами. Причем подобные рассуждения мы услышали от крестьян официально-православного, а не старообрядческого, вероисповедания (согласно их идентификации) (с. Меньшиково, А.Н. Качесова (Шмакова) 1906 г.р.).

Рис. 2. Икона “Святой Николай Чудотворец”. Медь, литье. XVIII в. 11,4 × 9,6 × 0,3 см.
Новосибирская область, старообрядцы.
В центре “поясное изображение” Николая с книгой, слева
Иисус Христос, справа Божья Мать. По периметру
растительный орнамент.

Рис. 3. Складень трехстворчатый “Святой Николай Чудотворец”. Медь, литье. XVIII в. 9,0 × 10,2 × 0,3 см.
Вставлен в деревянную доску размером 22,6 × 16,7 × 2,3 см. Новосибирская область, старообрядцы.

Рис. 4. Иконостас моленной старообрядцев-поморцев (в центре икона св. Николая). Кемеровская область.

Рис. 5. Распятие, врезанное в деревянную доску вместе с иконами.

Вверху: справа – “Воскресение Христово”, XIX в.; медь, литье; эмаль стекловидная (голубого, синего, зеленого, желтого цвета); 6,2 × 5,4 × 0,5 см; слева – “Св. Мученик Уяр”, XIX в.; медь, литье; эмаль стекловидная (белого, голубого, синего, темно-синего и желтого цвета); 5,7 × 4,9 × 0,4 см; внизу: справа – “Неопалимая Купина”, XIX в.; медь, литье; эмаль стекловидная (белого, зеленого, голубого цвета); 6,3 × 5,2 × 0,5 см; слева – “Св. Николай”, XIX в.; медь, литье; эмаль стекловидная (голубого, синего, желтого, зеленого цвета); 6,7 × 5,4 × 0,4 см.

Согласно сообщениям информаторов, время праздников многих других святых определялось как “до Миколы” или “после Миколы”. Особая любовь к святителю проявилась в широко распространенной в Верхнем Приобье легенде, повествующей о том, почему его день отмечался в году дважды – весной и зимой. Популярный рассказ об этом может варьировать в отношении напарника св. Николая, которым является то св. Татьяна, то преподобный Касиян. Содержание его заключается в том, что будто бы шли когда-то по дороге св. Николай и св. Татьяна (вариант преп. Касиян) и увидели крестьянина, пытавшегося вытолкнуть из ямы застрявшую телегу; святой Николай подошел и помог крестьянину, а его спутница (спутник) нет, почему Господь и сказал: “*Так пусть же Николиных дня будет дважды в году, а Татьянинных только раз*” (день Касияна отмечается раз в четыре года).

Сопровождавшие Николины дни приметы показывали их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность (“*Каков день на Николу вешнего, таков и на Николу зимнего*”). Алтайские крестьяне примечали, какая погода выпадала на дни “Егория и Миколы”, потому что считалось, урожайным будет тот год, когда “*Микола с травой, а Егорий с водой*”. В степных и предгорных районах Алтая накануне праздника святого высевали арбузы и дыни. В украинских селах по р. Инье хорошим знаком и ориентиром было получение “на Миколу” всходов проса высотой с ложку (“*чтоб уже ложка проса було*”). Нами зафиксированы обычаи колоть скот под зимний праздник святого, например, в алтайских селах бывшего Бийского округа: “*Под Миколу завсегда колоть у кого лишняя скотина. В никольские морозы не портилось мясо...*” (с. Шубинка, Т.И. Шадрин 1910 г.р.).

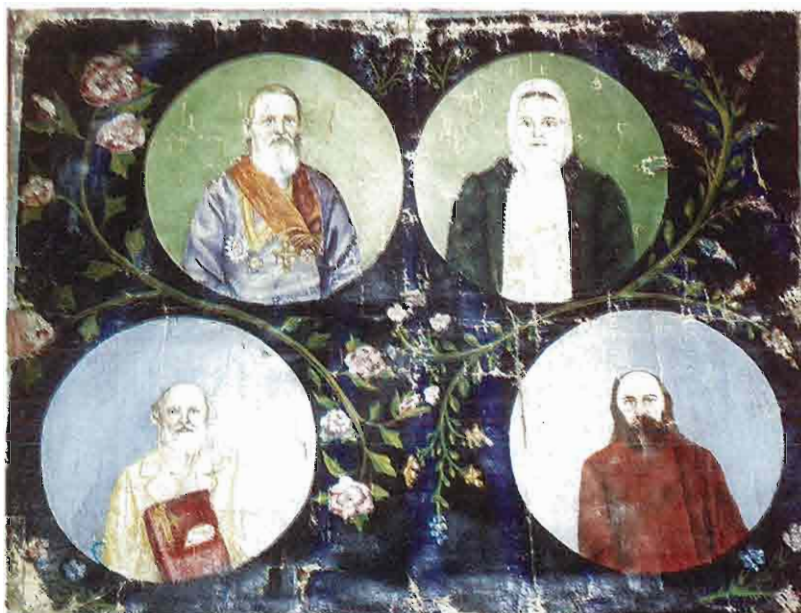

Рис. 6. Изображение святых: Иоанна Кронштадтского, Ксении Петербургской, св. Николая (?). Холст, масло. Новосибирская область.

Праздностью отмечали крестьяне Верхнего Приобья как “зимнего”, так и “вешнего Николу”. В эти дни не занимались сельскохозяйственной деятельностью, женщины не пряли. Однако праздники святого считались строгими и не сопровождались какими-либо гуляниями, за исключением тех случаев, когда они приурочивались к престольным. В представлении селян Николай не любил шумных плясок: *“Тут одне поплясали под Миколу и остались без ног. Миколу Чудотворного надо почитать. Он все чудеса творит”*.

Крестьяне всегда верили в творимые святым чудеса и в то, что Никола их охраняет; до сих пор бытуют неканонизированные молитвы (*“Господи, святой Микола, услышь мене, помоги мене...”*). От разных людей можно услышать о чудесах, совершаемых святым, и в наши дни. Жители одного из сел старообрядцев-беспоповцев (“двоеданов”) уверены, что святой помогал нескольким поколениям их предков. Духовная наставница “двоеданов” Гликерья Истефоровна Астафьева (1921 г.р.) припомнила подобный случай, рассказанный ее тетей: *“Стадо коров потеряли. Искали, искали – нигде не могли найти. Потом тетя говорит: “Дайте я на коня сяду, поеду. Ехала, ехала под горицу, туды. Гляжу стадо коров ходит, и старик их ведет. К стаду вышла, и старик потерялся”. Она стадо пригнала домой”*. В старике селяне увидели именно Николая Чудотворца. Характерно, что и самой Г.И. Астафьевой, по ее словам, святой оказывает помощь именно при поисках потерявшейся скотины, особенно лошадей: *“Вот наша лошадь убежала. Я молилась и плакала. Потом выглянула, смотрю: сын ведет ее. Ровно как*

Рис. 7. Деревянная скульптура св. Николая. Экспозиция Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Рис. 8. Икона “Св. Никола”. Медь, литье. XVIII в.
6,0 × 5,0 × 0,5 см. Новосибирская область, старообрядцы.
В центре Николай Чудотворец с книгой, вверху слева
Иисус Христос, справа Божья Мать.

Рис. 9. Две иконы из деревянного киота.
Слева “Св. Никола”. Медь, литье. XVIII в. 5,8 × 3,8 × 0,4 см.
Изображение Николая “поясное”, по периметру
геометрический орнамент, вверху образ Спаса
нерукотворного. Справа – икона с избранными святыми.
Медь, литье. XVIII в. 6,0 × 5,0 × 0,4 см.

кто-то подогнал”. Наставница считает, что такое внимание святого их семья заслужила, поскольку они искони относились к “христианам”, последователям истинной православной веры: “кто верует в Бога, тому дано увидеть многие чудеса” (в том числе совершаемые “Николаем – угодником людей”).

Св. Николай оберегал крестьян, как они полагали, от необдуманных, заранее греховных поступков. Так, сибирячка Надежда Изотовна Пономарева 1914 г.р. из д. Верх-Красноярки по р. Тартасу поведала нам о проявлении подобной заботы о крестьянах, “неведавших, что творят”. Крестьяне этой деревни хотели в воскресенье косить хлеб, но предварительно послали на поля одного юношу посмотреть, не приехали ли машины. Однако тот вернулся с удивительным рассказом: «Идет по дороге старичок, рукавицы шерстяные в руках. Поздоровались. Он спрашивает: “Далеко ли ты идешь?” Парень в ответ: “Иду дорогу смотреть. Вёдра стоят!” Тогда ему старичок будто бы и говорит: “Будут вёдра, уберете хлеб”. Когда парень вернулся и рассказал о своей встрече, сообща решили не работать в воскресный день. Вёдра стояли до тех пор, пока весь хлеб не убрали». Среди фиксируемых быличек значительное количество составляют рассказы о помощи св. Николая (иногда люди не вполне уверены, что это не Иисус Христос) при болезнях, травмах и пр. Еще во времена господства единоличного хозяйства, в 1920-х гг. бытовал следующий сюжет: «Катерина попала под сани. Кровь бежит

из ноги. Она лежит вниз головой. Вдруг около нее старичок: “Чё, хозяйюшка, болеешь? Пей ребячью мочу три раза в день по стопочке”. Рассказы времен Второй мировой войны выглядят еще правдоподобнее для слушателя: «Тут у одной племянник жил после войны. В войну, когда бомбили, у него убило мать. И он испугался, и у него начались припадки. Упадет, и вот у него это. А тут старичок шел из тайги, увидел: “Что у вас с парнем?” – “Да вот бомбили и он испугался...” Он говорит: “На Ивана Купала сходите до солнца и нарвите огоньков. Высушите их в тени и пусть как чай пьет, пьет и пьет. И как пить захочет тоже пьет”. И эта (болезнь. – Е.Ф.) бросила его. Он выучился, в город переехал...» (Колыванский р-н Новосибирской обл.). Подобные рассказы быстро распространялись и подкрепляли православную веру, создавали психологически комфортное состояние уверенности в том, что о тебе свыше проявляется забота в лице народного заступника св. Николая.

Множество сельских храмов и престольных (“сезжих”) праздников посвящалось Николаю Чудотворцу. Согласно нашим полевым материалам, на территории Новосибирской области престольные праздники на день святого приходились в селах Болотном, Ордынском, Нижняя Каменка (Ордынского р-на), Дубровине (Тогучинского р-на), Ирбизине (Краснозерского р-на), Ташара, Козлинка (Мошковского р-на), Ичкала (Северного р-на), Кундран, Новый Карапуз (Убинского р-на), Серёдине, Скала (Колыванского р-на) и др. [Фурсова,

1997, с. 176, 178]. В проведении застолья бытовал свой ритуал: тосты, здравницы звучали в определенной последовательности. Житель с. Крутиха М.А. Ощепков, потомок старообрядцев, припоминает увиденные в детстве картинки: «Приезжали на лошадях хороших, санных с коврами. Сами наряжены. За общим стол садятся. Первый тост за здоровье всех. Желал здоровья сват свату, брат брату. Далее тост за праздник – Николу зимнего. Пили за тятеньку, за мамоньку... Выпивали и за встречу: “За встречу, сват!” Обычно произносить здравницы начинал самый старший из присутствующих мужчин, как правило, хозяин. Выпивали круговую из одной стопки, начиная опять же с хозяина. А после застолья каждый гость воздавал благодарность, например, такой молитвой: “Спаси, Господи, хозяев. Дай им, Господи, доброго здоровья и душевного спасенья!”». Обычай требовал принимать всех гостей с неизменным радушием и привечать каждого входившего в дом.

Вновь полученные полевые этнографические материалы, относящиеся к первой трети XX в., свидетельствуют о сокрытых и еще недостаточно выявленных архаических пластах русской духовной культуры. Культ святителя и чудотворца Николая далеко перешагнул почитание святого, близкого к Богу угодника, он воспринимался как носитель благодати, которая могла быть ниспослана отдельной семье, каждому нуждающемуся человеку (выражалось в откровениях о лечении болезней, предупреждении греховных поступков со стороны неразумных людей, поисках потерявшегося скота и пр.). Николай Мирликийский, которому приписывались значительно более широкие функции, чем святому, в отличие от многих других святых не стал просто вехой крестьянского месяцеслова, в глазах крестьян он был чудотворцем – чудо творящим, т.е. творцом, созидателем, защитником. Связанные с днем святого обычаи и обряды носили как охранный (задабривание дарами, выполнение производственных запретов), так и продуцирующий (трапезы с яичницей, обходы полей) характер. В настоящее время в городской среде имеет место актуализация образа св. Николая как защитника людей и помощника во всех видах деятельности, в том числе коммерческой.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 159 с.

Бондаренко Э.О. Праздники христианской Руси. – Калининград: Кн. изд-во, 1998. – 416 с.

Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1991. – 511 с.

Золотова Т.Н. Локальные особенности и место в общерусской традиции календарных праздников русских Тоболо-Иртышского региона // Гум. науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 51 – 56.

Календарные обычаи и обряды зарубежной Европы: Зимние праздники. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Лутовинова Е.И. Народный календарь Кемеровской области. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. – 203 с.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – 167 с.

Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. – Кемерово: Кн. изд-во, 1991. – 351 с.

Невский А. Оттеснивший самого “Спаса” // Наука и религия. – 1972. – № 5. – С. 66.

Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1993. – 239 с.

Руднев В.А. Древо жизни: Об истоках народных и религиозных обрядов. – Л.: Лениздат, 1989. – 159 с.

Русские. – М.: Наука, 1997. – 828 с.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979. – 286 с.

Фурсова Е.Ф. Традиции проведения сельских престольных праздников в Приобье (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – С. 175 – 181.

Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов-переселенцев конца XIX – начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций) // Белорусы в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С. 102 – 124.

Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И. Предметы старообрядческого культа в частных собраниях юга Западной Сибири (литые иконы и кресты) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: БГПУ, 1998. – С. 202 – 203.

Материал поступил в редколлегию 07.05.2001 г.

СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ: ЯЗЫКОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ДАННЫЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Введение

Вопрос о характере соотношения данных различных исторических дисциплин (археологии, лингвистики, этнографии, антропологи и т.д.) – один из ключевых, имеющих огромное значение для понимания особенностей исторического процесса на той или иной территории. На сегодняшний день теоретическим императивом подхода к данной проблеме является признание большинством исследователей отсутствия обязательной корреляции между данными этих дисциплин вследствие различий в природе изучаемых ими явлений. Так, например, если языковые особенности той ли иной популяции определяются совокупностью различных исторических причин, имеющих, в конечном счете, социально-культурную основу, то антропологические характеристики зависят в первую очередь от действия законов биологической наследственности и эволюционной изменчивости. При этом степень соответствия результатов антропологических и лингвистических исследований в решающей мере зависит от того, насколько социальные закономерности влияют на эволюционный процесс и наоборот. Именно существование такого взаимодействия и обуславливает параллели, часто наблюдаемые при анализе данных различных исторических дисциплин. Поскольку и социально-культурные, и биологические процессы достаточно сложны и разноплановы, то и вопрос о харак-

тере их связи следует рассматривать каждый раз, исходя из анализа конкретной исторической ситуации.

Внутриантропологический аспект до сих пор не привлекал столь пристального внимания исследователей, как междисциплинарный. Однако только решение этого вопроса дает необходимый базис, в том числе и для междисциплинарных сопоставлений. Дело в том, что в рамках физической антропологии существует целый ряд морфологически независимых систем признаков, таких как краниометрия, краниоскопия, антропометрия и антропоскопия, одонтология, дерматоглифика, серология и т.д. И число их постоянно увеличивается. Результаты анализа данных по различным комплексам признаков обычно несколько отличаются, поскольку каждый из используемых признаков формировался в разное время и, следовательно, имеет собственную “историю” происхождения и эволюции. По этой же причине он отражает лишь часть интересующей исследователя истории той или иной популяции. Следует также отметить, что количество информативных признаков внутри каждой системы обычно невелико. Например, современная одонтологическая программа состоит из 11 – 12 основных признаков [Зубов, Халдеева, 1979], в дерматоглифике активно используется только шесть [Хить, 1983], после тщательного отбора значимых для популяционной дифференциации признаков краниоскопическая программа насчитывает также шесть характеристик [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992]. Несколько более обширна, но обычно все же не более 20 признаков, краниометрическая программа. Однако в этом случае многие измерения имеют значимые внутригрупповые корреляции, т.е. фактически число реальных направлений изменчивости существенно меньше, чем количество используемых признаков. Последнее справедливо и для антропометрии.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 01-01-00229а).

Автор приносит искреннюю благодарность А.Г. Козинцеву, оказавшему неоценимую помощь в процессе работы над рукописью, и В.И. Хартановичу, предоставившему свои неопубликованные материалы.

Таким образом, очевидно, что ни одна из отдельно взятых систем антропологических признаков не способна охватить все этапы биологической истории той или иной популяции. Существенно сгнелировать вышеуказанные трудности, на мой взгляд, можно за счет интеграции результатов анализов по возможно большему числу систем антропологических признаков. В этом случае мы получим более полную картину межпопуляционной дифференциации, чем при анализе лишь одной системы, а случайные колебания того или иного признака уже не будут так сильно влиять на общий результат.

Следует иметь в виду и другое обстоятельство, которое сказывается на полученных антропологами результатах, – численность выборки. Часто она недостаточна, и, следовательно, вероятность случайных факторов, оказывающих влияние на результат анализа, может быть велика. Думается, что и в этом случае интеграция данных различных систем способна существенно сгнелировать случайные колебания признаков.

Основная цель и задачи исследования

Основная цель исследования состоит в оценке уровня соответствия результатов анализа антропологических данных языковой классификации народов Северной Евразии. Для этого с помощью приемов современной многомерной статистики была осуществлена интеграция данных по четырем основным системам антропологических признаков – краниометрии, краниоскопии, одонтологической и дерматоглифической.

Программа и материалы

В краниометрическую программу входят 14 признаков, традиционно используемых отечественными исследователями: длина, ширина и высота черепной коробки, наименьшая ширина лба, скуловая ширина, верхняя высота лица, высота и ширина носа и орбиты, назомалирный и зигомаксиллярный углы, симотиеский индекс и угол выпячивания носовых костей (соответственно 1, 8, 17, 9, 45, 48, 52, 53, 55, 54, 77, zm , $SS:SC$, 75(1) по Мартину и др.).

Краниоскопическая программа включает шесть наиболее значимых для межгрупповой дифференциации признаков [Козинцев, 1988; Kozintsev, 1992]: затылочный индекс (ЗИ), клиновидно-верхнечелюстной (КВШ) и заднескуловой (ЗСШ) швы, подглазничный узор типа II (ПГУ II), индекс поперечного небного шва (ИПНШ) и надглазничные отверстия (НО).

В основе дерматоглифической программы шесть признаков, использованных для этнических исследований Г.Л. Хит [1983]: дельтовый индекс (DI_{10}), индекс Камминса (I_c), осевой проксимальный трирадиус (t), истинные узоры на гипотенаре (Ну), добавочные межпальцевые трирадиусы (ДТМ), узоры первой межпальцевой подушечки тенара (Th/1).

Из одонтологических признаков взяты десять, включенных А.А. Зубовым в основную одонтологическую программу [Зубов, Халдеева, 1989]. Это частота: лопатообразности передних верхних резцов ($shov(2+3)I^1$), редукции гипоконуса на втором верхнем моляре ($hug(3,3+)M^2$), бугорка Карабелли на первом верхнем моляре ($sara(2-5)M^1$), четырех- и шестибугорковых нижних первых моляров (M_{14} и M_{16}), четырехбугорковых вторых нижних моляров (M_{24}), дистального гребня тригонида (dtc), коленчатой складки метаконида (dw), дополнительного промежуточного бугорка ($tami$), варианта II впадения второй борозды метаконида ($2med(II)M_1$). Последние четыре признака фиксировались на первом нижнем моляре.

В результате сопоставления данных было сформировано 39 сборных серий с территории северной части Евразии. Использованные литературные источники приведены в табл. 1. Четырнадцать групп представляют уралоязычные популяции, одиннадцать – тюркоязычные, пять говорят на индоевропейских, четыре – на кавказских, три – на монгольских и две – на тунгусо-маньчжурских языках.

Методика анализа данных

Процедура анализа состояла из двух этапов. Сначала данные по каждой из систем анализировались отдельно. Для неметрических признаков использовался метод главных компонент, для метрических – канонический анализ [Дерябин, 1983]. Следует отметить, что полученные в результате вышеуказанных процедур главные компоненты (ГК) и канонические векторы (КВ) в сущности представляют собой новые признаки, основанные на межгрупповых корреляциях исходных признаков, а поскольку в отличие от последних они имеют уже одинаковую размерность, то появляется возможность для их дальнейшей интеграции [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999]. Для этого на основе значений данных векторов была посчитана матрица евклидовых расстояний, подвергнутая затем неметрическому многомерному шкалированию. Замечу, что результаты интеграции основываются исключительно на межсистемных корреляциях, поскольку исходные векторы внутри каждой из систем абсолютно независимы между собой, т.е. их взаимная корреляция равна нулю (табл. 2).

Полученные результаты

Поскольку результаты анализа каждой из отдельно взятых систем признаков неоднократно описаны в литературе различными исследователями, перейдем непосредственно к итогам их интеграции.

Из полученных ГК и КВ были взяты по несколько первых векторов, в сумме отражающих не менее 2/3, т.е. около 70%, общей изменчивости по каждой

Таблица 1. Литературные источники данных об использованных сериях

№ п/п	Группа	Краниометрия	Краниоскопия	Одونتология	Дерматоглифика
1	Финны	[Алексеев, 1974а]	[Kozintsev, 1992]	[Зубов, 1982]	[Хить, 1983]
2	Эстонцы	[Алексеев, 1969]	[То же]	[Гравэре, Зубов, Сарап, 1979]	[То же]
3	Карелы	[Хартанович, 1986]	»	[Халдеева, 1990]	»
4	Коми	[Хартанович, 1991]	»	[Аксянова, 1979]	»
5	Удмурты	[Алексеев, 1969]	[Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999]	[Рыкушина, 1987]	»
6	Мордва-эрзя	[То же]	[Kozintsev, 1992]	[Зубов, 1982]	»
7	Мари горные	»	[То же]	[Зубов, Халдеева, 1979]	»
8	Мари луговые	»	»	[То же]	»
9	Саамы	[Хартанович, 1980]	»	[Зубов, 1982]	»
10	Манси	[Дебец, 1951]	»	[Аксянова, 1979]	»
11	Ханты	[Дебец, 1951; Дремов, 1991б; Багашев, 1991]	[Моисеев, 1999]	[Аксянова, 1979; Дубов, 1987]	[Хить и др., 1996]
12	Селькупы	[Багашев, Дремов, Ким, 1998]	[То же]	[Дубов, 1987]	[Хить, 1983]
13	Ненцы	[Дебец, 1951]	[Kozintsev, 1992]	[Аксянова, 1979]	[То же]
14	Башкиры	[Акимов, 1968; Юсупов, 1989]	[Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999]	[Zoubov, Segeda, 1986]	»
15	Сибирские татары	[Дремов, 1990; Ким, 1990; Багашев, 1993]	[Моисеев, 1999]	[Зубов, Халдеева, 1989]	[Хить, 1990]
16	Чулымцы	[Дремов, 1991а]	[То же]	[Аксянова, 1991]	[Хить, 1983]
17	Шорцы	[Алексеев, 1960; Ким, 1987]	[Kozintsev, 1992; Моисеев, 1999]	[Халдеева, 1992]	[То же]
18	Тубалары	[Багашев, Дремов, Ким, 1998]	[Моисеев, 1999]	[То же]	»
19	Телеуты	[Ким, 1978]	[То же]	»	»
20	Сагайцы	[Алексеев, 1960]	»	[Халдеева, 1979]	»
21	Бельтыры	[То же]	»	[То же]	»
22	Казахи	[Исмагулов, 1970]	[Kozintsev, 1992]	[Бабаков и др., 1979]	»
23	Киргизы	[Миклашевская, 1959]	[То же]	[То же]	»
24	Тувинцы	[Дебец, 1951]	»	[Халдеева, 1984]	»
25	Монголы	[То же]	»	[Зубов, Золотарева, 1980]	»
26	Калмыки	»	»	[Зубов, Халдеева, 1989]	»
27	Буряты	»	»	[Халдеева, 1979]	»
28	Тунгусы	»	»	[Дубов, 1987]	»
29	Амурские группы	»	»	[Халдеева, 1979]	»
30	Русские	[Алексеев, 1969]	»	[Аксянова и др., 1979]	»
31	Латыши	[То же]	»	[Гравэре, Зубов, Сарап, 1979]	»
32	Литовцы	[Iesnys, 1986]	»	[То же]	»
33	Осетины	[Алексеев, 1974б]	»	[Кочиев, 1979]	»
34	Армяне	[То же]	»	[То же]	»
35	Адыгейцы	»	»	»	»
36	Абхазы	»	»	»	»
37	Чеченцы	»	»	»	»
38	Ингуши	»	»	»	»

из систем. Всего по три первых ГК для краниоскопии и дерматоглифики, три КВ для краниометрии и I, III – V ГК для одонтологической. Из дальнейшего анализа была исключена вторая одонтологическая ГК, поскольку около трети размаха ее изменчивости приходится на единственную серию – бурят, группу не проявляющую столь значительного своеобразия ни по одной из остальных систем антропологических признаков. Эта ГК определяется в основном двумя признаками – редукцией гипоконуса верхних моляров и дополнительным шестым буторком, взятыми в их обратном соотношении. Следует отметить, что данные признаки не обнаруживают четко выраженных градиентов изменчивости на территории Северной Евразии. В отношении редукции гипоконуса верхних моляров А.А. Зу-

бовым [1973] было высказано предположение, что это один из наиболее молодых таксономических признаков и он не имеет четкой связи с крупными группами популяций. Вышеуказанное обстоятельство, по-видимому, и нашло отражение в результатах анализа.

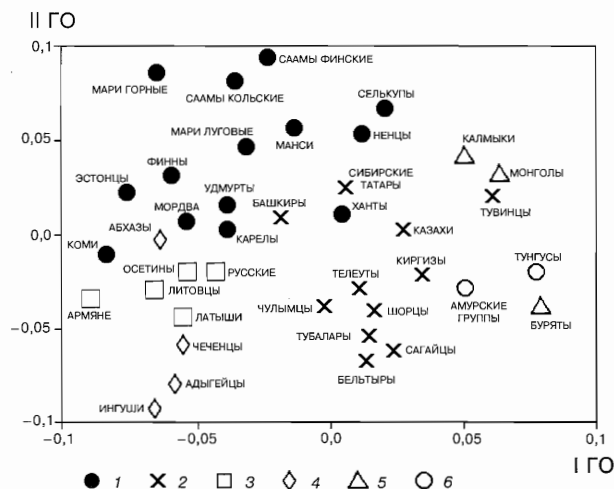
Расположение серий в пространстве двух главных осей (ГО) представлено на рисунке. Очевидно, что I ГО делит популяции по направлению запад – восток, II – по направлению север – юг. Однако географический принцип не является единственным фактором, прослеживающимся в распределении анализируемых серий.

Прежде всего обращает на себя внимание неожиданно высокий (по традиционным представлениям об антропологической дифференциации североазиатских популяций) уровень соответствия между

Таблица 2. Коэффициенты корреляций между исходными главными компонентами и каноническими векторами

		Краниометрия (КВ)			Краниоскопия (ГК)			Одونتология (ГК)				Дерматоглифика (ГК)		
		1	2	3	1	2	3	1	3	4	5	1	2	3
Краниометрия (КВ)	1	1,00												
	2	0,00	1,00											
	3	-0,00	-0,00	1,00										
Краниоскопия (ГК)	1	0,92	0,06	0,01	1,00									
	2	-0,04	0,58	-0,01	0,00	1,00								
	3	-0,00	-0,04	0,50	0,00	-0,00	1,00							
Одонтология (ГК)	1	0,88	0,17	-0,10	0,85	0,04	-0,02	1,00						
	3	-0,02	-0,01	-0,16	-0,06	-0,10	0,12	0,00	1,00					
	4	0,01	-0,26	-0,04	0,04	-0,04	-0,10	-0,00	-0,00	1,00				
	5	-0,16	-0,06	0,07	-0,06	-0,16	0,39	0,00	-0,00	-0,00	1,00			
Дерматоглифика (ГК)	1	-0,78	-0,03	0,05	-0,66	0,13	-0,03	-0,74	-0,10	-0,17	0,16	1,00		
	2	0,25	0,03	0,08	0,28	0,18	-0,30	0,18	-0,59	-0,03	-0,08	-0,00	1,00	
	3	-0,20	0,00	0,13	-0,20	-0,13	0,22	-0,07	0,03	-0,06	0,18	0,00	-0,00	1,00

антропологическими и лингвистическими данными. Практически все основные языковые группы занимают в пространстве двух главных осей вполне определенное положение, что говорит об их антропологической специфике. Проведенный анализ подтверждает полученные ранее результаты, основанные на интеграции двух систем антропологических признаков – краниоскопии и краниометрии, а именно, наличие единой антропологической основы большинства уральскоязычных популяций [Моисеев, 1999]. Сильно “выпадавшие” ранее из уральского круга популяций коми-зыряне и карелы в настоящем анализе заметно “подтягиваются” к уральскому полюсу, занимая промежуточное положение между другими уральскоязычными народами и индоевропейскими группами. Можно предположить, что общеуральская специфика, полностью сnivelированная в результате микроэволюционных и метисационных процессов в рамках одних систем, в той или иной мере сохранилась в других. Этот результат, как мне кажется, – еще один аргумент в пользу эффективности межсистемной интеграции. Выраженная “неуральская” тенденция ханты объясняется, по-видимому, высоким удельным весом в суммарной серии нижнеобских ханты – группы, сильно смешанной с ненцами. Последние же демонстрируют устойчивый сдвиг в сторону южносибирских и среднеазиатских тюркоязычных популяций, что еще раз подтверждает предположение об их южносибирском происхождении [Dremov, Kim, 1985].

Расположение групп в пространстве двух главных осей.

1 – уральскоязычные, 2 – тюркоязычные, 3 – индоевропейские, 4 – кавказские, 5 – монгольские, 6 – тунгусо-маньчжурские.

Одним из наиболее интересных результатов анализа является вполне определенная локализация в пространстве I и II ГО индоевропейских групп. Прежде всего, здесь обращает на себя внимание большее соответствие результатов анализа языковому, а не географическому фактору. Так, осетины и армяне оказываются антропологически более сходными с другими

индоевропейскими группами, чем с близкими им географически северокавказскими народами. В этом смысле полученные результаты противоречат выводу о том, что осетинские и армянские популяции сформировались на преимущественно местном, т.е. кавказском, антропологическом субстрате [Алексеев, 19746]. Вероятно, подобное несоответствие имеет, в конечном счете, также межсистемный характер, поскольку вывод о кавказских корнях вышеуказанных народов был сделан в основном на соматологических данных. Можно предположить, что причина столь значительного расхождения последних с интегрированными данными по краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифике состоит либо в несовпадении времени образования используемых в их рамках признаков (при этом есть основания полагать, что соматологические признаки эволюционно более молодые), либо в недостаточной специфичности индоевропейских популяций по используемому комплексу соматологических признаков.

Одним из немногочисленных исключений из “языкового” принципа группировки серий являются абхазы, которые демонстрируют существенное отклонение в северном направлении, оказываясь в результате более сходными с индоевропейскими народами, чем с другими северокавказскими группами, и в том числе со своими ближайшими языковыми родственниками – адыгейцами. К сожалению, немногочисленность кавказских групп не позволяет пока уверенно говорить об устойчивости такого сдвига.

Что касается тюркоязычных популяций, то их положение в пространстве главных осей также довольно показательное. Большинство из них занимают промежуточное положение между наиболее европейскими группами, с одной стороны, и восточносибирскими, а также центральноазиатскими – с другой. Наибольшую специфику при этом проявляют южносибирские серии, тогда как казахи, киргизы и в особенности тувинцы имеют выраженный сдвиг в сторону более монголоидных центральноазиатских популяций. Можно предполагать, что метисационные процессы с участием монголоидных и европеоидных групп – причем последние, как это следует из анализа, имели, видимо, по преимуществу южное происхождение – сыграли главную роль в формировании тюркоязычных популяций.

Проделанный анализ демонстрирует также определенную роль уралоязычных популяций в формировании некоторых тюркоязычных групп. Наиболее выраженный сдвиг в сторону уральцев имеют телеуты и сибирские татары. Имеющиеся этнографические данные позволяют говорить о существовании тесных этнических контактов сибирских татар с угро-самодийскими популяциями, а их некоторые этнотерриториальные группы в прошлом и сами говорили на уральских языках [Strahlenberg, 1730]. Вышесказан-

ное подтверждает мнение большинства антропологов, что ведущим фактором популяционной дифференциации на территории степной и лесостепной части Западной Сибири, а также и Южной Сибири была метисация. Однако, как мне кажется, было бы все же преждевременно полностью исключать возможность формирования хотя бы части тюркоязычных популяций (прежде всего это касается некоторых североалтайских и хакасских групп) на основе какого-то специфического антропологического субстрата. О наличии такой возможности свидетельствует существование на данной территории ряда древних групп, в частности носителей окуневской культуры, с весьма специфичным сочетанием антропологических признаков [Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999].

Немногочисленность тунгусо-маньчжурских и монголоязычных серий не позволяет делать какие-либо окончательные выводы об уровне их антропологической специфики. Несомненной является лишь наиболее высокая среди всех рассматриваемых групп степень их монголоидности.

В заключение хочется отметить, что продемонстрированные выше результаты говорят о перспективности интеграционного подхода к анализу антропологических данных для решения вопросов происхождения и этнической истории.

Список литературы

- Акимов М.С.** Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 120 с.
- Аксянова Г.А.** Ненцы, коми-зыряне, обские угры // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 93 – 113.
- Аксянова Г.А.** Антропологический состав чулымских тюрков: одонтология // Тюрки таежного Причумылья (популяция и этнос). – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – С. 200 – 209.
- Аксянова Г.А., Зубов А.А., Сегада С.П., Пескина М.Ю., Халдеева Н.И.** Русские // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 9 – 31.
- Алексеев В.П.** Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экспедиции. – М., 1960. – Т. 4. – С. 269 – 364.
- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В.П.** Краниологическая характеристика населения восточной Финноскандии // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974а. – С. 85 – 105.
- Алексеев В.П.** Происхождение народов Кавказа. – М.: Наука, 1974б. – 318 с.
- Бабаков О.Б., Дубова Н.А., Зубов А.А., Рыкушина Г.В., Ходжайов Т.К.** Народы Средней Азии и Казахстана // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 164 – 186.
- Багашев А.Н.** Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры (ханты и манси). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991. – С. 29 – 37.
- Багашев А.Н.** Этническая антропология тоболо-иртышских татар. – Новосибирск: Наука, 1993. – 152 с.

- Багашев А.Н., Дремов В.А., Ким А.Р.** Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998. – 352 с.
- Бунак В.В.** Антропологический тип черемис // Русский антропологический журнал. – 1924. – Т. 13, № 3 / 4. – С. 137 – 177.
- Гравэре Р.У., Зубов А.А., Сарап Г.Г.** Литовцы, латыши, эстонцы // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 68 – 92.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ АН СССР. – 1951. – Т. 17. – 264 с.
- Дерябин В.Е.** Многомерная биометрия для антропологов. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 227 с.
- Дремов В.А.** Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья. (I: Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск: ОГУ, 1990. – С. 52 – 72.
- Дремов В.А.** Антропологический состав чулымских тюрков XVI – XIX вв.: Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья: популяция и этнос. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991а. – С. 166 – 199.
- Дремов В.А.** Краниология среднеобских хантов // Обские угры (ханты и манси). – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991б. – С. 10 – 28.
- Дубов А.И.** Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // Полевые исследования Института этнографии за 1983 – 1984 гг. – М.: Наука, 1987. – С. 106 – 110.
- Зубов А.А.** Этническая одонтология. – М.: Наука, 1973. – 204 с.
- Зубов А.А.** Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник. – М.: Наука, 1982. – С. 134 – 148.
- Зубов А.А., Золотарева И.М.** Монголы в мировой систематике одонтологических типов // Вопр. антропологии. – 1980. – Вып. 64. – С. 69 – 87.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтологические исследования луговых и горных мари // Новые исследования в антропологии марийцев. – М.: Наука, 1979. – С. 65 – 74.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И.** Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука, 1989. – 232 с.
- Исмагулов О.** Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – 240 с.
- Ким А.Р.** Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 151 – 163.
- Ким А.Р.** Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 17 с.
- Ким А.Р.** Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 249 – 260.
- Козинцев А.Г.** Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. – Л.: Наука, 1988. – 168 с.
- Кочиев Р.С.** Закавказье и Северный Кавказ // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 114 – 140.
- Миклашевская Н.Н.** Краниология киргизов // Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 266 – 294.
- Моисеев В.Г.** Происхождение уралоязычных народов по краниологическим данным. – СПб.: Наука, 1999. – 133 с.
- Рыкушина Г.В.** Одонтологическая характеристика северных и центральных удмуртов // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов: УдНИИЯЛ УрО АН СССР, 1987. – С. 35 – 41.
- Халдеева Н.И.** Народы Сибири и Дальнего Востока: буряты, хакасы, Дальний Восток // Этническая одонтология СССР. – М.: Наука, 1979. – С. 187 – 211.
- Халдеева Н.И.** Одонтологический тип тувинцев и его положение в кругу популяций восточного одонтологического ствола // Антропозоологические исследования в Туве. – М.: Наука, 1984. – С. 195 – 208.
- Халдеева Н.И.** Генетические корни финно-угорских народов по данным одонтологии // Исследования по древней истории и этногенезу финноязычных народов. – Ижевск: УдНИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. – С. 19 – 39.
- Халдеева Н.И.** Уральская раса по данным одонтологии // Материалы к антропологии уральской расы. – Уфа: Башк. науч. центр УрО РАН, 1992. – С. 34 – 50.
- Хартанович В.И.** Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 35 – 47.
- Хартанович В.И.** Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 63 – 120.
- Хартанович В.И.** Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сб. МАЭ. – 1991. – Т. 44. – С. 108 – 126.
- Хартанович В.И.** Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 71 – 89.
- Хить Г.Л.** Дерматоглифика народов СССР. – М.: Наука, 1983. – 280 с.
- Хить Г.Л.** Антропологический состав и генетические связи сибирских татар по данным дерматоглифики // Антропология и историческая этнография Сибири. – Омск: ОГУ, 1990. – С. 14 – 34.
- Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г.** Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. – 1996. – Вып. 2. – С. 111 – 128.
- Юсупов Р.М.** Краниология башкир. – М.: Наука, 1989. – 200 с.
- Česnyš G.** On the craniology of the Balts // Ethno-genese europäischer Völker. – Stuttgart; N.Y.: Springer, 1986. – S. 349 – 361.
- Dremov V.A., Kim A.R.** Southern ties of the Ob Ugrians and Samodians according to craniological data // Шестой международный конгресс финно-угроведов: Тез. Этнография, археология, антропология. – Сыктывкар: Коми-филиал АН СССР, 1985. – Т. 4. – С. 185.
- Kozintsev A.G.** Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. – 1992. – Vol. 43. – P. 213 – 244.
- Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G.** Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age population of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108, N 2. – P. 193 – 204.
- Strahlenberg Ph.I.** Das nord- und ostliche Teil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.
- Zoubov A.A., Segeda S.P.** Dental morphology of the Bashkirs // Somatology and population genetics of the Bashkirs. Series A. – Helsinki, 1986. – Vol. 175. – P. 67 – 72.

Материал поступил в редколлегию 22.01.2001 г.

АГО – Архив Всесоюзного Географического общества
АГУ – Алтайский государственный университет
БПУ – Барнаульский педагогический университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории и литературы
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
ИОН БНЦ – Институт общественных наук Бурятского научного центра РАН
КГУ – Красноярский государственный университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
ТФ ГАТО – Тобольский филиал государственного архива Тюменской области
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт
ЯГУ – Якутский государственный университет
IsMEO - Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente